ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СГЮА

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 6 (167) • 2025

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.

Адрес редакции и издателя:
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
Тел.: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490.
Размещение в каталоге периодических изданий «Газеты и журналы», в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» — на сайте www.ural-press.ru

Цена свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

Главный редактор *В. В. Ныркова*
Редактор, корректор *О. В. Мерзлякова*
Верстка *Е. С. Сидоровой*

Подписано в печать 30.12.2025. Дата выхода в свет 19.03.2026. Формат 70 × 108 1/16.
Усл. печ. л. 26,7. Уч.-изд. л. 23,0. Тираж 950 экз. Заказ № 80.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.

© Саратовская государственная юридическая академия, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. В. Ныркov	кандидат юридических наук, доцент (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А. П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
С. Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М. Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
В. М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С. А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И. В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А. Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А. Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д. С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н. Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Д. Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
А. Н. Варыгин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н. Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А. Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н. И. Грачев	доктор юридических наук, профессор (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
А. А. Гришковец	доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права Российской академии наук)
Р. Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Т. В. Заметина	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А. В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова)
О. В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А. М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н. Н. Карпов доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

А. И. Клименко доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

Н. Н. Ковалева доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Г. Н. Комкова доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)

Н. С. Манова доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

А. В. Минбалеев доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)

П. Е. Морозов доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина)

Н. А. Подольный доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт – филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России))

Е. В. Покачалова доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

Б. Т. Разгильдиев доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

М. Б. Разгильдиева доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)

О. С. Рогачева доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)

О. М. Родионова доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина МГЮА))

А. Ю. Соколов доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

С. Ж. Соловых доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

Ю. В. Францифоров доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

В. С. Хижняк доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)

З. И. Цыбуленко доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук)

С. Е. Чаннов доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

Л. Г. Шапиро доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)

И. В. Шестерякова доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))

Б. С. Эбзеев доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV STATE LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL

ESTABLISHED IN JANUARY, 1995

PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

СГЮА

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 6 (167) • 2025

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published

The founder is the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy".
410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

The address of the editorial office and publisher
is 410056, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.
Federal State Budgetary Educational Institutionof Higher Education "Saratov State Law Academy".
Phone: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Distributed by subscription.
The subscription index is 46490.
Placement in the Catalog of periodicals "Newspapers and Magazines", in the electronic subscription catalog of GC "Ural-Press" — on the website www.ural-press.ru

The price is free.

The electronic version is available on the official website of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" at:
http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications
September 28, 2018 PI No. FS77-73750.

Chief Editor *V. V. Nyrkov*
Editor, proofreader *O. V. Merzlyakova*
Layout by *E. S. Sidorova*

Signed in print 30.12.2025. Date of publication 19.03.2026. Format 70 × 108 1/16.
Pr. sheet. 26,7. Ed. print. 23,0. The circulation is 950 copies. Order № 80.

Printed in the printing house of the publishing house Saratov State Law Academy.
410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

© Saratov State Law Academy, 2025

EDITORIAL BOARD

V. V. Nyrkov	Candidate of Law, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S. B. Anikin	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
A. P. Anisimov	Doctor of Law, Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S. F. Afanasiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. T. Ashirbekova	Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V. M. Baranov	Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs)
S. A. Belousov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Bit-Shabo	Doctor of Law, Associate Professor (Russian State University of Justice)
A. L. Blagodir	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University Higher School of Economics)
A. G. Blinov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
D. S. Boklan	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University Higher School of Economics)
N. L. Bondarenko	Doctor of Law, Professor ((International University 'MITSO' (Republic of Belarus)
D. K. Valeev	Doctor of Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
N. D. Vershilo	Doctor of Law, Professor (Russian State University of Justice)
A. Yu. Vinokurov	Doctor of Law, Professor ((University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
N. I. Grachev	Doctor of Law, Professor ((Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)
A. A. Grishkovets	Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)
R. S. Davletgildeev	Doctor of Law, Associate Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T. V. Zametina	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Ivanchin	Doctor of Law, Associate Professor (Demidov Yaroslavl State University)
O. V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A. M. Kaminsky	Doctor of Law, Professor (Udmurt State University)
N. N. Karpov	Doctor of Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
A. I. Klimenko	Doctor of Law, Professor (Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
N. N. Kovaleva	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University Higher School of Economics)
G. N. Komkova	Doctor of Law, Professor (Chernyshevsky Saratov National Research State University)
N. S. Manova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Minbaleev	Doctor of Law, Associate Professor (South Ural State University)
P. E. Morozov	Doctor of Law, Associate Professor (Kutafin Moscow State Law University)

N. A. Podolnyi	Doctor of Law, Associate Professor (Mid-Volga Institute — branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
E. V. Pokachalova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
B. T. Razgildiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. B. Razgildieva	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
O. S. Rogacheva	Doctor of Law, Associate Professor (Voronezh State University)
O. M. Rodionova	Doctor of Law, Professor (Kutafin Moscow State Law University)
A. Yu. Sokolov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy, Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)
S. Zh. Solovykh	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu. V. Frantsiforov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
V. S. Khizhnyak	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
Z. I. Tsybulenko	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S. E. Channov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
L. G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (Deputy Chief Editor) (Kutafin Moscow State Law University)
B. S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Central Election Commission of the Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

15 **Васильев А.А., Лядащева-Ильичева М.Н.**
Правовое регулирование имущественных прав монашествующих Православной греко-российской церкви (1649–1832). Часть 2

25 **Никитин А.А., Кондрашов Ю.А.**
Принципы правового прогнозирования

33 **Почекаев Р.Ю.**
Государство и право Монгольской империи и ее наследников в трудах С.В. Юшкова

43 **Туманов С.Н.**
К вопросу о нормативно-правовых основах реализации государством функции обороны страны в общетеоретическом ракурсе исследования. Часть 2

52 **Злобин А.В.**
История становления и развития делегированного правотворчества. Часть 1

57 **Лазарева О.В.**
Соотношение и взаимосвязь понятия «процедура» со смежными понятийными конструкциями юридической науки и законодательства

64 **Мун В.А.**
Особенности определения источников церковно-государственного права о браке и семье в России (XVIII – начало XX века)

71 **Ныркова В.В.**
Проблемы и перспективы системной организации понятийного аппарата юридических наук в контексте цифровизации права

79 **Сухова Н.И.**
Правовое регулирование отношений в сфере пробации: состояние и реализация на территории региона

88 **Чилькина К.В.**
Ревизия правовых принципов социального государства Германии в XXI веке

94 **Шмидт А.В.**
Специальный правовой статус в контексте принципа законности

101 **Дауд Р.Б.**
Общетеоретические вопросы рассмотрения феномена гражданства в субъективном смысле

108 **Дюженков Н.А.**
Имущественные иммунитеты в системе права

115 **Игнатьева А.В.**
Трансформация обхода закона в условиях цифровизации: потенциальные угрозы и пути нейтрализации

123 **Ярмак М.К.**
Особенности функциональной характеристики правового государства с точки зрения социоаксиологического подхода к праву

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

130 **Аникин С.Б., Мильшин Ю.Н.**
Вопросы теории и практики административной ответственности в трудах доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Севрюгина Виктора Егоровича (к 80-летию со дня рождения)

137 **Зайкова С.Н., Соколова А.А.**
Административная ответственность за неисполнение постановлений комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав: современное состояние и правовой прогноз

146 **Китрова Е.В., Гладун Д.А.**
К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования научной деятельности в Российской Федерации: проблемы дефиниций и правового статуса

152 **Пашенько С.Б.**
Некоторые вопросы ответственности судей за совершение дисциплинарного проступка

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

158 **Васильчикова Н.А., Кузбагарова В.А.**
Новеллы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о производстве в суде апелляционной инстанции

165 **Абросимова О.К., Ермолаева Т.А.**
Семейное право Древнего Рима как образец для интерпретации традиционных брачно-имущественных правоотношений в России

172 **Бахарева О.А., Вершинина Г.И.**
Использование переговоров в досудебном и судебном урегулировании споров по гражданским делам

180 **Колодуб Г.В.**
Инфраструктура железнодорожных перевозок как правовая категория: к вопросу о понятийных границах

190 **Сазанов С.В., Бородай А.Ю.**
Сравнительно-правовой анализ задач исполнительного производства в России, странах Европейского союза и Соединенных Штатах Америки

196 **Семенуха Т.Б., Голикова С.В.**
Трансформация института супружеской собственности: от совместной к долевой модели

204 **Яковлева А.П.**
Некоторые проблемные аспекты, связанные с выбором вида судопроизводства при защите субъективных публичных прав

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

212 **Григорьева Л.В.**
Уголовно-правовой институт освобождения от уголовного наказания в связи с болезнью: нормативные особенности

220 **Кобзева Е.В.**
Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и осужденным, имеющим малолетних детей, в свете правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации

226 Комягин Р.А.
Соотношение преступления и состава преступления: проблемы теоретического моделирования

233 Лапунин М.М.
Принятие Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности как юридический стимул совершенствования российского уголовного закона

241 Проводина Е.В.
Основа формирования механизмов уголовно-правового противодействия общественно опасным угрозам в условиях цифровизации

248 Рабаданов А.С.
Некоторые аспекты уголовно-правовых гарантий

КРИМИНАЛИСТИКА

257 Савельева М.В.
Жизненный путь и криминалистическое наследие профессора Д.П. Рассейкина

262 Славгородская О.А.
Криминалистическая теория или учение: к вопросу о криминалистическом изучении свидетеля

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

270 Текеев М.Ш.
Правовая природа принципов определения арендной платы за земельный участок

278 Панков Н.С.
Понятие «экологическая безопасность автомобильного транспорта» в праве: теоретико-методологический анализ

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

284 Осипов Р.А., Юданов Д.Д.
Субъекты оказания бесплатной юридической помощи как объект прокурорского надзора

291 Угланова О.А.
Публичная власть в условиях укрепления федеративных отношений в России

296 Николаев А.В.
Неопределенность международных актов мягкого права и их толкование на примере налоговых конвенций ОЭСР и ООН

ИНФОРМАЦИЯ

304 В диссертационных советах

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF THE STATE AND LAW

15 **Vasiliev A.A., Lyadashcheva-Ilyicheva M.N.**
Legal Regulation of Property Rights of Monastics of the Orthodox Greco-Russian Church (1649–1832). Part 2

26 **Nikitin A.A., Kondrashov Yu.A.**
Principles of Legal Forecasting

33 **Pochekaev R.Yu.**
State and Law of the Mongol Empire and Its Successors in the Works of S.V. Yushkov

43 **Tumanov S.N.**
On the Issue of the Regulatory and Legal Foundations of the State's Implementation of the Country's Defense Function in the General Theoretical Perspective of the Study. Part 2

52 **Zlobin A.V.**
The history of the formation and development of delegated lawmaking. Part 1

57 **Lazareva O.V.**
Correlation and Interrelation of the Concept of "Procedure" with Related Conceptual Constructions of Legal Science and Legislation

64 **Moon V.A.**
Peculiarities of Determining the Sources of Church-State Law on Marriage and Family in Russia (XVIII – Early XX Century)

71 **Nyrkov V.V.**
Problems and Prospects of the Systemic Organization of the Conceptual Apparatus of Legal Sciences in the Context of the Digitalization of Law

79 **Sukhova N.I.**
Legal Regulation of Relations in the Field of Probation: Status and Implementation in the Region

88 **Chilkina K.V.**
Revision of the Legal Principles of the German Social State in the 21st Century

94 **Schmidt A.V.**
Special Legal Status in the Context of the Principle of Legality

101 **Daud R.B.**
General theoretical issues of considering the phenomenon of citizenship in a subjective sense

108 **Dyuzhenkov N.A.**
Property immunities in the legal system

115 **Ignatieva A.V.**
The Transformation of Circumvention of Law in the Context of Digitalization: Potential Threats and Ways to Neutralize

123 **Yarmak M.K.**
Features of the Functional Characteristics of the Rule of Law from the Point of View of the Socio-Axiological Approach to Law

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

130 **Anikin S.B., Milshin Yu.N.**
Theory and Practice of Administrative Liability in the Works of Doctor of Law, Professor, and Honored Lawyer of the Russian Federation Viktor Yegorovich Sevryugin (on his 80th Birthday)

137 **Zaikova S.N., Sokolova A.A.**
Administrative Liability for Failure to Implement the Decrees of the Committee on Juvenile Affairs and Protection of their Rights: Contemporary Status and Legal Forecasts

146 **Kitrova E.V., Gladun D.A.**
On the Need to Improve the Legal Regulation of Scientific Activity in the Russian Federation: Problems of Definitions and Legal Status

152 **Pashenko S.B.**
Some Issues of the Liability of Judges for Disciplinary Offenses

CIVIL LAW AND PROCESS

158 **Vasilchikova N.A., Kuzbagarova V.A.**
Novels of the Civil Procedure Code of the Russian Federation on Proceedings in the Court of Appeal

165 **Abrosimova O.K., Ermolaeva T.A.**
Family Law of Ancient Rome as a Model for the Interpretation of Traditional Marital and Property Relations in Russia

172 **Bakhareva O.A., Vershinina G.I.**
The Use of Negotiations in Pre-trial Settlement of Disputes and Litigation in Civil Cases

180 **Kolodub G.V.**
Railway Transport Infrastructure as a Legal Category: On the Question of Conceptual Boundaries

190 **Sazanov S.V., Borodai A.Yu.**
Comparative Legal Analysis of the Tasks of Enforcement Proceedings in Russia, the European Union, and the United States of America

196 **Semenukha T.B., Golikova S.V.**
Transformation of Marital Property: From Joint to Shared Ownership

204 **Yakovleva A.P.**
Some Problematic Aspects Related to the Choice of Legal Proceedings for the Protection of Subjective Public Rights

CRIMINAL LAW

212 **Grigorieva L.V.**
The Criminal Law Institute of Exeption from Criminal Punishment Due to Illness: Normative Features

220 **Kobzeva E.V.**
Postponement of Serving Sentences for Pregnant Women and Convicts with Young Children in the Light of the Legal Positions of the Supreme Court of the Russian Federation

226 **Komyagin R.A.**
The Relationship between a Crime and a Corpus Delicti: Problems of Theoretical Modeling

233 Lapunin M.M.
Adoption of the United Nations Convention against Cybercrime as a Legal Incentive to Improve Russian Criminal Law

241 Provodina E.V.
The Basis for the Formation of Mechanisms for Criminal Law Counteraction to Socially Dangerous Threats in the Context of Digitalization

248 Rabadanov A.S.
Some Aspects of Criminal Law Guarantees

CRIMINALISTICS

257 Savelieva M.V.
The Life and Forensics Legacy of Professor D.P. Rasseikin

262 Slavgorodskaya O.A.
Forensic Theory or Doctrine: on the Issue of Forensic Study of a Witness

LAND AND ENVIRONMENTAL LAW

270 Tekeev M.Sh.
The Legal Nature of the Principles for Determining the Rent for a Land Plot

278 Pankov N.S.
The concept of "Environmental safety of motor transport" in law: theoretical and methodological analysis

OTHER BRANCHES OF LAW

284 Osipov R.A., Yudanov D.D.
Subjects of Free Legal Assistance as an Object of Prosecutorial Supervision

291 Uglanova O.A.
Public Authority in the Context of Strengthening Federal Relations in Russia

296 Nikolaev A.V.
The Uncertainty of International Soft Law Acts and Their Interpretation on the Example of OECD and UN Tax Conventions

INFORMATION

304 In Dissertation Councils

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-15-24
УДК 340; 348.031; 93/94

А.А. Васильев, М.Н. Лядащева-Ильичева

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ МОНАШЕСТВУЮЩИХ ПРАВОСЛАВНОЙ ГРЕКО-РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ (1649–1832). ЧАСТЬ 2

Введение: *государственная политика в области взаимоотношений церковной (духовной) и светской власти традиционно формировалась как в процессе централизации, так и децентрализации светской власти, этому способствовало духовно-нравственное и экономическое состояние общества в целом и его отдельных социальных групп (состояний) в частности.* ***Цель*** *— выявить особенности и динамику правового регулирования имущественных прав монашествующих Православной греко-российской церкви (1649–1832).* ***Методологическая основа:*** *комплексное исследование правового регулирования имущественных прав монашествующих Православной греко-российской церкви проведено на основе принципа историзма, междисциплинарного и системного подходов. Логический, аналитический, хронологический и формально-догматический методы позволили исследовать систему и содержание законодательных актов, регламентировавших имущественные права монашествующих Православной греко-российской церкви в Российском государстве.* ***Результаты:*** *выявлены характерные черты и динамика государственной политики в области регулирования имущественных отношений светской и духовной власти, монашествующих и монастырей Православной греко-российской церкви (1649–1832).* ***Выводы:*** *выявлены основные этапы развития узаконений, регламентировавших имущественные права монашествующих Православной греко-российской церкви с 1649 по 1832 г. Объем имущественных прав монашествующих устанавливался законами веры. Государственная власть определяла имущественные права монашествующих на территории России с целью поддержания баланса между субъектами правоотношений.*

Ключевые слова: *государственная политика, защита имущественных прав, правовой статус монашествующих, Свод законов о состояниях, Свод законов Российской империи.*

© Васильев Андрей Анатольевич, 2025
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: andrey-231@mail.ru
© Лядащева-Ильичева Марина Николаевна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ljad-il@yandex.ru
© Vasiliev Andrey Anatolyevich, 2025
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)
© Lyadashcheva-Ilyicheva Marina Nikolaevna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

A.A. Vasiliev, M.N. Lyadashcheva-Ilyicheva

LEGAL REGULATION OF PROPERTY RIGHTS OF MONASTICS OF THE ORTHODOX GRECO-RUSSIAN CHURCH (1649–1832). PART 2

Background: *the state policy regarding the relationship between ecclesiastical (spiritual) and secular authority traditionally developed both through the processes of centralization and decentralization of secular power. This was influenced by the spiritual-moral and economic condition of society as a whole and of its individual social groups (estates) in particular.* ***Objective*** *— to identify the characteristics and dynamics of the legal regulation of property rights of the monastics of the Orthodox Greco-Russian Church (1649–1832).* ***Methodology:*** *a comprehensive study of the legal regulation of the property rights of the monastics of the Orthodox Greco-Russian Church was based on the principle of historicism, interdisciplinary and systemic approaches. Logical, analytical, chronological, and formal-dogmatic methods made it possible to examine the system and content of legislative acts regulating the property rights of the monastics of the Orthodox Greco-Russian Church in the Russian state.* ***Results:*** *the characteristic features and dynamics of state policy in the regulation of property relations between secular and spiritual authorities, monastics, and monasteries of the Orthodox Greco-Russian Church (1649–1832) were identified.* ***Conclusions:*** *the main stages of the development of legislation regulating the property rights of the monastics of the Orthodox Greco-Russian Church from 1649 to 1832 were identified. The scope of the property rights of the monastics was established by the laws of faith. The state authority determined the property rights of monastics within the territory of Russia in order to maintain a balance between the parties in legal relations.*

Keywords: *state policy, protection of property rights, legal status of monastics, Digest of Laws on Estates, Digest of Laws of the Russian Empire.*

Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 6 (167) • 2025

В научной литературе часто анализируются политические и историко-правовые основания секуляризации земель, принадлежавших монастырям Православной греко-российской церкви. Так, историки особое внимание уделяют политике секуляризации земель Православной греко-российской церкви [1–6], а историки права проводят комплексные исследования правового регулирования процесса секуляризации земель, принадлежавших Православной греко-российской церкви [7–8].

В рамках историко-правового исследования внимание привлекают работы в области истории русского церковного права второй половины XIX – начала XX в. Исследователи истории и догмы русского церковного права посвящали труды проблеме соотношения Церкви и государства, изменениям церковного строя [9], вопросу о церковных имениях [10], о происхождении имущественного права Русской церкви, о направлении и характере законодательства о содержании монастырей, «о непрямых назначениях доходов от бывших церковных имениях» [11–12]. С разрешения обер-прокурора Н.А. Любинецкий опубликовал статистические данные по землевладениям монастырей Российской империи [13].

Исследование темы правового регулирования имущественных прав монашествующих потребовало обратить внимание на работы И.К. Смолича: о проблеме периодизации истории русской церкви [14], о русском монашестве (монография, в которой им проанализированы «правовые документы, являющиеся источниками по истории монастырских вотчин», разграничена эпоха секуляризации (1701–1764), рассмотрена политика Петра Великого в отношении монашества,

«меры правительства в отношении монастырей, монастырских властей и монашества» с 1764 г.) [15].

Законодательные акты, закреплявшие имущественные права духовных властей, монашествующих и монастырей, были систематически изложены в Своде законов о состояниях (т. 9 Свода законов Российской империи 1832 г.). Общеизвестно, что основу раздела о духовенстве составили отдельные законоположения из Уложения 1649 г., узаконений Державной власти XVIII – первой трети XIX в.

Екатерина Великая в управлении государством руководствовалась двумя принципами — преемственностью и консолидацией социально-политических сил для реализации каких-либо проектов, что в полной мере проявилось в политике в отношении духовных властей, монашествующих и монастырей. Екатерина II придерживалась правового опыта, накопленного с 1649 г. и до ее восшествия на российский престол, стремилась совместить идеи преемственности и консолидации в решении вопросов управления и контроля над монастырским имуществом, распределения доходов и расходов монастырей, поэтому прикладывала усилия в организации совместного управления с духовными властями и монашествующими.

29 ноября 1762 г.[1] в связи с неудачами в реализации предыдущих распоряжений, призванных обеспечить материальный достаток духовных мест, при императорском дворе была учреждена Духовная комиссия, в составе которой совместно заседали духовные и светские персоны. Они должны были описать все имения духовные, учредить штаты епархиям и монастырям, расписать все расходы от имений для содержания духовных мест.

В Инструкции 1763 г. было указано об учреждении Главной духовных имений Экономической коллегии, которая должна контролировать доходы и расходы Архиерейских домов и монастырских деревень Российского государства[2].

В 1763 г. императрица поставила цель расширить славу Церкви Святой, утвердить в ней православие и восстановить все богоугодные дела своих предков, содержащихся от духовных имений. Духовные места (церковные приходы и монастыри) призваны были бедным «посвятить имения церкви Святой»[3].

Синоду в качестве попечения было определено содержание церквей Божьих соборных, строений в Архиерейских домах и монастырях, заведений больших Епархиальных и малых монастырских училищ, богадельных домов, клира, служителей церкви и т.д. Коллегия экономии по штатам духовных мест выдавала определенную сумму, контролируя доходы и расходы духовных мест (п. 6).

Архиереи, архимандриты и игумены имели в своем полном правлении те деревни, которые были отданы им на их собственное довольство и экономию для содержания их домов и монастырей (п. 7)[4].

Коллегия экономии своей властью управляла всеми духовными вотчинами, которые не отданы властям в их правление, содержала штаты Архиерейских домов, монастырей и других духовных мест, собирала со всех деревень под свое

[1] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 16. 28 июня 1762–1764. № 11716. Инструкция, данная Комиссии о церковных имениях. 29 ноября 1762 г.

[2] См.: Там же. № 11844. Инструкция высочайше учрежденной Коллегии экономии духовных имений. 6 июня 1763 г. С. 273.

[3] См.: Там же. С. 272–273.

[4] См.: Там же. С. 274.

ведомство денежные и хлебные сборы по окладам, сохраняла штаты больших училищ по епархиям и малых по монастырям, обеспечивала учрежденные инвалидные дома, а соляные варницы, рыбные ловли, выгонные и сенокосные места, которые крестьянам не отданы, мельницы, заводы скотские, овчарные, конские, пчелиные и прочие заводить и обращать в пользу государственной власти. Прибыль от указанных заведений планировалось направлять на богоугодные дела. После умерших архиереев, архимандритов, игуменов и прочих духовных монашествующих предписывалось собирать под свое ведомство оставшееся движимое имущество, по силе этого указа и по своему рассуждению вещи продавать с публичного торга, собирать под свое смотрение деньги и серебро, которые могли расходоваться только на богоугодные дела: обновление церквей или пристойную милостыню бедным (п. 9)[1].

В реализации совместного управления государство искало решение нескольких задач в условиях перехода к капиталистической общественно-экономической формации. Во-первых, необходимо было найти баланс в подходе к хозяйственной деятельности Церкви. Очевиден ее особый статус в жизнедеятельности общества, вместе с тем экономические интересы требовали учитывать в государственных налоговых реестрах имущество и доходы церкви и монастырей. Во-вторых, государство возлагало на Церковь значительную долю социальных обязательств (помощь неимущим, учреждение и содержание богаделен и т.п.). А эта деятельность требовала более широких имущественных прав для Церкви. В-третьих, предназначение Церкви — духовное совершенствование личности, нравственное здоровье общества и отстраненность от материальных задач накопительства, получения прибыли и др. Однако логика хозяйствования, стремление к приумножению средств погружали в материальную систему координат духовенство и монашествующих. Государство, имея эту дилемму, не могло определиться, каким должно быть соотношение духовного и материального в жизни Церкви и как его закрепить законодательно.

Так, Государственный совет в 1828 г. разъяснил, что нижним монашествующим чинам было запрещено завещать свое имение, а оставшееся после их смерти имущество передавалось в казну монастыря. Император Николай I своей резолюцией подтвердил, что на основании Высочайшего манифеста 1786 г. (ст. 19)[2] всем подданным, в том числе монашествующим, дозволено вносить в Банк свои капиталы[3].

С 1764 г. в связи с необходимостью решить вопрос о распределении духовных имений на дела богоугодные был введен сбор по полтора рубля с архиерейских, монастырских и других церковных крестьян вместо работ, пашен и разных окладов хлебом. В именном указе уточнялось, что еще Указом Петра I от 31 января 1701 г. предписывалось обратить все недвижимые духовные имения на душеспасительную пользу, а затем и его преемники на российском престоле стреми-

[1] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 16. 28 июня 1762–1764. № 11844. Инструкция высочайше учрежденной Коллегии экономии духовных имений. 6 июня 1763 г. С. 275–276.

[2] См.: Там же. Т. 22. 1784–1788. Манифест. Об учреждении Государственного Заемного банка. 28 июня 1786 г.

[3] См.: ПСЗ РИ-2. Т. 3. 1828. № 2382. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О поступании по вкладам монашествующих лиц в Государственный Заемный банк на основании Манифеста 1786 г. 27 октября 1828 г. П. 1–2. С. 949–950.

лись контролировать и перераспределять хлеб, полученный от деятельности духовных имений, в пользу нищих, сирот и монахов, а также духовных училищ[1].

По поручению Екатерины II Духовная Комиссия провела ревизию всех архиерейских, монастырских и церковных крестьян. По результатам ревизии стало очевидно, что большое число духовных деревень управлялось часто изменяющимися властями, что приносило домам Архиерейским и монастырям значительные тягости. В связи с неравными доходами монастырей в различных епархиях императрица учредила Коллегию экономии и передала в ее ведение и управление все духовные вотчины со всеми казенными в них наличностями[2].

Архиерейские дома и монастыри, имевшие за собой вотчины, были разделены на три класса. Они снабжались от Коллегии экономии годовым денежным доходом. В качестве цели реформы было названо освобождение церкви от «хлопот и трудностей». Стремясь защитить выгоды Архиерейских домов, по близости от них определялись загородные дворы, рыбные ловли и земли для сена и пастбищ[3].

Монастыри и пустыни, маловотчинные или не имевшие вотчин либо средств для их содержания, предписывалось упразднить или перевести в другие монастыри. Этот вопрос оставался в ведение Священного Синода и епархиальных архиереев (ст. 10)[4].

Именным указом 1786 г. Екатерина II упразднила Коллегию экономии. Все крепости и дела предписывалось передать в государственный архив. Передача документов должна была состояться до 1 января 1788 г.[5]

Во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. законодатель уделял внимание вопросам согласования деятельности губернских правлений и духовных властей, материального положения духовных властей и монашествующих, разграничения и защиты их имущественных прав[6].

В 1835 г. уточнялось, что духовным властям дозволялось делать завещания об их движимом имуществе, кроме вещей, к ризницам их принадлежащих, в пользу родственников и посторонних лиц или на богоугодные дела. Если представитель духовной власти в случае его смерти не оставил законного завещания, то его имущество передавалось в монастырское ведомство (ст. 191)[7].

Это законоположение сформулировано из духовного регламента и указа, данного Коллегии экономии в 1766 г. Духовные недвижимые имения, которыми они

[1] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 16. 28 июня 1762–1764. № 12060. Именной, данный Сенату. О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек. С приложением манифеста о подведомстве всех архиерейских и монастырских крестьян Коллегии экономии и штатов по духовной части. 26 февраля 1764 г. С. 549–550.

[2] См.: Там же. С. 551.

[3] См.: Там же. С. 552.

[4] См.: Там же. С. 558.

[5] См.: Там же. Т. 22. 1784–1788. № 16399. Именной, данный Сенату. Об управлении Коллегии экономии. 2 июня 1786 г.

[6] См.: Там же. Т. 17. 1765–1766. № 12570. Инструкция землемерам, к генеральному всей Империи земель размежеванию. 13 февраля 1766 г.; Т. 25. 1798–1799. № 18590. Сенатский. Об отводе к Архиерейским домам и монастырям земель, мельниц, рыбных ловель и разных угодий. 19 июля 1798 г.; Т. 39. 1824. № 29942. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. О наделение казенных крестьян, Архиерейских домов и монастырей землями по представлениям Министерства финансов. 4 июня 1824 г.

[7] См.: СЗ РИ. Т. 9: Свод законов о состояниях. СПб., 1835.

сами до сих пор управляли, перешли под управление Коллегии, а архиереям, архимандритам, игуменам и прочим властям определили содержание от тех духовных имений. Екатерина II сделала представителей монашеских властей и их родственников беспредельными собственниками их имения (денег, золота, серебра и других вещей, принадлежавших их ризницам). Они имели право предавать Церкви или по завещанию в пользу «сродников, свойственников и ближних своих» либо употребить его на богоугодное дело. Если завещания не было, то Коллегия распоряжалась их имуществом в соответствии с последними о таковых имениях указами[1].

В 1835 г. было подтверждено положение о том, что монастыри и Архиерейские дома имели право обладания на отводимые от казны загородные дворы, рыбные ловли, земли и другие угодья (ст. 218). Законом не запрещалось ненужные для собственного их употребления земли и угодья отдавать в наем, но только при условии — не учреждать на них торговые заведения (ст. 219)[2]. Это законоположение создано на основе узаконения Петра I[3] и разъяснений Сената 1831 г.[4]

Монастыри и Архиерейские дома не могли требовать перемен отведенных им единожды от казны дачи (ст. 220)[5]. Им не запрещалось приобретать в собственность всякого рода ненаселенные недвижимые имения либо посредством покупки, либо завещаний частных лиц; подобное приобретение утверждалось за ними совершением узаконенных крепостных актов не иначе, как по Высочайшему соизволению, но через Священный Синод (ст. 221)[6]. Данное положение было создано на основе ряда узаконений начала XIX в.[7]

Контракты заключались консисториями она 20 лет, но Сенатским указом 1824 г. уточнялось, что казенные оброчные статьи дозволено было отдавать на 12 лет[8]. К 1835 г. подворьям Архиерейских домов, не причисленным к казен-

[1] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 17. 1765–1766. № 12577. Именной, данный Коллегии экономии. О дозволении архиереям, игуменам и прочим монашествующим располагать при жизни своей имением в пользу сродников, свойственников и ближних своих. 20 февраля 1766 г.

[2] См.: СЗ РИ. Т. 9: Свод законов о состояниях. СПб., 1835.

[3] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 4. 1700–1712. № 1839. Именной. О непокупке в доме Патриаршие поместных и вотчинных земель, о воспрещении духовным властям и монастырям меняться землями с помещиками; об отдаче на откуп оброчных статей в вотчинах Патриарших, Архиерейских и Монастырских; о строении каменных зданий в монастырях; о назначении для управления в монастырских вотчин, вместо посельских старцев, приказчиков; о непозволении грекам, армянам и индийцам жить по найму в монастырях; о ведомстве печатного двора в Монастырском приказе и о монастырской прислуге. 11 марта 1701 г.

[4] См.: Там же. Т. 8. 1728–1732. № 5743. Сенатский. О непродаже в розницу волжского вина грекам, живущим в Никольском монастыре в Москве, и о подтверждении архимандритам Московским монастырей, чтобы они ни сей и никакой другой торговли в монастырях не допускали. 8 апреля 1731 г.

[5] См.: Там же. Т. 26. 1800–1801. № 19370. Сенатский. О воспрещении менять отведенные Архиерейским домам и монастырям земли, земли и рыбные ловли. 5 апреля 1800 г.; СЗ РИ. Т. 9: Свод законов о состояниях. СПб., 1835.

[6] См.: СЗ РИ. Т. 9: Свод законов о состояниях. СПб., 1835.

[7] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 31. № 24246. Именной, объявленный Сенату министром юстиции. О дозволении монастырям приобретать недвижимые имения с Высочайшего соизволения. 29 мая 1810 г.; Т. 36. 1819. № 27622. Высочайше утвержденное положение Комитета министров. О несовершении крепостных актов на приобретаемые монастырями и церквями недвижимые имения без Высочайшего соизволения. 4 января 1819 г.; Т. 6. 1831. Ч. 1. № 4348. Синодский, по Высочайшему повелению. О предоставлении в Синод планов на земли, дома и угодья, жертвуемые в пользу монастырей и церквей. 13 февраля 1831 г.

[8] См.: Там же. Т. 39. 1824. № 29974. Сенатский, по Высочайшему утвержденному мнению Государственного совета. О заключении контрактов на арендное содержание Архиерейских подворьев не далее, как на 12 лет. 30 июня 1824 г.

ным оброчным статьям, можно было состоять в полном распоряжении архиерея, но отдавать их в аренду сроком более чем на 20 лет запрещалось (ст. 224)[1].

Монашествующие не могли приобретать никакого недвижимого имения, а также крепостных людей с землею или без земли, ни по договорам, ни по наследству (ст. 183)[2]. В основу этой статьи были взяты положения, изданные в 1701 г.[3], а затем в 1812 г., где содержались ссылки на Уложение (п.п. 42–44 гл. 17) и Духовный регламент (ст. 13)[4].

Вступая в монашество, лицо обязано было до пострижения передать свое имущество, в том числе родовое имение, законным наследникам. В отсутствие такого распоряжения правительство безвозмездно передавало свое имущество законным наследникам (ст. 184)[5]. Это положение было закреплено в ст. 43 гл. 17 Уложения[6], а также узаконениями 1754 г.[7] и 1829 г.[8]

Поступающий в монашество отрекался от имущества своего единожды и навсегда (ст. 185)[9]. Эта статья Свода законов основана на положениях закона о монастырях, изложенных 14 декабря 1722 г. в приложении к Духовному регламенту (ст. 61), Синодских указах 1796 г.[10] и 1814 г.[11], в которых уточнялось, что все дела о неправильных притязаниях к недвижимым Церковным имениям рассматривались на основании Именного указа от 17 ноября 1810 г. и соответствующего мнения Государственного совета 1823 г.[12]

Подобное запрещение распространялось на все способы приобретения населенных имений и крепостных людей, поэтому они не могли покупать таковые имения, брать их в вечный поминок или принимать в дар (ст. 225)[13]. Это положение также берет начало от статей Уложения 1649 г.[14]

---

[1] См.: СЗ РИ. Т. 9: Свод законов о состояниях. СПб., 1835.

[2] См.: Там же.

[3] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 4. 1700–1712. № 1886. Именной, объявленный боярином Мусиным-Пушкиным Монастырскому приказу. О выдаче монахам денежного и хлебного жалования по единообразному окладу; о сборе доходов с монастырских вотчин в Монастырский приказ, об оставлении в монастырях токмо нужного числа служак и об употреблении остаточных монастырских доходов на содержание бедных монастырей и богаделен. 30 декабря 1701 г. С. 181.

[4] См.: Там же. Т. 32. 1812–1814. № 25162. Сенатский, по высочайше утвержденному мнению Государственного совета. Об устранении монашествующих по пострижении их от права на наследство и на приобретение недвижимых имений. 24 июня 1812 г. С. 375.

[5] См.: СЗ РИ. Т. 9: Свод законов о состояниях. СПб., 1835.

[6] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 1. № 1. Соборное уложение 1649 г.

[7] См.: Там же. Т. 14. 1754–1757. № 10237. Инструкция межевикам. 13 мая 1754 г. Гл. 30, п. 1.

[8] См.: ПСЗ РИ-2. Т. 4. 1829. № 2647. Синодский, с прописанием Высочайше утвержденного положения Синода. Об отдаче наследникам Всемилостивейше жалованных панагий и крестов, драгоценными камнями украшенных, по смерти тех духовных лиц, кому принадлежали. Январь 1829 г.

[9] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 38. 1822–1823. № 29413. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. О дозволении слагающим монашеское звание избирать род жизни, не возвращая им ни прежних чинов и отличий, ни имения их. 10 апреля 1823 г.

[10] См.: Там же. Т. 23. 1789 – 6 ноября 1796. № 17488. Синодский. Об оставлении в неприкосновенной собственности монастырей, построенных при них келий и других зданий частным иждивением монашествующих и мирских лиц. 16 июля 1796 г.

[11] См.: Там же. Т. 32. 1812–1814. № 25709. Синодский. Об учреждении в Тифлисе Грузино-Имеретинской Святейшего Синода Конторы и Осетинской Комиссии от 17 октября 1814 г. П. 13.

[12] См.: Там же. Т. 38. № 29413. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О дозволении слагающим монашеское звание избирать род жизни, не возвращая им ни прежних чинов и отличий, ни имения их. 10 апреля 1823 г.

[13] См.: СЗ РИ. Т. 9: Свод законов о состояниях. СПб., 1835.

[14] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 1. № 1. Уложение. 29 января 1649 г. Ст. 42, 43 гл. 17.

Во второй половине XVIII в. в имперском законодательстве появляются разъяснения о статусе духовных имений[1]. В 1810 г. уточнялось, что духовные имения приобретаются только с Высочайшего соизволения императора[2].

В 1835 г. законодатель уточнял, что монашествующие освобождались от податей и рекрутства (ст. 180). Им запрещалось принимать на хранение сокровища (ст. 227)[3].

Иски и тяжебные дела с участием монастырей рассматривались в общих судебных делах, пересматривались в Сенате, а судебные решения утверждались императором (ст. 228)[4].

Не менее важными являлись положения «об имуществах недвижимых, движимых, раздельных, нераздельных, благоприобретенных и родовых» монашеств, систематически изложенных в ст. 230–247 Свода законов гражданских (ч. 1 т. 10 Свода законов Российской империи 1832 г.). Среди имуществ, принадлежавших различным установлениям, были указаны имущества церковные (земли, угодья и мельницы, принадлежащие церквям, монастырям и Архиерейским домам) (ст. 255)[5]. В основе данного положения — указы Екатерины II 1764 г. и 1798 г.[6]

«Право судебной защиты по имуществам» закреплялось за каждым лицом в случаях неисполнения договоров и обязательств, а также нанесенных обид, ущербов и убытков через обращение в полицию и суд (ст. 388–392). Кроме того, Свод содержал положения «о лицах, могущих приобретать права на имущества». В частности, в ст. 395 уточнялось, что в определенных законом пределах право на имущество могли приобретать «Епархиальные начальства, монастыри и церкви»[7].

Итак, в Своде законов о состояниях, а также Своде законов гражданских 1832 г., вступивших в юридическую силу в 1835 г., было реализовано стремление законодателя решить вопрос поиска баланса между задачами расширения источников дохода государства, поддержки деятельности и развития Церкви, дополнительных источников благотворительной деятельности. С усилением роли государства в регулировании имущественных отношений соответствующие права духовных властей, монашествующих и монастырей, регламентировались государством

[1] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 16. 28 июня 1762–1764. № 12060. Именной, данный сенату. О разделении духовных имений и о сборе со всех Архиерейских и монастырских крестьян Коллегии экономии, и штатов по духовной части. Манифест (п. 1, 2 и 4). Учреждение (п. 12). 26 февраля 1764 г.; Т. 22. 1784–1788. № 16374. Именной, данный Сенату. О принятии состоящих в Киевском, Черниговском и Новгородском наместничествах за Архиерейскими домами, Киево-Печерскою Лаврою и прочими монастырями крестьян в ведомство Директоров Домоводства; о присоединении их к поселянам, содержащим войска в Малороссийских губерниях, и об отпуске определенной суммы на содержание помянутых Архиерейских домов и монастырей из собираемых с тех имений оброков. 10 апреля 1786 г.

[2] См.: Там же. Т. 31. 1810–1811. № 24246. Именной, объявленный сенату Министром юстиции. О дозволении монастырям приобретать недвижимые имения с Высочайшего соизволения. 29 мая 1810 г.; Т. 36. 1819. № 27622. Высочайше утвержденное положение Комитета министров. О несовершении крепостных актов на приобретаемые монастырями и церквями недвижимые имения без Высочайшего согласия. 4 января 1819 г.

[3] См.: СЗ РИ. Т. 9: Свод законов о состояниях. СПб., 1835.

[4] См.: Там же.

[5] См.: Там же. Т. 10, ч. 1. Свод гражданских законов. СПб., 1832.

[6] См.: ПСЗ РИ-1. Т. 16. 28 июня 1762–1764. № 12060. Именной, данный Сенату. О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек. С приложением манифеста о подведомстве всех архиерейских и монастырских крестьян Коллегии экономии и штатов по духовной части. 26 февраля 1764 г. С. 555–565; Т. 25. 1798–1799. № 18590. Сенатский. Об отводе к Архиерейским домам и монастырским землям, мельницам рыбных ловель и разных угодий. 19 июля 1798 г.

[7] См.: СЗ РИ. Т. 10, ч. 1. Свод гражданских законов. СПб., 1832.

на основе узаконений императоров, разъяснений Святейшего Синода и Правительствующего Сената, а затем Правительства и Государственного Совета.

Политическая и культурная модернизация общества в исследуемый период потребовала от власти долгих поисков сбалансированной модели включения Церкви в систему государственного управления с сохранением особого статуса. Во второй половине XVII – первой трети XIX в. происходит становление капитализма, в связи с чем в жизни государства и общества возрастает роль экономических факторов. По этой причине царская власть стремилась перераспределить доходы Церкви, монашествующих и монастырей в пользу государственной казны.

Переход российского общества к рыночному хозяйствованию стимулировал развитие финансовой системы и ее составляющей — денежной системы. Деньги становятся универсальным, эффективным инструментом учета и контроля хозяйственной деятельности, накопления и благосостояния. Поэтому государство предпринимает усилия перевести натуральное налогообложение монашествующих и монастырей в денежное. С этой же целью государство стремилось контролировать численность монашествующих. Решение указанных задач требовало изменения и правового статуса монастырей, что и было раскрыто в статье через анализ правовых документов и правовой политики государства в исследуемый период.

Библиографический список

1. *Кольцов В.А.* Правовая политика Российского государства в отношение собственности в России X – начала XX в.: историко-правовое исследование: автореф. … канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

2. *Богданова А.В.* Секуляризация церковных имуществ 1764 г. и Соловецкий монастырь (последняя треть XVIII в.): автореф. … канд. ист. наук. М., 2015. 23 с.

3. *Бабкин М.А.* Регулирование имущественных прав православного монашествующего духовенства в Своде законов Российской империи (изд. 1876–1917 гг.) // Право и государство: теория и практика. 2012. № 11(95). С. 96–105.

4. *Долгая М.Г.* Особенности правового режима имущества Православной церкви // Христианское чтение. 2012. № 6. С. 131–146.

5. *Зирбуева В.Г.* Секуляризация церковного землевладения в Псковской провинции во второй половине XVIII в.: автореф. … канд. ист. наук. СПб., 2011. 25 с.

6. *Яшина О.Н.* Земельная собственность Русской православной церкви в России в XVII – первой половине XIX в.: историческое исследование: автореф. … канд. ист. наук. М., 2003. 23 с.

7. *Алексеева Н.И.* Правовой режим церковно-монастырских земель в России в XV–XVII вв.: автореф. … канд. юрид. наук. Калининград, 2016. 21 с.

8. *Дорская А.А.* Церковно-имущественное право в контексте формирования социального государства в России // Платон. 2014. № 4. С. 10–17.

9. *Верховский П.В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России: в 2 т. Т. 1: Исследования. Ростов н/Д, 1916. 686 с.

10. *Верховский П.В.* Вопрос о церковных имениях в 20-х гг. XVIII столетия. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907. 51 с.

11. *Завьялов А.* Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1900. 400 с.

12. *Титов А.* К истории секуляризации церковных вотчин. Доклад, читанный в заседании IV Костромского областного Археологического съезда 22 июня 1909 г. М.: Печ. А. Снегиревой, 1909. 15 с.

13. *Любинецкий Н.А.* Землевладение церквей и монастырей Российской империи: в 4 ч. Ч. 3: Землевладение монастырей. СПб.: Синодальная тип., 1900. 11 с.

14. *Смолич И.К.* К вопросу периодизации истории Русской Церкви / пер. с нем. архимандрита Макария (Веретенникова) // Альфа и Омега. 1998. № 3(17). С. 159–174.

15. *Смолич И.К.* Русское монашество: 988–1917 гг.: жизнь и учение старцев. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 1997. 606 с.

References

1. *Koltsov V.A.* The legal Policy of the Russian State in Relation to Property in Russia in the X – Early XX Centuries: Historical and Legal Research: Abstract of the Diss. … Cand. Jurid. Sciences. M., 2009. 25 p.

2. *Bogdanova A.V.* Secularization of Church Property in 1764 and the Solovetsky Monastery (the Last Third of the XVIII Century): Abstract of the Diss. … Cand. Historical Sciences. M., 2015. 23 p .

3. *Babkin M.A.* Regulation of Property Rights of Orthodox Monastic Clergy in the Code of Laws of the Russian Empire (ed. 1876–1917) // Law and the State: Theory and Practice. 2012. No. 11(95). P. 96–105.

4. *Dolgaya M.G.* Features of the Legal Regime of the Orthodox Church Property // Christian Reading. 2012. No. 6. P. 131–146.

5. *Zirbueva V.G.* Secularization of Church Land Ownership in the Pskov Province in the Second Half of the XVIII Century. Abstract of the Diss. … Cand. Historical Sciences. SPb., 2011. 25 p.

6. *Yashina O.N.* Land Ownership of the Russian Orthodox Church in Russia in the XVIII – First Half of the XIX Centuries: a Historical Study: Abstract of the Diss. … Cand. Historical Sciences. M., 2003. 23 p.

7. *Alekseeva N.I.* The legal Regime of Church and Monastic Lands in Russia in the XV–XVII Centuries: Abstract of the Diss. … Cand. Jurid. Sciences. Kaliningrad, 2016. 21 p.

8. *Dorskaya A.A.* Church Property Law in the Context of the Formation of a Welfare State in Russia // Platon. 2014. No. 4. P. 10–17.

9. *Verkhovsky P.V.* The Establishment of the Theological College and the Spiritual Regulations. On the Question of the Relationship between Church and State in Russia: in 2 Vols. Vol. 1: Research. Rostov-on-Don, 1916. 686 p.

10. *Verkhovsky P.V.* The Question of Church Estates in the 20s of the XVIII Century. St. Petersburg: M. Merkushev Printing House, 1907. 51 p.

11. *Zavyalov A.* The Question of Church Estates under Empress Catherine II. St. Petersburg: A.P. Lopukhin, 1900. 400 p.

12. *Titov A.* Towards the History of the Secularization of Church Fiefdoms. Report Read at the Meeting of the IV Kostroma Regional Archaeological Congress on June 22, 1909. M.: Pech. A. Snegireva, 1909. 15 p.

13. *Lyubinetsky N.A.* Land Ownership of Churches and Monasteries of the Russian Empire: in 4 h. Ch. 3: Land Ownership of Monasteries. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1900. 11 p.

14. *Smolich I.K.* On the Issue of Periodization of the History of the Russian Church (Translated from German. Archimandrite Makarii (Veretennikov)) // Alpha and Omega. 1998. No. 3(17). P. 159–174.

15. *Smolich I.K.* Russian Monasticism: 988–1917: The Life and Teachings of the Elders. M.: Church Scientific Center “Orthodox Encyclopedia”, 1997. 606 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-25-32
УДК 340.11

А.А. Никитин, Ю.А. Кондрашов

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Введение: *в современных условиях возрастает роль правового прогнозирования как инструмента научного предвидения тенденций развития правовой системы и формирования обоснованных ориентиров для законодательной деятельности. Несмотря на признание его значимости, принципы, составляющие методологический фундамент данной деятельности, требуют системного анализа и теоретического обобщения, что и определяет актуальность настоящего исследования.* ***Цель*** *— провести системный анализ и дать теоретическое обоснование комплексу принципов правового прогнозирования, определяющих его достоверность, объективность и практическую значимость для совершенствования правотворческого процесса и повышения устойчивости правовой системы.* ***Методологическая основа:*** *диалектический метод, анализ, формально-юридический, сравнительно-правовой.* ***Результаты:*** *в ходе исследования был проведен комплексный анализ основополагающих принципов правового прогнозирования. Выделены и детально охарактеризованы восемь ключевых принципов: научной обоснованности, комплексности, системности, вероятностности, практической направленности, оперативности и стратегического характера результатов, оптимальной дальности и нормативной согласованности. Раскрыто их содержательное наполнение и практическое значение для повышения качества законотворчества, предотвращения правовых коллизий, стратегического планирования и адаптации правовой системы к новым вызовам.* ***Выводы:*** *правовое прогнозирование является неотъемлемым элементом современной государственно-правовой политики. Сформулированные и обоснованные принципы образуют взаимосвязанную систему, которая служит теоретическим фундаментом и практическим инструментом для формирования достоверных прогнозов. Системное применение данных принципов позволяет повысить обоснованность управленческих и законотворческих решений, минимизировать правовые риски, обеспечить согласованность нормативного массива и способствовать устойчивому развитию правовой системы Российской Федерации в условиях социально-экономической и технологической трансформации.*

Ключевые слова: *правовое прогнозирование, принципы права, законотворчество, правовая система, системный анализ, юридическая техника, нормативная согласованность, прогнозная деятельность, методология права, правоприменение.*

© Никитин Александр Александрович, 2025
Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alexnik-82@mail.ru
© Кондрашов Юрий Александрович, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yakondor@mail.ru
© Nikitin Aleksandr Aleksandrovich, 2025
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)
© Kondrashov Yuri Aleksandrovich, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

A.A. Nikitin, Yu.A. Kondrashov

PRINCIPLES OF LEGAL FORECASTING

Background: *in present reality, the role of legal forecasting as a tool for scientifically anticipating trends in the development of the legal system and forming substantiated guidelines for legislative activities is increasing. Despite the recognition of its importance, the principles that constitute the methodological foundation of this activity require systematic analysis and theoretical generalization, which determines the relevance of this study.* ***Objective*** *— a systematic analysis and theoretical substantiation of the complex of principles of legal forecasting that determine its reliability, objectivity, and practical significance for improving the law-making process and enhancing the stability of the legal system.* ***Methodology:*** *dialectical method, analysis, formal-legal and comparative legal method.* ***Results:*** *the study conducted a comprehensive analysis and systematized the fundamental principles of legal forecasting. Eight key principles were identified and detailed: scientific substantiation, comprehensiveness, systematicity, probability, practical orientation, efficiency and strategic nature of the results, optimal range and regulatory consistency. Their substantive content and practical significance for improving the quality of law-making, preventing legal conflicts, strategic planning, and adapting the legal system to new challenges were revealed.* ***Conclusions:*** *legal forecasting is an integral element of modern state legal policy. The formulated and substantiated principles form an interconnected system that serves as a theoretical foundation and a practical tool for forming reliable forecasts. The systematic application of these principles makes it possible to increase the validity of managerial and law-making decisions, minimize legal risks, ensure the consistency of the regulatory framework, and contribute to the sustainable development of the legal system of the Russian Federation in the context of socio-economic and technological transformation.*

Keywords: *legal forecasting, principles of law, law-making, legal system, system analysis, legal technique, regulatory consistency, forecasting activity, methodology of law, law enforcement.*

Прогнозирование, направленное на научное обеспечение процессов государственного управления, должно охватывать все элементы правовой системы, включающей в себя такие составляющие, как правотворчество, правореализация и правовое сознание. Центральным звеном правового прогнозирования является прогнозирование законодательной деятельности, во многом предопределяющей тенденции развития иных составляющих правовой системы.

Правовое прогнозирование можно рассматривать как особую сферу научно-практической деятельности, направленную на формирование вероятностных суждений о будущем состоянии правовых явлений. Оно обеспечивает интеграцию аналитических, статистических и экспертных методов для выработки стратегических решений, повышающих устойчивость и предсказуемость правовой системы.

Актуальность данного исследования определяется сразу несколькими факторами. Во-первых, в современном мире усиливается неопределенность социальных процессов, что требует от государства наличия инструментов предвосхищения их правовых последствий. Во-вторых, усложнение структуры законодательства и рост числа нормативных правовых актов делают необходимым научное сопровождение законотворчества. В-третьих, глобальные проблемы человечества, связанные с изменением климата, цифровизацией, нестабильностью мирового порядка и прочим, создают новые вызовы для правовой системы, которые невозможно преодолеть без прогнозного анализа.

В связи с этим представляется необходимым усилить теоретическую основу правового прогнозирования, обратившись к изучению системы принципов правового прогнозирования, отражающих базовые отправные начала данного вида научно-практической деятельности.

В практическом аспекте системное изучение принципов прогнозирования может обеспечить научное обоснование различных стратегических решений в правовой политике, в том числе планирование национальных проектов, программ социально-экономического развития, а также позволит гармонизировать отечественную практику с международной.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что ежегодно в Государственную Думу РФ вносится значительное количество законопроектов, но многие из них требуют доработки или теряют актуальность, что указывает на недостаточное использование прогностических методов и правовых прогнозов в законотворческой деятельности. Активизация правового прогнозирования для целей законотворчества позволит обеспечить устойчивое и эффективное развитие правовой системы РФ, повысить качество законотворчества, укрепить доверие населения к государственным институтам, гарантировать своевременность и адекватность правовой реакции на социальные, экономические и технологические изменения.

Правовое прогнозирование как научная и практическая деятельность базируется на ряде принципов, обеспечивающих важнейшие качества прогнозов.

Принцип научной обоснованности — фундаментальный принцип в системе исходных начал правового прогнозирования. Предполагает, что любой прогноз должен опираться на проверенные и достоверные научные методы исследования, а также на объективные данные. Это обеспечивает не только высокую степень точности и достоверности результатов, но и их практическую применимость при выработке управленческих решений и законотворческих инициатив [1, с. 412–415].

Научная обоснованность предполагает применение широкого арсенала методов:

1) системный анализ позволяет рассматривать правовую систему как единую целостную структуру, выявлять взаимосвязи между различными правовыми институтами, оценивать последствия изменений в одном элементе системы на другие элементы. Например, при прогнозировании реформы уголовного законодательства анализируются последствия изменений для судебной практики, органов прокуратуры и системы исполнения наказаний [2, с. 25–26];

2) статистические методы включают количественную обработку данных о правоприменительной практике, динамике законодательных инициатив и судебных решениях. Например, анализ статистики внесенных и принятых законопроектов в Государственную Думу РФ за последние десять лет позволяет выявить тенденции в законотворческой активности, определить наиболее приоритетные сферы регулирования и прогнозировать будущие направления законодательных инициатив;

3) моделирование и сценарный анализ дают возможность прорисовывать альтернативные варианты развития правовой системы, принимая в расчет широкий спектр социально-экономических и политических условий. Ценность этого метода особенно очевидна в сфере цифрового права, где требуется тщательно

взвешивать последствия внедрения инновационных технологий и выстраивать адекватное регулирование в области кибербезопасности;

4) метод экспертных оценок основывается на привлечении узких специалистов: практикующих юристов, ученых-правоведов и государственных служащих, что позволяет выявлять скрытые тенденции, труднопрогнозируемые последствия и оценивать вероятность реализации тех или иных правовых изменений.

Практическое значение научной обоснованности проявляется в нескольких аспектах:

повышение точности и достоверности прогнозов: применение научных методов снижает появление ошибок в оценке вероятности развития того или иного правового процесса;

оптимизация законотворческой деятельности: на основе научно обоснованных прогнозов законотворцы могут формировать приоритеты, планировать законопроектную работу и оперативно корректировать нормативные акты в соответствии с реальными потребностями общества;

превентивное предотвращение правовых конфликтов: научно обоснованные прогнозы позволяют выявлять потенциальные противоречия между нормативными актами и заранее разрабатывать меры для их устранения;

содействие стратегическому управлению правовой системой: принцип научной обоснованности обеспечивает возможность долгосрочного планирования развития правовых институтов, включая подготовку кадров, модернизацию процедур и внедрение новых технологических решений в правотворчество и правоприменение.

Принцип комплексности предполагает, что правовое прогнозирование должно учитывать взаимосвязи между правовой системой и другими сферами общественной жизни: экономикой, политикой, социальной средой, технологическим развитием и культурными факторами. Он основан на понимании того, что право не существует в вакууме и любое изменение в законодательстве или правоприменительной практике оказывает влияние на широкий спектр социальных процессов, а также, наоборот, внеправовые факторы влияют на эффективность действия правовых норм.

Применение принципа комплексности требует междисциплинарного подхода. Например, при прогнозировании реформы трудового законодательства необходимо учитывать не только нормы трудового права, но и экономические показатели (уровень безработицы, структуру занятости, динамику заработной платы), демографические тенденции (старение населения, миграционные процессы), социальные потребности (удаленная занятость, гибкий график работы), а также международный опыт регулирования аналогичных вопросов. Такой подход позволяет выявить потенциальные конфликты между интересами различных социальных групп и предложить сбалансированные решения.

Практическое значение принципа комплексности проявляется в нескольких направлениях:

прогнозирование законодательных последствий: учет взаимосвязей между правом, экономикой и социальной сферой позволяет предсказывать не только собственно правовой результат действия нормативных актов, но и их влияние на экономическую активность, уровень социальной защиты и развитие предпринимательства;

оптимизация правоприменительной практики: комплексный анализ позволяет органам власти создавать процедуры и механизмы, которые учитывают влияние правовых изменений на работу судебных, исполнительных и административных органов;

снижение рисков и правовых коллизий: междисциплинарный подход помогает выявлять потенциальные конфликты между различными правовыми нормами и социальными институтами, а также прогнозировать последствия их несогласованности для общества и государства [3, с. 36];

обоснование стратегических решений: комплексный подход к прогнозированию позволяет планировать реформы, включающие не только правовые, но и социально-экономические, демографические и технологические мероприятия, обеспечивая устойчивое развитие общества.

Принцип системности предполагает, что правовое прогнозирование должно рассматривать право как целостную, взаимосвязанную систему, где любое изменение в одном элементе оказывает влияние на другие элементы системы. Этот принцип основан на идее системного подхода, согласно которому право функционирует как единая система взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, ориентированных на достижение единого результата.

Системный подход позволяет выявлять взаимосвязи между различными уровнями законодательства (конституционным, федеральным, региональным) и правовыми институтами (уголовным, гражданским, административным правом), что обеспечивает целостное понимание последствий правовых реформ.

Практическое значение принципа системности проявляется в нескольких аспектах:

предотвращение коллизий в законодательстве: рассмотрение права как системы позволяет выявлять потенциальные противоречия между законами и нормативными актами, а также разрабатывать рекомендации по их гармонизации;

комплексное прогнозирование и планирование юридических реформ: например, при планировании реформы уголовного законодательства необходимо прогнозировать ее влияние на судебную практику, деятельность прокуратуры, адвокатуру, пенитенциарную систему и правоохранительные органы, а также готовить соответствующие изменения в законы, регулирующие деятельность указанных структур;

эффективное взаимодействие с другими сферами: системный подход к праву помогает лучше понимать характер его взаимодействия с другими системами, существующими в обществе: экономической, культурной и политической, следовательно, более точно прогнозировать последствия правовых изменений в этих сферах;

долгосрочное стратегическое планирование: принцип системности позволяет предугадывать и оценивать не только краткосрочные, но и долгосрочные последствия реформ, обеспечивая устойчивость правовой системы и ее адаптацию к будущим изменениям.

Принцип вероятностности предполагает, что результаты правового прогнозирования не могут быть абсолютными предсказаниями, они выражаются в форме вероятностных сценариев развития юридических явлений. Это связано с тем, что социальные процессы, на которые воздействует право, находятся под влиянием множества как объективных (экономических, политических, социальных, технологических и культурных процессов), так и субъективных факторов (например,

личных качеств субъектов, разрабатывающих и принимающих решения), которые трудно предугадать с полной точностью.

Применение принципа вероятностности дает возможность разрабатывать несколько вариантов развития событий — оптимистичный, пессимистичный и наиболее вероятный. Это способствует гибкости при выработке управленческих решений. Так, прогнозируя судьбу института медиации, аналитики могут оценить перспективы его повсеместного внедрения (по оптимистичному сценарию), ограниченного применения (по пессимистичному) или умеренного распространения (в рамках реалистичного прогноза).

Практическое значение принципа вероятностности заключается в следующем:

формирование альтернативных стратегий: у законодателя имеется возможность разрабатывать несколько вариантов нормативных решений и выбирать наиболее эффективный из них применительно к реалистичному прогнозу;

снижение управленческих и правовых рисков: оценка вероятности может помочь в минимизации ошибок в законотворческом процессе и скорректировать правоприменительные практики;

гибкость в планировании: возможность своевременно корректировать прогнозы и основанные на них программы мероприятий в случаях изменения социально-экономических, политических и иных условий.

Принцип практической направленности предполагает, что результат грамотного правового прогнозирования должен иметь именно прикладное значение и быть пригодным для использования в процессе разработки управленческих решений, то есть составление прогноза не ограничивается исключительно теоретическим анализом.

Применение принципа практической направленности предполагает:

совершенствование различных управленческих стратегий: благодаря прогнозам корректируется, например, деятельность государственных органов;

оптимизацию правотворческой работы: прогнозы позволяют определять приоритетные направления правового регулирования и планировать разработку законопроектов согласно реальным потребностями общества;

повышение уровня эффективности правоприменения: прогнозирование позволяет заранее выявлять проблемные зоны, снижать количество спорных случаев и правовых коллизий в юридической практике.

Принцип сочетания оперативности проведения и стратегического характера результатов правового прогнозирования

Учитывая принцип практической направленности правового прогнозирования и востребованность его результатов для принятия управленческих решений, осуществления правотворчества и правоприменения, проведение прогностических исследований должно осуществляться в оптимальные сроки. Конкретные сроки в каждом случае будут обусловлены масштабом прогнозируемых явлений, характером прогностического исследования (фундаментальное или исключительно прикладное), комплексом организационных факторов (численность исследовательского коллектива, возможности доступа к необходимой информации и т.п.), но эти сроки должны обеспечивать возможность принятия заинтересованными субъектами своевременных решений. Вместе с тем следует учитывать, что специфика прогностической деятельности предполагает необходимость обработки и изучения большого объема информации, что требует определенного времени.

Следовательно, использование правовых прогнозов и прогностических методов целесообразно для принятия не срочных, а стратегических решений, определяющих развитие государства, права, общества на перспективу.

Практическую реализацию данного принципа отражают положения Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1], включающие прогнозирование в число элементов стратегического планирования, обеспечивающего основу для разработки документов планового и программного характера.

Для обеспечения государственного управления прогностической информацией целесообразным представляется проведение масштабных фундаментальных исследований с разработкой дальнесрочных и долгосрочных правовых прогнозов, к которым, по мере необходимости, могли бы обращаться заинтересованные органы и лица.

Принцип оптимальной дальности правового прогнозирования предполагает, что выбор дальности правового прогнозирования детерминирован рядом факторов. Во-первых, фактором времени осуществления прогнозирования. Сроки, в которые проводятся прогностические исследования, позволяют изучить определенный объем информации, отражающей период основания прогноза (его предысторию). Длительность данного периода находится в прямой связи с дальностью прогноза: чем она больше, тем дальше сможет «заглянуть» прогноз. Во-вторых, требуемым уровнем точности прогноза, которая, как правило, обратно пропорциональна его дальности. В-третьих, целями, поставленными перед прогнозистами.

Практически данный принцип может быть реализован в разработке различных по дальности прогнозов, отличающихся уровнем точности и ориентированных на решение разнообразных задач, возникающих в управленческой деятельности.

Принцип нормативной согласованности требует, чтобы прогнозирование опиралось на действующее законодательство: Конституцию РФ, федеральные законы и подзаконные акты. Вместе с тем этот принцип предполагает, что могут разрабатываться прогнозные модели, учитывающие возможные изменения общественных отношений и соответствующие им корректировки законодательства. Такие прогнозируемые поправки в законодательство должны быть гармонично встроены в существующее правовое поле. Это ключевое условие для практической реализации любых прогнозных рекомендаций без риска нарушения как действующих нормативных положений, так и процесса стабильного поступательного развития общества.

Практическое значение принципа нормативной согласованности заключается в следующем:

обеспечение законности и легитимности прогнозов: любые прогнозные рекомендации, подготовленные для органов власти, должны соответствовать действующим нормам и (или) вписываться в систему права. Это позволит предотвратить юридические конфликты;

снижение риска правовых коллизий: прогнозы, учитывающие существующую нормативную базу, позволяют выявлять потенциальные противоречия между проектируемыми и действующими нормами и принимать меры по их устранению;

[1] См.: СЗ РФ. 2014. № 26, ч. 1, ст. 3378; 2024. № 29, ч. 3, ст. 4106.

повышение эффективности законотворческой работы: согласованность прогнозов с действующим законодательством является необходимым условием их практического применения в рамках стратегического планирования и включения в соответствующие правовые акты — документы стратегического планирования.

Рассмотренные принципы правового прогнозирования — научная обоснованность, комплексность, системность, вероятностность, практическая направленность, оперативность и стратегический характер результатов, оптимальная дальность и нормативная согласованность — образуют целостную методологическую основу, обеспечивающую эффективность прогнозной деятельности в сфере права. В совокупности эти принципы позволяют создавать научно обоснованные прогнозы, способные предвосхищать изменения в правовой системе, минимизировать правовые коллизии, повышать эффективность законотворческой и правоприменительной деятельности и укреплять доверие общества к государственным институтам. Системное применение этих принципов является необходимым условием устойчивого и стратегически ориентированного развития правовой системы Российской Федерации, обеспечивая ее адаптацию к новым социальным, экономическим и технологическим вызовам.

Таким образом, принципы правового прогнозирования выступают не только теоретическим фундаментом, но и практическим инструментом формирования эффективной, предсказуемой и гибкой правовой системы, способной поддерживать устойчивое развитие государства и обеспечивать соблюдение прав и законных интересов граждан.

Библиографический список

1. *Лазарев В.В.* Теория государства и права: учебник. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. С. 412–415.

2. *Агамиров К.В.* Общетеоретические основы юридического прогнозирования // Государство и право. 2022. № 6. С. 23–31.

3. *Агамиров К.В.* Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика: монография / под науч. ред. Р.В. Шагиевой. М.: ЮРКОМПАНИ, 2015. 408 с.

References

1. *Lazarev V.V.* Theory of the State and Law: Textbook. 10th Ed., Revised. M.: Norma, 2021. P. 412–415.

2. *Agamirov K.V.* General Theoretical Foundations of Legal Forecasting // State and Law. 2022. No. 6. P. 23–31.

3. *Agamirov K.V.* Problems of Legal Forecasting: Methodology, Theory, Practice: Monograph / under the Scientific Editorship of R.V. Shagieva. M.: YURKOMPANI, 2015. 408 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-33-42
УДК 340

Р.Ю. Почекаев

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕЕ НАСЛЕДНИКОВ В ТРУДАХ С.В. ЮШКОВА

Введение: *С.В. Юшков известен прежде всего как основоположник советской историко-правовой науки, а также как исследователь древнерусского права. Однако на разных этапах своей деятельности он занимался проблемами истории государства и права Востока, и его наработки в этом направлении также представляют интерес для изучения.* ***Цель*** *— проанализировать работы С.В. Юшкова, в которых освещаются проблемы истории государства и права Монгольской империи и ее наследников.* ***Методологическая основа:*** *историко-правовой подход, формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ.* ***Результаты:*** *рассмотрен ряд научных и учебно-методических работ С.В. Юшкова. Выявлено, что он подробно исследовал аспекты истории государства и права Монгольской империи, Золотой Орды, государства Тимуридов в Средней Азии и позднесредневековых среднеазиатских ханств.* ***Выводы:*** *не все построения С.В. Юшкова касательно истории государства и права Монгольской империи и ее наследников остаются актуальными. Некоторые из них нуждаются в корректировке или просто устарели с учетом современного уровня изучения данной тематики, новых подходов, введения в научный оборот новых источников и пр. Между тем некоторые наработки С.В. Юшкова представляют интерес не только с точки зрения истории изучения средневековой монгольской государственности и права, но и продолжают сохранять актуальность в методологическом и концептуальном отношении. Их привлечение современными специалистами может повысить эффективность исследования данной проблематики в контексте междисциплинарных исследований.*

Ключевые слова: *С.В. Юшков, история государства и права, Монгольская империя, Золотая Орда, государство Тимура в Средней Азии, традиционное государство, традиционное право.*

R.Yu. Pochekaev

STATE AND LAW OF THE MONGOL EMPIRE AND ITS SUCCESSORS IN THE WORKS OF S.V. YUSHKOV

Background: *S.V. Yushkov is a founder of the Soviet science of history of state and law and also well known as a researcher of Ancient Russian law. However, at various stages of his career he researched the problems of the history of state and law of Eastern countries. His achievements*

© Почекаев Роман Юлианович, 2025

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге); e-mail: rpochekaev@hse.ru

© Pochekaev Roman Yulianovich, 2025

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State (National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg)

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147 (https://rscf.ru/project/23-18-00147), реализуемого на базе Воронежского государственного университета. Статья представляет собой расширенную и дополненную версию доклада, представленного на IV Международном историко-правовом конгрессе «Научное наследие Серафима Владимировича Юшкова» (Саратов, 23–24 мая 2024 г.).

in this field of study are also of research interest. ***Objective*** *— to analyze the works by S.V. Yushkov on the problems of history of state and law of the Mongol Empire and its successors.* ***Methodology:*** *historical legal approach, formal legal method, comparative legal analysis.* ***Results:*** *some works of S.V. Yushkov are analyzed and it is clarified that he paid a lot of attention to the state and history of the Mongol Empire, Golden Horde, Timur's state in Central Asia and late medieval Central Asian Khanates.* ***Conclusions:*** *not all statements of S.V. Yushkov related to the history of state and law of the Mongol Empire and its successors are of current importance. Some of them need to be corrected, some became old in accordance with contemporary level of research of this subject matter, new scientific approaches, introducing the new historical and legal monuments, etc. However, some of S.V. Yushkov's ideas are still relevant today not only as an example in the history of research of Mongolian state and law, but also valuable from the methodological and conceptual view. Using his works could allow modern scholars to increase the effectiveness of their studies within the context of interdisciplinary research.*

Keywords: *S.V. Yushkov, history of state and law, Mongol Empire, Golden Horde, Timur's state in Central Asia, traditional state, traditional law.*

Серафим Владимирович Юшков известен не только как исследователь памятников Древней Руси [1, с. 212], но и прежде всего как основатель советской науки истории государства и права, как разработчик первых учебных изданий по данному учебному курсу [2, с. 92; 3, с. 122, 124]. Именно в рамках курса истории государства и права СССР он, пожалуй, первым из отечественных правоведов стал уделять внимание истории государственности и права тех народов, которые впоследствии вошли в состав Советского Союза [4, с. 16, 20; 5, с. 265].

Интересы С.В. Юшкова по ряду направлений выходили за рамки общего освещения государственного и правового прошлого народов СССР. В силу ряда причин он достаточно подробно исследовал вопросы истории государства и права ряда народов Кавказа и Средней Азии, в первую очередь тех регионов, в которых ему в разное время приходилось работать [1, с. 212; 6, с. 95]. В частности, ряд работ он посвятил проблемам истории государства и права Казахского ханства, которые и сегодня привлекают интерес специалистов [7]. Однако большинство его изысканий по истории традиционных восточных государств и обществ, несмотря на авторитет исследователя, до сих пор не слишком востребованы специалистами. Между тем, как представляется, некоторые наработки С.В. Юшкова могут быть полезны и современным исследователям, что мы намерены в рамках данной статьи показать на примере изысканий по истории государства и права Монгольской империи и ее наследников — средневековых тюрко-монгольских ханств.

В отличие от своих предшественников — историков права, которые в той или иной степени обращались к данной тематике (в частности, можно упомянуть внимание к государству и праву Золотой Орды дореволюционных правоведов И.Д. Беляева, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.И. Сергеевича и др. — правда, преимущественно в контексте русско-ордынских отношений), С.В. Юшков показал возможность применения марксистского подхода для исследования государства и права «степных империй», в результате чего сумел осветить в своих работах не только право, но и общественно-политический строй тюрко-монгольских государств [1, с. 212; 3, с. 124].

В исследованиях С.В. Юшкова по истории тюрко-монгольских государств можно выделить три блока: государственность и право монголов до империи

Чингис-хана; государство и право Монгольской империи и ее наследников (в том числе Золотой Орды, Казахского ханства, среднеазиатских государств); монгольское (ордынское) влияние на дальнейшее развитие государства и права России.

Первый блок представлен концептуальной статьей С.В. Юшкова «К вопросу о дофеодальном "варварском государстве"», опубликованной в двух редакциях в 1946 и 1947 гг. (вторая редакция статьи была переиздана в 2018 г.). В ней, применяя свою концепцию дофеодального государства к конкретным примерам, Юшков наряду с древнерусским государством и «варварскими королевствами» Западной Европы рассматривает политико-правовое устройство монголов XII в., видя в нем классический, с его точки зрения, пример дофеодального государства как переходного этапа от рабовладельческого к феодальному, под каковым исследователь подразумевает уже империю Чингис-хана, созданную в начале XIII в.

Именно в этой работе Юшков продемонстрировал возможности применения марксистской методологии для анализа конкретных историко-правовых реалий. В частности, в ней представлено развитие государственности и права монголов (как и других рассматриваемых в данной статье народов и государств) в контексте их социально-экономического развития, хозяйственной деятельности, «собственности на средства производства», формами эксплуатации монгольской верхушкой «низов» и т.д. Большое внимание автор уделил правовому статусу различных групп населения, прослеживание их эволюции с последующим преобразованием в классы феодалов (хааны, нойоны, баатуры, рабовладельцы) и зависимого населения (свободные скотоводы, унаган-боголы, рабы-боголы) [8, с. 293]. Весьма важным наблюдением С.В. Юшкова выступает выявление неоднородного характера знати: хааны могли быть как избираемыми, так и наследственными, а их приближенные могли быть потомственными аристократами или выходцами из простых сословий, получившими возможность карьерного роста [8, с. 294, 298, 300]. Уделяется внимание доходам знати, которые они получали от собственных владений, в результате несения повинностей их подданными, а также от войны и охоты [8, с. 293].

Несомненного внимания заслуживает обоснование С.В. Юшковым того, что государство Чингис-хана являлось уже не дофеодальным, а феодальным: монгольские аристократы, провозглашая ханом Чингиса, принимают обязанности служить ему на войне и охоте за добычу и предоставляют ему право лишать их владений и подданных в случае нарушения клятвы. Таким образом, заключается своеобразный договор между сюзереном и вассалами, следовательно, можно говорить о формировании феодального государства.

Отметим, что наиболее подробная характеристика Монгольской империи С.В. Юшковым дана именно в этой статье. В других работах, в которых он затрагивал политико-правовые аспекты истории этого государства, он ограничивался краткой информацией о ее создании и утверждением, что ее улусы (Золотая Орда и среднеазиатские ханства) во многом унаследовали ее государственные институты. В связи с этим проанализируем его наблюдения относительно их государства и права.

Стоит отметить, что эпохе Монгольской империи С.В. Юшков посвятил часть своей обширной исследовательской статьи, но информацию о ее преемниках мы находим только в его учебно-методических произведениях — учебниках и учебных пособиях по истории государства и права СССР, издававшихся в 1940-х гг.

Естественно, наибольшее внимание С.В. Юшков уделяет вопросам истории государства и права Золотой Орды, что вполне объяснимо ее ролью в отечественной политической и правовой истории. Он характеризует ее как мощную феодальную державу со значительной централизацией власти и четкой системой правоотношений [9, с. 143–144; 10, с. 47]. Соответственно, он выделяет центральные и региональные органы власти и управления (разделяя власть военную и гражданскую), характеризует социальное устройство, совершенно справедливо выделяя среди знати членов ханского рода — «царевичей» [9, с. 145, 147; 10, с. 45–46]. Исследователь предпринимает анализ системы золотоордынского права, правда, сводя ее только к двум основным источникам — Великой Ясе Чингис-хана и мусульманскому праву — шариату. Соответственно, он указывает на разделение судебных органов, которые включали как монгольские суды во главе с яргучи, так и шариатские суды, споры в которых решали кади [9, с. 147].

Гораздо больше внимания, чем многие его предшественники и последующие авторы, С.В. Юшков уделяет проблеме ордынского влияния на политическое и правовое развитие русских земель. Он считает, что это влияние было значительным, причем именно по причине высокого уровня политико-правового развития Золотой Орды.

Так, по мнению С.В. Юшкова (разделяемому и другими авторами), изначально зависимость от монголов способствовала росту самостоятельности уделов и окончательному упадку вечевого строя [11, с. 432–434, 478]. Однако в отличие от своих коллег автор полагает, что покровительством ханов пользовались не великие князья, стремившиеся к централизации русских земель, а их оппоненты, сторонники удельного строя [11, с. 467]. В отношении налоговой системы Руси Юшков в целом поддерживает распространенное мнение, что монгольская традиция повлияла на нее, хотя в большей степени сосредотачивается на злоупотреблениях баскаков, нежели на характеристике самих налогов и сборов [11, с. 144]. Тем не менее он упоминает десятину (выход), торговый налог (тамга) и повозную пошлину (вероятно, имея в виду транспортные сборы), рассматривая их как прообразы налогов и будущего Московского царства [11, с. 507–508].

Наряду с государством и правом Золотой Орды С.В. Юшков дает подробную характеристику государственности и права державы Тимура (Тамерлана) в Средней Азии, поскольку в период жизнедеятельности ученого этот регион входил в состав СССР. Он анализирует систему власти и управления, совершенно справедливо выделяя, в частности, отсутствие права Тимура на ханский титул (поскольку он не был потомком Чингис-хана), сохранение им многих монгольских властных и правовых институтов в большей степени, чем в других улусах Монгольской империи [9, с. 151; 12, с. 85]. Автор также выявляет проблемы управления в государстве Тимура, который все время находился в походах, то присоединяя новые территории, то подавляя восстания на только что присоединенных. Этими проблемами он объясняет причины недолговечности империи Тимура, развал которой начался вскоре после его смерти и завершился после смерти его сына Шахруха и внука Улугбека в середине XV в. [9, с. 150–152; 10, с. 50–51].

С.В. Юшков дает характеристику государств, которые возникли в Средней Азии в результате узбекского завоевания, — Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. Он указывает на наиболее централизованный характер Бухарского ханства (затем — эмирата), отмечая трансформацию наместничеств в его со-

ставе из наследственных в назначаемые. Автор подчеркивает, что монгольские традиции сохранились больше всего в Хивинском ханстве, что объясняется проживанием в нем значительного количества кочевников (туркмены, казахи, каракалпаки) с соответствующими особенностями системы управления, сочетающего назначаемых ханом наместников и местные выборные власти [9, с. 414–415; 12, с. 205–207]. С.В. Юшков обращает внимание на децентрализацию Кокандского ханства, отличия в номенклатуре чиновных и военных должностей по отношению с Бухарой и Хивой. Он достаточно подробно анализирует правовую систему и отдельные сферы правоотношений (особенно земельные и семейные) в основном на основе шариата. Совершенно справедливо С.В. Юшков отмечает наличие наряду с шариатскими судами светского правосудия самих ханов и их наместников (беков и амлякдаров) в своих владениях [9, с. 418–419].

Таким образом, С.В. Юшков гораздо более подробно, чем многие другие отечественные правоведы, анализировал различные аспекты истории государства и права Монгольской империи и ее наследников. И тот факт, что ряд этих аспектов нашел отражение в учебных изданиях, а не исследовательских трудах, не снижает значения работы, проделанной автором, и определенная актуальность сохраняется до сих пор.

Вместе с тем не следует идеализировать результаты изысканий С.В. Юшкова в данном направлении, поскольку он, как ученый, специализировался на проблемах Древнерусского государства и права. Соответственно, занимаясь проблемами политико-правовой истории монголов, Золотой Орды, государств Средней Азии, он не прорабатывал материал детально, например, при анализе политико-правовой системы монголов до Чингис-хана он опирается только на один источник — «Сокровенное сказание» («Тайную историю монголов») и на исследование Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов». Неудивительно, что некоторые его наблюдения представляются сегодня не вполне корректными.

В частности, говоря о «дофеодальном государстве» монголов, С.В. Юшков допускает определенные противоречия. Во-первых, провозглашая отход от «европейского» понимания феодализма, то есть отношений «сюзерен–вассал», он именно в этом проявлении видит переход от дофеодального государства к феодальному [8, с. 297]. Во-вторых, говоря о создании Чингис-ханом десятичной системы административного устройства, он тут же утверждает, что основатель Монгольской империи не создал ничего нового, поскольку таковая была еще и до монголов (хотя можно было бы отметить отказ Чингис-хана от родового деления в пользу исключительно десятичной системы) [8, с. 299]. В-третьих, говоря о группах зависимых лиц, он сначала разграничивает харачу (свободных простолюдинов) и боголов (рабов), тогда как далее считает боголов частью харачу [8, с. 293, 294] и т.д.

В характеристике государства и права Золотой Орды также присутствуют некоторые противоречия и ошибки. Так, говоря о границах Золотой Орды, С.В. Юшков ограничивает их Дешт-и-Кипчаком (Половецкой степью), хотя далее упоминает в ее составе и Поволжье, и Крым, и Хорезм [9, с. 142, 143]. Он связывает преобладающее большинство тюркского населения в Золотой Орде с тем, что она в начале XIV в. приняла ислам, никак это не обосновывая. Между тем до реформ хана Узбека многие тюрки Улуса Джучи исповедовали либо свои традиционные культы, либо христианство, и этому хану приходилось навязывать им ислам даже насильственными методами.

Не вполне корректно С.В. Юшков характеризует систему зависимости в улусах Монгольской империи. Например, он утверждает, что русские земли являлись не частью, а вассалами Золотой Орды (эта позиция разделяется и большинством современных исследователей истории этого государства), между тем пишет об их выходе из состава Улуса Джучи [10, с. 45]. То же касается и статуса самой Золотой Орды в отношении державы Тимура: нигде не говоря о ее вхождении в состав империи Тамерлана, тем не менее он заявляет, что после смерти Тимура Улус Джучи откололся от его государства [9, с. 151–152; 12, с. 84].

Имеются в данном С.В. Юшковым описании Ордынского государства и права некоторые фактические ошибки. В частности, главой военной системы Золотой Орды он называет букаула [9, с. 147; 10, с. 47], хотя главенство в этой системе принадлежало бекляри-беку, а букаул отвечал за кадровое обеспечение и снабжение армии [13]. С.В. Юшков также относит к зависимым категориям населения уртакчи (нигде не давая их характеристики) [9, с. 146; 12, с. 82], хотя в реальности это были привилегированные торговцы, ведшие дела «на паях» с ханами и высшей знатью [14; 15]. С.В. Юшков (как, впрочем, и многие другие историки права) считает тарханов «средними феодалами», тогда как на самом деле это были простолюдины, которым ханы своими ярлыками жаловали некоторые иммунитеты и привилегии, которыми феодалы (аристократы) пользовались уже в силу своего происхождения [16]. Отметим, что, вероятно, в силу высокого авторитета С.В. Юшкова среди историков государства и права как советского, так и постсоветского периода, эти характеристики ордынских социальных групп в дальнейшем неоднократно практически дословно воспроизводились в учебниках по истории государства и права СССР и России [17, с. 74–75; 18, с. 66; 19, с. 62].

По мнению С.В. Юшкова (как и многих других ученых), Великая Яса Чингис-хана — это свод обычного права, кодифицированный при Чингис-хане. В качестве источников сведений об этом правовом памятнике он использует данные арабского ученого Макризи и его среднеазиатского коллеги Мирхонда, которые оба жили в XV в. [9, с. 148; 12, с. 82–83]. С.В. Юшков даже не упоминает о существовании наиболее известного и широко распространенного источника права Золотой Орды — ханских ярлыках. Между тем именно ярлыки, которые ханы издавали на протяжении всего существования Золотой Орды, объективно отражали изменения правовых реалий в этом государстве [20, с. 61–66]. В отличие от Великой Ясы целый ряд золотоордынских ярлыков сохранился до нашего времени в оригинале и переводах, и они неоднократно исследовались еще дореволюционными историками и правоведами [21–23], что могло бы послужить основанием для С.В. Юшкова хотя бы упомянуть об их существовании.

Причины распада Золотой Орды ученый не анализирует, равно как государство и право ее наследников — Казанского, Астраханского, Крымского, Сибирского ханств, — о которых он лишь говорит, что они унаследовали золотоордынские институты [9, с. 147–148].

Некоторые противоречия присутствуют и в описании С.В. Юшковым государства и права империи Тамерлана. Так, он утверждает, что ее следует считать не полноценным феодальным государством, а скорее конгломератом владений, правители которых заключали вассальные договоры с Тимуром, но тут же пишет о назначении им в крупнейшие регионы наместниками сыновей и внуков, а эмиров характеризует как темников, то есть глав администрации, а не автономных

династов [9, с. 150–151]. Нельзя согласиться с утверждением С.В. Юшкова о том, что Тимур развивал инфраструктуру только своей столицы — Самарканда [10, с. 51]: согласно свидетельствам современников, в том числе иностранных, он уделял внимание развитию системы торговых путей, ямских станций, вел борьбу с разбойниками на дорогах, преследовал взяточничество и т.д. [24, с. 88–89, 92–93; 25, с. 173, 321–322, 334–335].

Наконец, говоря о среднеазиатских ханствах, С.В. Юшков упускает из виду такие аспекты их правовой жизни как правотворческая и судебная деятельность правителей, которая нашла отражение в многочисленных правовых актах — ярлыках, сохранившихся до нашего времени.

Однако большинство этих недостатков представляется вполне извинительным, принимая во внимание современный С.В. Юшкову уровень знаний о государстве и праве характеризуемых им государств. Лишь с учетом современных достижений в области истории тюрко-монгольских народов и государств, а также на основе новых источников, введенных в научный оборот, ошибки, допущенные ученым, могут быть выявлены и исправлены. В целом для своего времени наработки С.В. Юшкова были весьма значительными и полезными, так что допущенные им недочеты меркнут перед его достижениями [26, с. 40]. Вполне можно согласиться с мнением, что критика ряда недочетов, допущенных С.В. Юшковым (в частности, в характеристике государства и права Монгольской империи и ее наследников), сегодня уже неактуальна по причине смены и научной парадигмы, и методологии в историко-правовой науке и образовании [1, с. 218].

Исследователи отмечают, что труды С.В. Юшкова до сих пор сохраняют значение [27, с. 27]. Полагаем, что это относится и к его исследованиям по истории государства и права Монгольской империи ее наследников как минимум в методологическом отношении. Так, начиная с его первого учебника по истории государства и права СССР, государственность и право и Монгольской империи, и Золотой Орды изучается именно в рамках курса истории государства и права России. При их освещении применяется заложенный С.В. Юшковым подход по классификации органов власти и управления, социальных групп и отраслей права, характерный для «европоцентристского подхода» (центральные, региональные и местные органы власти; налоговое, гражданское, семейное, уголовное, процессуальное право и пр.). Конечно, подобный подход может вызывать несогласие со стороны историков и востоковедов по причине отсутствия в традиционных тюрко-монгольских обществах современного деления права на отрасли и пр. Однако во многом благодаря именно такому подходу исследователи государства и права тюрко-монгольских государств получили возможность выделять при его изучении юридические категории, понятные современным специалистам и дающие возможность делиться результатами исследований, обмениваться идеями и вести дискуссии, так сказать, на одном языке.

Как отмечалось ранее, некоторые построения С.В. Юшкова остаются востребованными и сегодня при исследовании ряда направлений, связанных с социально-политической и правовой историей тюрко-монгольских народов и государств Евразии, которые рассматривались и продолжали оставаться дискуссионными в последующие десятилетия, например теория кочевого феодализма (в частности, дискуссия о том, что являлось «средством производства» в кочевых обществах —

земля или скот) [28] и теория вождества (на предмет соотношения этого понятия с понятием «дофеодальное государство») [29].

Можно убедиться, что многие вопросы, которые обсуждаются сторонниками и противниками этих концепций в рамках дискуссий, были затронуты С.В. Юшковым, однако, насколько нам известно, к его трудам участники дискуссий не апеллируют. Вероятно, это связано с тем, что споры ведут преимущественно историки, востоковеды, специалисты по социальной и политической антропологии, этнологии и пр., но не юристы — историки права. Представляется, что в рамках междисциплинарного подхода при проведении исследований и дискуссий по истории государственности и права средневековых тюрко-монгольских государств обращение к историко-правовому наследию С.В. Юшкова будет вполне оправданным.

Библиографический список

1. *Пашенцев Д.А., Залоило М.В.* Вклад С.В. Юшкова в историко-правовую науку в оценках современников // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2023. № 4. С. 210–220.

2. *Кострюков П.А.* Проблемы периодизации и типологии государства и права в трудах С.В. Юшкова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3(4). С. 92–96.

3. *Лафитский В.И., Залоило М.В.* С.В. Юшков и историко-правовая школа // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 121–131.

4. *Кострюков П.А.* Государственно-правовые воззрения Серафима Владимировича Юшкова: автореф. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 26 с.

5. *Ящук Т.Ф.* От истории русского права к истории государства и права СССР? Трансформация науки и учебной дисциплины в 1917–1940-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 261–269.

6. *Кострюков П.А.* С.В. Юшков — основоположник советской историко-правовой науки // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 2(46). С. 92–97.

7. *Почекаев Р.Ю.* С.В. Юшков как исследователь традиционного казахского государства и права // Историческое правоведение. Вып. 9: Методология изучения истории российского государства и права: традиции в науке. 2022. С. 115–134.

8. *Юшков С.В.* К вопросу о дофеодальном «варварском» государстве // Наследие кафедры истории государства и права: сб. науч. тр. / сост. М.А. Приходько. М.: Проспект, 2018. С. 287–235.

9. *Юшков С.В.* История государства и права СССР. Ч. 1. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1940. 596 с.

10. *Юшков С.В.* Учебное пособие по истории государства и права СССР. Вып. 4: Общественно-политический строй и право Литовского государства, кавказских государств и государств Средней и Центральной Азии. М.: Юриздат Наркомюста СССР, 1945. 55 с.

11. *Юшков С.В.* История государства и права России (IX–XIX вв.) / под ред. Н.В. Киселевой. Доп. и перераб. изд. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 736 с.

12. *Юшков С.В.* История государства и права СССР. Ч. 1. М.: Юриздат Минюста СССР, 1946. 332 с.

13. *Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю., Абзалов Л.Ф., Гатин М.С.* Институт букаула в тюрко-монгольских государствах: ильханская, джучидская и чагатайская традиция // Oriental Studies. 2023. Т. 16, № 4. С. 702–717.

14. *Озьетгин М.* Термин «ортак» в Золотой Орде: анализ и интерпретация // Золотоордынское наследие: матер. междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» (17 марта 2009 г.): сб. ст. Вып. 1 / отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 264–266.

15. *Allsen T.T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 // Asia Major Ser. 3. Vol. 2. Part 2. 1989. P. 83–126.

16. *Шапшал С.М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию: сб. ст. / отв. ред. А.Н. Баскаков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.

17. История государства и права СССР / под ред. О.И. Чистякова и И.Д. Мартысевича. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. Ч. 1. 280 с.

18. *Исаев И.А.* История государства и права России: учебник. 3-е изд, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 797 с.

19. *Бабенко В.Н.* История отечественного государства и права: учебник. М.: Юстиция, 2016. 380 с.

20. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 260 с.

21. *Беляев И.Д.* О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / изд. Н. Калачов. Кн. 1. М.: Типография А. Семена, 1850. С. 97–110.

22. *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пт.: Научное дело, 1916. 116 с.

23. *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 3. 1888. С. 1–40.

23. *Клавихо Р.Г. де.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / пер. со староисп. И.С. Мироковой. М.: Наука, 1990. 212 с.

25. *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / пер. со староузб. А. Ахмедова. Ташкент: SAN'AT, 2008. 486 с.

26. *Кривенький А.И.* Развитие концептуальных основ учебной дисциплины «История государства и права России» (на примере трудов профессора С.В. Юшкова) // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2012. № 1. С. 32–43.

27. *Мулукаев Р.С.* К вопросу о методологии истории отечественного государства и права // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2015. Т. 15, № 2. С. 26–29.

28. *Попов А.В.* Теория «кочевого феодализма» академика Б.Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников // Mongolica. Памяти академика Б.Я. Владимирцова, 1884–1931 / ред. А.Н. Кононов и др. М.: Наука, 1986. С. 183–193.

29. *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / под ред. В.А. Попова. М.: Восточная литература, 1995. С. 11–61.

References

1. *Pashentsev D.A., Zaloilo M.V.* S.V. Yushkov's Contribution to the Historical Legal Science as Seen by the Contemporaries // Bulletin of the Moscow University. Ser. 11. Law. 2023. No. 4. P. 210–220.

2. *Kostryukov P.A.* Problems of Periodization and Typology of State and Law in S.V. Yushkov's Works // Historical, Philosophical, Political and Legal, Cultural and Art Sciences. Problems of Theory and Practice. 2009. No. 3(4). P. 92–96.

3. *Lafitskiy V.I., Zaloilo M.V.* S.V. Yushkov and Historical Legal School // Journal of Russian Law. 2015. No. 9. P. 121–131.

4. *Kostryukov P.A.* State and Legal Views of Serafim Vladimirovich Yushkov: Abstract of Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. Tambov, 2009. 26 p.

5. *Yashchuk T.F.* From the History of Russian Law to the History of State and Law of USSR? Transformation of Science and Educational Discipline // Bulletin of the Tomsk State University. No. 458. 2020. P. 261–269.

6. *Kostryukov P.A.* S.V. Yushkov as a Founder of the Soviet Historical Legal Science // Bulletin of the Tomsk State University. 2007. № 2(46). P. 92–97.

7. *Pochekaev R.Yu.* S.V. Yushkov as a Researcher of Traditional Kazakh State and Law // Historical Jurisprudence. Iss. 9: Methodology of Study the History of Russian State and Law: Traditions in the Science. 2022. P. 115–134.

8. *Yushkov S.V.* On the Pre-Feudal "Barbarian" State // Heritage of the Department of History of State and Law: Collection of Scientific Works / Prikhod'ko M.A. (Comp.). M.: Prospect, Publ. 2018. P. 287–235.

9. *Yushkov S.V.* History of State and Law of the USSR. Pt. 1. M.: Legal Press of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1940. 596 p.

10. *Yushkov S.V.* Text-Book on History of State and Law of the USSR. Iss. 4. Social and Political System of Lithuanian State, Caucasian States and States of Central and Inner Asia. M.: Legal Press of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1945. 55 p.

11. *Yushkov S.V.* History of State and Law of Russia (9th – 19th cc.), Suppl. and Rev., Ed. by N.V. Kiseleva. Rostov-na-Donu: Phoenix Publ., 2003. 736 p.

12. *Yushkov S.V.* History of State and Law of the USSR. Pt. 1. M.: Legal Press of the Ministry of Justice of the USSR, 1946. 332 p.

13. *Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu., Abzalov L.F., Gatin M.S.* An Institution of Bukaul in the Turkic-Mongol States: Ikhan, Jochid and Chagatay Tradition // Oriental Studies. 2023. Vol. 16, No. 4. P. 702–717.

14. *Oz'etgin M.* Term "Ortaq" in the Golden Horde: Analysis and Interpretation // I.M. Mirgaleev (Ed.). Golden Horde Heritage. Materials of the International Scientific Conference "Political and Social History of the Golden Horde (13th–15th cc.)". March 17, 2009. Collection of Articles. Iss. 1. Kazan: Fen Publ., 2009. P. 264–266.

15. *Allsen T.T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 // Asia Major Ser. 3. Vol. 2. Part 2. 1989. P. 83–126.

16. *Shapshal S.M.* On Tarkhan Yarliks // Baskakov A.N. (Ed.). Collected Works on the Occasion of the 70th Anniversary of the Academician V. A. Gordlevskiy. M.: Academy of Sciences of the USSR Press, 1953. P. 304–316.

17. History of State and Law of the USSR / Chistyakov O.I., Martysevich I.D. (eds.). Pt. 1. M.: Moscow University Press, 1985. 280 p.

18. *Isaev I.A.* History of State and Law of Russia. A Manual, 3rd Ed., Rev. and Suppl. M.: Yurist Publ., 2004. 797 p.

19. *Babyanko V.N.* History of Russian State and Law: A Manual. M.: Yustitsiya Publ., 2016. 380 p.

20. *Pochekaev R.Yu.* Law of the Golden Horde. Kazan: Fen Publ., 2009. 260 p.

21. *Belyev I.D.* On Mongolian Officers in Rus' Mentioned in Khans' Yarliks // Kalachov N. (Ed.). Archive of Historical-Legal Information Related to Russia. Vol. 1. M.: A. Semen's Printing Press, 1850. P. 97–110.

22. *Priselkov M.D.* Khans' Yarliks to Russian Metropolitans. Petrograd: Nauchnoe Delo Publ., 1916. 116 p.

23. *Radlov V.* Yaliks of Toktamysh and Temir-Kutluk // Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Archeological Society. 1888. Vol. 3. P. 1–40.

24. *Clavijo R.G. de.* Diary if Travel to the Court of Timur in Samarqand (1403–1406) / Transl. from Old Span. by I.S. Mirokova. M.: Nauka Publ., 1990. 212 p.

25. *Sharaf al-Din Ali Yazdi.* Sharaf-nameh. The Book of Victories of Amir Temur / Transl. from Old Uzbek by A. Ahmedov. Tashkent: SAN'AT, 2008. 486 p.

26. *Kriven'kiy A.I.* Development of Conceptual Principles of the Educational Discipline "History of State and Law of Russia" (by the Example of Works of Professor S.V. Yushkov) // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Legal Sciences". 2012. No. 1. P. 32–43.

27. *Mulukaev R.S.* On the Methodology of History of Russian State and Law // Bulletin of the South-Urals State University. Series "Law". 2015. Vol. 15, No. 2. P. 26–29.

28. *Popov A.V.* Theory of the "Nomadic Feudalism" by the Academician B.Ya. Vladimitsov and the Modern Discussion on the Social System of Nomads // Kononov A.N. et al. (Eds.). Mongolica. In Memory of the Academician B.Ya. Vladimirtsov, 1884–1931. M.: Nauka Publ., 1986. P. 183–193.

29. *Kradin N.N.* Chiefdom: Modern Station and Problems of Research // Popov V.A. (Ed.). Early Forms of Political Organization: From the Primitive to the State System. M.: Vostochnaya Literatura Publ., 1995. P. 11–61.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-43-51
УДК 340

С.Н. Туманов

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВОМ ФУНКЦИИ ОБОРОНЫ СТРАНЫ В ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ 2

Введение: *в современных условиях геополитического давления и обострения международной обстановки, проведения специальной военной операции функция обороны страны выходит на передний план в жизни российского общества. Требует дальнейшего совершенствования и развития военное законодательство в качестве нормативной правовой основы реализации государством функции обороны.* ***Цель*** *— постановка проблемы на уровне общей теории государства в виде необходимости обобщения и критического анализа отраслевого юридического знания в области военного законодательства как нормативной основы реализации функции обороны страны.* ***Методологическая основа:*** *общефилософский метод в виде материалистической диалектики, системно-функциональный подход, а также частноправовые методы — формально-юридический и сравнительно-правовой.* ***Результаты:*** *обобщаются знания отраслевых юридических наук по вопросам межотраслевого характера содержания и структуры нормативной правовой основы механизма реализации функции обороны государством. Констатируется наличие пробела в науке теории государства и права по вопросам понятия, места и роли военного права в системе российского законодательства.* ***Выводы:*** *предлагается уточнить и дополнить общетеоретическую доктрину права и государства концептуальными положениями о месте и роли военного права в системе российского законодательства, о механизме реализации функции обороны страны.*

Ключевые слова: *функции государства, нормативные правовые основы деятельности вооруженных сил, механизм государства, военное право.*

S.N. Tumanov

ON THE ISSUE OF THE REGULATORY AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE STATE'S IMPLEMENTATION OF THE COUNTRY'S DEFENSE FUNCTION IN THE GENERAL THEORETICAL PERSPECTIVE OF THE STUDY. PART 2

Background: *in modern conditions of geopolitical pressure and the aggravation of the international situation, as well as the conduct of a special military operation, the country's defense function is coming to the fore in the life of Russian society. Military legislation requires further improvement and development as a normative legal basis for the State's implementation of the defense function.* ***Objective*** *— is to pose the problem at the level of the general theory of the state in the form of the need for generalization and critical analysis of sectoral legal knowledge in the field of military legislation as a normative basis for the implementation of the country's defense function.* ***Methodology:*** *the general philosophical method in the form of materialistic dialectics, the system-functional approach, as well as private legal methods — formal legal and comparative legal.* ***Results:*** *the knowl-*

© Туманов Сергей Николаевич, 2025
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_igp@ssla.ru
© Tumanov Sergey Nikolaevich, 2025
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

edge of branch legal sciences on the issues of the intersectoral nature of the content and the structure of the regulatory legal framework of the mechanism for the implementation of the state defense function is summarized. It is stated that there is a gap in the science of the theory of state and law on the concept, place and role of military law in the system of Russian legislation. ***Conclusions:*** *it is proposed to clarify and supplement the general theoretical doctrine of law and the state with conceptual provisions on the place and role of military law in the system of Russian legislation, on the mechanism for implementing the country's defense function.*

Keywords: *functions of the state, normative legal bases of the armed forces, mechanism of the state, military law.*

В первой части настоящей статьи был обозначен ряд тенденций в процессе трансформации нормативной правовой основы механизма реализации функции обороны страны, в числе которых интенсификация внедрения новых специальных нормативных предписаний, смещение баланса от законов к подзаконным нормативным правовым актам, оперативность правотворческой деятельности и др. В условиях проведения Россией специальной военной операции также наблюдается более тесная кооперация военного законодательства с иными отраслями российского права. Исходя из анализа складывающейся правотворческой практики интенсивное взаимодействие наблюдается между военным и финансовым правом, военным и уголовным правом, трудовым и военным правом, а также межу военным и гражданским законодательством. Данная тенденция не осталась незамеченной представителями отраслевых юридических наук, а также вызвала различные оценки и предложения по ее отражению в правовой доктрине.

Представляется целесообразным совершить попытку обобщения позиций, изложенных в отраслевых юридических науках по проблеме взаимосвязи военного права с иными отраслями российского законодательства в современных условиях, проанализировать идею так называемых гибридных правовых режимов, понимание военного права как комплексного законодательного массива, позицию о формировании таких подотраслей военного права, как военно-уголовное и военно-трудовое, в целях разработки общетеоретических выводов по уточнению понятия, содержания и структуры нормативной правовой основы реализации государством функции обороны, а также по дополнению и уточнению общего учения о системе российского законодательства.

Проблема понимания природы и содержания военного права долгое время носит дискуссионный характер. По справедливому мнению одного из ведущих разработчиков науки военного права А.В. Кудашкина, «несмотря на имевшие ранее место дискуссии, связанные с понятием военного права, его сущностью, местом в системе российского права, все вопросы до настоящего времени не решены и точки не расставлены» [1, с. 75].

Рассматривая обозначенную проблематику и сопоставляя различные позиции, высказанные в юридической литературе, можно выделить следующие основные варианты понимания военного права как нормативной правовой основы реализации государством функции обороны и управления Вооруженными силами РФ.

1. Военное право рассматривается как самостоятельная отрасль российского права, обладающая сложным комплексным строением, предметом регулирования которой выступают:

а) управленческая деятельность органов государственной власти по организации и обеспечению обороны страны, их компетенция;

б) организационные начала и статус военной организации государства;

в) военная служба, включая порядок ее прохождения;

г) социальное обеспечение военнослужащих, их социальные гарантии и защита;

д) уголовная, административная и дисциплинарная ответственность военнослужащих;

е) правоохранительные отношения, складывающиеся в военной организации и при прохождении военной службы;

ж) военно-техническое сотрудничество России с другими странами;

з) применение Вооруженных сил РФ за пределами ее территории и выполнение норм международного права и др.

Указанные блоки общественных отношений предопределяют во многом и структуру военного права, которое, по мнению сторонников его трактовки в качестве отрасли права, состоит из ряда подотраслей: военно-административной, военно-уголовной, военно-социальной и подотрасли вооруженных конфликтов [2–4]. Отдельные авторы представляют несколько иную структуру военного права, например, выделяя в ней дополнительно военно-судебную подотрасль, но не обозначая право социального обеспечения военнослужащих [5–6].

А.В. Кудашкин и В.М. Корякин наряду с подотраслями предлагают выделять у военного права общую, особенную и специальные части, достаточно детально раскрывая последние две из них. В общую часть, по мнению исследователей, надлежит включать цели, задачи, принципы [3, с. 5–6; 4, с. 15–20]. Однако возникают закономерные вопросы, каково содержание этих норм и почему по настоящий момент они не систематизированы в едином нормативном правовом акте. Представляется, что наличие развитой общей части свидетельствует о степени сформированности того или иного образования в системе права или системе законодательства.

А.В. Кудашкин не видит препятствий для выделения военного права в качестве самостоятельной отрасли права при отсутствии кодификации военного законодательства, отмечая необходимость принятия подобного акта в виде соответствующего кодекса в обозримом будущем [1, с. 78–79; 7]. Не оспаривая целесообразность такого шага в систематизации военного законодательства, отметим, что отсутствие кодификации норм военного права служит весомым аргументом для противников придания рассматриваемому комплексу норм статуса отрасли права, поскольку его единство не обеспечено цементирующими общими нормативными правовыми предписаниями, что делает значительную часть норм массива военного права разобщенными и разделенными между различными отраслями российского права, в числе которых конституционное, уголовное, административное, финансовое, трудовое и др. Отмеченную сложность, по-видимому, осознает и А.В. Кудашкин, оговаривая межотраслевой характер норм, регулирующих деятельность государства, его органов и организаций в военной сфере и употребляя термин «военное законодательство», «которое может иметь комплексный характер» [2, с. 5–6]. В связи с этим следует обратиться к иной теоретической концепции рассмотрения природы военного права, несколько отличной от данной.

2. Военное право понимается в качестве относительно обособленной комплексной отрасли законодательства, но не отрасли права. Такая точка зрения не отрицает наличия специфики у предмета правового регулирования военного права, но отказывает ему в обладании особым методом правового регулирования. Одновременно сторонники этой позиции ссылаются на труды теоретиков права, не признающих идею выделения «комплексных отраслей права» в системе российского права, поскольку это нарушает теоретико-методологические основания ее построения в юридической науке и не соответствует объективно сложившейся структуре права [8, с. 74–75; 9, с. 269–270; 10, с. 37–38; 11, с. 102; 12, с. 9–10].

Теоретические воззрения об обособленном характере военного права в виде комплексной отрасли законодательства доминировали в определенный период развития советской юриспруденции [13, с. 194–197; 14, с. 42], но постепенно уступили место идее о трактовке его в качестве отрасли права, что можно наблюдать в современный период.

3. Военное право не представляет собой самостоятельного образования в структуре российского права, а нормы, регулирующие те или иные общественные отношения с участием военнослужащих, военных организаций и органов государственного управления ими, расположены в различных отраслях права либо являются подотраслью (институтом) административного права. Например, еще А.П. Коренев отстаивал точку зрения о том, что отсутствуют какие-либо объективные условия и предпосылки для вычленения новых отраслей из содержания и структуры административного права, поскольку у него единый предмет правового регулирования в виде управленческих отношений, который не подлежит дроблению. В связи с этим, полагал исследователь, военное право не может представлять собой самостоятельной части системы права вне отрасли административного права, внутри которого оно — лишь один из его институтов [15, с. 42].

Однако данная позиция достаточно уязвима в современных условиях, поскольку у военного законодательства существенно расширился предмет правового регулирования, который включает в себя общественные отношения, не подпадающие под какую-то одну отрасль права. Осуществление государством функций обороны страны, проведение специальной военной операции, развитие оборонно-промышленного комплекса, военно-технического сотрудничества и ряда иных с ними связанных не может вмещаться в рамки исключительно административно-правовой формы. С учетом сказанного следует упомянуть и кратко рассмотреть еще один вариант понимания комбинированного правового регулирования военной сферы общественных отношений.

4. Военное право трактуется в качестве комплексного массива законодательства, включающего в себя комбинированные, гибридные правовые режимы, образуемые на стыках военного и уголовного права, военного и финансового права, военного и трудового права и иных отраслей законодательства.

Расширение числа законов и подзаконных актов в области реализации государством задач в сфере обороны страны, управления вооруженной организацией, обеспечения развития военно-промышленного комплекса, защиты прав военнослужащих, бюджетного финансирования специальной военной операции приводит, по мнению ряда авторов, к разрастанию и трансформации отрасли военного законодательства в более крупное образование в виде нормативного

правового массива, наполняемого постепенно гибридными правовыми режимами [16–19]. Подобный процесс сопровождается смещением баланса в структуре военного законодательства от законов в сторону подзаконных нормативных актов, увеличением числа специальных нормативных предписаний, устанавливающих особые правила для военных организаций, военнослужащих, предприятий военно-промышленного комплекса и иных субъектов в области финансового, административного, трудового, гражданского права. Создаваемые в последние годы специальные правовые режимы в области реализации государством обороны страны способствуют усложнению военного законодательства, установлению у него большего числа предметных и функциональных связей с иными отраслями российского законодательства. Указанные обстоятельства побуждают представителей отраслевых юридических наук чаще обращаться к понятиям «правовой режим», «массив законодательства», «специальный правовой режим», «чрезвычайный правовой режим», «гибридный правовой режим» и т.п.

Однако следует обратить внимание, что термины «законодательный массив», «нормативный массив» не обладают должной теоретической определенностью, часто употребляются без четкого определения по отношению к более крупным образованиям в системе российского законодательства по сравнению с его отдельной отраслью. По этому вопросу можно привести следующее справедливое суждение М.И. Байтина и Д.Е. Петрова: «Основываясь на том, что комплексные образования затрагивают не только форму, но и содержание права без изменения его отраслевой структуры, ряд исследователей предложили называть их комплексными общностями, или массивами, правовых норм. Однако термин “нормативный массив” имеет некоторую неопределенность, так как все отрасли права являются прочными монолитными образованиями и потому могут быть охарактеризованы как своеобразные “массивы”. Видимо, поэтому позднее данный термин стал употребляться применительно к наиболее крупным образованиям законодательства» [10, с. 35].

Кратко рассмотрев основные подходы в раскрытии сущности и природы военного права в отечественной юридической литературе, можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на различия между ними, большинство исследователей сходится в комплексном и межотраслевом характере его содержания. Комплексный характер правовых форм осуществления функции обороны страны, безусловно, заслуживает продолжения исследований, вывода их на уровень общей теории государства и права, поскольку накопленный отраслевыми юридическими науками материал предоставляет для этого благодатную почву.

На уровне теории государства и права проблема комплексности в содержании и структуре системы права и системы законодательства нашла отражение в целом ряде работ, вызывала и продолжает вызывать достаточно оживленную дискуссию среди теоретиков права [20–25].

В настоящий момент особенно востребованы гибкость, оперативность и комплексность в правотворческой деятельности, что придает дискуссии по поводу выделения комплексных образований в праве новый импульс.

Не представляется возможным в рамках одной статьи не только рассмотреть, но даже обозначить основные доводы, аргументы и возражения сторонников и противников выделения комплексных отраслей права. Нам видится наиболее обоснованной и теоретико-методологически выверенной точка зрения о наличии комплексных отраслей лишь в структуре законодательства, но не в системе права.

С позиции системного подхода еще раз обстоятельно сущность спора обозначила в своей недавней работе Н.М. Асланян и убедительно продемонстрировала недостатки, неточности и противоречия в концепции комплексных отраслей права [20].

Выверенной и методологически точной, на наш взгляд, является доктринальная позиция по вопросу соотношения отрасли права и отрасли законодательства, изложенная в упоминавшейся ранее работе М.И. Байтина и Д.Е. Петрова, которая представляет в свете рассматриваемой нами проблемы особый интерес, поскольку в ней разрешается проблема сущности и природы образовательного права, обладающего аналогичным по ряду моментов комплексным и межотраслевым характером военному праву. Одновременно позиция упомянутых авторов интересна еще и тем, что в ней вопросы структуры российского законодательства органично увязываются с общей теорией функции государства и правовых форм их осуществления. В частности, их перу принадлежит следующее значимое для понимания природы военного права, а равно иных комплексных образований в законодательстве утверждение: «Правовые формы осуществления функций государства обусловлены первостепенной организующей ролью права в жизни общества, а определяющей правовой формой осуществления функций государства является правотворческая деятельность. Направление правотворческой деятельности, по мере накопления нормативного материала как ее результата, образует соответствующую отрасль законодательства» [10, с. 32].

В нашем случае специфика правовых форм осуществления функции обороны государством вызывает процесс формирования и развития соответствующей отрасли — военного законодательства. Как справедливо подмечено М.И. Байтиным и Д.Е. Петровым, «осуществление не всякой функции государства связано с определенной соответствующей ей отраслью законодательства». В ходе рассмотрения вопросов дифференциации российского законодательства следует одновременно применять и структурный, и функциональный подходы, что им блестяще удалось продемонстрировать на примере образовательного права. Аналогичный шаг следует предпринять при обобщении данных, полученных отраслевыми юридическими науками по отношению к военному законодательству. Думается, что такой методологический подход к указанной отрасли законодательства окажет содействие и более полному раскрытию функции обороны государства, механизма ее реализации.

Суть методологического приема заключается в следующем: «Структурный подход позволяет выделить отрасли законодательства, которые являются внешним выражением отраслей права. Они составляют основу системы законодательства, ибо каждая из них содержит общие положения правового регулирования определенного рода общественных отношений, возникающих в различных сферах жизни и деятельности общества, а также нормы, регулирующие наиболее типичные, характерные отношения данного рода. Функциональный подход дает возможность обособить отрасли законодательства, соответствующие основным направлениям деятельности (функциям) государства. Отрасли законодательства содержат в себе нормы различной отраслевой принадлежности. Эти нормы объединены в целях обеспечения определенной целенаправленной деятельности государства и регулируют возникающие в ходе нее отношения разного рода. Комплекс таких отношений лишь с некоторой оговоркой можно называть предметом регулирования комплексной отрасли законодательства» [10, с. 33]. С учетом данного постулата и объективных

условий специфики осуществления государством функции обороны выделения военного права как самостоятельной отрасли законодательства предстает в качестве обоснованного и выверенного шага в общей теории государства и права.

На наш взгляд, несмотря на столь существенный объем сферы обороны, воинской организации и военной деятельности в общем предмете правового регулирования, общественные отношения такого рода при более внимательном рассмотрении по своей сущности выступают административно-управленческими, охранительными, имущественными и иными (административными, уголовными, финансовыми, гражданскими и т.д.).

Другими словами, если они сопряжены с решением вопросов:

организации и управления вооруженными силами, то это предмет административного права;

военного имущества и его распоряжения и использования — предмет гражданского права;

охраны от преступных посягательств — предмет уголовного права;

финансирования государственных военных расходов и налогообложения предприятий военно-промышленного комплекса — предмет финансового и налогового права;

социальной защиты военнослужащих и обеспечения трудовых прав работников, задействованных в оборонно-промышленном комплексе, то есть основания для их включения в предмет трудового права и права социального обеспечения. Поэтому военное право является не отраслью права, а сложным укрупненным комплексным (межотраслевым) правовым институтом, который получает выражение в соответствующей комплексной отрасли законодательства.

В отношении же структуры права было бы неверным полное исключение норм, регламентирующих военные отношения и тесно связанные с ними иные общественные отношения в сфере реализации функции обороны страны, представляющие, по сути, комплексный разноотраслевой институт права, поскольку именно взаимосвязь юридических норм, образующих подобный институт, обеспечивает возможность и необходимость их единого выражения в системе законодательства в виде соответствующей по форме его отрасли. Таким образом, полагаем целесообразным в общей теории права определять совокупность норм, регламентирующих реализацию функции обороны, обеспечение функционирования вооруженных сил и развитие оборонно-промышленного комплекса государством, в качестве относительно самостоятельного комплексного (межотраслевого) института в системе права по содержанию и комплексной отрасли российского законодательства по форме выражения.

Библиографический список

1. *Кудашкин А.В.* Военное право: понятие и содержание, дискуссия о соотношении отрасли права и законодательства, предмет исследования // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2020. № 4(273). С. 75–79.

2. *Кудашкин А.В.* «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 4(285). С. 2–13.

3. *Корякин В.М.* Введение в теорию военного права (монография): Военное право в XXI веке // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Сер.: Право в Вооруженных Силах — консультант. М., 2007. Вып. 73. С. 11–119.

4. Военное право: монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина: в 3 т. Т. 1: Теория и история военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 559 с.

5. *Максимов А.А.* Советские военно-правовые нормы и их особенности: дис. … канд. юрид. наук. М., 1950. 19 с.

6. *Чхиквадзе В.М.* Советское военно-уголовное право: учеб. пособие для юрид. высш. учеб. заведений. М., 1948. 452 с.

7. *Кудашкин А.В.* О Военном кодексе Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 8. С. 2–4.

8. *Поленина С.В.* Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. №3. С. 71–79.

9. *Керимов Д.А.* Методология права. М., 2001. С. 269–270.

10. *Байтин М.И., Петров Д.Е.* Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Правоведение. 2004. № 4. С. 29–40.

11. *Петров Д.Е.* Отрасль права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2004. 192 с.

12. *Милушин М.И.* Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 16 с.

13. *Орлов Г.Ф.* Предмет правового регулирования комплексной отрасли советского законодательства // Сборник статей № 21. М., 1985. С. 194–200.

14. *Романов П.И.* Военное право как отрасль советского законодательства, учебная и научная дисциплина // Вопросы теории военного законодательства и практики его применения: сб. науч. ст. М., 1974. С. 40–43.

15. *Коренев А.П.* О соотношении административно-правовых институтов и отрасли административного права // Институты административного права: сб. ст. М., 1999. С. 41–43.

16. *Печёнкина А.А.* К вопросу о взаимодействии военного права и финансового права в системе российского права // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 11А. С. 211–218.

17. *Сурков А.Н.* Актуальные проблемы применения гражданского законодательства в сфере военного управления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. 55 с.

18. *Чуча С.Ю.* Занятость, труд, социальная защита и предмет военного права: обозначение проблемы // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19, № 6. С. 246 –271.

19. *Шарапов С.Н.* Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2020. № 4(273). С. 75–79.

20. *Асланян Н.М*. Концепция комплексных отраслей права в свете системных представлений // Пролог: журнал о праве. 2024. № 4. С. 7–17.

21. *Гонгало Б.М.* Комплексность в праве // Закон. 2020. № 6. С. 73–83.

22. *Зубкова А.С.* Комплексное правовое регулирование в современной России: понятие, состояние, перспективы: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 170 с.

23. *Сидорова Е.В.* Комплексное правовое регулирование: монография. М., 2015. 304 с.

24. *Сырых В.М.* Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22–27.

25. *Тонков Е.Е., Синенко В.С.* Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2016. № 2. С. 53–75.

References

1. *Kudashkin A. V.* Military law: concept and content, discussion on the relationship between the branch of law and legislation, subject of research // Law in the Armed Forces — Military and Legal Review. 2020. No. 4(273). P. 75–79.

2. *Kudashkin A.V.* The "Structural skeleton" of the branch of military law (on the issue of sub-branches of military law) // Law in the Armed Forces — Military Legal Review. 2021. No. 4(285). P. 2–13.

3. *Koryakin V.M.* Introduction to the theory of military law (monograph): Military Law in the 21st century // Russian Military Law Collection No. 9: Military Law in the 21st Century. Ser. "Law in the Armed Forces — consult." M., 2007. Issue. 73. P. 11–119.

4. Military law: a monograph / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin: in 3 volumes. Vol. I: Theory and history of military law (with a preface). Moscow: Center for Legal Communications, 2021. 559 p.

5. *Maksimov A.A.* Soviet military legal norms and their peculiarities: dis. ... kand. jurid. Sciences. M., 1950. 19 p.

6. *Chkhikvadze V.M.* Soviet military criminal law: textbook. handbook for lawyers. higher. studies. M., 1948. 452 p.

7. *Kudashkin A.V.* About the Military Code of the Russian Federation // Law in the Armed Forces. 2004. No. 8. P. 2–4.

8. *Polenina S.V.* Complex legal institutions and the formation of new branches of law // Law studies. 1975. No. 3. P. 71–79.

9. *Kerimov D.A*. Methodology of law. M., 2001. P. 269–270.

10. *Baytin M.I., Petrov D.E.* Correlation of the branch of law and the branch of legislation // Law studies. 2004. No. 4. P. 29–40.

11. *Petrov D.E.* Branch of law / ed. M.I. Baitin. Saratov, 2004. 192 p.

12. *Milushin M.I.* Formation of complex formations in the system of legislation of the Russian Federation: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. nauk. M., 2003. 16 p.

13. *Orlov G.F.* The subject of legal regulation of the complex field of Soviet legislation // Collection of articles No. 21. M., 1985. P. 194–200.

14. *Romanov P.I*. Military law as a branch of Soviet legislation, an educational and scientific discipline // Issues of the theory of military legislation and the practice of its application. Collection of scientific articles. M., 1974. P. 40–43.

15. *Korenev A.P.* On the relationship between administrative and legal institutions and the branch of administrative law // Institutes of Administrative law: collection of art. M., 1999. P. 41–43.

16. *Pechyankina A.A.* On the issue of the interaction of military law and financial law in the system of Russian law // Issues of Russian and international law. 2024. Volume 14. No. 11A. P. 211–218.

17. *Surkov A.N.* Actual problems of the application of civil legislation in the field of military administration: abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. nauk. M., 2006. 55 p.

18. *Chucha S.Yu.* Employment, labor, social protection and the subject of military law: identification of the problem // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 19, No. 6. P. 246–271.

19. *Sharapov S.N.* Modern military criminal law in the legal system: problems of institutionalization // Law in the Armed Forces — Military and Legal Review. 2020. No. 4(273). P. 75–79.

20. *Aslanyan N.M.* The concept of complex branches of law in the light of systemic representations // Prologue: Journal of Law. 2024. No. 4. P. 7–17.

21. *Gongalo B.M.* Complexity in law // Law. 2020. No. 6. P. 73–83.

22. *Zubkova A.S.* Complex legal regulation in modern Russia: concept, condition, prospects: Dis. ... Cand. Jurid. Sciences. M., 2025. 170 p.

23. *Sidorova E.V.* Complex legal regulation: monography. M., 2015. 304 p.

24. *Syrykh V.M.* Complex institutions as components of the Russian law system // Journal of Russian Law. 2002. № 10. P. 22–27.

25. *Tonkov E.E., Sinenko V.S.* Complex branches of law: a fruitful idea or a rejection of formal certainty in legal science? // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2016. No. 2. P. 53–75.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-52-56
УДК 340

А.В. Злобин

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДЕЛЕГИРОВАННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА. ЧАСТЬ 1

Введение: *проблема делегированного правотворчества является одной из центральных в современной правовой науке, характеризуясь сложной природой и многогранными проявлениями. Благодаря делегированному правотворчеству обеспечивается оперативное и оптимальное регулирование общественных отношений, однако его историческое становление и развитие демонстрируют постоянный поиск баланса между управленческой эффективностью и принципом разделения властей.* ***Цель*** *— провести комплексный историко-правовой анализ эволюции делегированного правотворчества, выявить ключевые этапы его институционализации в различных правовых системах, определить механизмы его современного конституционного ограничения.* ***Методологическая основа:*** *диалектико-материалистический метод познания правовой действительности, исторический и логический методы, а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы.* ***Результаты:*** *выделены ключевые вехи развития делегированного правотворчества — от античных истоков и периода «случайных исключений» до институционализации жестких правовых рамок такого делегирования. В частности, раскрыто содержание современных защитных механизмов делегированного правотворчества, таких как доктрина «существенности» и принцип определенности (Германия), жесткое разграничение сфер законодательного и регламентарного регулирования (Франция), система законодательного резерва (Италия), принцип органических законов как барьер для делегирования (Испания).* ***Выводы:*** *констатируется, что делегированное правотворчество эволюционировало от случайных исключений и всевластия чиновников к современной модели господства права. Институционализация судебного контроля превратила делегирование из бесконтрольного права в строго подотчетную процедуру. В результате судебная власть утвердилась в роли окончательного арбитра, гарантирующего, что техническая необходимость делегирования не перерастет в политический произвол исполнительной власти.*

Ключевые слова: *делегированное правотворчество (законотворчество), процедура делегированного законотворчества, разделение властей, институционализация судебного контроля, принцип определенности, верховенство закона.*

A.V. Zlobin

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF DELEGATED LAWMAKING. PART 1

Background: *the problem of delegated lawmaking is one of the central ones in modern legal science, characterized by its complex nature and multifaceted manifestations. Delegated lawmaking ensures prompt and optimal regulation of public relations, but its historical formation and development demonstrate a constant search for a balance between managerial efficiency and the principle*

© Злобин Александр Владимирович, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: zlobin_a@mail.ru
© Zlobin Aleksandr Vladimirovich, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

of separation of powers. ***Objective*** *— is to conduct a comprehensive historical and legal analysis of the evolution of delegated lawmaking, identify the key stages of its institutionalization in various legal systems, and identify the mechanisms of its modern constitutional limitation.* ***Methodology:*** *dialectical-materialistic method of cognition of legal reality, historical and logical methods, as well as formal-legal and comparative-legal methods.* ***Results:*** *key milestones in the development of delegated lawmaking are highlighted: from the ancient origins and the period of "accidental exceptions" to the institutionalization of a strict legal framework for such delegation. In particular, the content of modern protective mechanisms of delegated lawmaking is disclosed, such as the doctrine of "materiality" and the principle of certainty (Germany), the strict differentiation of legislative and regulatory spheres (France), the system of "legislative reserve" (Italy), the principle of organizational laws as a barrier to delegation (Spain).* ***Conclusions:*** *it is stated that delegated law-making has evolved from accidental exceptions and the period of the omnipotence of officials to the modern model of the rule of law. The institutionalization of judicial control has transformed delegation from an uncontrolled right into a strictly accountable procedure. As a result, the judiciary has established itself as the final arbiter, ensuring that the technical necessity of the case does not escalate into political arbitrariness of the executive branch.*

Keywords: *delegated lawmaking, procedure of delegated lawmaking, separation of powers, institutionalization of judicial control, principle of certainty, rule of law.*

Идея делегированного правотворчества (законотворчества), то есть передачи законодательных полномочий от представительного органа исполнительной власти, уходит корнями в Античность, хотя в современном понимании этот термин оформился значительно позже. Если говорить совсем просто, то делегирование законодательных полномочий, это история о том, как тот, кто должен писать, принимать законы (народ, парламент), признает, что не успевает и/или не разбирается во всех деталях, и передает это полномочие другому (верховному правителю, исполнительному или иному органу), определяя общее направление этой деятельности.

Рассмотрим этапы развития и становления делегированного правотворчества.

I. Античный (римский) этап — происходит формирование идеи, что народ может передать свои полномочия правителю.

Первые прообразы делегирования (передачи власти) появились в Древнем Римском государстве. Господствовавшая в Древнем Риме идея народного суверенитета утратила свою значимость в связи с разрастанием территории государства, поскольку стало невозможно собирать всех на площади для голосования по каждому решению (вопросу). Появилась юридическая фикция — Lex Regia, означающая, что народ раз и навсегда «делегировал» право издавать законы императору.

Lex Regia (Королевский закон или Королевский акт) считается древнейшей концепцией делегирования. Согласно римским юристам (например, Ульпиану), римский народ посредством этого акта передавал императору все свои полномочия и власть (imperium и potestas), что теоретически обосновывало право императора издавать указы, имеющие силу закона.

В период Римской республики Сенат мог наделять магистратов особыми чрезвычайными полномочиями для решения конкретных кризисных задач, что, по сути, было временным делегированием управленческой и законодательной функции.

В Дигестах Юстиниана (Digesta Iustiniani) зафиксирована знаменитая формула Ульпиана: «Что угодно принцепсу, имеет силу закона» («Quod principi placuit, legis habet vigorem»), обоснованная тем, что народ передал ему свою власть посредством Lex Regia. «То, что решил принцепс, имеет силу закона, так как народ посредством царского закона, принятого по поводу высшей власти принцепса, предоставил принцепсу всю свою высшую власть и мощь»[1].

Известный римский юрист Гай, фиксируя переход от республики к империи, где воля одного человека официально становится высшим источником права, заменяя собой народные собрания, описывая в Институциях источники римского права, приравнивает указы императора к законам: «Конституция принцепса — это постановление императора в форме декрета, эдикта или письма. И никогда не ставилось под сомнение, что оно имеет силу закона, раз сам император получает высшую власть посредством закона»[2].

Таким образом, античный этап заложил доктринальный фундамент всей системы делегирования. Через концепцию Lex Regia была юридически обоснована сама возможность передачи правотворческой воли от первичного источника (народа) к единоличному правителю (императору). Это превратило делегирование из акта захвата власти в легитимную правовую процедуру, создав прецедент, на который в последующие века опирались все европейские монархии при обосновании своих законодательных полномочий.

II. Средневековый (английский) этап — происходит появление первых официальных актов в Англии (XIV–XVI вв.), разрешающих монарху издавать указы с силой закона для решения оперативных задач.

В Англии XIV в. парламент осознал, что он не может предусмотреть все (например, определять содержание нормы (цену труда), разрабатывать и выдавать специальные разрешения на передвижение, определять тяжесть проступка и применять меры принуждения, исправлять и дополнять тарифы на продукты и товары, устанавливать размеры пошлин, определять порядок клеймения шерсти и т.д.).

Так, Статут о шерсти (Statute of Wool) 1337 г. — один из первых примеров в Англии, когда парламент наделил короля нормотворческими полномочиями. «…ни один купец, иностранец или подданный, ни кто-либо иной, какого бы сословия или положения он ни был, под страхом лишения жизни и конечностей, а также конфискации всего, что он может потерять в пользу нашего Суверенного Лорда Короля, не должен отныне — ни сам, ни через других, тайно или явно — вывозить или способствовать вывозу любой шерсти за пределы королевства, пока Королем и его Советом не будет распоряжено об ином»[3].

То есть парламент принимал закон, а королю разрешал издавать уточняющие его указы. Исследователи находят первые примеры того, как парламент разрешал королю и его совету принимать правила и распоряжения, дополняющие основной закон.

[1] См.: Дигесты Юстиниана. Книга I, Титул IV. О конституциях принцепсов. URL: https://rimpravo.ru/digesty-iustiniana#gsc.tab=0 (дата обращения: 15.10.2025).

[2] См.: Институции Гая. Книга первая. Формы позитивного права. URL: https://rimpravo.ru/institucii-gaya#gsc.tab=0 (дата обращения: 15.10.2025).

[3] См.: Статут о шерсти (Statute of Wool) 1337 г. 11 Edw. III, c. 1 / Statutes of the Realm. Vol. 1 (1101–1377). P. 280. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/79/The_Statutes_of_the_Realm_Vol_1_%281101-1377%29.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

Статут о прокламациях 1539 г. (Statute of Proclamations) — основной документ эпохи Генриха VIII, который официально разрешал королю издавать указы с силой закона: «...поскольку возникают внезапные причины и события, которые требуют быстрых мер (speedy remedies), и если ждать созыва парламента, то за это время может возникнуть большая опасность для государства... устанавливается, что прокламации, издаваемые королем с совета его Тайного совета, должны изучаться, соблюдаться и исполняться так, как если бы они были приняты актом парламента»[1].

Закон о провозглашениях был принят при Генрихе VIII, придав королевским указам силу закона, что позволило Короне быстро действовать в чрезвычайных ситуациях, не дожидаясь парламента. В преамбуле это обосновывается тем, что «в любое время возникают внезапные причины и поводы, требующие скорейшего решения», а отсрочка созыва парламента может привести к «серьезному ущербу для королевства».

В современной юридической литературе до сих пор используется термин «оговорка Генриха VIII» (Henry VIII clause) для обозначения положений, позволяющих исполнительной власти изменять первичный закон.

Термин «оговорка Генриха VIII» активно используется в современном праве Великобритании и стран Содружества (Австралии, Канады). Так, например, он был особенно актуален в связи с процессом Brexit, когда правительству потребовались полномочия для быстрой правки тысяч законодательных актов ЕС без полноценного парламентского цикла.

Самым громким примером последних лет является Закон о выходе из ЕС 2018 г. (European Union (Withdrawal) Act 2018), который в ст. 8 «Устранение недостатков, возникающих в связи с выходом» закрепляет: «(1) Министр Короны может посредством нормативных актов устанавливать положения, которые Министр сочтет целесообразными в целях предотвращения, устранения или смягчения: (a) любых случаев неэффективного функционирования сохраненного права ЕС, или (b) любых иных недостатков сохраненного права ЕС, возникающих в связи с выходом Соединенного Королевства из ЕС»[2] (ч. 1). В тексте Закона содержатся положения (Section 8), которые позволяют министрам вносить изменения в первичное законодательство с помощью подзаконных актов (Statutory Instruments), чтобы устранить «недостатки» (deficiencies), возникшие из-за выхода из ЕС.

Современные юристы критикуют эти оговорки, так как они подрывают принцип верховенства парламента. Несмотря на то, что акту 1539 г. почти 500 лет, механизм делегирования «сверхполномочий» исполнительной власти остается одним из самых спорных инструментов в демократическом праве.

Известный английский юрист Уильям Блэкстон в трудах, посвященных Комментариям к законам Англии (1765–1769), в ходе анализа границ королевской законодательной прерогативы (законодательных полномочий) и исключительного права парламента заложил основы делегированного законотворчества.

1. Говоря о границах прокламаций и закона, У. Блэкстон четко разграничивает право короля «исполнять» закон и его неспособность «создавать» новые законы

[1] См.: Statute of Proclamations 1539 (31 Hen. 8 c. 8) // Statutes of the Realm. Vol. 3. P. 726–733. URL: www.british-history.ac.uk (дата обращения: 15.10.2025).

[2] См.: European Union (Withdrawal) Act 2018. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/16 (дата обращения: 15.10.2025).

без парламента: «Прокламации имеют силу лишь в той мере, в какой они обоснованы законами страны или основываются на прерогативе короля… Они могут подкреплять исполнение существующих законов, но не могут устанавливать новые правила, налагать обязательства или изменять право страны»[1].

2. Анализируя Статут о прокламациях 1539 г., У. Блэкстон говорит о нем, как об опасном прецеденте: «Статут 31 Генриха VIII, дававший королевским прокламациям силу актов парламента, был рассчитан на то, чтобы полностью перевернуть нашу конституцию и ввести абсолютную деспотию»[2].

3. Рассуждая о разделении властей, он объясняет, почему делегирование законодательных полномочий органам исполнительной власти опасно: «Всякий раз, когда право издавать законы и право их исполнять сосредоточены в одних и тех же руках, общественная свобода перестает существовать»[3].

Таким образом, У. Блэкстон обосновал «незаконность» неограниченного делегированного законодательства королю, поскольку, отдавая свою власть королю, парламент совершает самоубийство конституции.

С распадом античного мира идея Lex Regia трансформировалась: в эпоху Средневековья делегирование перестало быть разовой передачей всей власти правителю и превратилось в механизм оперативного управления. На смену римскому обоснованию императорской воли пришла практика английских королей, которые начали запрашивать у сословных представительств право издавать временные указы — прокламации. Это ознаменовало переход ко второму этапу, где делегирование стало инструментом решения конкретных управленческих задач в рамках формирующейся монархической системы.

Главным противоречием того периода стала борьба за правотворческую монополию между королем и формирующимся парламентом. Короли стремились править с помощью единоличных указов (прокламаций), в то время как сословия настаивали на приоритете статутов, принимаемых совместно. Кульминацией этого противостояния стал Статут о прокламациях 1539 г., который официально разрешил Генриху VIII издавать указы с силой закона. Это превратило делегирование из случайной практики в законный инструмент оперативного управления, но заложило «мину замедленного действия»: риск подмены воли народа волей монарха.

Рассмотренные этапы делегированного правотворчества — от римской концепции передачи власти до английских законодательных прецедентов — показывают, как делегированное правотворчество из исключительного права правителя постепенно превращалось в рабочий инструмент правового регулирования. Эти ранние формы заложили правовой фундамент, однако они все еще носили фрагментарный характер. Настоящий перелом произошел позже, когда темп жизни и сложность технологий потребовали от государств принципиально иного подхода. О том, как промышленный бум XIX в. и современные конституционные ограничения превратили делегированное правотворчество в отлаженную систему, мы поговорим во второй части статьи.

---

[1] См. главу 7 «О прерогативе короля» // Комментарии к законам Англии (1765–1769). URL: https://avalon.law.yale.edu/subject_menus/blackstone.asp (дата обращения: 15.10.2025).

[2] См.: Там же.

[3] См. главу 2 «О Парламенте» // Комментарии к законам Англии (1765–1769). URL: https://avalon.law.yale.edu/subject_menus/blackstone.asp (дата обращения: 15.10.2025).

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-57-63
УДК 340.1

О.В. Лазарева

СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЯ «ПРОЦЕДУРА» СО СМЕЖНЫМИ ПОНЯТИЙНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение: *актуальность статьи связана с активным использованием различных процедур в деятельности человека. В век цифровых технологий они продолжают оставаться важнейшим инструментом регулирования отношений между людьми. Отсутствие процедурного механизма затрудняет или делает невозможным воплощение в жизнь социальных норм.* ***Цель*** *— выявить отличительные признаки процедуры путем соотношения понятия «процедура» со смежными понятийными конструкциями юридической науки и законодательства.* ***Методологическая основа:*** *достижению поставленной цели способствовало использование общенаучных и частнонаучных методов.* ***Результаты:*** *соотношение процедуры со смежными категориями во многом определило изучение ее понятия и выявило значение процедуры в деятельности человека. Отметим отличительные признаки правовой процедуры в виде порядка, выраженного в последовательном совершении юридически значимых действий определенными субъектами права, детально регламентированного нормативными или индивидуальными правовыми предписаниями, охраняемого от нарушений правовыми санкциями, ориентированного на достижение конкретного правового результата, обеспечивающего реализацию норм материального и процессуального права.* ***Выводы:*** *правовая процедура — это детально регламентированный нормативными или индивидуальными правовыми предписаниями порядок, выраженный в последовательном совершении юридически значимых действий, осуществляемых определенными субъектами права, охраняемый от нарушений правовыми санкциями и обеспечивающий реализацию норм материального и процессуального права. Отличие процедуры от ритуала состоит в том, что она направлена на достижение определенного результата. Для решения конкретной задачи наиболее эффективным способом считается протокол, а процедура — способом ведения дела. Система процедур, установленных в определенной отрасли или сфере деятельности, образует режим. Процедура может выступать как составная часть регламента, процесса, так и иметь самостоятельное значение.*

Ключевые слова: *процедура, порядок, процедурный механизм, процедурные действия, конкретный социальный результат, ритуал, протокол, регламент, режим, процесс.*

O.V. Lazareva

CORRELATION AND INTERRELATION OF THE CONCEPT OF “PROCEDURE” WITH RELATED CONCEPTUAL CONSTRUCTIONS OF LEGAL SCIENCE AND LEGISLATION

Background: *the relevance of the article is related to the active use of various procedures in human activities. In the digital age, they continue to be the most important tool for regulating*

© Лазарева Ольга Владимировна, 2025

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mureksin_sar@mail.ru

© Lazareva Olga Vladimirovna, 2025

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

relationships between people. The lack of a procedural mechanism makes it difficult or impossible to implement social norms. ***Objective*** *— to identify the distinctive features of the procedure by correlating the concept of "procedure" with related conceptual structures of legal science and legislation.* ***Methodology:*** *the use of general scientific and private scientific methods contributed to the achievement of this goal.* ***Results:*** *the relationship of the procedure with related categories has largely determined the study of its concept and revealed the importance of the procedure in human activity. It is important to mention the distinctive features of a legal procedure such as: an order expressed in the consistent commission of legally significant actions by certain subjects of law, regulated by statutory and individual legal provisions, protected from violations by legal sanctions, focused on achieving a specific legal result, ensuring the implementation of the norms of substantive and procedural law.* ***Conclusions:*** *a legal procedure is an order regulated in detail by statutory or individual legal provisions, expressed in the consistent performance of legally significant actions, carried out by certain subjects of law, protected from violations by legal sanctions and ensuring the implementation of substantive and procedural law norms. The difference between a procedure and a ritual is that it is aimed at achieving a specific result. To solve a specific problem, the protocol is considered the most effective way, and the procedure is the way of doing business. A system of procedures established in a particular industry or field of activity forms a regime. The procedure can act as an integral part of the regulations, process, or have an independent meaning.*

Keywords: *procedure, order, procedural mechanism, procedural actions, specific social result, ritual, protocol, regulations, regime, process.*

Исследование правовой процедуры и сегодня остается одной из актуальных проблем: раскрываются общетеоретические аспекты соотношения понятий «юридический процесс», «правовая процедура», «судопроизводство» [1, с. 779–787], характеризуются особенности правовой процедуры как элемента юридического процесса [2, с. 91–95], анализируются процедурно-процессуальные нормы в отдельных институтах трудового права [3, с. 68–77], определяется развитие примирительных процедур в налоговых правоотношениях [4, с. 37–43], осуществляется поиск справедливости в процедурах электронных автоматизированных порядков [5, с. 7–9], рассматривается сочетание материального и процедурного регулирования в условиях бюджетно-правовых режимов [6, с. 6–10], выявляются особенности применения согласительных процедур в федеральном законодательном процессе [7], изучаются юридические процедуры в частном праве [8].

Одной из устойчивых тенденций развития механизма правового регулирования в условиях цифровизации выступает усложнение правовых процедур. Это получает отражение в законодательстве, в процессе отправления правосудия, в бизнес-процессах.

В качестве примера приведем процедуру опубликования текстов судебных актов, которая получила закрепление в ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[1]. Применительно к арбитражному процессу существует ресурс «Картотека арбитражных дел» (http://kad.arbitr.ru/), к уголовному, гражданскому процессам, административному судопроизводству — государственная автоматизированная система «Правосудие». Положительно оценивая возможности данной процедуры, перечислим проблемы ее реализации: 1) нарушение требования закона, связанное с неразмещением текстов судебных актов на офици-

[1] См.: СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6217; 2022. № 29, ч. 3, ст. 5304.

альных интернет-сайтах судов общей юрисдикции (публикуется незначительная часть текстов актов суда); 2) срок публикации текстов судебных актов (публикация решения суда общей юрисдикции в течение месяца после вступления его в силу исключает возможность подачи апелляционной жалобы); 3) исключение персональных данных из текстов судебных актов порой затрудняет понимание и изучение правовой позиции суда. Акцент на усложнение правовой процедуры и проблем ее реализации подтверждает актуальность выбранной темы.

Важнейшим инструментом регулирования отношений между людьми в различных сферах жизни является процедура. Она находится в определенной среде, формируется человеком, постоянно развивается на основе действия законов диалектики, ориентируется на обслуживание его потребностей и достижение конкретного результата. Реализация многих социальных норм нуждается в процедурном механизме. Его отсутствие затрудняет или делает невозможным их воплощение в жизнь.

Изучение отличительных признаков процедуры становится возможным путем соотношения и взаимосвязи понятия «процедура» с такими смежными понятийными конструкциями юридической науки и законодательства, как «ритуал», «режим», «процесс», «регламент», «протокол».

Ритуал является одним из видов обряда (в переводе с латинского языка означает обрядовый). Он состоит из последовательно сменяющихся действий, жестов, слов, имеющих символическое значение, совершаемых в определенное время и отведенном месте и оказывающих эмоциональное воздействие на сознание человека. Ритуал характеризует своеобразное отношение людей к сверхъестественному и показывает зависимость человека от природы. Демонстрация ритуальных действий может иметь как самостоятельное значение, так и сочетаться с процедурными действиями. В первом случае речь идет о церковных обрядах (крещение, венчание, отпевание), а во втором — о процедурах регистрации актов гражданского состояния (рождение или смерть человека, заключение и расторжение брака). Ритуал может выступать самостоятельным явлением либо быть составной частью процедуры. Отличие ритуала от процедуры состоит в том, что он не направлен на достижение конкретного результата.

В рамках процедуры процедурные и ритуальные действия направлены на формирование чувства ответственности за свою деятельность и судьбу своей страны. Эмоциональное воздействие таких процедур проявляется в ходе исполнения гимна России, в частности, у депутатов при открытии сессии Государственной Думы, у обучающихся при начале новой недели в средних и высших учебных заведениях России. Для формирования патриотических чувств обучающихся такое нововведение осуществляется с 2023 г.

Одной из смежных категорий с процедурой является режим (франц. *régime*, от лат. *regimen* — управление). В силу многозначности понятия за основу примем трактовку режима как системы процедур (обязательных правил), установленных в определенной отрасли или сфере деятельности. Чтобы повысить эффективность и результативность деятельности, режим призван объединять и согласовывать процедуры, обеспечивать контроль за их соблюдением. Единые правила способствуют четкому пониманию и выполнению поставленных задач.

В качестве примера приведем таможенный режим. Перемещение товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза может производиться

только в соответствии с таможенным режимом — установленной таможенным законодательством системой таможенных процедур. Отдельно взятая таможенная процедура представляет собой «совокупность норм, определяющих для целей таможенного регулирования условия и порядок использования товаров на таможенной территории Союза или за ее пределами»[1]. Режим предполагает процедуры такого перемещения в зависимости от их предназначения или цели (порядок таможенного контроля, декларирования и др.).

Систему последовательно взаимосвязанных процедур образуют не только режим, но и процесс. В связи с этим необходимо понимать и четко разграничивать процедуру как часть режима и как часть процесса. Если в первом случае процедуры связаны с определенными запретами, пределами, ограничениями, то во втором — переходом от одной процедуры к другой для достижения конкретного результата. Совокупность последовательно взаимосвязанных процедур образуют процесс. Это позволяет наблюдать переход количественных изменений в качественные. Необходимо обратить внимание на то, что процедура может выступать как составная часть режима, процесса, так и иметь самостоятельное значение.

Внутреннюю организацию и порядок деятельности какого-либо органа или ведение бизнес-процессов компанией невозможно представить без детально определенных правил (процедур), образующих регламент. В частности, с помощью Регламента в Генеральной прокуратуре РФ устанавливается порядок организации и деятельности органа и его структурных подразделений, особенности осуществления ими полномочий, порядок взаимодействия прокуратуры с иными правоохранительными органами, порядок планирования, правила делопроизводства, особенности ведения аналитической работы, порядок приема граждан, правила рассмотрения обращений и другие направления деятельности[2]. С помощью примерного должностного регламента государственного гражданского служащего органа прокуратуры РФ предусмотрен порядок осуществления деятельности определенной категории работников[3]. Следовательно, регламент определяет процедуры, без которых органы прокуратуры не могут работать и выполнять возложенные на них функции.

Одной из смежных категорий с процедурой является протокол. Слово «протокол» часто используется в дипломатии и бюрократии. Еще в византийской дипломатии протоколом являлась выраженная в торжественной форме первая часть документа, в котором перечислялись участники. В настоящее время поня-

[1] См. подп. 34 п. 1 ст. 2 и разд. IV «Таможенные процедуры» Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (в ред. от 29 мая 2019 г.) (приложение 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 11 мая 2016 г. № 276 «Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (в ред. от 24 декабря 2024 г.) // Законность. 2016. № 8, с. 47–73; 2025. № 2, с. 73.

[3] См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 3 июня 2020 г. № 293 «Об утверждении квалификационных требований к профессиональному уровню, необходимому для исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими органов прокуратуры Российской Федерации, примерного должностного регламента государственного гражданского служащего органа прокуратуры Российской Федерации и примерного перечня нормативных правовых актов и организационно-распорядительных документов, знание которых необходимо для исполнения государственным гражданским служащим должностных обязанностей» (в ред. от 21 июля 2023 г.). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тие «протокол» (франц. *protocole*, греч. *prōtokollon* — первый лист) имеет несколько значений: 1) официальный документ, фиксирующий какие-либо фактические обстоятельства (документ, содержащий запись выступлений участников собрания, совещания, заседания и принятые ими решения); 2) акт, составленный должностным лицом, содержащий описание произведенных им действий и установленных фактов (протокол того или иного следственного действия); 3) в международном праве: договорный и дипломатический протоколы [9, с. 406].

Применение протокола связано с возможностью избежать беспорядочного совершения действий и не допустить ошибок, которые могут затруднить или не привести к желаемому результату. Протокол как раз и призван гарантировать отсутствие неблагоприятных событий или ситуаций. Приведем пример: Октябрьским районным судом города Саратова рассмотрено гражданское дело по иску о признании недействительным решения общего собрания членов товарищества собственников жилья (ТСЖ), проводимого в форме очно-заочного голосования, оформленного протоколом[1]. В обосновании своих требований истец привела нарушение процедур созыва, проведения и уведомления о принятом решении.

Суд установил, что п. 9.7 Устава определены два основных способа (порядка) извещения членов ТСЖ, но при этом не исключены иные процедуры. Было также установлено, что одним из протоколов общего собрания ТСЖ определен третий порядок размещения уведомлений для собственников помещений по вопросам деятельности ТСЖ — на информационных досках возле подъездов домов. Такой способ уведомления не противоречит положениям ч. 1 ст. 146 Жилищного кодекса РФ.

Суд пришел к выводу, что сам по себе факт несоблюдения порядка созыва общего собрания членов ТСЖ в порядке, предусмотренном Уставом, не может являться основанием для признания проведенного общего собрания членов ТСЖ недействительным. Кроме того, на основании представленных ответчиком заявлений и актуального реестра членов ТСЖ судом была подтверждена правильность подсчета кворума общего собрания, а на основании фотографий подтвержден факт размещения протокола на информационных досках. С учетом данных обстоятельств, суд отказал в удовлетворении исковых требований. Без протокола общего собрания суду было бы невозможно правильно разрешить гражданское дело.

Если процедура в самом обобщенном виде описывает выполнение задачи, то протокол выступает руководством, то есть пошаговым описанием действий для достижения цели. Он должен буквально соблюдаться при любых обстоятельствах, в то время как процедура может быть изменена в соответствии с существующими обстоятельствами или требованиями. Так, по общему правилу для выполнения задачи возможен выбор и изменение таможенной процедуры. В исключительных случаях процедура не может быть заменена, например процедура уничтожения товара. Поэтому для решения конкретной задачи наиболее эффективным способом считается протокол, а процедура — способом ведения дела.

[1] См.: Решение Октябрьского районного суда города Саратова № 2-3088/2024 2-94/2025 2-94/2025(2-3088/2024;)~М-2243/2024 М-2243/2024 от 29 января 2025 г. по делу № 2-3088/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/OQ1gj7wthsN4 (дата обращения: 30.07.2025).

Соотношение понятия «процедура» со смежными понятийными конструкциями юридической науки и законодательства во многом позволило определить отличительные признаки правовой процедуры. К ним можно отнести:

1) порядок, выраженный в последовательном совершении юридически значимых действий определенными субъектами права;

2) порядок, детально регламентированный нормативными или индивидуальными правовыми предписаниями;

3) порядок, охраняемый от нарушений правовыми санкциями;

4) порядок, ориентированный на достижение конкретного правового результата;

5) порядок, обеспечивающий реализацию норм материального и процессуального права.

Следовательно, правовая процедура — это детально регламентированный нормативными или индивидуальными правовыми предписаниями порядок, выраженный в последовательном совершении юридически значимых действий, осуществляемых определенными субъектами права, охраняемый от нарушений правовыми санкциями и обеспечивающий реализацию норм материального и процессуального права.

Библиографический список

1. *Кутько В.В., Косолапова Н.А., Долженко Н.И.* Общетеоретические аспекты соотношения понятий «юридический процесс», «правовая процедура», «судопроизводство» // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 4. С. 779–787.

2. *Болотина А.Ю.* Соотношение понятий «юридический процесс» и «правовая процедура», характерные особенности правовой процедуры как элемента юридического процесса // Экономика и социум. 2016. № 10(29). С. 91–95.

3. *Обухова Г.Н.* Анализ процедурно-процессуальных норм в отдельных институтах трудового права // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2020. Т. 17, № 3. С. 68–77.

4. *Львова М.И., Алексеев С.Д.* Развитие примирительных процедур в налоговых правоотношениях // Финансы. 2025. № 4. С. 37–43.

5. *Фетисов А.К.* Справедливость — принцип отправления правосудия. Часть вторая: справедливость в процедурах электронных автоматизированных порядков // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 12. С. 7–9.

6. *Андриевский К.В.* Сочетание материального и процедурного регулирования в условиях бюджетно-правовых режимов // Финансовое право. 2023. № 4. С. 6–10.

7. *Бобракова Е.Е.* Согласительные процедуры в конституционном праве: общие основы и особенности применения в федеральном законодательном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 27 с.

8. *Баширова С.Г.* Юридические процедуры в частном праве: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. 186 с.

9. Словарь иностранных слов / вед. ред. Л.Н. Комарова. 15-е изд., испр. М.: Русский язык, 1988. 608 с.

References

1. *Kutko V.V., Kosolapova N.A., Dolzhenko N.I.* General Theoretical Aspects of the Correlation of the Concepts “Legal Process”, “Legal Procedure”, “Legal Proceedings” // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2022. Vol. 47, No. 4. P. 779–787.

2. *Bolotina A.Yu.* The Relationship between the Concepts of “Legal Process” and “Legal Procedure”, the Characteristic Features of Legal Procedure as an Element of the Legal Process // Economics and Society. 2016. No. 10(29). P. 91–95.

3. *Obukhova G.N.* Analysis of Procedural Norms in Individual Institutes of Labor Law // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2020. Vol. 17, No. 3. P. 68–77.

4. *Lvova M.I., Alekseev S.D.* Development of Conciliation Procedures in Tax Legal Relations // Finance. 2025. No. 4. P. 37–43.

5. *Fetisov A.K.* Justice as the Principle of Administration of Justice. Part Two: Justice in Procedures of Electronic Automated Processes // Arbitration and Civil Procedure. 2023. No. 12. P. 7–9.

6. *Andrievsky K.V.* The Combination of Substantive and Procedural Regulation in the Context of Budgetary and Legal Regimes // Financial Law. 2023. No. 4. P. 6–10.

7. *Bobrakova E.E.* Conciliation Procedures in Constitutional Law: General Principles and Features of Application in the Federal Legislative Process: Abstract of the Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. M., 2001. 27 p.

8. *Bashirova S.G.* Legal Procedures in Private Law: Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. Kazan, 2007. 186 p.

9. Dictionary of Foreign Words / ed. by L.N. Komarova. 15th ed., Ispr. M.: Russian language, 1988. 608 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-64-70
УДК 348.011.7

В.А. Мун

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА О БРАКЕ И СЕМЬЕ В РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Введение: *в Российской империи брачно-семейные отношения регулировались разнообразными источниками церковно-государственного права, отражавшими тесное взаимодействие светских и церковных норм в данной сфере. Характер определения этих источников обусловлен влиянием обычаев, традиций, а также историко-культурных и правовых факторов.* ***Цель*** *— выявить особенности определения источников церковно-государственного права, регулировавших брачно-семейные отношения в трудах дореволюционных российских ученых XVIII – начала XX в.* ***Методологическая основа:*** *общенаучные и специальные методы исследования, среди которых анализ, синтез, формально-юридический, историко-правовой и др.* ***Результаты:*** *с учетом специфики брачно-семейных отношений и церковно-государственного регулирования выявлены особенности определения источников права, регулировавших данные отношения в дореволюционной России.* ***Выводы:*** *1) трудности в идентификации источников связаны с неопределенностью временных рамок действия норм; 2) отсутствие четкой иерархической структуры источников права приводило к противоречивым судебным решениям; 3) ввиду отсутствия официальных изданий действовавших правил на практике применялась неофициальная систематизация, объединявшая церковные каноны, светское законодательство и местные обычаи, практиковавшиеся в судебной деятельности.*

Ключевые слова: *государственное регулирование, Церковь, брачно-семейные отношения, источник права, гражданский акт, церковное венчание.*

V.A. Moon

PECULIARITIES OF DETERMINING THE SOURCES OF CHURCH-STATE LAW ON MARRIAGE AND FAMILY IN RUSSIA (XVIII – EARLY XX CENTURY)

Background: *in the Russian Empire, marriage and family relations were regulated by various sources of church and state law, reflecting the close interaction of secular and ecclesiastical norms in this area. The nature of the identification of these sources is determined by the influence of customs, traditions, as well as historical, cultural and legal factors.* ***Objective*** *— to identify the specifics of determining the sources of church and state law governing marriage and family relations in the works of pre-revolutionary Russian scientists of the XVIII – early XX centuries.* ***Methodology:*** *both general scientific and special research methods were used, including analysis, synthesis, formal law, historical law, etc.* ***Results:*** *taking into account the specifics of marriage and family relations and church-state regulation, the peculiarities of determining the sources of law that regulated these relations in pre-revolutionary Russia are revealed.* ***Conclusions:*** *1) difficulties in identifying sources are related to the uncertainty of the time frame of the norms; 2) the lack of a clear hierarchical*

© Мун Виктория Анатольевна, 2025

Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)); e-mail: mun.viktoriya@mail.ru

© Moon Victoria Anatolyevna, 2025

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law (Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

structure of the sources of law led to contradictory court decisions; 3) due to the lack of official publications of the rules in force, an unofficial systematization was applied in practice, combining church canons, secular legislation and local customs practiced in judicial practice.

Keywords: *state regulation, Church, marriage and family relations, source of law, civil act, church wedding.*

Современные законы, регулирующие брачно-семейные отношения в различных государствах, отражают противоречивую тенденцию: с одной стороны, законодатели в стремлении упорядочить отношения в данной области устанавливают правовые нормы, обязывающие мужчин и женщин в сферах, которые по своей природе трудно поддаются правовому регулированию не только из-за сложности доказательства, но и ввиду невозможности принудительного исполнения требований, относящихся скорее к морально-нравственным, чем к правовым аспектам. Например, в Южной Африке супружеская измена считается правонарушением, а в Англии согласно Закону 1857 г. в случае супружеской измены жены супруг имел право требовать компенсацию от прелюбодея (в начале XX в. были ликвидированы двойные стандарты и право требовать компенсацию получила и жена, и лишь в 1970 г. данная норма была отменена) [1, с. 185–211]. В Китае ученые и государственные деятели в настоящее время обсуждают широкий круг вопросов законодательного регулирования, начиная от двоеженства в реальной жизни и заканчивая виртуальными внебрачными связями. В редакции 2001 г. Закона КНР о браке китайские законодатели официально включили понятие «супружеская верность» в правовое поле [2, с. 22–33]. С другой стороны, сегодня в 38 государствах «либерализация» законов проявилась в легализации однополых браков, что является проявлением другой крайности.

Острым вопросом в дискуссиях о введении новшеств в нормы, регулирующие брачно-семейные отношения, является определение границ: какие вопросы, касающиеся брака и семьи, подлежат юридическому регулированию, а какие остаются вне правового воздействия. Следует отметить, что этот вопрос вызывал интерес у общественности, ученых различных специальностей и государственных деятелей и в прежние времена.

Особое внимание к правовому регулированию брачно-семейных отношений объясняется постановкой более широкой проблемы — дискуссией о месте церковного (канонического) права в правовой системе. Как справедливо отмечает А.А. Дорская, в России научное осмысление церковного права началось еще в XIX в., с момента введения его в качестве учебной дисциплины на юридических факультетах университетов и в духовных академиях [3, с. 25–32].

В дореволюционной России исходной точкой являлась мысль о том, что религия оказывает влияние на право. Особенно явно эта мысль проявлялась в законах о браке и семье. В связи с этим К.А. Неволин указывал на двойственную природу права: с одной стороны, семья рассматривается как «малый храм», в котором «человек научается познавать и почитать Бога», с другой — брачно-семейные отношения требуют законодательства, действующего «непосредственно на сердце и совесть», что недостижимо для гражданского суда и светского права [4, с. 45]. Далее К.А. Неволин заключал: «Любви, преданности и других тому подобных чувствований, какие должны питать друг к другу члены семейства и без которых

союз между ними уничтожился бы в самом его существе, нельзя ни определить в количестве указанием на какие-либо внешние действия, ни вынудить гражданскими мерами» [4, с. 45].

К.П. Победоносцев определял место светских законов следующим образом: «Посреди семейства взаимные отношения членов представляются в сущности своей естественными, нравственными, но не юридическими отношениями. В них содержатся и права, и обязанности, но и те и другие — не в юридическом, но в нравственном сознании, не в расчете числом и мерой, но в ожидании и в уверенности; те и другие скрываются под покровом семейной жизни. Только в таком случае, когда злоупотребление власти или забвение обязанности доходит до совершенного отрицания основных начал семейного быта, т.е. защиты и покровительства, когда личность посреди семьи подвергается опасности, — только в таком случае правительственная власть вступается в семейные отношения во имя закона и определяет числом и мерой права и обязанности, по существу своему не требующие определения; например присуждает отца кормить, содержать и воспитывать детей, мужа — доставлять жене средства для содержания и т.п.» [5, с. 5].

Итак, в дореволюционный период истории российского права регулирование брачно-семейных отношений осуществлялось на основе памятников церковного законодательства, обычаев и государственных законов. Отсюда решение соответствующих вопросов зависело от взаимодействия и характера связи Церкви и государства. Как справедливо отмечал И.С. Бердников, «государство всего менее может игнорировать именно религиозно-нравственные начала, которыми живет народ… Главной же основой цивилизации всегда служила и служит религия народа. Религией главным образом определяется миросозерцание народа. Нравственные правила ею преподаваемые, служат фундаментом правового порядка» [6, с. 65].

Долженствующее существование связи Церкви и государства справедливо и точно описал известный сербский канонист епископ Никодим (Милаш): «Это отношение не может быть иным, как тесною связью между государством и церковью, т.е. взаимною поддержкою и взаимным дополнением в том, чего то или другое из этих учреждений по своим свойствам не имеет в себе и чем не может располагать для достижения одной общей цели — временного и вечного блага человека… Но не всегда было так, и потому именно, что носители власти, как церковной, так и государственной, не всегда были проникнуты чистою идеей высокого призвания церкви в мире» [7, с. 674].

Можно выделить следующие характерные особенности определения источников церковно-государственного права, регулирующих брачно-семейные отношения и нашедших отражение в трудах дореволюционных российских ученых.

Во-первых, трудно точно определить, когда тот или иной источник, внесенный в российскую правовую систему, начал реально применяться. Еще дореволюционный профессор русского права Н.В. Калачов, исследуя значение Кормчей книги в системе древнерусского права, отмечал некую «замечательную двойственность», которую можно было узреть во всех источниках и в жизни, ибо не было силы «сломить вдруг все обычаи, глубоко укорененные веками» [8, с. 9]. Например, к таким обычаям можно было отнести многоженство, брачные союзы в близких степенях родства.

Исследование источников церковно-государственного права осложняется трудностями в установлении периода не только начала, но и окончания действия правовых норм. Так, памятники законодательства о церкви, издаваемые в XVIII–XIX вв. совместно церковными и государственными властями, принято называть церковно-государственным законодательством. К.А. Неволин отмечал, что «греческие мирские законы с этого времени должны были большей частью уступить свое место законодательству собственно русскому», однако задавался вопросом: «не составляют ли они теперь по крайней мере вспомогательного источника права по тем предметам семейственных отношений, которые принадлежат к ведомству церковной власти, поскольку они входят в состав печатной Кормчей книги, общее употребление которой в духовных судах прямо не отменено никаким законом» [4, с. 53].

Во-вторых, источники церковного права в христианстве не имели строгой иерархической структуры, что обуславливало их особую специфику и уникальность. Пожалуй, эта структура постепенно выкристаллизовывалась в трудах канонистов. Попытки осмыслить юридическое содержание божественного права привели к выводу о различиях в иерархии источников церковного права в различных ветвях христианства: римско-католические канонисты признавали папу римского высшим авторитетом и носителем способности толковать Священное Писание; Восточная православная церковь воздавала предпочтение авторитету соборов православных церквей; протестантские течения, в свою очередь, отвергали существование в церкви непогрешимого органа [9, с. 39]. Многочисленные источники печатные, рукописные, в разных редакциях, переводах и списках дошедшие до российского права, вызывали в свое время вопросы о том, что считать действующим правом в Российской империи.

Н.А. Заозерский, анализируя вопрос об источниках права Православной русской церкви, отмечал, что «всего естественнее» было бы обратиться к Святейшему правительствующему Синоду и от него ждать полного кодекса всех тех правил, который он посчитает действующим правом Церкви, с приведением и самого текста, одобряемого им [10, с. 140–141]. Однако приходилось констатировать, что официальных изданий практически не встречалось.

В то же время российское духовенство, признавая божественное право, в тех случаях, когда привнесенные извне каноны оказывались недостаточными, дополняло их местными источниками, такими как уставы и указы великих князей и царей; решениями, принятыми на местных или общих соборах. Для удобства практического правоприменения духовенство опиралось на отдельные выписки, грамоты и сборники, составленные частными лицами на основе официальных документов и обычаев, имевших силу закона [8, с. 12]. В итоге такие выписки не обладали юридической обязательной силой, выступая скорее в качестве неофициальной систематизации правовых норм, применявшихся на практике, которые включали церковные каноны, светское законодательство и местные обычаи. В связи с этим можно было наблюдать некое «достопримечательное явление»: «обработка кодексов канонических и церковно-государственных искони совершалось по инициативе и свободным трудом частных лиц. Церковная власть с своим утверждающим, санкционирующим авторитетом изредка выступала только после появления такого рода трудов, изготовляемых частными лицами» [10, с. 142]. Таким образом, особенно ценным было стремление светских и цер-

ковных ученых придать источникам церковного права в научных исследованиях упорядоченный вид и разработать их систему.

Данная проблема остается значимой и является характерной для всей системы церковного права, поэтому слова А.С. Павлова о том, что «в силу хаотического состояния источников нашего церковного права ни одна юридическая наука не имеет такого значения для жизни и практики, как наука этого предмета», по-прежнему сохраняют свою актуальность, открывая широкое и малоисследованное поле деятельности [11, с. 188].

В-третьих, отсутствие систематизации норм приводило к противоречивым судебным решениям на практике. В богословском журнале «Православное обозрение» (1891) отмечалось, что «новых норм в делах о браке и семье не установляется», а Святейший Синод «большею частью судит по прежним уже утвердившимся и притом предпочтительно или даже исключительно по тем, которые утверждаются на слове Божием и правилах древней церкви» [12, с. 530–531]. Например, в делах о разводах по болезни Синод обычно отказывает, даже если консистория выносит решение о расторжении брака. Например, в одном деле «просили о разводе по случаю заразительной болезни жены, случившейся с нею за три года до брака и сделавшей ее совершенно неспособною к сожитию. Консистория, основываясь на 49 главе Кормчей и законе градском, присудила к расторжению. Но Святейший Синод судил иначе: ”хотя жена и признана врачебною управою от застарелых болезней к излечению ненадежною и к супружескому сожитию неспособною, но как по делу невидно, чтобы эта болезнь приключилась от нарушения чистоты супружеского союза, а как таинство брака по Евангелию от Матфея 19:9 расторгается только за прелюбодеяние, то брак должен оставаться без расторжения”» [12, с. 531–532].

Подобные коллизии норм права, наряду с неудовлетворительным состоянием консисторского судопроизводства по бракоразводным делам и неоднократными попытками передачи этих дел в ведение Министерства юстиции, послужили стимулом для возникновения идеи о передаче бракоразводных дел из духовного ведомства в гражданскую канцелярию [13, с. 2].

В задачи настоящего исследования не входило исчерпывающее перечисление источников церковно-государственного права, регулирующих брачно-семейные отношения. Цель заключалась в выявлении особенностей постановки данного вопроса, обусловленных спецификой брачно-семейных отношений. Как справедливо отмечал Н.А. Заозерский, представляет собой поразительное явление то, что на протяжении девяти веков действовали два церковных кодекса (Апостольские постановления и Номоканон в XIV титулах), в которых отсутствовали какие-либо упоминания о церковном венчании брака и о том, что заключение и расторжение брака относятся к компетенции Церкви. Между тем в эти века церковная дисциплина брака действовала с такой силой, какой не обладала впоследствии, когда она была введена в «положительный гражданский закон о браке» [13, с. 9].

В связи с этим возникают вопросы: насколько эффективны законы о браке и семье? как сломить вековые обычаи, идущие вразрез с нравственностью? какие аспекты брачно-семейных отношений подлежат юридизации? как достучаться до человеческой совести — посредством строгих законов, обязательных судебных решений или, возможно, норм морали? Удивительно, но и в XXI в. эти вопросы остаются актуальными.

Библиографический список

1. *Carnelley M.* Laws on Adultery: comparing the historical development of South African common-law principles with those in English Law // Fundamina (Pretoria). 2013. No. 19(2). P. 185–211.
2. *Почагина О.В.* Новая редакция закона КНР о браке // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 22–33.
3. *Дорская А.А.* Дискуссия о месте церковного права в правовой системе: сравнительный анализ зарубежных и российских доктрин XIX — начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2014. № 4. С. 25–32.
4. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов: в 3 т. Т. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1851. 456 с.
5. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права: в 3 ч. Ч. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. 576 с.
6. *Бердников И.С.* Новое государство в его отношении к религии. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. 68 с.
7. *Никодим (Милаш Н.Т.).* Православное церковное право. СПб.: В.В. Комаров, 1897. 708 с.
8. *Калачов Н.В.* О значении Кормчей в системе древнего русского права. М.: Унив. тип., 1850. 80 с.
9. *Дорская А.А.* Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права: монография. СПб.: Астерион, 2007. 158 с.
10. *Заозерский Н.А.* Об источниках права Православной Русской Церкви: [Церковное преобразование Древней Церкви как источник права Русской Церкви] // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1889. Ч. 43. Кн. 1. С. 138–235.
11. *Павлов А.С.* Курс церковного права заслуженного профессора Императорского Московского университета А.С. Павлова [чит. в 1900–1902 гг.]. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1902. 539 с.
12. *А.Л.* Решения Святейшего Синода по делам духовно-судебным // Православное обозрение. 1891. Т. 2. Кн. 5–8. С. 500–577.
13. *Заозерский Н.А.* На чем основывается церковная юрисдикция в брачных делах? (По поводу соврем. пессимист. воззрения на семейную жизнь и обусловливаемых ими толков печати о браке и разводе). Сергиев Посад: Св.-Троиц. Сергиева Лавра, собств. тип., 1902. 117 с.

References

1. *Carnelley M.* Laws on Adultery: comparing the historical development of South African common-law principles with those in English Law // Fundamina (Pretoria). 2013. No. 19(2). P. 185–211.
2. *Pochagina O.V.* New Edition of the PR China Law on Marriage // Problems of the Far East. 2002. No. 3. P. 22–33.
3. *Dorskaya A.A.* Discussion about the Place of Church Law in the Legal System: a Comparative Analysis of Foreign and Russian Doctrines of the XIX — Early XX Century // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2014. No. 4. P. 25–32.
4. *Nevolin K.A.* The history of Russian Civil Laws: in 3 Vol. Vol. 1. Introduction and the First Book on Family Unions. SPb.: tip. Imp. Academy of Sciences, 1851. 456 p.
5. *Pobedonostsev K.P.* The Course of Civil Law: in 3 Vol. V. 2. Family, Hereditary and Testamentary Rights. St. Petersburg: Printing House of V. Golovin, 1871. 576 p.
6. *Berdnikov I.S.* The New State in its Relation to Religion. Kazan: Tipo-Lit. Imp. University, 1904. 68 p.
7. *Nikodim (Milash N.T.).* Orthodox Church Law. St. Petersburg: V.V. Komarov, 1897. 708 p.
8. *Kalachov N.V.* On the Importance of Helmsmen in the System of Ancient Russian Law. M.: Univ. Tip., 1850. 80 p.

9. *Dorskaya A.A.* The Influence of Church Law Norms on the Development of Branches of Russian Law: a Monograph. St. Petersburg: Asterion, 2007. 158 p.

10. *Zaozersky N.A.* On the Sources of Law of the Orthodox Russian Church: [Church transformation of the Ancient Church as a Source of Law of the Russian Church] // Additions to the Works of the Holy Fathers. 1889. Part 43. Book 1. P. 138–235.

11. *Pavlov A.S.* Course of Church Law by the Distinguished Professor of the Imperial Moscow University A.S. Pavlov [Read in 1900–1902]. Sergiev Posad: Type. Holy Works of the Lavra of St. Sergius, 1902. 539 p.

12. *A.L.* Decisions of the Holy Synod on Spiritual and Judicial Matters // Orthodox Review. 1891. Vol. 2. Book 5–8. P. 500–577.

13. *Zaozersky N.A.* What is the Basis of Church Jurisdiction in Marriage Matters? (On Modern Pessimist. Views on Family Life and the Resulting Interpretations of the Press about Marriage and Divorce). Sergiev Posad: Holy Trinity. Sergiev Lavra, Own Type, 1902. 117 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-71-78
УДК 340

В.В. Ныркoв

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

Введение: *в условиях масштабной цифровизации важнейших сфер правового регулирования требуется не только систематизация нормативных правовых актов, но и унификация терминологии законодательства, а также повышение уровня системной организации понятий самой юридической науки. Работа по упорядочению понятийного аппарата юриспруденции будет содействовать повышению эффективности применения цифровых технологий в юридической практике, позволит упростить задачу по использованию машинной обработки юридической информации.* ***Цель*** *— определить проблемы трансформации понятийного аппарата юридических наук ввиду развития цифровых технологий и их включения в механизм правового регулирования.* ***Методологическая основа:*** *представлена диалектическим, системно-структурным, формально-юридическим методами и сравнительно-правовым подходом, которые дали возможность обобщить и уточнить доктринальные взгляды на проблему поступательного дополнения правоведения новыми понятиями и трансформации уже устоявшихся категорий.* ***Результаты:*** *представлена авторская позиция относительно проблем системной организации понятийного аппарата ряда юридических наук и намечены перспективные направления и приемы их разрешения.* ***Выводы:*** *обоснована позиция о том, что основным методологическим приемом системного развития понятийного аппарата современной юридической науки выступает дополнение и развитие уже устоявшихся категорий и понятий по сравнению с их кардинальным изменением и (или) перенасыщением новой недостаточно проработанной терминологией, вызывающей излишнее удвоение (умножение) понятийных рядов и нарушение их системной организации. Для решения многих проблем понятийно-категориального отражения процесса взаимопроникновения права и цифровых технологий в правоведении требуется существенное увеличение теоретических и прикладных изысканий в обширной области соотношения и взаимосвязи юридических и технических норм.*

Ключевые слова: *правовые понятия, понятийная система юриспруденции, цифровые технологии в правовом регулировании, электронные формы юридической деятельности, искусственный интеллект и право.*

V.V. Nyrkov

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE SYSTEMIC ORGANIZATION OF THE CONCEPTUAL APPARATUS OF LEGAL SCIENCES IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF LAW

Background: *in the context of large-scale digitalization of the most important areas of legal regulation, it is necessary not only to systematize regulatory legal acts, but also to unify the ter-*

© Ныркoв Владимир Владимирович, 2025
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_tgp@ssla.ru
© Nyrkov Vladimir Vladimirovich, 2025
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

minology of legislation, as well as to increase the level of systematic organization of the concepts of the legal science itself. The work on streamlining the conceptual framework of jurisprudence will help to increase the effectiveness of the use of digital technologies in legal practice, will simplify the task of using machine processing of legal information. ***Objective*** *— is to identify the problems of transformation of the conceptual apparatus of the legal sciences in view of the development of digital technologies and their inclusion in the mechanism of legal regulation.* ***Methodology:*** *presented by dialectical, system-structural, formal legal methods and a comparative legal approach, which made it possible to summarize and clarify the doctrinal views on the problem of progressive addition of new concepts to jurisprudence and transformation of already established categories.* ***Results:*** *the author's position on the problems of the systemic organization of the conceptual apparatus of a number of legal sciences is presented and promising directions and methods of their resolution are outlined.* ***Conclusions:*** *the article substantiates the position that the main methodological technique for the systemic development of the conceptual apparatus of modern jurisprudence is the addition and development of already established categories and concepts in comparison with their drastic change and (or) oversaturation with new insufficiently developed terminology, causing excessive doubling (multiplication) of conceptual series and their violation the system organization. To solve many problems of conceptual and categorical reflection of the process of law and digital technologies in law, a significant increase in theoretical and applied research in the vast field of correlation and interrelation of legal and technical norms is required.*

Keywords: *legal concepts, conceptual system of jurisprudence, digital technologies in legal regulation, electronic forms of legal activity, artificial intelligence and law.*

Ускоряющийся процесс внедрения информационно-технологических инноваций в механизм правового регулирования настоятельно требует уточнения и дополнения ряда концептуальных положений науки теории государства и права, в числе которых следует назвать общие вопросы: понимания технико-юридических норм и их роли в системе права; теоретического осмысления правоотношений, осложненных использованием специального программного обеспечения и информационно-телекоммуникационных средств; теоретического видения специфики защиты права от рисков, связанных с применением электронно-информационных технологий не только в гражданском обороте, но и непосредственно в ходе реализации процессуальных правоотношений (например, в рамках электронного правосудия); включения в содержание и структуру метода правового регулирования дополнительных элементов технико-юридического характера ввиду цифровой трансформации общественных отношений, подпадающих в сферу правовой регуляции. Отдельного внимания заслуживают вопросы использования искусственного интеллекта для нужд экономики и правового регулирования, что ставит проблему формирования в системе права особого механизма защиты от возможных рисков применения подобного программного обеспечения. Одновременно обозначенные технологические и правовые инновации вызывают трансформацию понятийного аппарата как отраслевых юридических наук, так и общей теории права и государства.

В отечественной юриспруденции с определенной степенью условности можно выделить два подхода к процессу преобразования механизма правового регулирования и понятийного аппарата ввиду цифровизации — консервативный и новаторский. Приверженцы консервативного подхода к регулированию цифровых объектов делают акцент на трансформации формы осуществления взаимодействия в рамках юридической деятельности. Представители новатор-

ского подхода утверждают о необходимости существенного изменения не только формы, но и содержания правового регулирования, включая внедрение новых методов. Консерваторы настаивают на приспособлении имеющихся институтов права к нормативной правовой регламентации цифровых прав, обеспечивая тем самым преемственность и поступательность развития системы права. Аргументируя собственную позицию, они делают акцент на следующее умозаключение: «… стремление для каждого нового отношения создать новые нормы свидетельствует скорее об интеллектуальной капитуляции юриста, его неспособности к абстрактному мышлению, нежели о стремлении идти в ногу со временем. Излишний модернизм не только не нужен, но и опасен, поскольку ни одно правовое явление не существует изолированно от других, а формирование новых норм без учета уже имеющейся регулятивной системы, как бы эти новые нормы ни были идеально приспособлены к новым отношениям, всегда создает риск их несовместимости с уже имеющимся регулированием и, соответственно, уже существующими отношениями. По этой причине всякому новшеству следует прежде всего попытаться найти место в уже имеющейся системе представлений и лишь по установлении невозможности этого — создавать новое регулирование» [1, с. 51].

Напротив, сторонники кардинальных новаций в механизме правового регулирования утверждают о неприемлемости ранее сформировавшихся принципов и методов правового регулирования, поскольку природа и содержание цифровых прав требуют совершенно новых методов и содержательного изменения существующих принципов правового регулирования. Инициируя подобное преобразование гражданского права, Л.Ю. Василевская достаточно категорично утверждает о невозможности применения традиционных цивилистических подходов в процессе анализа новых объектов гражданского оборота в виде криптовалюты, токенов, цифровых прав и иных [2, с. 106].

Представляется, что выбор одного из двух предлагаемых подходов будет преждевременным и недостаточно обоснованным без предварительного решения проблемы о соотношении и взаимосвязи норм права и технических норм в условиях интенсивного развития цифровых технологий и ускорения процесса их внедрения и последующего применения во все важнейшие сферы жизни российского общества. Полагаем справедливой точку зрения, высказанную И.Ю. Богдановской, обратившей внимание на возросшую актуальность исследования вопросов взаимосвязи социальных и технических норм: «Традиционно теория права проводила однозначное разграничение между правовыми и техническими нормами. По сути, теоретические позиции ограничивались констатацией данного утверждения. Тема технологий и права получила ограниченную разработку (прежде всего в рамках проблемы научно-технической революции). Между тем информационно-коммуникационные технологии, опередившие современное социальное развитие, способствуют тому, что правовая мысль возвращается к теме права и технологии, стремится ее переоценить. Если длительное время доктрина исходила из разделения социальных и технических норм, то в настоящее время очевидно сочетание социальных и технических норм, наблюдается их более сложное и тесное взаимодействие. Правовой понятийный аппарат становится все более технологичным, особенно если термины получают приставку “кибер”» [3, с. 49].

Согласимся с тем, что развитие цифровых технологий ставит перед законодателем и юридической практикой новые задачи, а также требует соответствующего

развития правового понятийного аппарата. Однако остается открытым целый ряд вопросов, в числе которых следующие:

как должны быть изменены уже имеющиеся «классические» категории права и правоведения;

какие необходимо ввести новые понятийные конструкции в законодательство и юридическую науку и как они должны быть согласованы с традиционными понятиями;

допустимо ли к большинству известных и апробированных временем правовых терминов добавлять приставки «цифровое», «электронное», «кибер», «информационно-коммуникативное» и иные, позволит ли это решить проблему адекватного и эффективного правового регулирования общественных отношений, сопряженных с использованием новых технологий;

какие формы может принимать синтез технологических и правовых понятий, технических и правовых нормативных предписаний;

каковы перспективы развития понятийного ряда «социальные и технические нормы» в общей теории права и государства и в отраслевых юридических науках.

На вопрос о том, насколько кардинально инновационные технологии проникают в содержание и форму правового регулирования общественных отношений на примере искусственного интеллекта в настоящее время, ответил в лекции «Право и вызовы искусственного интеллекта» в рамках XII Петербургского международного юридического форума (ПМЮФ) Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин. Выступая, он сделал акцент на необходимости выбора в юридической доктрине одного из двух концептуальных подходов к оценке положения искусственного интеллекта в праве — между трактовкой его в качестве объекта права и правоотношений и пониманием в качестве субъекта права по аналогии с моделью «юридического лица» (иногда употребляется в литературе термин «электронное лицо») или даже с моделью «физического лица». В.Д. Зорькин, изложив ряд аргументов, занял в итоге консервативную позицию по данному вопросу. Полагаем, что его точка зрения достаточно взвешенная, адекватно отражает существующее положение вещей в области правового регулирования упомянутой технологии и подлежит учету при формировании и трансформации понятийного аппарата юридической науки ввиду цифровизации важнейших сфер социальной жизни. Его позиция сводится к следующему утверждению: «В целом признание искусственного интеллекта в качестве субъекта права вступает в неразрешимое противоречие едва ли не со всеми канонами правовой догматики, включая учения об автономной правовой воле, правоотношении, правонарушении и юридической ответственности. У искусственного интеллекта нет и не может быть возможности и способности самостоятельно приобретать и реализовать субъективные права и юридические обязанности, нести юридическую ответственность, самостоятельно принимать правовые решения, у него нет собственных правовых интересов. Наделение же его личной правосубъектностью влечет за собой обширнейшие противоречия и пробелы в праве, позволяющие избежать юридической ответственности виновному лицу за правонарушение, совершенное им в ходе разработки и эксплуатации соответствующих технологий»[1].

[1] Глава КС РФ Валерий Зорькин: Необходим глубокий, в том числе конституционно-правовой, анализ внедрения ИИ на каждом его уровне // Российская газета 27 июня 2024 г. URL: https://

Поддержим позицию о необходимости взвешенного подхода в процессе развития и адаптации понятийного аппарата юриспруденции в условиях цифровизации регулируемых правом общественных отношений. Думается, что законодатель и высшие судебные инстанции оправданно консервативно и планомерно внедряют в юридическую практику отдельные новые элементы в механизм правового регулирования, избегая излишне революционных новаций. Между тем многие традиционные правовые инструменты пригодны для целей регулирования цифровых технологий с учетом определенного дополнения и модификации, не требуют кардинального их изменения. В случае с технологиями искусственного интеллекта в настоящий момент понятийный ряд «правоотношение — субъекты правоотношения — объект правоотношения — правосубъектность — субъективные права — юридические обязанности» может быть дополнен понятием цифровых объектов права и правоотношений. Наделение искусственного интеллекта правосубъектностью, признание его особой разновидностью субъектов права и правоотношений представляется необоснованным и, как минимум, преждевременным шагом.

С учетом этого следует разрешать и проблему юридической ответственности в ситуациях применения искусственного интеллекта, возлагая ее на традиционных субъектов права — физических и юридических лиц в лице разработчиков программного обеспечения, распространителей, пользователей, операторов информационных систем. Таким образом, понятийный ряд «правонарушение — субъект правонарушения — состав правонарушения — юридическая ответственность» также не подлежит в сложившихся условиях кардинальному пересмотру, но нуждается в уточнении и распространении конструкции повышенной ответственности за использование источника повышенной ответственности на отношения, сопряженные с применением технологий искусственного интеллекта.

Взвешенно следует подходить к трансформации и иных понятийных рядов в юридической науке. Консервативный подход предпочтителен в оценке терминов и соответствующих понятий, в числе которых «электронное правительство», «электронное правосудие», «электронные доказательства», «электронное взаимодействие», «цифровые права» и др. Например, в общей теории государства все активнее прорабатываются вопросы трансформации понятийного ряда «государство — государственное управление — механизм государства — функции государства — информационная функция — государственные услуги» [4, с. 47–51]. Данный перечень также предлагается дополнить понятиями «электронные выборы», «электронная демократия» и пр. В рамках деятельности органов исполнительной власти в условиях цифровизации активно продвигается внедрение в понятийный аппарат науки административного права понятие «электронное взаимодействие», что обосновывается все более широким его использованием в системе законодательства [5, с. 10–12].

Не возражая в целом против наметившейся тенденции в системе законодательства, юридической науке и практике масштабного внедрения терминологических приставок «электронное», «цифровое», «кибер», «информационно-коммуникативное», следует заметить, что далеко не всегда подобное терминологическое обозначение отражает сущность, природу и специфику правового регулирования

rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html?ysclid=mm008pkzij86231050&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.11.2025.).

общественных отношений, сопряженных с применением инновационных технологий. Одновременно порой исследователи и практики допускают преувеличение роли цифровых объектов, электронной формы взаимодействия (коммуникации) для механизма правового регулирования, поспешно вводят новую терминологию и понятийные конструкции, часто нарушая методологические принципы недопущения искусственного умножения понятий, преемственности правового знания и накопленного правового опыта, системности в организации понятийного аппарата науки и законодательства. Например, требует более взвешенной оценки излишняя увлеченность в правотворческой практике и в юридической доктрине применением понятия «электронное взаимодействие» при одновременном игнорировании и (или) недооценке традиционной категории «правоотношение». Электронная форма реализации правоотношений не должна полностью подменяться своеобразным электронным взаимодействием. Более точным видится органичное встраивание электронной формы взаимодействия в уже существующую понятийную конструкцию «правоотношение» и соответствующий ей понятийный ряд, нежели попытка простого удвоения или даже утроения понятийных рядов. Перспективным представляется дополнение и развитие сложившейся понятийной системы юриспруденции, а не ее перенасыщение новой терминологией вне связи с традиционными категориями или с их нарушением.

Аналогичная ситуация наблюдается и с насыщением процессуальных наук терминологией с приставками «электронное», «цифровое». Речь идет о трансформации процессуалистами в последние годы такого понятийного ряда, как «правосудие — предмет и метод правового регулирования процессуального права — судопроизводство — формы судопроизводства — принципы судопроизводства — иск — доказательства и др.». Представители процессуальных наук также разделились условно на два лагеря — консерваторов и новаторов. Последние отстаивают позицию о необходимости внедрения инновационных методов правового регулирования в процессуальное право, выделения электронных доказательств в особую группу, кардинального пересмотра принципов судопроизводства и т.д. В результате электронная форма судопроизводства воспринимается отдельными авторами в качестве сигнала для революционного преобразования и самого процессуального права, и понятийного аппарат соответствующих юридических наук. В связи с этим заслуживает одобрения более сдержанная точка зрения С.С. Казихановой, которая на примере понятия «электронное доказательство» обосновывает необходимость его системного встраивания в понятийную сеть науки гражданского процессуального права, акцентирует внимание на особенностях электронной формы доказательств, отмечая одновременно отсутствие существенной специфики в их исследовании и оценке судом. Автор во многом оправданно критикует распространенный в процессуальной теории подход об их трактовке в качестве особой группы доказательств [6, с. 83–90].

Не всякая технологическая инновация в регулировании правом общественных отношений вызывает революционные изменения в принципах, методах и содержании правового регулирования, а следовательно, и в понятийном аппарате законодательства и правовых наук. Ранее нами также критически оценивалась попытка выделения в процессуальном праве особого метода правового регулирования, который предлагается ввести рядом авторов в механизм процессу-

ального правового регулирования в связи цифровизацией. Электронная форма взаимодействия участников процессуальной деятельности, обмена информацией, подачи заявлений и представления доказательств была оценена нами в качестве формирующегося способа правового регулирования процессуальных отношений, но не в качестве особого метода их регулирования. Внедрение технологий электронного правосудия в настоящий момент потребовало дополнения метода регулирования процессуального права рядом взаимосвязанных элементов, что может свидетельствовать о формирующемся специальном способе регламентации процессуальных отношений, осуществляемых в связи или посредством электронных технологий.

В современных условиях мы становимся свидетелями закономерной тенденции устойчивого внедрения технических норм, сопряженных с регламентацией использования информационно-коммуникационных средств и электронных систем в судопроизводственной деятельности. Действительно, техническое правовое регулирование становится составной частью, одним из специфических элементов метода правового регулирования цивилистических процессуальных отношений, которое в то же самое время вполне закономерно оказывает трансформирующее воздействие на иные уже традиционные элементы упомянутого метода.

Критически следует оценивать позиционирование в качестве самостоятельных и полноценных методов электронного правосудия в цивилистическом процессе таких технико-правовых средств, как: подача искового заявления в суд в электронной форме; организация видео-конференц-связи с судом; рассылка смс-сообщений участникам процессуальной деятельности; ведение протокола судебного заседания в электронной форме; электронный архив судебных дел; создание и поддержка актуального состояния официального интернет-сайта суда; организация системы электронного документооборота внутри суда и в общении суда с другими органами государственной власти [7, с. 19].

Представляется более точным рассматривать указанные технико-правовые инструменты в качестве неотъемлемых элементов структуры трансформирующегося метода правового регулирования гражданских процессуальных отношений, но в виде некоего нового самостоятельного метода [8, с. 84–85]. Перспективным видится не кардинальный пересмотр центральных понятий процессуальной правовой доктрины, а включение модели электронно-технологического способа отправления правосудия как составной части единого метода правового регулирования процессуальных отношений. Таким образом, основным методологическим приемом системного развития понятийного аппарата юридической науки выступает дополнение и развитие уже устоявшихся категорий и понятий по сравнению с их кардинальным изменением и (или) перенасыщением новой недостаточно проработанной терминологией, вызывающей излишнее удвоение (умножение) понятийных рядов и нарушение их системной организации. Для решения многих проблем понятийно-категориального отражения процесса взаимопроникновения права и технологий в современном правоведении требуется существенное увеличение теоретических и прикладных изысканий в обширной области соотношения и взаимосвязи юридических и технических норм. В противном случае многие дефекты понятийной системы юридических наук, возникающие по объективным и субъективным причинам в условиях мас-

штабной цифровизации права и регулируемых им отношений, не только не будут устранены, но и, возможно, будут лишь умножены.

Библиографический список

1. *Латыев А.Н.* О цифровых правах с «бритвой Оккама» в руках // Бизнес, менеджмент и право. 2025. № 2. С. 50–56.

2. *Василевская Л.Ю.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 105–117.

3. *Богдановская И.Ю.* Информационно-коммуникационные технологии и развитие правового понятийного аппарата (сравнительно-правовые аспекты) // Понятийный аппарат информационного права: сб. науч. раб. / отв. ред. И.Л. Бачила, Э.В. Талапина. М.: Канон Плюс, 2015. С. 49–55.

4. *Адилходжаева С.М.* Развитие научно-понятийного аппарата в теории государства и права в связи с внедрением «электронного правительства» // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. № 9(78). С. 47–51.

5. *Бойченко И.С.* Информационно-правовое обеспечение системы электронного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 177 с.

6. *Казиханова С.С.* Технологические инновации в судебном доказывании и принципы гражданского процессуального права // Вестник Университета имени Е.О. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2. С. 83–90.

7. *Василькова С.В.* Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 251 с.

8. Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов. Ч. 1: Монография / под ред. С.Ф. Афанасьева, В.Ф. Борисовой. М.: Русайнс, 2022. 200 с. (гл. 3 «Доктринальные основы правового регулирования электронного правосудия», автор — В.В. Ныркov. С. 74–95).

References

1. *Latyev A.N.* On digital rights with Occam's razor in his hands // Business, management and Law. 2025. No. 2. P. 50–56.

2. *Vasilevskaya L.Yu.* Digitalization of civil turnover: problems and trends // Russian Law Journal. 2020. No. 6. P. 105–117.

3. *Bogdanovskaya I.Yu.* Information and communication technologies and the development of the legal conceptual framework (comparative legal aspects) // Conceptual framework of information law: Scientific collection works / ed. by I.L. Bachila, E.V. Talapina. M.: Canon Plus, 2015. P. 49–55.

4. *Adilkhodzhayeva S.M.* The development of scientific and conceptual apparatus in the theory of state and law in connection with the introduction of "electronic government" // Eurasian Union of Scientists (EUU). 2020. No. 9(78). P. 47–51.

5. *Boychenko I.S.* Information and legal support of the electronic interaction system of federal executive authorities of the Russian Federation: Diss. … Kand. Jurid. Sciences. M., 2017. 177 p.

6. *Kazikhanova S.S.* Technological innovations in judicial evidence and principles of civil procedural law // Bulletin of the E.O. Kutafin University (MGUA). 2025. No. 2. P. 83–90.

7. *Vasilkova S.V.* Electronic justice in the civil process: Diss. … Kand. Jurid. Sciences. Saratov, 2018. 251 p.

8. Transformation of the legal regulation of relations related to the use of digital technologies in the judicial system and in the system of execution of judicial acts. Part 1: Monograph / ed. by S.F. Afanasyev, V.F. Borisova. M.: Rusains, 2022. 200 p. (chapter 3 "Doctrinal foundations of the legal regulation of electronic justice", author — V.V. Nyrkov. P. 74–95).

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-79-87
УДК 340.1; 343.8

Н.И. Сухова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОБАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА

Введение: *пробация в Российской Федерации и ее правовое регулирование представляют собой достаточно новый вид отношений и новую часть их нормативного выражения соответственно. Отсутствие широкого опыта реализации законодательства о пробации и неустойчивое, неоднозначное понимание самой пробации обусловливает актуальность изучения формирующейся нормативной базы и необходимость предостережения от совершения явных ошибок правоприменителей.* ***Цель*** *— установить недостатки правового регулирования сферы пробации, сформировать предложения по его совершенствованию, определить пути повышения качества правоприменения.* ***Методологическая основа:*** *общенаучные методы познания и формально-юридические средства изучения правовой действительности.* ***Результаты*****:** *выявлено несовершенство правового регулирования отношений пробации и практики его реализации, неторопливость регионов в полной мере подключаться к достижению целей пробации.* ***Выводы:*** *для достижения высокого уровня эффективности реализации законодательства о пробации требуется дополнительное внимание к содержанию нормативной основы регламентации соответствующих отношений, изучение имеющейся начальной практики ее реализации и подготовка на этой основе руководящих рекомендаций по обеспечению единообразного правоприменения.*

Ключевые слова: *пробация, субъекты пробации, юридическая техника, дефекты правового регулирования, правоприменение.*

N.I. Sukhova

LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF PROBATION: STATUS AND IMPLEMENTATION IN THE REGION

Background: *the institution of probation in the Russian Federation and its legal regulation represent a relatively new type of relationship and a new element of its normative expression. The lack of extensive experience in implementing probation legislation and an unstable, ambiguous understanding of probation itself determine the relevance of studying the emerging regulatory framework and the need to prevent obvious errors by law enforcement.* ***Objective*** *— to identify the shortcomings of the legal regulation of probation, formulate proposals for its improvement, and identify ways to improve the quality of law enforcement.* ***Methodology:*** *general scientific methods of cognition and formal legal means of studying legal reality.* ***Results:*** *the imperfections of the legal regulation of probation relations and the practice of its implementation, as well as the slowness of the regions to fully engage in achieving the goals of probation are identified.* ***Conclusions:*** *to achieve a high level of effective implementation of probation legislation, additional attention*

© Сухова Надежда Ивановна, 2025

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия), Уполномоченный по правам человека в Саратовской области; e-mail: sukhova777@yandex.ru

© Sukhova Nadezhda Ivanovna, 2025

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy), Commissioner for Human Rights in the Saratov Region

is required to the content of the normative framework regulating the relevant relations, a study of the existing initial practice of its implementation, and the development, on this basis, of guiding recommendations to ensure uniform law enforcement.

Keywords: *probation, probation subjects, legal technique, defects in legal regulation, law enforcement.*

Правовое регулирование относительно новой для отечественной правовой формы отношений в сфере пробации пока не отличается богатым документальным сопровождением. Основу регламентации продолжает составлять Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (в ред. от 29 мая 2024 г.)[1] (далее — Закон о пробации). Во исполнение этого акта высшей юридической силы принят приказ Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации"» (далее — Приказ № 350)[2].

На региональном уровне Саратовской областной Думой 26 июня 2024 г. был принят Закон Саратовской области от 3 июля 2024 г. № 71-ЗСО «О реализации мероприятий в сфере пробации на территории Саратовской области»[3] (далее — Закон Саратовской области о пробации), а также региональная программа Саратовской области «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности», утвержденная постановлением Правительства Саратовской области от 12 марта 2024 г. № 180-П (в ред. от 25 июля 2025 г.)[4], подготовлена «дорожная карта» ее реализации.

Качество и эффективность реализации нормативного регулирования пробации и развитие указанной сферы отношений зависит от нескольких факторов, основными из которых являются качество самой нормативной базы и «качество» субъектов пробации.

Принятие Закона о пробации не может не оцениваться положительно. В обществе назрела необходимость в осуществлении мероприятий, направленных на сокращение преступности вообще и повторной преступности в частности, на создание условий, при которых институты общества, а не только государство, объединят усилия по адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Тем более пробационные мероприятия уже не первый год проводятся в системе исполнения наказаний, что требовало логического продолжения и вне ее.

Понимание того, что новое нормативное регулирование касается новых общественных отношений не исключает необходимости говорить о нем с точки зрения соответствия технико-юридическим нормам и логике регулирования. Эти аспекты любого закона предопределяют успех его реализации и устойчивости, снижение случаев противодействия его осуществлению в разных формах. Кроме того, отказ от объективной критической оценки содержания Закона о проба-

[1] См.: СЗ РФ. 2023. № 6, ст. 917; 2024. № 23, ч. 1, ст. 3046.

[2] См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 30.11.2023.

[3] См.: Сайт сетевого издания «Новости Саратовской губернии». URL: www.g-64.ru, 03.07.2024.

[4] См.: Там же.

ции означает индифферентность к государственно важным задачам, к сфере профессиональной деятельности, к происходящему в области пробационных отношений.

Несмотря на проводимое Министерством юстиции России широкое обсуждение подготовленного им проекта Закона о пробации, привлечение к его разработке экспертного сообщества, принятый вариант этого акта не лишен нареканий и содержит отдельные положения, которые заслуживают внимания.

1. Закон о пробации всегда ассоциировался с решением задач по предупреждению и сокращению повторной преступности. Проведение комплекса мероприятий, направленных на установление социальных связей осужденных, быстрое включение их в жизнь общества в качестве полноценного его члена, приложение способностей осужденного к необходимым и полезным для общества событиям, рассматриваются в качестве способов «изъятия» человека, имеющего судимость, из преступной среды и барьера формирования преступного поведения.

Однако Закон о пробации такой генеральной цели, на достижение которой работает вся система пробации, все ее субъекты, откровенно говоря, не устанавливает. В ст. 4 рассматриваемого Закона целями пробации называются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений. Учитывая, что далее в Законе указано, что ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация составляют части самой пробации, то констатируем грубейшую технико-юридическую ошибку формулирования нормативных положений — замкнутый круг, которая изучается на 2–3-х курсах юридических вузов и должна быть хорошо известна участникам правотворческого процесса. В нашем случае замкнутый круг демонстрирует, что целями пробации является пробация. Остальное выглядит как сопутствующее и второстепенное. Поэтому этот непродуманный и ведущий в социально-стратегический тупик подход должен быть исправлен.

Кроме того, такая цель не упоминалась в пояснительной записке к Закону при предоставлении его в Государственную Думу России. В этом обосновывающем принятие Закона о пробации сопроводительном документе сформулирована следующая мысль: « ...принятие соответствующего законодательного акта будет способствовать эффективной адаптации граждан в обществе, восстановлению социально полезных связей, трудоустройству». Ну а дальше? Ничего! Огромная работа по адаптации, трудоустройству проводится исключительно для трудоустройства и восстановления социальных связей — так нам позволяет думать предложенное обоснование авторов Закона.

Полагаем, что ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, трудоустройство — способы достижения генеральной цели — предупреждение рецидивной преступности.

В дополнение отметим, что указанная ранее технико-юридическая ошибка создает предпосылки для тактической и стратегической ошибок. Так, пробацию (ресоциализацию и т.д.) реализуют субъекты, которые без привязки к этой сфере деятельности профессионально осуществляют трудоустройство, оказание психологической и юридической помощи, документирование, только все это не называется пробацией. Так вот в тактическом плане нам сложно отделить одно от другого и оценить качество проделанной работы именно в рамках про-

бации. Ошибка в стратегическом аспекте состоит в том, что в итоге видеть слабые стороны пробации и предлагать пути ее совершенствования будет сложно.

2. Некорректность формулирования отдельных понятий Закона о пробации, с одной стороны, подтверждает уже высказанный тезис о том, что пробация осуществляется ради пробации, а с другой — способствует появлению тезиса о том, что пробация — неизвестная «Х», облеченная в форму акта высшей юридической силы. И это является следствием еще двух технико-юридических ошибок: а) нарушение объема понятия; б) подмена цели и средства правового регулирования.

В ст. 5 Закона о пробации даны определения понятиям, используемым в законе, в том числе доминирующим: пробации, социальной реабилитации, социальной адаптации, ресоциализации. Пробация в данном случае представляет собой «совокупность мер, включая ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию», при этом каждая из составных частей пробации — это «комплекс мер». Разложив понятие пробации на определения ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, получаем следующий результат: «пробация — это совокупность мер, включающая комплекс мер». Этот результат и есть выражение нарушения объема понятий, что ведет к усложнению восприятия определений частей пробации (все они похожи одна на другую) и не способствует четкому правоприменению Закона о пробации.

Подмена цели и средства правового регулирования как технико-юридическая ошибка явно допущена при нормативном определении видов пробации. Так, постпенитенциарная пробация — *вид пробации*, применяемый в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной ситуации, представляющий собой *совокупность мер*, направленных на *ресоциализацию*, *социальную адаптацию* и *социальную реабилитацию*. Из этого определения следует, что постпенитенциарная пробация направлена на пробацию, у пробации целью осуществления является пробация, что не отвечает требованиям качественного правового регулирования.

3. Следующей ошибкой технико-юридического характера, которую, возможно, надо бы поставить на первое место, поскольку она, полагаем, и повлекла такую какофонию в законе, является некорректное использование/перевод иностранного слова.

В отечественной юриспруденции становится традиционным заимствование не только иностранных слов для выражения нормативных предписаний (как будто в самом богатом языке мира слов не хватает), но и целых институтов национальной правовой действительности. К сожалению, правотворец не всегда глубоко задумывается о корректности перевода и об адаптации этих институтов к реалиям юридической надстройки. Представляется, что с пробацией произошло ровно то же самое.

Слово имеет латинское происхождение (*probare* — исследовать, испытывать). В современных специализированных словарях встречается пять его значений: 1) доказательство, доказывание; 2) испытание; 3) вид наказания (понимание — присуще англосаксонской системе); 4) стажирование; 5) условное освобождение. В западной традиции понятия «вид наказания» и «условное освобождение» связаны с пробацией [1, с. 209].

Пробация российского Закона о пробации не укладывается ни в один из приведенных вариантов содержания лексемы. Пробация в России это не испытание,

не вид наказания и даже не освобождение при определенных условиях. Это система мер, оказываемых определенной категории осужденных, со стороны, по сути, государства в целях обеспечения возвращения их к жизни в качестве полноценного члена общества. И оказывается эта помощь не только безвозмездно, но без каких-нибудь обременений для осужденного: его никто не испытывает, не проверяет, не ожидает совершения каких-либо действий, что противоречит не только справедливому мироустройству, но и логике исправления любого человека.

Снова возникает ситуация, что пробация осуществляется ради самой пробации и нет критериев ее оценки, привязанных именно к личности участвующего в пробации. Важно только: сколько обратилось, сколько соглашений заключили, сколько мероприятий провели, скольким помощь оказали, скольким восстановили документы…

4. Требует уточнения или аутентического толкования содержания ст. 6, точнее ее третья часть, и ст. 27 Закона о пробации. Действующая сегодня их редакция весьма интересным образом понимается правоприменителями в регионах и дает возможность делать такие же весьма интересные выводы о том, что организация центров пробации как часть пробационных мероприятий может осуществляться только коммерческими и некоммерческими организациями социального обслуживания. Поэтому региональные власти воздерживаются создавать центры пробации в форме государственных или казенных учреждений, последовательно подчеркивая именно эту трактовку содержания названных норм и сокращая возможные расходы соответствующего бюджета.

Однако такое понимание правовых норм вряд ли может быть признано правильным и логичным. Напомним, что, например, ч. 3 ст. 6 Закона о пробации сформулирована в следующей редакции: «В целях осуществления мероприятий ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация, могут привлекаться коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения, негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественные наблюдательные комиссии, а также граждане».

Предлагаем провести правовой анализ этой нормы и сделать вывод о правильности/неправильности ее понимания в части участия коммерческих и некоммерческих организаций в пробации.

В соответствии со ст. 71–72 Конституции России правовое регулирование отношений в сфере пробации относится к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Именно поэтому субъектами пробации (теми, кто ее реализует и ответственен за ее реализацию) императивно определены федеральные и региональные органы государственной власти (ч. 1 ст. 6 Закона о пробации). И только затем в качестве дополнительных путей реализации пробационных мероприятий указывается участие в них муниципальных образований и коммерческих и некоммерческих организаций. Поэтому и формулировки носят диспозитивный характер.

Кроме того, действующее законодательство предоставляет региональным органам власти право быть учредителем юридических лиц соответствующих организационно-правовых форм для решения поставленных перед ними задач. Поэтому, даже если центры пробации создавались бы негосударственными субъектами, региональному уровню государственной власти ничто не мешало самим создать такой центр.

Еще одним аргументом, подтверждающим слабость ст. 6, выступает то, что задача борьбы с преступностью, снижение числа повторных преступлений — государственная задача, составляющая основное содержание современной уголовно-правовой политики государства. Пробация рассматривается именно в ключе осуществления государственной политики по борьбе с преступностью, поэтому и заниматься ее решением должно государство. Между тем не исключается конструктивное и эффективное взаимодействие с негосударственными структурами, но это во вторую очередь.

Анализ рассматриваемой нормы во взаимосвязи с другими нормами действующего законодательства дает основания говорить об искусственном создании препятствий реализации Закона о пробации, условиях нейтрализации его положений и усложнении достижения целей этого закона путем игнорирования его замысла и смысла норм, удобного конъюнктурного толкования.

Аналогичные доводы автором сформулированы и в отношении содержания ст. 27 Закона о пробации.

5. Еще одной не до конца продуманной частью Закона о пробации представляется замыкание постпенитенциарной пробации на уголовно-исполнительных инспекциях, входящих в систему исполнения наказаний. В соответствии с Законом о пробации лицо, освободившееся из мест лишения свободы (то есть не имеющее отношение к системе ФСИН, за исключением назначения ему административного надзора), попавшее в тяжелую жизненную ситуацию, нуждающееся в получении помощи по медицинскому обследованию, документированию, восстановлению социальных связей или в трудоустройстве, пишет заявление об участии в пробации в уголовно-исполнительной инспекции. Вся работа с ним в рамках пробации начинается именно в уголовно-исполнительной инспекции. Почему автор законопроекта, а затем и законодатель остановились на этом варианте, сказать сложно. Но недоумение возникает и у потенциального участника пробации (только освободился и вот опять…), и у уголовно-исполнительных инспекций, нагрузка которых неоправданно увеличивается в связи с работой с категорией лиц, не имеющих отношение к системе исполнения наказаний.

Полагаем, целесообразно предоставить возможность освободившимся и нуждающимся в пробации лицам обращаться непосредственно в центры пробации. Однако в этом случае последние должны иметь тесную связь с региональной властью или представлять собой гибридную (комбинированную) форму, составными элементами которой являлись бы региональные органы и ответственный, заинтересованный работодатель с требующимися ресурсами.

Предложенные читателю аспекты Закона о пробации требуют внимания, обсуждения и доработки. Повторим, что они появились в ходе применения Закона, указывают на возможности его усиления и совершенствования, а также на повышение полезного эффекта от пробации в целом.

Вторым важным фактором, влияющим на эффективность пробации, является качество работы субъектов пробации. В этом случае важна их способность давать

объективную оценку реальных обстоятельств, профессиональное понимание и неукоснительное соблюдение требований закона. К сожалению, это не всегда имеет место.

Результаты проведенного Уполномоченным по правам человека в Саратовской области мониторинга реализации Закона о пробации были отражены в итоговых рекомендациях Уполномоченного, направленных в территориальное Управление ФСИН, а также в ходатайстве о проведении прокурорской проверки, направленном в прокуратуру области. В названных документах Уполномоченного отражена практика реализации постпенитенциарной пробации уголовно-исполнительными инспекциями (далее — УИИ), изложенная далее.

Участники пробации чаще всего обращаются с заявлениями об оказании содействия в документировании паспортом гражданина РФ, в оформлении военного билета, в трудоустройстве, оказании психологической и бесплатной юридической помощи. Во всех уголовно-исполнительных инспекциях по поступившим заявлениям принимались положительные решения.

Вместе с тем отдельные аспекты деятельности уголовно-исполнительных инспекций в ходе реализации Закона о пробации критически оценены и требуют внимания со стороны регионального ФСИН России в целях исключения возможных нарушений действующего регулирования и субъективного подхода к его применению, а также для выработки единой практики его реализации на территории региона.

Законодательством России установлен максимальный 30 дневный срок для дачи сотрудником инспекции оценки индивидуальной нуждаемости лица, находящегося в трудной жизненной ситуации. Данный срок обусловлен тем, что решение о целесообразности или нецелесообразности оказания содействия в социализации, социальной адаптации и реабилитации должно быть мотивировано и подкреплено определенными фактами, наличие или отсутствие которых служит основанием для согласия или отказа в пробации.

В соответствии с п. 39 Приказа № 350 должностное лицо УИИ в течение 30 календарных дней со дня получения заявления об оказании содействия проводит оценку индивидуальной нуждаемости лица, находящегося в трудной жизненной ситуации, на основании критериев и методики оценки индивидуальной нуждаемости участников пробации. Перечень действий, которые необходимо совершить должностному лицу для принятия объективного решения, перечислены в п. 6 Критериев и методики оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (приложение 4 к Приказу № 350).

На практике срок принятия инспектором решения о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации составляет всего 5–10 дней и, как правило, зависит от полученного инспекцией из организации, которая является субъектом пробации, ответа о готовности оказать содействие заявителю в решении того или иного вопроса.

В рамках взаимодействия сотрудник УИИ не запрашивает сведения от организации для проведения оценки нуждаемости, а указывает на необходимость оказания содействия в решении вопроса соответствующему лицу и сразу просит направить в инспекцию индивидуальную программу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

Как следует из п. 3 приложения 5 к Приказу № 350 (о порядке подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации), подготовка индивидуальной программы осуществляется в случае принятия начальником УИИ или лицом, его замещающим, решения о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Следовательно, работа по составлению индивидуальной программы и направление писем в органы, которые являются субъектами пробации, должна вестись после вынесения решения о целесообразности пробации, а не до этой процедуры.

Таким образом, изучение документов, приобщенных к личным делам лиц, в отношении которых применяется пробация, показывает, что решение о применении пробации принимается не сотрудниками УИИ, а субъектами, реализующими мероприятия в рамках пробации.

Кроме того, при составлении справок о проведении первоначальной беседы с участниками пробации выясняется минимальная информация о целях получения той или иной помощи, участия в пробации. В постановлениях о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации практически не указываются основания принятия такого решения в отношении того или иного лица.

Короткие сроки и отсутствие оснований принятия объективного решения о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации свидетельствуют о формальном подходе к рассмотрению данного вопроса.

В рамках исполнительной пробации расходы, связанные с оформлением документа, удостоверяющего личность, возлагаются на самих осужденных, в отличие от пенитенциарной пробации, когда средства удерживаются с лицевого счета осужденного или оплачиваются за счет государства. Покрытие расходов на восстановление паспорта гражданина Российской Федерации (например, оплата государственной пошлины при оформлении паспорта) в рамках исполнительной пробации за счет средств федерального и иных бюджетов Российской Федерации не представляется возможным.

Однако единого похода в решении этого вопроса нет. Он закрывается различными способами, в том числе путем оплаты пошлины самими сотрудниками УИИ или обращения к местной администрации с просьбой оказать материальную помощь целях документирования.

Следует отметить, что с увеличением количества лиц, участвующих в пробации, возрастет и сумма денежных средств, необходимых для восстановления и получения документов. Бюджеты районных администраций могут не потянуть такие расходы. Более того, муниципалитеты не обязаны предусматривать в своих бюджетах такие расходы, если не подчеркнуть, что эти расходы являются нецелевыми. Следовательно, Управлению ФСИН России уже сейчас нужно думать о других источниках финансирования указанных расходов.

Аналогичный вопрос касается прохождения медицинской комиссии и оформления медицинской книжки, необходимой при трудоустройстве, что входит в перечень мероприятий по оказанию содействия в рамках пробации. Финансовая сторона указанного мероприятия также законодательно не закреплена.

Значимым моментом в реализации положений Закона о пробации является заключение соглашений с иными организациями, которые могут стать субъектами пробации. Не со всеми такие соглашения заключены или не все заключенные соглашения используются грамотно и в полном объеме. Например, вопрос об оказании содействия осужденным в оформлении страховых медицинских полисов в страховых компаниях возникал не единожды. Однако Управлением ФСИН России по Саратовской области не предпринято мер к выработке общего подхода к его решению (необходимые разъяснения, встречи со страховщиками, заключение соглашения и т.п.).

Вместе с тем в п. 77 Приказа № 350 урегулировано предоставление УИИ информации по вопросам, возникающим в связи с осуществлением обязательного медицинского страхования лиц, принимающих участие в пробации. Четко определено, с каким органом решать подобные вопросы. Эти нормы нужно изучить и применять.

В соответствии с п. 45 Приказа № 350 на лицо, в отношении которого применяется пробация, составляется личное дело.

В работе УИИ отсутствует единый подход к формированию личных дел лиц, в отношении которых применяется пробация: есть личные дела, которые начинаются и с приговора суда, и с заявления, и с анкеты.

Нормы, закрепленные в Приказе № 350, не содержат прямого указания на хронологию формирования личного дела лица, в отношении которого применяется пробация. Вместе с тем положения ст. 12 Закона о пробации содержат правовые ориентиры на этот счет: основанием применения исполнительной пробации является обращение лица (его законного представителя) в УИИ с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Следовательно, формирование личного дела логично начинать с заявления, а затем приобщать анкетные данные и другие документы.

Проведенный мониторинг применения Закона о пробации выявил стороны соответствующего вида деятельности, требующие внимания и дополнительного изучения и проработки. Это будет способствовать не только совершенствованию правоприменения, но и повышению уровня компетентности и профессионализма сотрудников системы ФСИН, а также достижению целей правового регулирования в сфере пробации.

Библиографический список

1. *Колосов С.А.* Пробация VS probation: к вопросу о переводе юридических терминов-когнатов // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2024. № 2(81). С. 208–213.

References

1. *Kolosov S.A.* Probatia vs. Probation: on the Translation of Cognate Legal Terms // Bulletin of Tver State University. Ser.: Philology. 2024. No. 2(81). P. 208–213.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-88-93
УДК 349.3

К.В. Чилькина

РЕВИЗИЯ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ГЕРМАНИИ В XXI ВЕКЕ

Введение: *организационно-правовые основы современной системы социального страхования Германии были заложены в 1880-х гг. в законах о социальном страховании. Последние 20 лет принципы и механизмы данной системы подвергаются пересмотру, проводятся комплексные реформы, направленные на сокращение расходов в социальной сфере.* ***Цель*** *— обозначить причины и механизмы изменения традиционных мер социальной помощи в Германии.* ***Методологическая основа:*** *системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы.* ***Результаты:*** *обоснована авторская позиция о том, что в настоящее время в Германии происходит изменение правовой традиции в сфере социального страхования, заключающейся в максимально возможном социальном обеспечении нуждающегося со стороны государства, где уровень социального обеспечения должен соответствовать уровню человеческого достоинства.* ***Выводы:*** *современное государство Германии переживает глубокий экономический кризис, отражающийся на сфере социального обеспечения и социальной помощи. Законодатель осуществляет комплексные реформы социальной сферы, направленные на сокращение размеров социальных пособий, а также сокращение количества лиц, получающих пособия.*

Ключевые слова: *социальное государство, история права, Социальный кодекс, Германия, социальное обеспечение, реформа, сокращение социальных пособий.*

K.V. Chilkina

REVISION OF THE LEGAL PRINCIPLES OF THE GERMAN SOCIAL STATE IN THE 21ST CENTURY

Background: *the organizational and legal foundations of the modern German social insurance system were laid in the 1880s in the laws on social insurance. Over the past 20 years, the principles and mechanisms of this system have been reviewed, and comprehensive reforms aimed at reducing social spending have been carried out.* ***Objective*** *— to identify the causes and mechanisms of changes in traditional social assistance measures in Germany.* ***Methodology:*** *a systems approach, formal-legal and comparative-legal methods.* ***Results:*** *the author substantiates the position that currently in Germany there is a change in the legal tradition in the field of social insurance, which consists of the maximum possible social security for those in need from the state, where the level of social security should correspond to the level of human dignity.* ***Conclusions:*** *the modern state of Germany is experiencing a deep economic crisis, affecting the sphere of social security and social assistance. The legislator is implementing comprehensive reforms of the social sphere aimed at reducing the amount of social benefits, as well as reducing the number of people receiving benefits.*

Keywords: *social state, history of law, Social Code, Germany, social security, reform, reduction of social benefits.*

© Чилькина Ксения Владимировна, 2025

Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kvchilkina@mail.ru

© Chilkina Ksenia Vladimirovna, 2025

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

Германия долгое время была образцом развития социального государства, так как первой из европейских стран в конце XIX в. приняла пакет законов об обязательном социальном страховании. Инициатива в принятии данных законов исходила от канцлера Отто фон Бисмарка, была вызвана социальными проблемами обнищания рабочего населения вследствие индустриализации производства и картелизации экономики (образование в экономической сфере крупных монопольных союзов предприятий одной отрасли промышленности). Инициатива Бисмарка и содержание законов о страховании 1880-х гг. были подготовлены предшествующими исследованиями проблемы бедности населения, основанными на законе коммунальными практиками социальной поддержки нуждающихся (призрение бедных), а также развитием промышленного (фабричного) законодательства, в рамках которого медленно развивалась система охраны труда с участием работодателя, рабочего и государства в качестве контролирующего учреждения.

С момента образования Германской империи в 1871 г. немецкое законодательство (в первую очередь, социальное, фабричное (административное), о попечении бедных) реализовывало принцип социальной помощи нуждающимся, принцип всеобщего социального страхования, принцип личной и взаимной ответственности за общее благополучие, принцип субсидиарного (совместного долевого) участия в обеспечении социального благополучия. Все указанные принципы раскрывались в Законе о страховании рабочих по болезни 1883 г. — первом законе из трех законов о социальном страховании, составивших основу дальнейшего развития данной системы, и получали дальнейшее развитие. Закон о социальном страховании от несчастных случаев на производстве (1884 г.) и Закон о страховании по достижении пенсионного возраста (1889 г.) на производстве опирались на принципы, заложенные в законе 1883 г.

Помимо сети больничных касс, составлявших основу обязательного социального страхования, в Пруссии и других государствах — членах Германского союза 1815 г. развивались местные системы попечения о бедных. Законы о страховании 1880-х гг. с изменениями и дополнениями составили Свод законов о страховании Германии 1911 г., который продолжал действовать в Веймарской республике. Широкий спектр социальных прав граждан был закреплен в Конституции 1919 г., а в 1927 г. был принят закон о социальном страховании от безработицы.

Принцип субсидиарности в достижении социальной безопасности в немецком варианте предполагал образование многочисленных общественных организаций, включенных в решение социального вопроса — обеспечение безопасного и достойного уровня жизни трудящихся. В первой трети XX в. публичное право активно развивалось в разных сферах, связанных с обеспечением определенного уровня жизни человека. Как отмечает М. Штолляйс, если собрать воедино новое социальное право и налоговое право, так называемое право коммунального жизнеобеспечения, новое техническое, транспортное и энергетическое право, то становится понятным, что вступление в мир индустриального общества и распространение публичных норм началось задолго до мировой войны [1, с. 63]. В период национал-социализма система публичного управления была перестроена, введен принцип централизма и авторитаризма. Только после поражения Германии во Второй мировой войне началось восстановление немецкой экономики и традиционной системы управления государством. Основной закон ФРГ 1949 г. прямо закрепил принципы правового и социального государства

(ст. 20). Данные конституционные принципы начали активно реализовываться в первую очередь в публичном праве, что привело к обновлению ряда законов, действовавших со времен Веймарской республики, и к принятию новых. Кроме тенденций развития социального государства, в национальной немецкой правовой системе в качестве ключевого фактора влияния было еще то, что в период Второй мировой войны активно развивалась международная концепция социальной безопасности, опираясь в качестве правовой основы на Атлантическую хартию 1941 г., предусматривающую государственное обеспечение свободы людей от нужды и страха (п. 6 Хартии).

Принципы социальной помощи нуждающимся, принцип всеобщего социального страхования, принцип личной и взаимной ответственности за общее благополучие, принцип субсидиарного участия в обеспечении социального благополучия составили основу так называемого «экономического чуда» под руководством Л. Эрхарда — быстрого восстановления экономики Западной Германии в 1950-х гг., обеспечения определенных социальных стандартов в жизни каждого гражданина, включая комплексную социальную помощь и поддержку [2]. В 1957 г. была проведена пенсионная реформа [3], и в этот же период начала разрабатываться концепция единого Социального кодекса ФРГ, первая Книга которого была принята в 1975 г. и действует до сих пор.

С этого момента Германия пережила несколько крупнейших вызовов, ставящих под угрозу уничтожения идеи и цели социальной безопасности и всеобщего благосостояния. К числу данных кризисов относят нефтяной кризис 1973 г., объединение Германии 1990 г., пандемию 2020 г. Колоссальное влияние на социальную систему Германии оказывает миграция населения. Увеличение численности населения вследствие миграции [4], старение коренного населения (низкая рождаемость) постоянно вызывает необходимость пересмотра ключевых правовых принципов, на которых строится система социального страхования современной Германии. Последние 20 лет специалисты говорят о кризисе социального государства Германии.

В 2005 г. в Германии была проведена реформа по проекту Питера Хартца, бывшего топ-менеджера Фольксвагена, по имени которого и стали называть предложенные меры, вызвавшие огромный общественный резонанс [5, с. 258]. На первом этапе (2003 г.) была реорганизована государственная служба занятости и структура действующих социальных программ; на втором этапе были приняты меры, «активизирующие» безработного к более интенсивному поиску работы; на третий год реформ были созданы условия для организации дополнительных рабочих мест в экономике. Наиболее важным стал четвертый этап (2005 г.), в ходе которого были реформированы система страхования по безработице и система вспомоществования. Одновременно в течение всего периода реформ вводились меры, направленные на либерализацию регулирования нестандартных рабочих мест [5, с. 261]. Новая система перестала финансово поддерживать «статус» безработного, а стала инструментом стимулирования безработных к активному поиску нового рабочего места, чем вызвала волну полемики и критики со стороны различных ассоциаций, профсоюзов, политических партий. Данная реформа покушалась на традиционные принципы социального государства. В 2007 г. в Германии повысили пенсионный возраст.

В 2011 г. был принят Закон об определении стандартных потребностей (Regelbedarfsermittlungsgesetz — RBEG), снизивший размер социальных выплат. Законопроект вызвал многочисленные возражения социал-демократической партии и христианско-демократического союза, за которыми последовало обращение в суд на проверку соответствия данного закона Основному закону. Федеральный конституционный суд в своем решении от 9 февраля 2010 г. признал установление стандартных ставок неконституционным и обязал законодателя создать до конца года новое законодательное регулирование по этому вопросу. В судебном решении обозначалось, что законодатель должен постоянно конкретизировать, актуализировать это, по сути, неотчуждаемое и подлежащее реализации основное право в формальном законе, рассчитывая выплаты с учетом текущих социально-экономических условий. Для определения объема притязаний законодатель должен реалистично и понятно измерять все необходимые для жизни человека расходы на основе надежных данных и убедительных методов расчета.

Уже после принятия закона его содержание вызывало протесты и обращение в социальный суд. В 2013 г. Федеральный социальный суд постановил, что определение стандартных потребностей с 1 января 2011 г. согласно закону RBEG с конституционно-правовой точки зрения не подлежит возражению. Выплаты не являются «недостаточными», они «обоснованы на основе надежных данных и убедительных методов расчета». Законодатель действовал в рамках предоставленной ему свободы усмотрения. В своем решении от 23 июля 2014 г. Федеральный конституционный суд охарактеризовал выплаты по стандартным потребностям как еще конституционные. В настоящее время также остро стоит вопрос о пересмотре размера стандартных потребностей граждан.

Пандемия 2020 г. оценивается европейскими специалистами как один из крупнейших вызовов не только сущности социального государства, но и в целом концепции естественных прав человека [6]. Пандемия и другие неблагоприятные факторы оказали разрушительное влияние на современную немецкую экономику, что отразилось и на социальной сфере [7, с. 30–33], однако немецкие экономисты видят одним из способов восстановления конкурентоспособности национальной экономики и промышленности комплексную дебюрократизацию. Важную роль в поддержании инвестиционного климата в Германии продолжают играть такие факторы, как высокий уровень жизни и общественная безопасность [7, с. 40–41].

С 2023 г. экономика Германии переживает кризис, выражающийся в консолидированном государственном долге (общий долг федерации, земель, коммун, фонда социального страхования) в размере 2445,4 млрд евро [7]. Данный долг означает сокращение расходов на социальную сферу. 2025 год прошел под знаком острой полемики по поводу статей расходов в социальной сфере, подлежащих сокращению. В первую очередь ужесточатся правила в сфере страхования по безработице, поскольку уровень безработицы слишком высок. Данная реформа предусматривает следующий комплекс стимулирующих мер для ищущих работу: тот, кто в будущем без уважительной причины пропускает встречи в агентстве по трудоустройству, бросает курсы повышения квалификации, не отправляет заявки на работу или отказывается от предложения о работе, может быть наказан 30-процентным сокращением базового обеспечения. После третьего нарушения грозит полная отмена государственной помощи. Путем введения и использования

данных мер законодатель Германии планирует создать систему более эффективную и дешевую, нежели простая выплата пособий по безработице.

Согласно Книге II Социального кодекса Германии в числе социальных выплат предусмотрена такая выплата, как «бюргергельд» (Bürgergeld)[1] — государственная финансовая поддержка, направленная на обеспечение прожиточного минимума человека, соответствующего человеческому достоинству. В программах реформ социальной сферы в Германии будет сокращаться число граждан, получающих социальные пособия. Изменения коснутся многих сфер жизни общества, регулирование которых обеспечивает социальную безопасность: будут сокращаться пособия по уходу за больными (инвалидами), средства в сфере медицинской помощи, а также продовольственные банки (Taffel) — фонды и организации продуктов питания, где нуждающиеся могут получить пропитание. Лица, пользующиеся социальной помощью в форме обращения к продовольственным банкам, должны будут получить специальную регистрационную карту и отмечать каждое посещение продовольственного банка. К 2029 г. планируется повысить пенсионный возраст с 65 до 67 лет [8, с. 55].

Анализ изменений в социальном законодательстве Германии позволяет говорить о постепенном отказе от принципа всеобщей социальной помощи и использования социального страхования по широкому списку оснований в обеспечении социальной безопасности. Следует согласиться с мнением Д.В. Саватеевой о том, что механизмы системы социального страхования О. ф. Бисмарка на данном этапе развития государства не способны в полной мере отражать вызовы современности [8, с. 56]. Законодатель вынужден идти по пути сокращения размеров социальных выплат и пособий, сокращения количества людей, получающих социальную помощь, перестройки системы страхования по безработице и использования мер, стимулирующих к поиску работы. Представляется, что ближайшие 5–10 лет изменения в сфере социальной политики Германии приведут к учреждению новых обоснованных принципов регулирования социальных правоотношений и появлению новых смыслов принципа социального государства.

Библиографический список

1. *Штолляйс М.* История публичного права в Германии. Веймарская республика и национал-социализм / [пер. с нем. О.Г. Субботина]. М.: РОССПЭН, 2017. 661 с.

2. *Рудковская М.М., Борисова О.А.* Социально-рыночное хозяйство Германии во второй половине XX века: история, последствия и вызовы глобализации // Сапоговские штудии — 2025. Актуальные вопросы гуманитарного знания: сб. науч. ст. Восьмой науч. межвуз. конф. (Кострома, 28 марта 2025 г.). Кострома: Костром. гос. ун-т, 2025. С. 118–123.

3. *Подольский В.А.* Экономические и политические предпосылки трансформаций социальной политики в XX веке // Социодинамика. 2023. № 12. С. 81–91.

4. *Ходов Л.Г.* Население ведущей страны Западной Европы: естественная убыль, иммиграция // Горизонты экономики. 2020. № 4(57). С. 91–96.

5. *Вишневская Н.Т.* Реформа немецкого рынка труда: особый случай или пример для подражания? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18, № 2. С. 249–284.

[1] См.: Sozialgesetzbuch (SGB) Zweites Buch (II) — Bürgergeld, Grundsicherung für Arbeitsuchende - (Artikel 1 des Gesetzes vom 24. Dezember 2003, BGBl. I S. 2954). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_2/__19.html (дата обращения: 23.11.2025).

6. *Монжаль П.И.* Индивидуальные свободы в условиях кризиса в области климата и здравоохранения: размышления о тотализирующей идеологии прав человека // Правосудие. 2021. Т. 3, № 2. С. 17–61.

7. *Белов В.Б., Грачева М.В., Иванова А.К.* [и др.]. Германия. 2023. М.: Институт Европы РАН, 2024. 195 с.

8. *Саватеева Д.В.* Трансформация системы социального страхования населения в Федеративной Республике Германии под влиянием вызовов XXI в // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 1. С. 50–57.

References

1. *Stolleis M.* The history of public law in Germany, the Weimar Republic and National Socialism / [trans. translated by O. G. Subbotina]. M.: ROSSPEN, 2017. 661 p.

2. *Rudkovskaya M.M., Borisova O.A.* The socio-market economy of Germany in the second half of the twentieth century: the history, consequences and challenges of globalization // Sapogovskiye studii — 2025. Actual issues of humanitarian knowledge: collection of scientific articles of the Eighth Scientific Interuniversity Conference (Kostroma, March 28, 2025). Kostroma: Kostroma State University, 2025. P. 118–123.

3. *Podolsky V.A.* Economic and political prerequisites for transformations of social policy in the XX century // Sociodynamics. 2023. No. 12. P. 81–91.

4. *Khodov L.G.* The population of the leading country in Western Europe: natural decline, immigration // Horizons of Economics. 2020. No. 4(57). P. 91–96.

5. *Vishnevskaya N.T.* Reform of the German labor market: a special case or an example to follow? // The Economic Journal of the Higher School of Economics. 2014. Vol. 18, No. 2. P. 249–284.

6. *Monjal P.I.* Individual freedoms in the context of the climate and health crisis: reflections on the totalizing ideology of human rights // Justice. 2021. Vol. 3, No. 2. P. 17–61.

7. *Belov V.B., Gracheva M.V., Ivanova A.K.* [and others]. Germany. 2023. M.: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2024. 195 p.

8. *Savateeva D.V.* Transformation of the social insurance system of the population in the Federal Republic of Germany under the influence of the 21st century // Journal of the Belarusian State University. History. 2023. No. 1. P. 50–57.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-94-100
УДК 340.1

А.В. Шмидт

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ

Введение: *в статье проведен теоретический анализ формирования специального правового статуса с позиции законности. Отмечается, что содержание специального статуса складывается из прав и обязанностей, зафиксированных в различных источниках права.* ***Цель*** *— определить роль принципа законности в построении специального статуса.* ***Методологическая основа:*** *диалектический, системно-структурный и логический методы.* ***Результаты:*** *выделяются правотворческий и правореализационный аспект законности. Правотворческая характеристика законности специального правового статуса связана с тем, что его содержание закрепляется нормативными правовыми актами, нормативными договорами, правовыми обычаями, судебными прецедентами. Утверждается, что на уровне правореализации принцип законности проявляется в процедуре возникновения и прекращения специального статуса, призванной исключить произвольность и неосновательность наделения субъективными правами и возложения юридических обязанностей либо предотвратить неисполнение юридических обязанностей самим носителем статуса.* ***Выводы:*** *значимость рассмотрения специального правового статуса в контексте принципа законности заключается в том, что специальный статус обладает двойственным значением. С одной стороны, он — критерий законности, а с другой — сам обладает качествами законности или незаконности.*

Ключевые слова: *специальный правовой статус, принцип законности, нормативный правовой акт, правовой обычай, нормативный договор, судебный прецедент, правотворчество, правореализация, общая и специальная нормы.*

A.V. Schmidt

SPECIAL LEGAL STATUS IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY

Background: *the article provides a theoretical analysis of the formation of a special legal status from the perspective of legality. It is noted that the content of the special status consists of the rights and obligations recorded in various sources of law.* ***Objective*** *— to determine the role of the principle of legality in building a special status.* ***Methodology:*** *dialectical, system-structural and logical methods.* ***Results:*** *the law-making and law-realization aspects of legality are highlighted. The law-making characteristic of the legality of a special legal status is related to the fact that its content is fixed by normative legal acts, normative treaties, legal customs, and judicial precedents. It is argued that at the level of legal realization, the principle of legality manifests itself in the procedure for the emergence and termination of special status, designed to eliminate the arbitrariness and unreasonableness of granting subjective rights and imposing legal obligations, or to prevent the failure of legal obligations by the status holder himself.* ***Conclusions:*** *the importance of considering special legal status in the context of the principle of legality lies in the fact that special status*

© Шмидт Анна Валерьевна, 2025
Преподаватель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: jurist.sar@yandex.ru
© Schmidt Anna Valeryevna, 2025
Lecturer at the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

has a dual meaning. On the one hand, it is a criterion of legality, and on the other, it possesses the qualities of legality or illegality.

Keywords: *special legal status, principle of legality, normative legal act, legal custom, normative contract, judicial precedent, law-making, legal realization, general and special norms.*

Специальный правовой статус в рамках современной российской правовой системы пока не имеет такой компактно закрепленной совокупности юридически формализованных принципов, которые системно регулировали бы его построение и функционирование.

Это вызвано тем, что сам специальный правовой статус в рамках существующего правопорядка вовсе не является предметом какого-либо отдельного регулирования, локализованного в одной или нескольких отраслях, а, напротив, представляет собой комплексный межотраслевой эффект правового регулирования в той мере, в которой содержание специального правового статуса складывается из прав и обязанностей, зафиксированных в различных источниках права, имеющих в том числе разную юридическую силу. Вместе с тем формирование специального правового статуса строится на определенных основополагающих началах, среди которых центральное значение имеет принцип законности.

По поводу восприятия юридической природы законности в научной литературе существуют разногласия, которые порождены сложностью, многоаспектностью и динамикой предмета. При всем многообразии взглядов на юридическую природу категории «законность» нет серьезных оснований для противопоставления одного аспекта другому, поскольку каждый из них отражает объективно существующие и проявляющиеся свойства и грани этого сложного и многоаспектного социально-правового явления.

Одним из основных подходов к пониманию юридической природы законности выступает рассмотрение этой категории в качестве одного из принципов, представляющего собой требование соответствия правовому статусу всей системе его нормативных оснований. Роль принципа законности в построении специального правового статуса заключается прежде всего в том, что с его помощью устанавливаются пределы свободы поведения лиц. Как точно писал К. Ясперс, «подлинная свобода всегда осознает свои границы и, более того, обретает себя лишь в рамках, создаваемых при помощи определенных законов» [1, с. 168]. И.А. Ильин подчеркивал, что «ограничивая свободу каждого известными пределами, закон обеспечивает ему зато беспрепятственное и спокойное пользование своими правами, т.е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов» [2, с. 96].

Применительно к специальному правовому статусу можно различать правотворческий и правореализационный аспект законности. К правотворческому уровню относится оценка законности нормативного содержания специального правового статуса, а к правореализационному — законность его возникновения, прекращения и практического осуществления.

Правотворческая характеристика законности специального правового статуса связана с тем, что его содержание могут составлять права и обязанности, установленные источниками права различной юридической силы, вследствие чего нормативная последовательность и согласованность различных элементов специального правового статуса требует отдельного контроля. Ведь «важно

не только создать хороший закон, всесторонне учитывающий потребности общественного развития в той или иной области отношений, но и обеспечить правильное применение этого закона на практике, точное исполнение его всеми обязанными лицами» [3, с. 242]. По словам В.В. Клочкова, «понятие законности включает в свою структуру: не сам процесс правотворчества (издания правовых норм), а определенные требования к нему; не правовые нормы как таковые, а определенные требования к их системе и содержанию требований (к изданию, отмене или изменению правовых норм; системе верховенства закона и др.)» [4, с. 26].

Различные элементы специального правового статуса могут иметь конституционный, международно-правовой, законодательный или подзаконный характер. Таким образом, суть принципа законности в отношении специального правового статуса заключается в том, что при его построении принимаются во внимание не только те нормативные положения, которые непосредственно относятся к его содержанию, но и весь массив нормативных предписаний более высокой юридической силы.

Аналогичную по существу идею высказывает Е.В. Свинин: «Законность характеризует не только требование безусловной реализации правовых норм (внешний аспект), но и презумпцию правомерности существования правовой нормы (внутренний аспект), то есть издание ее надлежащим субъектом, в соответствующей процедуре и в рамках компетенции» [5, с. 27].

Можно сказать, что специальный правовой статус обладает своеобразной двойной нормативностью. С одной стороны, это нормативный характер самого специального правового статуса, с другой — нормативный характер его оснований, то есть тех положений, которые необходимо соблюдать при конструировании данного статуса.

Как считает А.С. Сиротин, «законность в сфере правотворчества проявляется в трех аспектах. Каждый нормативный правовой акт должен приниматься государственным органом: во-первых, только в пределах его компетенции; во-вторых, только в установленном соответствующими нормативно-правовыми актами процедурном порядке, в-третьих, содержание принимаемого нормативно-правового акта не должно противоречить уже принятым ранее нормативно-правовым актам, обладающим по сравнению с ним более высокой юридической силой» [6, с. 109–110].

На нормативное содержание специального правового статуса могут также оказывать влияние иные источники права, значение которых с точки зрения принципа законности определяется наличием или отсутствием официальной санкции со стороны государства. Так, правовые обычаи могут быть критерием законности только в тех случаях, когда их применимость прямо предусматривается какими-либо законодательными положениями, каким выступает, например, ст. 5 ГК РФ[1], закрепляющая применимость обычаев в сфере гражданского оборота. Правовой обычай находит свое широкое применение в частном праве, то есть там, где доминирует диспозитивный метод регулирования правоотношений [7, с. 18]. В современных условиях обычай при формировании специального правового статуса используется в качестве дополнительного источника права. Это обусловлено тем, что сегодняшнее течение жизни характеризуется динамикой развития

[1] См.: Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2025. № 31, ст. 4669.

общественных связей, где обычай оказался менее эффективной формой права по сравнению с нормативными правовыми актами и нормативными договорами [8, с. 181]. Вместе с тем правовой обычай продолжает играть определенную роль в регулировании специальных правоотношений. В частности, ч. 2 ст. 58 СК РФ[1] закрепляет правило, согласно которому отчество ребенку дается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов РФ или не основано на национальном обычае.

Что касается роли судебных решений в формировании специальных правовых статусов, то она по-прежнему остается предметом дискуссий. Продолжает существовать точка зрения, будто «несмотря на реалии, касающиеся места и роли прецедента в российской правовой системе, отражения в законе он не получил; обязательное следование прецеденту в процессе осуществления правосудия в российском законодательстве не закреплено» [9, с. 171].

В действительности юридическое значение судебных актов обусловливается прежде всего принципом обязательности судебных постановлений, который закреплен в ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ[2]. Данная статья позволяет сделать совершенно определенный вывод: решения суда с нормативным содержанием, принятые в рамках своей компетенции (как правило, речь идет о нормативных разъяснениях высших судебных органов), обладают статусом источников права и могут использоваться в качестве нормативного основания специальных правовых статусов. Правовые позиции Конституционного Суда РФ являются неотъемлемой частью российского законодательства, поскольку содержат официальное толкование Конституции РФ, а также устанавливают конституционность или неконституционность тех или иных норм действующего законодательства. Например, Конституционный Суд РФ неоднократно принимал постановления по вопросам, касающимся прав военнослужащих, ограничений их правомочий в сфере политической, предпринимательской и иной деятельности[3].

Немаловажное значение в построении специального правового статуса имеет нормативный договор. Его роль в формировании специальных правовых статусов существенным образом зависит от того, какова отраслевая принадлежность соответствующих правоотношений, относятся они к сфере публичного или частного права. Так, в публичном праве мерилом законности выступают, наряду с законодательством, только вступившие в силу международные договоры РФ в соответствии со ст. 18 Конституции РФ. Иллюстрацией может выступать

[1] См.: Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2024. № 48, ст. 7212.

[2] См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 23 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1; 2025. № 30, ч. 2, ст. 4363.

[3] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 1565-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цыпкина Юрия Валентиновича на нарушение его конституционных прав абзацем третьим пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзацем пятым подпункта “д.1” пункта 1 статьи 51 и пунктами 2, 4 и 6 статьи 51.1 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”, абзацем третьим пункта 7 статьи 10 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, а также пунктом 16 статьи 29, абзацем пятым подпункта “д.1” пункта 3, подпунктом “е.1” пункта 4 и пунктом 16 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы» (документ официально опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Соглашение о взаимном признании прав на льготный проезд для инвалидов и участников Великой Отечественной войны, а также приравненных к ним лиц[1].

Одной из проблемных ситуаций, имеющих отношение к соблюдению принципа законности в сфере специальных правовых статусов, является противоречие между правовыми нормами, обладающими одинаковой юридической силой.

Традиционно подобные коллизии предполагается разрешать при помощи правила соотношения общей и специальной нормы. В отечественной правовой доктрине сложилось представление об исходном приоритете специальной нормы по отношению к общей. Однако данное положение не имеет формально юридического закрепления. Кроме того, в ряде отраслей права оно подвергается сомнению с учетом буквального смысла законодательных положений. Например, в гражданском законодательстве, напротив, установлен приоритет норм ГК РФ перед иными, то есть специальными законодательными нормами. Подобная практика складывается, когда в результате реформирования законодательства общая норма будет изменена, а конкретизирующая ее специальная норма еще нет. В этом случае подлежит применению уже общая норма как вступившая в юридическую силу в более поздний момент или находящаяся в нормативном правовом акте, имеющем более высокую юридическую силу [10, с. 17].

Ряд авторов высказывается за приоритет общих норм перед специальными. В частности, С.Ю. Суменков пишет, что «специальные нормы с их конкретизационным эффектом позволяют детализировать правовую регламентацию общественных отношений, максимально обеспечив ее эффективность и дифференцированность. Вместе с тем стоит понимать, что примат специального над общим допустим только в отдельных, частных случаях. В целом доминировать должны общие нормативные предписания» [11, с. 163].

В любом случае следует признать, что обозначенная проблема в рамках российской правовой системы не имеет какого-либо единого решения. Представляется, что в настоящее время отсутствует какой-либо заранее установленный универсальный приоритет специальной нормы по отношению к общей, равно как и наоборот. Возникновение подобного рода коллизий, вероятно, должно разрешаться в каждом конкретном случае исходя из отраслевых принципов права.

На уровне правореализации принцип законности проявляется прежде всего в процедуре возникновения и прекращения специального правового статуса, призванной исключить произвольность и неосновательность наделения субъективными правами и возложения юридических обязанностей, что может повлечь за собой дисфункциональность статуса, присвоенного ненадлежащему субъекту.

Нарушением специального правового статуса с точки зрения принципа законности является неисполнение предусмотренных им юридических обязанностей самим носителем статуса, а также воспрепятствование реализации его прав и обязанностей со стороны иных лиц.

Иллюстрацией сказанного может служить, в частности, практика так называемой разрешительной деятельности, при которой субъект специального правового статуса нуждается для удовлетворения своих интересов в получении со стороны государственных органов разрешения, которое по тем или иным причинам

[1] См.: Соглашение о взаимном признании прав на льготный проезд для инвалидов и участников Великой Отечественной войны, а также лиц, приравненных к ним (Москва, 12 марта 1993 г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 3. С. 16.

не предоставляется без достаточных законных оснований. Е.А. Савченко верно утверждает: «Повседневная практика показывает, что властные субъекты также могут умышленно создавать административные барьеры при выдаче разрешений, затрудняющие реализацию конституционно гарантированной свободы предпринимательства добросовестными участниками рынка. Это может проявляться и в выдаче разрешений с несоблюдением требований к соискателю, и в ослаблении (либо абсолютном отсутствии) надлежащего последующего контроля за соблюдением условий деятельности, на которую было выдано разрешение» [12, с. 109].

Другим примером является концепция «равного обращения», суть которой состоит в том, что недостаточно формального закрепления тех или иных гарантий правового статуса, необходимо еще обеспечить их применение определенным образом, чтобы избежать дискриминации на практике. Так, в трудовых отношениях это означает равное обращение работодателя с работниками, находящимися в одинаковом положении, причем «под одинаковым положением в данном случае понимается, в частности, выполнение одной и той же трудовой функции, работы сопоставимого количества и (или) качества и т.п. Иначе говоря, ключевое значение имеют деловые качества, профессиональные навыки — при их соответствии должно быть одинаковым и обращение с такими работниками, проявляющееся в равной оплате за труд равной ценности, в одинаковом обеспечении требований охраны труда для всех работников, одинаковой вежливости в общении и т.д.» [13, с. 47].

Резюмируя сказанное, отметим, что специальный правовой статус обладает двойственным значением в контексте принципа законности. Он является критерием законности, когда речь идет об оценке действий носителя специального статуса либо иных лиц в отношении него. Одновременно специальный правовой статус сам обладает качествами законности или незаконности, исходя из его соответствия или несоответствия общим принципам права, а также нормам высшей юридической силы.

Библиографический список

1. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем., вступ. ст. П.П. Гайденко. М.: Республика, 1994. 527 с.

2. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 93–99.

3. *Долгопят А.О.* Понятие и содержание принципа законности // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 4. С. 242–244.

4. *Клочков В.В.* Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2012. 262 с.

5. *Свинин Е.В.* Правопорядок как воплощение идей законности и необходимости // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 24–33.

6. *Сиротин А.С.* Законность в Российской Федерации. Концепции и реальность. Теоретические аспекты понимания. Механизм ее реализации. Проблемы. М.: МГИУ, 2009. 280 с.

7. *Печников А.П.* Юридическая природа правового обычая // Гуманитарные и юридические исследования. 2013. № 3. С. 16–19.

8. *Ярмонова Е.Н.* Правовой обычай как источник права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 2-2. С. 180–182.

9. *Ибрагимова Ю.Э.* Судебное правотворчество в России как способ устранения пробелов // Правотворчество: аксиологические основания и стратегические приоритеты / под общ. ред. О.Ю. Рыбакова, М.А. Беляева. М.: Русайнс, 2024. С. 167–179.

10. *Кожокарь И.П.* Коллизии правовых норм как изъян системы российского права // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 15–22.

11. *Суменков С.Ю.* Изменения в корреляции общего и специального законодательства: детерминанты, проблемы, перспективы // Юридическая техника: ежегодник. 2023. № 17. С. 161–163.

12. *Савченко Е.А.* Некоторые аспекты соблюдения законности субъектами разрешительной и контрольно-надзорной деятельности в условиях модернизации социально-экономического развития // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 104–114.

13. *Тимошенко Р.И.* Единство и дифференциация правового регулирования трудовых отношений в отечественном законодательстве: понятие и история. СПб.: Наукоемкие технологии, 2024. 149 с.

References

1. *Jaspers K.* The Meaning and Purpose of History / Translated from German. Introductory Article by P.P. Gaidenko. M.: Republic, 1994. 527 p.

2. *Ilyin I.A.* The General Doctrine of Law and State (Fragments) // Jurisprudence. 1992. No. 3. P. 93–99.

3. *Dolgopyat A.O.* The Concept and Content of the Principle of Legality // Problems of Economics and Legal Practice. 2008. No. 4. P. 242–244.

4. *Klochkov V.V.* Actual Problems of the Theory of Legality and Prosecutorial Supervision. M.: Akad. Gen. Prosecutor's Office of the Russian Federation. Russian Federation, 2012. 262 p.

5. *Svinin E.V.* Law and Order as the Embodiment of the Ideas of Legality and Necessity // Journal of Russian Law. 2017. No. 9. P. 24–33.

6. *Sirotin A.S.* Legality in the Russian Federation. Concepts and Reality. Theoretical Aspects of Understanding. The Mechanism of its Implementation. Problems. M.: MGIU, 2009. 280 p.

7. *Pechnikov A.P.* The Legal Nature of Legal Custom // Humanitarian and Legal Research. 2013. No. 3. P. 16–19.

8. *Yarmonova E.N.* Legal Custom as a Source of Law // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 2-2. P. 180–182.

9. *Ibragimova Yu.E.* Judicial Law-Making in Russia as a Way to Eliminate Gaps // Law-Making: Axiological Foundations and Strategic Priorities / under the General Editorship of O.Yu. Rybakov, M.A. Belyaev. M.: Rusains, 2024. P. 167–179.

10. *Kozhokar I.P.* Collisions of Legal Norms as a Flaw in the System of Russian Law // Legal Science. 2019. No. 4. P. 15–22.

11. *Sumenkov S.Yu.* Changes in the Correlation of General and Special Legislation: Determinants, Problems, Prospects // Legal Technology: Yearbook. 2023. No. 17. P. 161–163.

12. *Savchenko E.A.* Some Aspects of the Observance of Legality by Subjects of Licensing and Control and Supervisory Activities in the Context of Modernization of Socio-Economic Development // Journal of Russian Law. 2019. No. 7. P. 104–114.

13. *Timoshenko R.I.* Unity and Differentiation of Legal Regulation of Labor Relations in Domestic Legislation: Concept and History. St. Petersburg: Science-Intensive Technologies, 2024. 149 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-101-107
УДК 340.13

Р.Б. Дауд

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСТВА В СУБЪЕКТИВНОМ СМЫСЛЕ

Введение: *вопросы трактовки содержания и структуры права на гражданство в субъективном смысле актуализируются в настоящее время ввиду необходимости повышения гарантированности его реализации на практике. В теоретическом плане проблема понимания субъективного права на гражданство далека от своего разрешения, поскольку в отечественной юридической науке не наблюдается единого выверенного подхода к раскрытию его понятия, юридической природы, содержания, структуры и способов защиты.* ***Цель*** *— уточнить общетеоретическое понимание феномена гражданства в субъективном смысле.* ***Методологическая основа:*** *материалистическая диалектика, ее законы, принципы и всеобщие категории познания являются отправной, мировоззренческой основой для рассмотрения сущности и понятия гражданства в аспекте прав человека и гражданина. В ходе исследования применялись логический и системный подходы, при раскрытии вопросов установления и реализации права на гражданство — формально-юридический и сравнительно-правовой методы.* ***Результаты:*** *рассмотрены проблемные аспекты содержания и структуры права на гражданство с позиции дихотомии объективного и субъективного в праве. Обобщены и критически проанализированы основные подходы к структуре субъективного права на гражданство, сложившиеся в отечественной юриспруденции.* ***Выводы:*** *с позиций общей теории права предлагается понимать гражданство в субъективном смысле в качестве группы взаимосвязанных, но различающихся по субъектам (их носителям) и способам защиты прав. Отмеченный подход позволяет в общей теории права уточнить механизм реализации и защиты группы прав, связанных с отношениями гражданства, включая право на его приобретение, изменение (выбор), прекращение и защиту.*

Ключевые слова: *гражданство, право в объективном и субъективном смысле, содержание и структура субъективного права, защита права.*

R.B. Daud

GENERAL THEORETICAL ISSUES OF CONSIDERING THE PHENOMENON OF CITIZENSHIP IN A SUBJECTIVE SENSE

Background: *the issues of interpretation of the content and structure of the right to citizenship in a subjective sense are currently being updated due to the need to increase the guarantee of its implementation in practice. Theoretically, the problem of understanding the subjective right to citizenship is far from being solved, since in Russian jurisprudence there is no single verified approach to revealing its concept, legal nature, content, structure and ways of protection.* ***Objective*** *— is to clarify the general theoretical understanding of the phenomenon of citizenship in a subjective sense.* ***Methodology:*** *the materialistic dialectic, its laws, principles and universal categories of cognition are the starting point, the ideological basis for considering the essence and concept of citizenship in the aspect of human and civil rights. In the course of the study, logical and systematic approach-*

© Дауд Руслан Баширович, 2025
Соискатель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: RusSud@bk.ru
© Daud Ruslan Bashirovich, 2025
Candidate of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

es were applied. When disclosing the issues of establishing and exercising the right to citizenship, the author turned to formal legal and comparative legal methods of cognition. ***Results:*** *problematic aspects of the content and structure of the right to citizenship are considered from the perspective of the objective and subjective dichotomy in law. The main approaches to the structure of the subjective right to citizenship that have developed in Russian jurisprudence are summarized and critically analyzed.* ***Conclusions:*** *from the standpoint of the general theory of law, it is proposed to understand citizenship in a subjective sense as a group of rights that are interconnected, but differ in subjects (their bearers) and ways of protection. This approach makes it possible in the general theory of law to clarify the mechanism of realization and protection of a group of rights related to citizenship relations, including the right to acquire, change (choose), terminate and protect it.*

Keywords: *citizenship, law in the objective and subjective sense, content and structure of subjective law, protection of law.*

В отечественной юриспруденции феномен гражданства рассматривается с различных ракурсов в качестве правового состояния, правоотношения или их группы, элемента правового положения личности и др. Одним из значимых подходов в исследовании выступает его понимание с позиции объективного и субъективного в праве. Правоведы для отражения субъективной стороны гражданства оперируют следующей терминологией: «право на гражданство», «право на приобретение гражданства», «право выбора гражданства», «право выхода из гражданства» и т.п.

В литературе часто выделяют одно комплексное субъектное право на гражданство, которое в рамках своей единой структуры поглощает все иные правомочия, включая право на защиту, право на приобретение, право на изменение и прекращение гражданства. Думается, что это не вполне точное понимание существа проблемы, поскольку не позволяет раскрыть всей полноты и сложности механизма реализации группы субъективных прав, принадлежащих различным категориям субъектов права и отличающихся по своему содержанию и спецификой их защиты. Критика единого субъективного права на гражданство имеет основания уже потому, что в отношения, связанные с институтом гражданства, вступают не только граждане РФ, но и лица без гражданства, иностранные граждане, которые, как следствие, обладают разным набором субъективных прав, в связи с чем их весьма проблематично встроить в теоретическую концепцию единого субъективного права на гражданство.

В советский период развития правового учения о гражданстве субъективный момент в его изучении изначально увязывался с гарантиями реализации прав без выделения соответствующего субъективного права, что выражалось в общей характеристике о «нормальной и наиболее полной реализации прав человека, связанной с наличием у индивида определенного гражданства» [1, с. 143]. В дальнейшем советские правоведы предприняли ряд попыток рассмотрения права на гражданство в качестве самостоятельного субъективного права. Например, О.О. Мироновым был высказан довод о наличии специального субъективного права ввиду понимания гражданства как правоотношения, в котором состоит гражданин с государством, а содержанием всякого правоотношения выступают субъективные права и юридические обязанности [2, с. 19, 69]. Между тем само гражданство трактовалось в качестве предпосылки (условия) обладания иными конституционными правами и обязанностями.

Наиболее полное изложение гражданства в качестве ряда субъективных прав получило в трудах В.Н. Витрука, который обосновал идею их понимания в виде элемента правового положения личности. В предложенной концепции ученого право на приобретение гражданства и право выхода из него предстают как субъективные права индивида, а их реализация и защита увязывалась им с государством и его органами [3, с. 55]. В последующем В.Н. Витрук дополнил и конкретизировал свое понимание феномена гражданства в субъективном смысле [4], а многие его идеи были позитивно восприняты в юридической литературе и легли в основу работ современных авторов.

Схожий подход был изложен В.В. Полянским, по мнению которого гражданство как феномен не представляет отдельного субъективного права, не предполагает вида и меры возможного поведения управомоченного лица в виде отдельного гражданина. Однако индивид, вступая в конкретные отношения с государством по поводу приобретения, изменения или прекращения гражданства, может обладать соответствующими субъективными права [5, с. 10]. Нам представляется данная позиция интересной и заслуживающей внимания, поскольку ориентирует исследователей на анализ не одного общего права, а на рассмотрение нескольких взаимосвязанных субъективных прав, реализующихся в ряде правоотношений, связанных с институтом гражданства.

Феномен гражданства можно рассматривать в виде предпосылки (условия) возникновения целой группы субъективных прав у индивида. Если рассматривать само наличие гражданства в качестве изначального правового состояния, то по своей природе оно будет сродни правоспособности. Некоторые исследователи полагают возможным представлять гражданство в виде абсолютного правоотношения, что дает им основание говорить и о соответствующем общем праве субъекта на гражданство в личностном измерении. Не оспаривая по существу последний подход, отметим, что само выделение абсолютных правоотношений составляет предмет дискуссий в правоведении и не имеет всеобщей поддержки. Недостатком концепции гражданства как абсолютного правоотношения и единого субъективного права в рамках него считаем невнимание к проблемам системной реализации прав граждан и иных субъектов в отношении целого ряда конкретных правоотношений, возникающих по поводу приобретения, изменения (выбора), прекращения и защиты гражданства.

Таким образом, в отечественной юриспруденции субъективный аспект в изучении феномена гражданства признается большинством исследователей, но они расходятся во мнениях относительно содержания субъективного права на гражданство, его структуры. Позиции разнятся ввиду отличных воззрений на природу правоотношения, дискуссионности общетеоретической трактовки понятия «субъективного права», отсутствия единства мнений в вопросе структуры субъективного права в целом безотносительно сферы правового регулирования.

Значимость рассмотрения в общей теории права гражданства в субъективном смысле подтверждается и судебной практикой. По данному вопросу следует согласиться с утверждением Е.А. Дрогавцевой следующего содержания: «В качестве обоснования допустимости рассмотрения гражданства как права нужно подчеркнуть, что в современной судебной практике гражданство рассматривается не только как институт, но и как субъективное право. Употребление в контексте описательной части судебных актов судов общей юрисдикции, Конституционного

Суда Российской Федерации имеет формулировку реализации субъективного права на приобретение гражданства Российской Федерации, что позволяет сделать вывод о том, что гражданство как субъективное право трактуется не только на научно-теоретическом уровне, но и имеет определенные границы интерпретации в практике правоприменения» [6, с. 92].

Обратим внимание на то обстоятельство, что практика Конституционного Суда РФ и формируемые им правовые позиции указывают на существование не одного общего субъективного права на гражданство, а на необходимость выделения целой группы субъективных прав, устанавливаемых в российском законодательстве и реализуемых на практике в рамках различных правоотношений, складывающихся по поводу гражданства у ряда категорий субъектов права:

право на приобретение гражданства у иностранных граждан;

право на защиту в области гражданства у недееспособных лиц;

право на участие в делах государства у лиц, имеющих двойное гражданство, и у граждан РФ, получивших вид на жительство;

право детей, рожденных в смешанных браках, на приобретение гражданства и др.[1]

В теоретическом плане возникает вопрос о моделировании ряда прав или, как их порой именуют исследователи, правомочий в структурном отношении в виде единого комплексного субъективного права на гражданство или группы относительно самостоятельных субъективных прав. Полагаем, что разнообразие субъектов, вступающих в правоотношения по поводу гражданства, требует в теории и на практике дифференцированного подхода и выделения ряда обозначенных правомочий в виде самостоятельных субъективных прав, поскольку их содержание и способы реализации и защиты отличны.

[1] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 700-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Израиля Фролова Бориса Михайловича и Фроловой Елены Николаевны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 13 и пункта “г” статьи 18 Закона Российской Федерации “О гражданстве Российской Федерации”» (документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; постановления Конституционного Суда РФ: от 2 июня 2011 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 56 Закона Российской Федерации “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей” в связи с жалобой гражданина В.Т. Казанцева» // СЗ РФ. 2011. № 24, ст. 3526; от 22 июня 2010 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 1 и подпункта “а” пункта 8 статьи 29 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого» // Там же. 2010. № 27, ст. 3552; от 8 декабря 2009 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова» // Там же. 2009. № 50, ст. 6145; от 9 июля 2009 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Закона Российской Федерации “О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы” в связи с жалобой гражданина С.Н. Борозенца» // Там же. 2009. № 30, ст. 3920; от 27 февраля 2009 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» // Там же. 2009. № 11, ст. 1367; от 16 мая 1996 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта “г” статьи 18 Закона Российской Федерации “О гражданстве Российской Федерации” в связи с жалобой А.Б. Смирнова» // Там же. 1996. № 21, ст. 2579.

Е.А. Дрогавцева, анализируя практику Конституционного Суда РФ и выраженные в ней правовые позиции, приходит к иному выводу о том, что речь следует вести именно о правомочиях в рамках единого субъективного права на гражданство, а не рассматривать их в качестве отдельных субъективных прав. «В теоретико-методологическом контексте право на гражданство может быть выражено в совокупности правомочий, в числе которых наиболее значимыми являются филиация и натурализация (императивно-обязательные правомочия), признание и оптация (диспозитивные правомочия, вытекающие из особенностей государственно-правовой истории страны и конституционно-правовых обстоятельств, характеризующих ее текущее состояние). Конституционно-правовой смысл права на гражданство также предполагает гарантированную законом возможность определенных категорий граждан притязать на облегчение приобретения гражданства в случаях и основаниях, которые предусмотрены Конституцией РФ и законом» [6, с. 105]. Однако даже в рамках собственной концепции автору приходится делать оговорку, о праве приобретения гражданства в льготном порядке у отдельных категорий субъектов, что уже не укладывается в одну единственную модель субъективного права на гражданство и актуализирует дифференцированный подход в субъективном измерении гражданства.

Думается, что концепция автора аккумулирует в рамках одного права на гражданство несколько относительно самостоятельных субъективных прав, которые могут принадлежать различным категориям субъектов. Например, право на приобретение гражданства в порядке натурализации принадлежит иностранным гражданам, а право прекращения российского гражданства принадлежит уже собственно гражданину РФ. Все же полагаем неточным попытку в правовой доктрине поглощения одним субъективным правом нескольких правомочий у разных категорий субъектов правоотношений, поскольку эти правомочия, возникают по различным основаниям и в рамках отличных друг от друга процедур.

В отраслевых юридических науках активно используют общую модель субъективного права в отношении права на гражданство. Одним из первых представил гражданство как субъективное право лица в виде четырех взаимосвязанных правомочий И.Е. Фарбер. По его мнению, структура данного права включает в себя следующие юридически закрепленные возможности:

право на приобретение гражданства;

право на защиту со стороны государства лица, обладающего его гражданством;

возможность гражданина пребывать на территории своего государства;

право на равенство всех граждан в государстве перед законом [7, с. 54–55].

Однако, на наш взгляд, приведенная структура права на гражданство может быть подвергнута критике по следующим основаниям:

1) в ней не отражен ряд правомочий — право на изменение (выбор) гражданства, право на прекращение (выход из) гражданства, право на приобретение двойного (множественного) гражданства;

2) право на защиту в рамках института гражданства составляет самостоятельное субъективное право, поскольку реализуется лишь в случае возможного нарушения прав лица, претендующего на гражданство, либо лица, уже обладающего им;

3) равенство граждан перед законом составляет принцип института гражданства, но не выступает самостоятельным правомочием;

4) она не отражает специфику реализации прав, возникающих у различных категорий субъектов по поводу гражданства, например, не учитывает особенности реализации прав недееспособных граждан, прав детей, лиц, имеющих двойное гражданство, лиц без гражданства, иностранных граждан и иные моменты.

С учетом изложенного нам импонирует позиция по поводу измерения гражданства в субъективном смысле, изложенная в работе В.Н. Витрука. Им обоснован следующий справедливый тезис: «Законодательство государства определяет условия (основания) признания, приобретения и прекращения гражданства, процессуально-процедурный порядок решения таких вопросов. Правовая регламентация всех этих вопросов предполагает наделение лица определенными правами, реализация которых во многом зависит от волеизъявления лица». Согласимся с тем, что институт гражданства в праве обусловливает необходимость наделение лица не одним субъективным правом, а их группой. Далее автор конкретизирует свою мысль: «Осуществление лицом прав по поводу гражданства связано с возникновением и реализацией ряда процессуальных правовых отношений по приобретению и прекращению гражданства, а следовательно, и ряда процессуальных прав и обязанностей, например права лица ходатайствовать перед компетентными органами о приеме в гражданство или выходе из него. Указанные права в сфере гражданства (как материальные, так и процессуальные) могут быть отнесены к особой группе политических прав и свобод личности» [4, с. 188].

В связи с этим мы предлагаем в общей теории права выделять и рассматривать целую группу субъективных прав, возникающих у разных категорий субъектов права по поводу приобретения, изменения и прекращения гражданства. Одновременно для раскрытия сложного механизма осуществления прав в отношении гражданства следует учитывать их классификацию на материальные и процедурные права, правомочия, возникающие в рамках регулятивных и охранительных правоотношений, складывающихся в отношении гражданства. Таким образом, считаем, что общее учение о гражданстве требует уточнения и дополнения в части его понимания как группы взаимосвязанных субъективных прав.

Библиографический список

1. *Черниченко С.В.* Международно-правовые вопросы гражданства. М.: Международные отношения, 1968. 160 с.

2. *Миронов О.О.* Субъекты советского государственного права / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975. 81 с.

3. *Витрук Н.В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. 229 с.

4. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2007. 447 с.

5. *Полянский В.В.* Советское гражданство: учеб. пособие к спецкурсу. Куйбышев: КГУ, 1985. 80 с.

6. *Дрогавцева Е.А.* Право на гражданство: конституционные гарантии и право на реализацию: дис. …канд. юрид. наук. СПб., 2023. 273 с.

7. *Фарбер И.Е.* Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. 190 с.

References

1. *Chernichenko S.V.* International legal issues of citizenship. M.: International Relations, 1968. 160 p.
2. *Mironov O.O.* Subjects of Soviet state law / ed. by I.E. Farber. Saratov: Sarat Publishing House University, 1975. 81 p.
3. *Vitruk N.V.* Fundamentals of the theory of the legal status of the individual in a socialist society. M.: Nauka, 1979. 229 p.
4. *Vitruk N.V.* General theory of the legal status of a person. M.: Norma, 2007. 447 p.
5. *Polyansky V.V.* Soviet citizenship: studies. the manual for the special course. Kuibyshev: KSU, 1985. 80 p.
6. *Drogavtseva E.A.* The right to citizenship: constitutional guarantees and the right to exercise: Diss. ... Kand. Jurid. Sciences. SPb., 2023. 273 p.
7. *Farber I.E.* Freedom and human rights in the Soviet State. Saratov: Sarat Publishing House University, 1974. 190 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-108-114
УДК 347.736

Н.А. Дюженков

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ИММУНИТЕТЫ В СИСТЕМЕ ПРАВА

Введение: *имущественные иммунитеты на протяжении долгого времени практически не становились предметом детального научного исследования, не рассматривались в качестве самостоятельного вида иммунитетов, что существенно затрудняло процесс анализа их правовой природы, а также препятствовало формированию понимания их места в системе права.* ***Цель*** *— рассмотреть имущественный иммунитет в качестве отдельного вида правового иммунитета, обладающего как общими для всех иммунитетов признаками, так и собственной спецификой, обосновать наличие у правового иммунитета признаков самостоятельного правового явления, его нетождественность иным правовым категориям, определить место имущественного иммунитета в системе права.* ***Методологическая основа:*** *совокупность общенаучных (анализ, индукция) и частноправовых (формально-юридический, метод правового мониторинга) методов познания.* ***Результаты:*** *в работе дан авторский подход к определению места имущественных иммунитетов в системе права, выстроена многоступенчатая система правовых изъятий, составляющим элементом которой является имущественный иммунитет.* ***Выводы:*** *имущественный иммунитет — вид правового иммунитета, который составляет одну из форм правовых изъятий.*

Ключевые слова: *иммунитет, имущественный иммунитет, система права, правовая категория, льготы, привилегии, изъятия, банкротство, несостоятельность, исполнительное производство.*

N.A. Dyuzhenkov

PROPERTY IMMUNITIES IN THE LEGAL SYSTEM

Background: *for a long time, property immunities practically did not become the subject of detailed scientific research, were not considered as an independent type of immunities, which significantly complicated the process of analyzing their legal nature, as well as hindered the formation of an understanding of their place in the legal system.* ***Objective*** *— to consider property immunity as a separate type of legal immunity, which has both common features for all immunities and its own specifics, to substantiate the presence of legal immunity as an independent legal phenomenon, its non–identification with other legal categories, and to determine the place of property immunity in the legal system.* ***Methodology:*** *a set of general scientific (analysis, induction) and private law (formal legal, legal monitoring method) methods of cognition.* ***Results:*** *the work provides an author's approach to determining the place of property immunities in the legal system, a multi-stage system of legal exemptions is built, the constituent element of which is property immunity.* ***Conclusions:*** *property immunity is a type of legal immunity, which is one of the forms of legal exemptions.*

Keywords: *immunity, property immunity, legal system, legal category, benefits, privileges, withdrawals, bankruptcy, insolvency, enforcement proceedings.*

© Дюженков Николай Андреевич, 2025
Аспирант юридического факультета (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)); e-mail: dyugenckovn@gmail.com
© Dyuzhenkov Nikolai Andreevich, 2025
Postgraduate student at the Faculty of Law (Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University))

Вопросы, связанные с правовой природой иммунитетов и их местом в системе правовых средств, неоднократно подвергались глубокому анализу в отечественной доктрине. Основным предметом данных исследований, как правило, становились конституционно-правовые, уголовно-правовые иммунитеты, а также иммунитеты в международном публичном праве как наиболее распространенные и имеющие существенно насыщенную историю возникновения и развития.

Между тем имущественные иммунитеты на протяжении долгого времени незаслуженно оставались за рамками научной дискуссии, а вопросы, связанные с правовой природой имущественных иммунитетов, с их влиянием на всю систему иммунитетов, не становились объектом комплексного научного изучения, в то время как, по нашему мнению, рассмотрение данных вопросов в совокупности с уже имеющимися доктринальными наработками позволяет иначе взглянуть на всю систему иммунитетов и на их место в системе российского права. В настоящем исследовании имущественные иммунитеты будут рассмотрены в составе всей системы правовых изъятий с использованием индуктивного метода — от анализа правовой природы собственно имущественных иммунитетов до поиска их места во всей системе права.

Первоочередным в настоящем исследовании является вопрос о правовой природе имущественных иммунитетов, о возможности их рассмотрения в качестве разновидности правовых иммунитетов или о наличии у них признаков самостоятельного правового явления, непосредственно не связанного с институтом иммунитетов, ввиду чего представляется необходимым описать содержание понятия «имущественный иммунитет» и обосновать обозначение данного правового явления именно в качестве иммунитета.

Так, Е.Н. Кузнецов рассматривает имущественный иммунитет как правило, установленное в сфере исполнительного производства, определяющее невозможность обращения взыскания на имущество должника [1, с. 24]. Н.Г. Мажинская, А.С. Казанская квалифицируют имущественный иммунитет как «обстоятельство или запрет <…> в условиях которого определяется невозможность обращения взыскания на это имущество» [2, с. 69–70]. Схожей позиции придерживается и Конституционный Суд РФ, который неоднократно использовал термин исполнительский иммунитет в контексте имущества, на которое не может быть обращено взыскание в рамках исполнительного производства[1], а впоследствии распространил его применение и на институт несостоятельности[2].

Между тем вопрос о квалификации названного правового явления именно в качестве правового иммунитета является далеко не самоочевидным, во многих имеющихся в данной области правовых исследованиях иммунитет отождествляется с иными правовыми категориями, такими как правовые льготы и привилегии.

[1] См.: Постановления Конституционного Суда РФ: от 12 июля 2007 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна» // СЗ РФ. 2007. № 30, ст. 3988; от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // Там же. 2012. № 21, ст. 2697.

[2] См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 23 октября 2012 г. № 1090/12 по делу № А60-38538/2008, определение ВАС РФ от 12 ноября 2013 г. № ВАС-12574/13 по делу № А46-5821/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Так, А.В. Малько в своих ранних трудах рассматривает иммунитет как разновидность правовой льготы, специфика которой состоит во взаимосвязи с освобождением от обязанностей и ответственности в целях обеспечения выполнения его адресатом определенных функций [3, с. 11–22]. Схожей позиции придерживается и А.А. Исаенков, который характеризует иммунитет как льготу для участников правоотношений, которая ставит его в более привилегированное положение [4, с. 44]. В обоснование данной позиции указывается на наличие у льгот и иммунитетов некоторых общих признаков, в том числе на регламентацию в специальных нормах права, направленность на облегчение положения определенных субъектов, наличие правостимулирующего характера, а также на гарантирование социально полезной деятельности [5, с. 70].

Другие авторы связывают иммунитеты с иной правовой категорией — правовыми привилегиями. Так, С.Ю. Суменков считает, что иммунитет является особым видом привилегии, при этом его характерной особенностью также выступает взаимосвязь с областью реализации юридической ответственности [6, с. 14]. С.С. Лампадова объединяет все три рассматриваемые правовые категории и квалифицирует иммунитет в качестве разновидности льготы в форме привилегии [7, с. 15–16].

Мы полностью согласны с приведенными точками зрения в той части, что иммунитет, льгота и привилегия являются родственными понятиями и обладают совокупностью схожих правовых характеристик, однако полагаем, что каждая из данных правовых категорий имеет признаки самостоятельности, что в контексте правовых иммунитетов выражается в следующем.

Во-первых, иммунитеты обладают «отрицательным характером», то есть проявляются не в виде предоставления дополнительных благ, а, напротив, в освобождении от обязанностей. «Отрицательность» выражается также и в том, что иммунитеты направлены на неприменение к субъектам-обладателям иммунитета общих норм, нераспространение на них правил, применимых по отношению к иным участникам правоотношений. Данный признак применим и к имущественным иммунитетам, содержание которых состоит в неприменении к отдельным объектам имущества общих правил об обращении на них взыскания.

Еще один характерный признак иммунитетов — их взаимосвязь с институтом юридической ответственности. По мнению Е.А. Яковенко, «неответственность» в целом является неотъемлемым элементом правовых иммунитетов [8, с. 13–14]. В контексте имущественных иммунитетов это находит отражение в ограничении гражданско-правовой ответственности лица — обладателя иммунитета путем изъятия из его имущественной массы определенных активов, которыми он не отвечает перед своими кредиторами.

Более того, основной функцией иммунитета является создание специального правового режима, направленного на защиту определенных категорий лиц в целях нераспространения на них мер юридической ответственности и иных форм процессуального принуждения [9, с. 157–158]. Данная функция прослеживается и у имущественных иммунитетов, за тем лишь исключением, что их действие направлено не на субъект, а на объект правоотношений — имущество должника, в отношении которого обеспечивается гарантия нераспространения на него общих правил об имущественной ответственности[1].

[1] См. ст. 24, п. 1 ст. 56 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) (СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4933).

Наконец, само по себе наличие у правового иммунитета такой разновидности, как имущественный иммунитет, является еще одним специфическим признаком правовых иммунитетов, отличающим его от льгот, привилегий и иных схожих правовых средств, для которых такое внутреннее деление не характерно.

Таким образом, имущественный иммунитет представляет собой правовой режим, действующий в рамках исполнительного производства или конкурсного процесса, ограничивающий порядок обращения взыскания на имущество должника или его реализацию.

Имущественный иммунитет — разновидность правового иммунитета, поскольку обладает с ними совокупностью общих признаков. Между тем ему присущи и свои специфические признаки, отличающие его от льгот, привилегий и иных схожих правовых средств. Такие характеристики имущественных иммунитетов как их направленность не на субъект, а на объект права, их закрепление не только в нормах публичного, но и частного права (например, нормы законодательства о банкротстве), их тесная связь с гражданско-правовой ответственностью позволяет расширить значение и сферу действия правовых иммунитетов, одновременно подчеркивая их самостоятельную правовую природу, нетождественность иным правовым средствам.

Более того, имущественные иммунитеты в зависимости от сферы действия могут быть классифицированы на исполнительские и конкурсные, применяемые в законодательстве об исполнительном производстве и законодательстве о банкротстве соответственно [10, с. 396]. В обоснование необходимости такой классификации приводятся аргументы о наличии отличий между целями и принципами данных видов иммунитетов, а также различный правовой статус конкурсного кредитора и взыскателя, что также по-разному раскрывает содержание иммунитетов [11, с. 56–63]. В качестве особенностей конкурсных иммунитетов выделяют их более широкое содержание применительно к исполнительским иммунитетам, а также более обширный круг объектов, на которые распространяется конкурсный иммунитет [12, с. 118–119].

Действительно, схожая, но отнюдь не единообразная правовая природа данных видов иммунитетов, а также различные траектории развития законодательства и судебной практики в области банкротства и исполнительного производства диктуют необходимость разграничения иммунитетов в данных областях права, однако, по нашему мнению, и конкурсный, и исполнительский иммунитет являются имущественными иммунитетами. Это обусловлено наличием у данных видов иммунитетов единой цели, выраженной в формировании перечня имущества, защищенного от правопритязаний кредиторов, характерной как для законодательства об исполнительном производстве, так и для института банкротства. Более того, конкурсный и исполнительский иммунитет имеют общие критерии классификации и могут быть дифференцированы на абсолютный и относительный: под абсолютным иммунитетом находится имущество, на которое нельзя обратить взыскание ни при каких обстоятельствах, а под относительным — имущество, отчуждение которого возможно при достижении определенных условий [13, с. 224].

Совокупность названных характеристик позволяет разграничить иммунитеты с иными правовыми средствами. Однако, по нашему мнению, имущественные иммунитеты, хоть и не являются тождественными правовыми явлениями с льго-

тами и привилегиями, тем не менее могут быть объединены с ними в единую правовую категорию.

В юридической литературе отсутствует единое мнение относительно того, какое понятие может стать родовым для обобщения и группирования правовых иммунитетов, льгот и привилегий. Разными авторами данную совокупность правовых явлений предлагается рассматривать как «льготный правовой режим» [14, с. 42], «систему правовых преимуществ» [15, с. 225], «исключения из единых требований нормативного характера» [16, с. 76–77].

Считаем, что приведенные понятия недостаточно точны. Так, использование термина «льготный правовой режим» для обобщения таких правовых средств, как льготы, иммунитеты и привилегии, заведомо усиливает юридическую значимость льготы, выделяет ее в качестве основного и доминирующего правового средства, что недопустимо при презюмировании их юридической самостоятельности.

Термин «преимущество» представляется не в полной мере терминологически точным, поскольку «преимущество» в определенной степени синонимично «привилегии» и отражает нахождение кого-то в лучшем правовом положении по сравнению с другими. Использование данного термина представляется вполне допустимым, когда речь идет, например, о конституционно-правовых иммунитетах, ограничивающих ответственность определенных субъектов права, однако оно вряд ли применимо к объектам права в контексте имущественных иммунитетов. Стоит отметить, что в работе А.Г. Репьева содержится соответствующая оговорка, согласно которой система правовых преимуществ содержит «немалое количество правовых иммунитетов», однако автор не указывает на возможность включения в нее всех имеющихся форм иммунитетов [15, с. 225].

Не в полной мере релевантным видится и термин «исключение», содержание которого является слишком широким. Под исключением понимается «качественно иной, альтернативный вариант юридической регламентации, находящий свое непосредственное отражение в исключениях из правил» [16, с. 32]. Как верно в данной связи отмечает С.Ю. Суменков, «не всякое правовое преимущество следует считать исключением» [17, с. 28].

Нам представляется наиболее точной позиция Ю.А. Юшковой, согласно которой иммунитеты, льготы и привилегии представляют собой «систему изъятий из общих норм, совокупность особых возможностей юридического характера» [18, с. 13]. Данный термин, во-первых, представляется наиболее нейтральным с терминологической точки зрения, а во-вторых, позволяет объединить все рассмотренные правовые явления, без явного умаления особенностей каждого из них и отрицания их правовой самостоятельности.

Таким образом, имущественный иммунитет — это составная часть системы правовых изъятий. Данная система включает в себя такие правовые средства, как правовой иммунитет, правовая льгота, правовая привилегия, каждое из которых обладает достаточной самостоятельностью для выделения в качестве независимой правовой категории, однако может быть объединено родовым понятием «правовое изъятие».

В зависимости от сферы действия иммунитет может быть классифицирован на уголовно-правовой, конституционно-правовой, международно-публичный и имущественный. Все приведенные виды правовых иммунитетов, вне сомнения,

являются именно иммунитетами и в то же время обладают спецификой, обусловленной той сферой, в которой они применяются. Имущественный иммунитет при этом также может быть классифицирован на исполнительский и конкурсный иммунитет в зависимости от сферы правоотношений, в которой он применяется.

Библиографический список

1. *Кузнецов Е.Н.* Иммунитет от взыскания в отношении определенных видов имущества должника (сравнительно-правовой анализ на основе законодательства России и Франции) // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 4. С. 37–44.

2. *Мажинская Н.Г., Казанская А.С.* Особенности имущественных иммунитетов в исполнительном производстве // Вестник Евразийской академии административных наук. 2021. № 1(54). С. 69–72.

3. *Малько А.В.* Правовые иммунитеты // Правоведение. 2000. № 6(233). С. 11–22.

4. *Исаенков А.А.* Иммунитет как институт процессуальных отраслей права (на примере российского гражданского процессуального права и исполнительного процессуального права) // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2014. № 1(9). С. 43–47.

5. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 250 с.

6. *Суменков С.Ю.* Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 26 с.

7. *Лампадова С.С.* Юридический иммунитет: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2002. 19 с.

8. *Яковенко Е.А.* К вопросу о правовой природе иммунитетов. Соотношение категорий «иммунитет», «привилегия», «льгота» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 33(214). С. 10–15.

9. *Репьев А.Г.* Правовой иммунитет, принцип равенства и юридическая ответственность: теоретико-правовой взгляд на проблему // Правовая культура. 2010. № 2(9). С. 153–160.

10. *Фролов И.В.* Институциональная теория правового регулирования несостоятельности и банкротства граждан: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022. 700 с.

11. *Фролов И.В.* Потребность в формировании модели конкурсного иммунитета в сфере несостоятельности и банкротства граждан и ее достоинства по отношению к модели исполнительского иммунитета // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 56–63.

12. *Немова А.В.* Конкурсный иммунитет по делу о несостоятельности (банкротстве) граждан: понятие и особенности // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 113–122.

13. *Герберсгаген А.А*. Модель абсолютного имущественного иммунитета в процедуре несостоятельности должника в России // Норма. Закон. Законодательство. Право: матер. XXV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Пермь, 7–8 апреля 2023 г.). Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2023. С. 222–226.

14. *Подольский А.В.* Льготные правовые режимы как особая разновидность правовых режимов // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9(177). С. 42–44.

15. *Репьев А.Г.* Льготы в законодательстве, юридической науке и практике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 1. С. 224–245.

16. *Байдарова М.А.* Исключение в праве, юридическая норма и механизм правового регулирования: аспекты соотношения // Аграрное и земельное право. 2019. № 5(173). С. 29–32.

17. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве и преимущества в праве: критический анализ оценки соотношения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4(129). С. 27–38.

18. *Юшкова Ю.А.* Иммунитет как правовая категория: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 162 с.

References

1. *Kuznetsov E.N.* Immunity from foreclosure in respect of certain types of debtor's property (comparative legal analysis based on the legislation of Russia and France) // Arbitration and Civil Proceedings. 2001. No. 4. P. 37–44.

2. *Mazhinskaya N.G., Kazanskaya A.S.* Features of property immunities in enforcement proceedings // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2021. No. 1(54). P. 69–72.

3. *Malko A.V.* Legal immunities // Law studies. 2000. No. 6(233). P. 11–22.

4. *Isaenkov A.A.* Immunity as an institution of procedural branches of law (on the example of Russian civil procedural law and executive procedural law) // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. 2014. No. 1(9). P. 43–47.

5. *Malko A.V.* Incentives and restrictions in law. 2nd ed., revised and additional. M.: Lawyer, 2005. 250 p.

6. *Sumenkov S.Yu.* Privileges and immunities as general legal categories: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences'. Saratov, 2002. 26 p.

7. *Lampadova S.S.* Legal immunity: theoretical and legal aspect: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2002. 19 p.

8. *Yakovenko E.A*. On the issue of the legal nature of immunities. The ratio of the categories "immunity", "privilege", "privilege" // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2010. No. 33(214). P. 10–15.

9. *Repyev A.G.* Legal immunity, the principle of equality and legal responsibility: a theoretical and legal view of the problem // Legal culture. 2010. No. 2(9). P. 153–160.

10. *Frolov I.V.* Institutional theory of legal regulation of insolvency and bankruptcy of citizens: dis. ... Dr. Jurid. nauk. M., 2022. 700 p.

11. *Frolov I.V.* The need to form a model of competitive immunity in the field of insolvency and bankruptcy of citizens and its merits in relation to the model of executive immunity // Entrepreneurial law. 2021. No. 3. P. 56–63.

12. *Nemova A.V.* Bankruptcy immunity in the case of insolvency (bankruptcy) of citizens: concept and features // Economy and law. 2024. No. 4. P. 113–122.

13. *Gerbersgagen A.A.* The model of absolute property immunity in the debtor's insolvency procedure in Russia // Norm. Law. Legislation. Law: mater. XXV International Scientific and Practical Conference of Young Scientists (Perm, April 7–8, 2023). Perm: Publishing House of Perm State National Research University, 2023. P. 222–226.

14. *Podolsky A.V.* Preferential legal regimes as a special variety of legal regimes // Law and the State: theory and practice. 2019. No. 9(177). P. 42–44.

15. *Repyev A.G.* Privileges in legislation, legal science and practice // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2021. Vol. 12, No. 1. P. 224–245.

16. *Baidarova M.A.* Exclusion in law, legal norm and mechanism of legal regulation: aspects of correlation // Agrarian and land law. 2019. No. 5(173). P. 29–32.

17. *Sumenkov S.Yu.* Exceptions in law and advantages in law: a critical analysis of the assessment of the ratio // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 4(129). P. 27–38.

18. *Yushkova Yu.A.* Immunity as a legal category: Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. M., 2008. 162 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-115-122
УДК 34.03

А.В. Игнатьева

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБХОДА ЗАКОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ПУТИ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Введение: *в статье рассматривается феномен «обход закона» как сложное и динамично развивающееся правовое явление в условиях трансформации общественных отношений и глобализации. Автор с теоретико-правовых позиций анализирует современные формы обхода законодательства, включая использование криптовалют, искусственного интеллекта и транснациональных схем, констатируя их общественную опасность. Особое внимание уделяется факторам, способствующим распространению новых способов уклонения от правовых норм.* ***Цель*** *— исследовать динамику совершения обхода закона в цифровую эпоху и предложить меры по адаптации правоприменительной практики к новым вызовам.* ***Методологическая основа:*** *исследование базируется на догматическом, сравнительно-правовом и аналитическом методах, а также на анализе судебной практики и законодательных инициатив.* ***Результаты:*** *в статье раскрывается парадоксальная ситуация, когда инструменты цифровизации, призванные повысить прозрачность правоотношений, одновременно создают новые возможности для их обхода.* ***Выводы:*** *обход закона эволюционирует под влиянием технологий и глобализации, требуя гибкого и комплексного подхода к регулированию. Эффективное противодействие возможно только при сочетании законодательных, судебных и технологических мер, направленных на превентивное выявление и пресечение новых схем уклонения от правопорядка.*

Ключевые слова: *обход закона, противодействие уклонению от закона, криптовалюты, искусственный интеллект, цифровые технологии, глобализация, информационные технологии.*

A.V. Ignatieva

THE TRANSFORMATION OF CIRCUMVENTION OF LAW IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: POTENTIAL THREATS AND WAYS TO NEUTRALIZE

Background: *the article examines the phenomenon of circumvention of law as a complex and dynamically developing legal phenomenon in the context of the transformation of social relations and globalization. The author analyzes modern forms of circumvention of legislation from theoretical and legal positions, including the use of cryptocurrencies, artificial intelligence and transnational schemes, stating their public danger. Special attention is paid to the factors contributing to the spread of new ways of evading legal norms.* ***Objective*** *— to investigate the dynamics of circumvention of the law in the digital age and propose measures to adapt law enforcement practice to new challenges.* ***Methodology:*** *the research is based on dogmatic, comparative legal and analytical methods, as well as on the analysis of judicial practice and legislative initiatives.* ***Results:*** *the study reveals a paradoxical situation where digitalization tools designed to increase the transparency*

© Игнатьева Александра Валентиновна, 2025

Адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров (Академия управления МВД России); e-mail: A-Ignatevaa@yandex.ru

© Ignatieva Aleksandra Valentinovna, 2025

Adjunct of the Faculty of Training scientific and scientific-pedagogical personnel (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

of legal relations simultaneously create new opportunities to circumvent them. ***Conclusions:*** *circumvention of the law is evolving under the influence of technology and globalization, requiring a flexible and integrated approach to regulation. Effective counteraction is possible only with a combination of legislative, judicial and technological measures aimed at the preventive detection and suppression of new schemes of evasion from law and order.*

Keywords: *circumvention of law, countering evasion of law, cryptocurrencies, artificial intelligence, digital technologies, globalization, information technology.*

Современное общество характеризуется стремительными изменениями в технологической, экономической и социальной сферах, что влечет за собой трансформацию форм правового поведения, включая противоправное. Одним из наиболее сложных и дискуссионных явлений в правовой науке является феномен «обход закона» — «сознательно-волевой, юридически значимый акт поведения субъекта, заключающийся в реализации нормативных предписаний в противоречие с их регулятивными и охранительными целями, в результате чего опосредованно причиняется вред другим лицам, обществу или государству» [1, с. 46]. Исследования в этой области, а также складывающаяся практика показывают, что «обход закона» — это сложное и многогранное явление, которое находится на стыке права, морали и социальной природы человека. В современной правовой действительности он представляет собой серьезную проблему, подрывающую общеправовые принципы справедливости и законности. Кратко обоснуем выдвинутый тезис.

Во-первых, традиционные модели правонарушений все чаще дополняются и замещаются новыми, более изощренными и нетипичными способами уклонения от правопорядка. Например, если раньше финансовые «махинации» ограничивались подделкой платежных поручений или обналичиванием денег через подставные фирмы, то сегодня злоумышленники активно используют фишинг [2, с. 47] или социальную инженерию для кражи персональных данных [3, с. 224].

Во-вторых, развитие цифровых технологий создает благоприятную среду для возникновения новых форм обхода закона, связанных с использованием криптовалют [4, с. 45], искусственного интеллекта [5, с. 15], больших данных и других инноваций. Все это усложняет расследование противоправных деяний, поскольку традиционные методы установления объективной и субъективной сторон состава преступления не всегда характеризуются очевидностью, а сами правоохранительные органы часто не успевают за технологическими изменениями.

В-третьих, глобализация экономических отношений способствует транснациональному обходу закона — когда субъекты используют различия в правовом регулировании разных стран для уклонения от налогов, обхода санкций и других противоправных целей. На практике это проявляется в следующей схеме — обход санкций через подставные фирмы в третьих странах, например реэкспорт запрещенных товаров в Россию через Казахстан или Объединенные Арабские Эмираты с целью фальсификации документов о происхождении[1].

В-четвертых, проблема правовой неопределенности при законодательном закреплении юридических предписаний, порожденная сложностью и динамич-

[1] См.: Великобритания обратилась к казахстанским бизнесменам. URL: https://ulysmedia.kz/news/54336-velikobritaniia-obratilas-k-kazakhstanskim-biznesmena/ (дата обращения: 30.06.2025).

ным развитием общественных отношений, создает благоприятные условия для обхода закона, когда субъекты могут интерпретировать правовые нормы в свою пользу, адаптируя их к конкретным обстоятельствам. Например, противоречивость законов — параллельное действие старых и новых норм, таких как Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] и устаревшие статьи Гражданского кодекса РФ о ценных бумагах[2]. Стоит отметить, что чрезмерно сложные формулировки провоцируют множественные и неоднозначные толкования. Так, в Самарской области была установлена ответственность за «неисполнение нормативного правового акта, принятого органом местного самоуправления и (или) должностным лицом местного самоуправления»[3]. Как показал анализ судебной практики, по этой статье привлекали к ответственности и простых граждан, и председателей ТСЖ, и коммунальные службы — кого-то за то, что не заключили договоры на вывоз мусора, кого-то за то, что не чистили снег и не убирали сосульки с крыш. Пока в октябре 2016 г. областной суд не отменил данную статью.

Следовательно, обход закона — сложное и многогранное явление, которое не имеет однозначного определения в юридической науке. В самом общем виде обход закона можно определить как умышленное использование пробелов, неясностей, противоречий и иных недостатков правового регулирования для достижения целей, идущих вразрез с намерениями законодателя и наносящих ущерб охраняемым общественным отношениям при формальном соблюдении правовых норм. Исторически обход закона проявлялся в различных формах, связанных с уклонением от налогов, обходом таможенных правил, злоупотреблением корпоративными правами и другими способами получения незаконной выгоды. Однако в современном обществе обход закона приобретает новые формы, обусловленные развитием технологий и глобализацией экономических отношений.

Трансформация обхода закона — это динамический процесс, отражающий изменение способов и методов его осуществления под влиянием различных факторов. Данные изменения не ограничиваются простым усовершенствованием старых схем, а часто ведут к появлению принципиально новых форм обхода, требующих переосмысления существующих правовых механизмов противодействия. А.И. Муранов утверждает, что понятие «обход закона» претерпело определенную трансформацию. По его мнению, оно представляет собой собирательное выражение для обозначения ряда неправомерных действий, которым различными способами пытаются придать видимость правомерности (обман, притворность, мнимость, злоупотребление правом) [6, с. 3]. С этим мнением мы можем частично согласиться, но есть и другие ключевые факторы, обуславливающие трансформацию обхода закона.

[1] См.: СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5018; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8532.

[2] См.: Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 13 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410; 2024. № 51, ст. 7853.

[3] Состоявшиеся судебные акты о привлечении гражданина к административной ответственности за неисполнение нормативного правового акта, принятого органом местного самоуправления, подлежат отмене, а производство по делу — прекращению в связи с признанием утратившим силу положения закона, устанавливающего административную ответственность за указанное правонарушение. См.: Постановление Верховного Суда РФ от 15 мая 2017 г. № 46-АД17-14 // СПС «Гарант».

1. Развитие информационных технологий, цифровизация экономики и появление инновационных технологических решений, таких, например, как искусственный интеллект и криптовалюты, которые создают принципиально новые возможности для обхода правовых норм [7, с. 131]. Эти технологические достижения, призванные оптимизировать экономические процессы и повышать эффективность бизнес-операций, одновременно формируют благоприятную среду для возникновения сложных схем уклонения от соблюдения законодательных требований. Криптовалютные системы, основанные на технологии блокчейн, благодаря своей децентрализованной природе и «псевдоанонимности» стали эффективным инструментом для отмывания денежных средств. Искусственный интеллект открывает новые перспективы для автоматизации мошеннических схем. Современные алгоритмы машинного обучения способны анализировать огромные массивы данных для выявления уязвимостей в правовых системах, прогнозировать действия регуляторов и адаптировать противоправные схемы к изменяющимся условиям.

В связи с этим возникает парадоксальная ситуация: технологии, призванные повышать прозрачность и безопасность экономических операций, одновременно используются для создания сложных, трудно обнаруживаемых схем обхода закона. Это требует принципиально нового подхода к правовому регулированию, сочетающего технологическую грамотность с гибкостью правовых норм, способных адаптироваться к стремительно меняющейся цифровой реальности.

2. Усиление глобальной взаимосвязанности и трансграничного движения капитала создает беспрецедентные возможности для разработки изощренных схем обхода правового регулирования. Современные экономические акторы научились эксплуатировать различия в национальных законодательствах, создавая сложносоставные конструкции, намеренно затрудняющие процесс финансового мониторинга и юридического преследования. Особую опасность представляет то, что формально законные операции искусственно усложняются для сокрытия их истинной сущности [8, с. 3]. Практика показывает, что средняя схема уклонения от налогов или обхода санкций сегодня включает не менее 4–7 юрисдикций, причем каждая последующая транзакция специально выбирается в стране с менее прозрачной системой финансового регулирования[1].

Перед международным юридическим сообществом стоит сложная дилемма: как сохранить преимущества глобализированной экономики, одновременно минимизируя возможности для ее «обхода». Традиционные подходы, основанные на гармонизации законодательства и международном сотрудничестве, явно недостаточны в условиях, когда технологическая сложность схем опережает скорость правового реагирования, а потребности сотрудничества сталкиваются с барьерами, выстраиваемыми политиками. Требуется разработка принципиально новых парадигм регулирования, сочетающих искусственный интеллект для мониторинга транзакций, превентивные механизмы блокировки подозрительных операций и ответственность профессиональных посредников, участвующих в создании непрозрачных структур.

[1] См.: Письмо ФНС России от 30 декабря 2022 г. № СД-4-18/17916@ «О направлении Обзора успешных практик устранения схем уклонения от налогообложения» // Экономика и жизнь. (Бухгалтерское приложение). 2023. № 3.

3. Изменения в законодательстве, направленные на борьбу с определенными формами обхода закона, часто приводят к появлению новых, более изощренных способов. Связано это с тем, что участники общественных отношений стремятся снизить свои издержки за счет сложных юридических схем, основанных на использовании пробелов и противоречий в законодательстве, а также возможностей его неоднозначного толкования [9, с. 7]. Законодательные инициативы, направленные на закрытие конкретных правовых «лазеек», нередко приводят к эффекту «гидравлического давления» — ограничивая одни каналы правового поведения они неизбежно перенаправляют активность в другие, менее регулируемые сферы. Профессиональные участники юридического поля, такие как юристы, консультанты, играют ключевую роль в этом процессе, выступая своеобразными «переводчиками» между языком норм права и языком практических интересов. Их деятельность создает инновации, где постоянно разрабатываются и совершенствуются методы адаптации к изменяющемуся законодательству. В результате формируется параллельная система «теневого нормотворчества», где новые схемы обхода закона возникают быстрее, чем государство успевает на них реагировать. Данное явление можно назвать «гонкой вооружений» между правоведами и теми, кто стремится обойти закон (динамичный процесс, в котором одна сторона постоянно пытается перехитрить другую).

4. Экономические кризисы, социальная напряженность и усиление неравенства создают благоприятную почву для эрозии правосознания, роста числа нарушений и поиска новых способов обхода закона, особенно в сфере налогообложения и социальной защиты. Например, неравенство доходов усиливает чувство несправедливости, что может подтолкнуть людей к попыткам получить ресурсы, к которым они не имеют законного доступа [10, с. 17]. Население, сталкиваясь с реальными или мнимыми барьерами в доступе к социальным гарантиям, обращается к различным формам обмана — от сокрытия доходов до фальсификации документов. Этот процесс часто сопровождается формированием теневых рынков услуг по «оформлению» социальных выплат.

Парадоксальным образом ужесточение контроля и законодательства в таких условиях может давать обратный эффект. Вместо сокращения числа нарушений оно приводит к усложнению схем обхода закона, так как субъекты адаптируются к новым правилам, находя более изощренные способы их интерпретации. Это создает порочный круг, в котором каждая новая регуляторная мера порождает новые формы уклонения. Разрешение этой системной проблемы требует комплексного подхода, сочетающего экономические, правовые и социальные меры. Ключевое значение приобретает восстановление доверия к институтам власти через обеспечение реальной справедливости налоговой системы и эффективности социальной поддержки.

5. Отсутствие унифицированной правоприменительной практики создает значительные сложности в квалификации случаев обхода закона, что неизбежно влияет на выбор стратегий субъектами общественных отношений. Разрозненность судебных подходов порождает правовую неопределенность, которая активно эксплуатируется участниками при разработке новых схем уклонения от соблюдения законодательных требований. Проблема усугубляется тем, что современные схемы обхода закона становятся все более сложными и многокомпонентными, часто включают элементы из разных отраслей права и пересекают юрисдикционные границы

[11, с. 38]. В таких условиях традиционные методы квалификации оказываются недостаточно эффективными, так как позволяют квалифицировать лишь отдельные элементы схем, не давая целостной оценки их противоправной сущности.

При выявлении случаев обхода закона судам целесообразно применять комплексное толкование норм, сочетающее черты буквального и телеологического толкования. Это позволит всесторонне квалифицировать и идентифицировать все возможные случаи проявления обхода закона [12, с. 12]. В решениях Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, арбитражных судов, судов общей юрисдикции и в обзорах судебной практики термин «обход закона» встречается нечасто (в основном трактуется по смыслу ст. 10 Гражданского кодекса РФ: не допускаются действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом))[1].

Однако подобный подход вызывает ряд сложностей в правоприменительной практике. Во-первых, отсутствие законодательного определения обхода закона приводит к неоднозначности его толкования. Во-вторых, суды порой ограничиваются формальной оценкой соответствия действий букве закона, не углубляясь в анализ их фактических последствий и истинных целей. В-третьих, при квалификации подобных случаев наблюдается противоречивость судебной практики даже по схожим категориям дел.

Особую сложность представляет разграничение обхода закона и злоупотребления правом. Если злоупотребление правом предполагает формально правомерные действия, осуществляемые с противоправной целью, то обход закона характеризуется созданием искусственной правовой формы для достижения неправомерного результата. Между тем обход закона не всегда связан со злоупотреблением правом, что требует более гибкого подхода к его квалификации. Для преодоления указанных проблем необходимо:

разработать «антиобходные» оговорки в ключевых нормативных правовых актах [13, с. 30], позволяющих признавать недействительными действия субъектов, направленные на уклонение от закона, даже если формально они соответствуют правовым нормам. Данный подход должен включать четкие критерии квалификации действий в качестве обхода закона, учитывающие не только формальное соответствие нормам, но и реальные цели участников. Особое внимание следует уделить созданию механизмов доказывания, перераспределяющих бремя доказывания на сторону, применяющую спорную схему, при наличии достаточных оснований усматривать обход закона;

сформировать единообразную судебную практику — создать специализированные судебные коллегии и публиковать обзоры Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по делам, связанным с обходом закона;

совершенствовать законодательное регулирование посредством закрепления критериев разграничения обхода закона и смежных правовых явлений. Это должно выразиться в четком нормативном закреплении признаков обхода закона и его отличий от смежных понятий (злоупотребление правом, правонарушение, мнимые сделки и др.);

[1] См.: Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 7 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2025. № 28, ст. 3825.

усилить межведомственное взаимодействие (Федеральная налоговая служба России, Федеральная служба по финансовому мониторингу России, Центральный банк России, Министерство внутренних дел РФ и др.) для оперативного обмена информацией о новых схемах уклонения. Для этого необходимо создать единую информационную платформу для обмена данными, разработать алгоритмы автоматического оповещения всех контролирующих органов о выявленных случаях потенциального совершения обхода закона;

использовать искусственный интеллект для анализа судебной практики, что позволит выявлять новые тенденции в схемах обхода закона и прогнозировать их развитие. Важно создать системы мониторинга, способные анализировать большие массивы данных о корпоративных структурах и финансовых потоках;

ужесточить санкции для юристов, аудиторов и консультантов, участвующих в разработке схем обхода закона. Это должно сопровождаться дифференцированным подходом — от дисциплинарной ответственности до уголовного преследования в особо значимых случаях;

публично освещать дела об обходе закона для формирования правовой культуры. Публикация резонансных решений будет способствовать превентивному эффекту, формируя правосознание и понимание недопустимости подобных практик.

Совершенствование государственно-правовых средств противодействия обходу закона требует комплексного подхода, включающего законодательные, судебные, технологические и международные меры. Ключевая задача — не только оперативно реагировать на новые схемы обхода закона, но и создавать превентивные механизмы, снижающие саму возможность их реализации.

Библиографический список

1. *Баранов В.М., Репьев А.Г.* Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5(97). С. 39–46.

2. *Драчев Я.В., Чеснокова А.А.* Фишинг в практике известных компаний // Современные информационные технологии и информационная безопасность: сб. науч. ст. III Всерос. науч.-технич. конф. Курск: Университетская книга, 2024. С. 46–50.

3. *Котляр Е.О., Мещеряков М.О., Бугаев К.Г.* Методы социальной инженерии как инструмент хищения конфиденциальных данных пользователей // Охрана, безопасность, связь. 2021. № 6-2. С. 223–230.

4. *Янковский Р.М.* Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–78.

5. *Минбалеев А.В.* Регулирование искусственного интеллекта: за и против // Обеспечение информационной безопасности: вопросы теории и практики: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2023. С. 11–20.

6. *Муранов А.И.* «Обход закона» в международном частном праве: мнимость актуальности и надуманность проблем // Законодательство. 2004. № 8. С. 1–17.

7. *Прасолов В.И., Фешина С.С.* Влияние цифровой трансформации на процессы выявления легализации доходов, полученных преступным путем // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 8-1. С. 130–145.

8. *Смирнов Е.Н.* Офшорные схемы в современном международном движении капитала: особенности и механизмы противодействия // Вестник евразийской науки. 2018. Т. 10, № 5. С. 1–12.

9. *Попова И.Ю.* Понятие «обход закона» в гражданском праве России и США // Вопросы экономики и права. 2018. № 123. С. 7–12.

10. *Гречихин В.Г.* Проблемы социальной справедливости и неравенства в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5(147). С. 14–17.

11. *Сухова Н.И.* Обход закона как форма противодействия его реализации: попытка теоретико-правового обобщения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1(56). С. 37–46.

12. *Захарова О.Е.* Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 228 с.

13. *Репьев А.Г.* Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 10. С. 20–34.

References

1. *Baranov V.M., Repyev A.G.* The General Legal Phenomenon of "Circumvention of Law": the Concept and Correlation with Related Phenomena // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2023. No. 5(97). P. 39–46.

2. *Drachev Ya.V., Chesnokova A.A.* Phishing in the Practice of Well-Known Companies // Modern Information Technologies and Information Security: Collection of Scientific Articles of the 3rd All-Russian Scientific and Technical Conference. Kursk: "University Book", 2024. P. 46–50.

3. *Kotlyar E.O., Meshcheryakov M.O., Bugaev K.G.* Social engineering Methods as a Tool for Stealing Confidential User Data // Protection, Security, Communications. 2021. No. 6-2. P. 223–230.

4. *Yankovsky R.M.* Cryptocurrencies in Russian Law: Surrogates, "Other Property" and Digital Money // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 4. P. 43–78.

5. *Minbaleev A.V.* Regulation of Artificial Intelligence: Pros and Cons // Ensuring Information Security: Issues of Theory and Practice: Collection of Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Izhevsk: Udmurt University Publishing House, 2023. P. 11–20.

6. *Muranov A.I.* "Circumvention of Law" in Private International Law: the Imaginary Relevance and Contrivance of Problems // Legislation. 2004. No. 8. P. 1–17.

7. *Prasolov V.I., Feshina S.S.* The Impact of Digital Transformation on the Detection of Money Laundering // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2020. Vol. 10, No. 8-1. P. 130–145.

8. *Smirnov E.N.* Offshore Schemes in Modern International Capital Movement: Features and Mechanisms of Counteraction // Bulletin of Eurasian Science. 2018. Vol. 10, No. 5. P. 1–12.

9. *Popova I.Yu.* The Concept of "Circumvention of Law" in the Civil Law of Russia and the USA // Issues of Economics and Law. 2018. No. 123. P. 7–12.

10. *Grechikhin V.G.* Problems of Social Justice and Inequality in Modern Russian Society // Theory and Practice of Social Development. 2020. No. 5(147). P. 14–17.

11. *Sukhova N.I.* Circumvention of Law as a Form of Counteraction to its Implementation: an Attempt at Theoretical and Legal Generalization // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1(56). P. 37–46.

12. *Zakharova O.E.* Circumvention of Law as a Form of Abuse of Law under Russian and German Civil Legislation: Comparative Legal Analysis: Diss. … Cand. Jurid. Sciences. Yekaterinburg, 2022. 228 p.

13. *Repyev A.G.* Specification of a Legal Norm through a Technical and Legal Clause (Using the Phrase "in Case" as an Example) // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25, No. 10. P. 20–34.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-123-129
УДК 340.155

М.К. Ярмак

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОАКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ

Введение: *традиционные концепции правового государства часто ограничиваются формальным пониманием права как системы норм, что не позволяет в полной мере оценить его адаптивный потенциал. В условиях вызовов позднего капитализма возникает насущная необходимость переосмысления функциональных характеристик государства для обеспечения его институциональной устойчивости.* ***Цель*** *— сформировать новый взгляд на функции правового государства через призму социоаксиологического подхода. Исследование направлено на решение задач по выявлению динамичных, ценностно-детерминированных механизмов функционирования права и преодолению статичных инструментальных трактовок государственных задач.* ***Методологическая основа:*** *социоаксиологический подход, рассматривающий право не как догму, а как совокупность конвенциональных ценностей, формирующихся в процессе общественного диалога. Автор применяет метод анализа для изучения дискурсивного характера реализации властных полномочий и механизмов согласования интересов.* ***Результаты:*** *выделены специфические функции: охрана институтов правового дискурса, цифровизация и фундаментальная функция «осознания необходимости».* ***Выводы:*** *именно ценностная обусловленность и ориентация на легитимность позволяют современному правовому государству сохранять стабильность и способность к эволюционной трансформации.*

Ключевые слова: *правовое государство, функции государства, социоаксиологический подход, право, конвенциональные ценности, правовой дискурс, легитимность, цифровизация, социальный конфликт, трансформация государства.*

M.K. Yarmak

FEATURES OF THE FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF THE RULE OF LAW FROM THE POINT OF VIEW OF THE SOCIO-AXIOLOGICAL APPROACH TO LAW

Background: *traditional concepts of the rule of law are often limited by a formal understanding of law as a system of norms, which does not allow for a full assessment of its adaptive potential. In the context of the challenges of late capitalism, there is an urgent need to rethink the functional characteristics of the state in order to ensure its institutional stability.* ***Objective*** *— aim is to form a new view on the functions of the rule of law through the prism of a socio-axiological approach. The research is aimed at solving the problems of identifying dynamic, value-determined mechanisms of law functioning and overcoming static instrumental interpretations of state tasks.* ***Methodology:*** *a socioaxological approach that considers law not as a dogma, but as a set of conventional values that are formed in the process of public dialogue. The author applies analytical methods to study*

© Ярмак Матвей Кириллович, 2025

Адъюнкт кафедры теории государства и права (Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя); e-mail: mat-yarmak@mail.ru

© Yarmak Matvey Kirillovich, 2025

Adjunct of the Department of Theory of State and Law (V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

the discursive nature of the exercise of authority and mechanisms for coordinating interests. ***Results:*** *specific functions are identified: the protection of institutions of legal discourse, digitalization, and the fundamental function of "awareness of necessity".* ***Conclusions:*** *it is precisely value conditioning and a focus on legitimacy that allow a modern rule-of-law state to maintain stability and be capable of evolutionary transformation.*

Keywords: *state of law, state functions, socioaxological approach, law, conventional values, legal discourse, legitimacy, digitalization, social conflict, transformation of the state.*

Социоаксиологический подход к праву предлагает принципиально иное видение его природы и, соответственно, функций государства, основанного на этом праве. В отличие от формально-юридического подхода, как, например, его трактовал В.С. Нерсесянц [1, с. 41], или идеалистического, который отмечал В.П. Малахов [2, с. 36], социоаксиологический подход акцентирует внимание на праве как на системе конвенциональных ценностей, формирующихся в процессе столкновения и согласования интересов различных социальных групп. Это означает, что функции правового государства не сводятся лишь к формальному применению закона или стремлению к абстрактному идеалу, а приобретают глубокий ценностный смысл, становясь механизмом реализации социального согласия и поддержания динамического равновесия в обществе.

С позиций социоаксиологического подхода функциональная характеристика правового государства обладает рядом ключевых особенностей.

Во-первых, ценностная детерминированность функций. Если в классическом понимании функции государства детерминированы его целями (например, поддержание порядка, экономическое развитие), то в социоаксиологическом подходе они в первую очередь определяются ценностями, которые доминируют в обществе или являются результатом компромисса между различными социальными группами, как, например, в концепции «формулы Радбруха» [3, с. 228–238]. Правовое государство функционирует как «приводной механизм» этих конвенциональных ценностей [4, с. 20]. Например, социальная функция не просто обеспечивает социальные гарантии, а реализует ценности социальной справедливости и равенства, которые были конвенционализированы в обществе.

Во-вторых, дискурсивный характер реализации функций. Поскольку право рассматривается как результат классовой борьбы, вытесненной в правовое поле, то и реализация функций правового государства приобретает характер постоянного дискурса. Каждая функция становится ареной, на которой происходит артикуляция, столкновение и согласование ценностей различных социальных акторов. Например, при реализации экономической функции государство не просто регулирует рынок, но и выступает площадкой для дискуссии между интересами крупного капитала, малого бизнеса, профсоюзов и потребителей, стремясь найти правовой компромисс, который отражал бы максимально конвенциональные ценности (например, баланс между свободой предпринимательства и защитой прав трудящихся). Это переводит потенциально деструктивные социальные конфликты в управляемые правовые формы, как предполагал, например, Ю. Хабермас [5, с. 205].

В-третьих, адаптивность и динамизм функций. Правовое государство, будучи «переходным типом», находится в состоянии непрерывной трансформации. Его

функции не являются статичными, а постоянно адаптируются к изменяющимся социальным условиям, новым вызовам и эволюционирующим ценностям общества. Эта адаптивность обеспечивается через механизмы правового дискурса, которые позволяют оперативно реагировать на утрату конвенциональности существующих норм и формировать новые. Цифровизация, глобализация, изменение демографической структуры — все это требует постоянного переосмысления и модификации государственных функций.

В-четвертых, ориентация на самосохранение через поддержание конвенциональности. Ключевой функцией правового государства, вытекающей из социоаксиологического подхода, является его самосохранение. Однако это самосохранение достигается не через репрессии или подавление инакомыслия, а через поддержание и постоянное воспроизводство конвенциональных ценностей, лежащих в основе права. Легитимность правового государства напрямую зависит от того, насколько его правовые нормы воспринимаются обществом как справедливые и обоснованные, то есть насколько они отражают достигнутый консенсус. Данную идею развивали еще Г. Елиннек [6, с. 230–232] и М. Вебер [7, с. 637]. Если правовые нормы перестают быть конвенциональными, государство рискует утратить легитимность и столкнуться с социальными потрясениями. Таким образом, поддержание правового дискурса и постоянный поиск компромиссов становятся жизненно важными для выживания системы.

В-пятых, интегративная роль функций. Функции правового государства, пронизанные ценностным измерением, играют ключевую роль в социальной интеграции. Они способствуют формированию общего ценностного поля, объединяющего различные социальные группы, несмотря на их противоречивые интересы. Через реализацию функций, таких как социальная поддержка, культурное развитие или защита окружающей среды, государство демонстрирует свою приверженность общечеловеческим ценностям и создает условия для сплочения общества вокруг общих целей, выраженных в праве. Это особенно важно в условиях позднего капитализма, характеризующегося ростом социального неравенства и фрагментации, которую выделял К. Оффе, говоря о том, что «государство всеобщего благосостояния имеет дефицит легитимации, в то же время критерии легитимности такого государства “формальная демократия” (участие в принятии решений) и “материальная демократия” (участие в обеспечении общественного благосостояния) либо не существуют вовсе, либо не удовлетворяются полностью» [8, с. 17].

Таким образом, социоаксиологический подход к функциональной характеристике правового государства выходит за рамки чисто инструментального или нормативного понимания его деятельности. Он раскрывает глубинную взаимосвязь между ценностями общества, правом и функциями государства, подчеркивая их динамичный, дискурсивный и конвенциональный характер. Далее мы детально рассмотрим конкретные функции, присущие правовому государству с точки зрения этого подхода, которые отражают его переходный тип и стремление к эволюционной трансформации.

С учетом социоаксиологического понимания правового государства как динамического института, чьи функции детерминированы ценностными компромиссами и реализуются через правовой дискурс, можно выделить несколько специфических внутренних функций, которые приобретают особую значимость

на современном этапе. Эти функции не всегда эксплицитно выделяются в классических классификациях, но являются имманентными для правового государства, стремящегося к самосохранению и эволюционной трансформации в условиях позднего капитализма.

1. *Функция поддержания правового дискурса.* Эта функция фундаментальна для правового государства, поскольку она напрямую связана с его легитимностью и способностью к самовоспроизводству. Если правовое государство определяется как арена, на которой классовая борьба и конфликты ценностей вытесняются в правовое поле, то сохранение этой арены, то есть институтов правового дискурса, становится первостепенной задачей.

Данная функция заключается в целенаправленной деятельности государства по созданию, поддержанию и защите тех институциональных механизмов и процедур, которые обеспечивают возможность свободного и легитимного правового дискурса, и включает в себя: гарантии независимости судебной власти, обеспечение функционирования законодательной власти, поддержку гражданского общества и свободы ассоциаций, защиту свободы слова и информации, развитие правовой культуры и правосознания, противодействие коррупции и злоупотреблениям властью, значение для легитимности и трансформации.

Дополняя анализ функции поддержания правового дискурса, необходимо отметить, что государство не просто пассивно предоставляет арену для дискурса, а активно формирует и модерирует ее, выступая в роли организатора и фасилитатора диалога между различными социальными группами. Это проявляется в механизмах общественного участия в законотворчестве, то есть внедрение процедур публичных слушаний по законопроектам, общественного обсуждения нормативных актов, онлайн-платформ для сбора предложений и замечаний от граждан и организаций. Это позволяет учесть широкий спектр мнений и ценностей на ранних стадиях формирования правовых норм.

2. *Функция технологического внедрения (цифровизация).* В XXI в. технологические изменения, особенно повсеместная цифровизация, оказывают колоссальное влияние на все сферы жизни общества, включая право и государственное управление. С позиций социоаксиологического подхода, цифровизация — это не просто технический процесс, а фактор, глубоко трансформирующий ценностные установки и требующий от государства новой функции. Подобно электрификации в начале XX в., которая изменила не только производство, но и быт, и социальные отношения, современная цифровизация («цифровое пространство в каждый дом») является не вопросом выбора, а насущной необходимостью, обусловленной социальными и правовыми вызовами.

Эта функция включает в себя: создание и развитие цифровой инфраструктуры, цифровизацию государственного управления (электронное правительство), электронное правосудие и цифровизацию правовой сферы, правовое регулирование цифрового пространства, формирование цифровой культуры и цифровой грамотности, защиту цифровых прав и свобод.

Аналогия с ленинской электрификацией не случайна. Лозунг «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны» [9, с. 30] подчеркивал, что электрификация была не просто техническим проектом, а фундаментальным условием для построения нового общества, изменяющим его экономическую, социальную и культурную основу. Электрификация была идеологически на-

гружена, символизируя прогресс и победу над отсталостью. Точно так же современная цифровизация является не просто внедрением технологий, а глубокой трансформацией, которая меняет ценностную структуру личности и общества. Постоянное пребывание в сети формирует запрос на мгновенность, открытость, участие, рождает новые ценности — цифровые права (приватность, свобода информации, кибербезопасность). Гражданин становится иным субъектом правового государства: более информированным, ожидающим диалога и быстрой реакции, остро чувствующим цифровое неравенство и несправедливость. Поэтому государство в цифровую эпоху должно быть не только инициатором этой «второй электрификации», обеспечивая инфраструктуру и доступ. Оно обязано стать проводником справедливости и правовых ценностей в новом пространстве. Его задача — через правовое регулирование и этические стандарты гарантировать, чтобы базовые принципы правового государства (права человека, равенство, защита от произвола) были не просто перенесены в цифру, но и адаптированы, предотвращая новые формы дискриминации и обеспечивая ценностную устойчивость права в меняющемся мире.

Функция технологического внедрения критически важна для адаптации правового государства к вызовам XXI в. Она позволяет повысить эффективность государственного управления, сделать его более прозрачным и доступным, что укрепляет доверие граждан и, следовательно, легитимность власти. Более того, эта функция способствует формированию новых конвенциональных ценностей, связанных с цифровым пространством, и их интеграции в правовую систему. Неспособность государства адекватно реагировать на вызовы цифровизации может привести к утрате контроля над новыми сферами общественных отношений, росту социального напряжения и в конечном итоге к кризису легитимности.

3. *Идеологическая функция — поддержка правовых методов борьбы как основных и единственных способов ведения этой борьбы.* В контексте социоаксиологического подхода, где правовое государство является ареной для вытесненной классовой и ценностной борьбы, идеологическая функция приобретает специфическое содержание, отличающееся от традиционного понимания государственной идеологии.

Эта функция заключается в целенаправленной деятельности государства по формированию и поддержанию в общественном сознании убеждения в том, что правовые методы разрешения конфликтов, отстаивания интересов и ценностей являются не просто предпочтительными, но и единственно легитимными и эффективными в современном обществе. Частично эта мысль перекликается с работами А. Грамши о гегемонии [10, с. 158, 220], но отличительной чертой выступает не навязывание конкретной доктрины, а продвижение ценности самого права и правовых процедур. Содержание этой функции включает: пропаганду верховенства права и законности через постоянное подчеркивание значимости соблюдения законов всеми — как гражданами, так и государственными органами. Это, например, кампании по правовому просвещению, демонстрации неотвратимости наказания за правонарушения, а также поощрение законопослушного поведения.

Формирование культуры правового плюрализма и компромисса также отвечает цели идеологической функции (государство должно активно продвигать идеи о том, что разнообразие мнений и интересов является нормой, а разрешение

противоречий должно происходить через диалог, переговоры и поиск взаимоприемлемых решений в рамках правового поля). Это включает поддержку медиации, арбитража, а также публичных дискуссий по острым социальным вопросам.

Не лишним будет отметить делегитимацию неправовых методов борьбы, то есть активное противодействие и осуждение любых форм неправового насилия, экстремизма, коррупции, теневых договоренностей, которые подрывают основы правового государства. Это не только применение принудительных мер, но и разъяснительная работа, демонстрация неэффективности и деструктивности таких подходов, а также утверждение ценности прав и свобод человека, воспитание гражданской ответственности и правовой активности и формирование позитивного образа правовых институтов.

Эта идеологическая функция является стержневой для социоаксиологического понимания правового государства. Она обеспечивает «перекодирование» социального конфликта из силового в правовой. Поддерживая идею о том, что право выступает единственным легитимным инструментом борьбы, государство канализирует потенциально деструктивную энергию социальных противоречий в конструктивное русло. Это позволяет избежать революционных потрясений и обеспечить управляемую, эволюционную трансформацию общества. Легитимность государства в значительной степени зависит от того, насколько глубоко эта идеология укоренена в общественном сознании. Если граждане верят в справедливость и эффективность правовых методов, они будут использовать их, тем самым укрепляя правовое государство.

Проведенный анализ функциональной характеристики правового государства с позиций социоаксиологического подхода позволяет заключить, что его деятельность выходит далеко за рамки формального правоприменения. Функции современного правового государства представляют собой сложный и динамичный комплекс, нацеленный в первую очередь на самосохранение и адаптацию через постоянное воспроизводство конвенциональных ценностей, лежащих в основе права.

Ключевыми для его выживания и эволюционного развития становятся специфические функции, поддержка правового дискурса, а также идеологическое утверждение ценности самого права как единственного легитимного способа ведения борьбы. Особо следует подчеркнуть критическую важность функции технологического внедрения, поскольку цифровизация сегодня является не просто технической задачей, а фактором, глубоко трансформирующим ценностную структуру общества и требующим адекватного правового ответа для сохранения справедливости и равенства.

Библиографический список

1. *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М.: Норма, 2002. 656 с.

2. *Малахов В.П.* Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 151с.

3. *Радбрух Г.* Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. 238 с.

4. *Ярмак М.К.* Трансформация концепта правового государства: социоаксиологический анализ // История государства и права. 2025. № 4. С. 18–23.

5. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М.: KAMI, 1995. 244 с.

6. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб.: Общественная польза, 1903. 532 с.

7. *Вебер М.* Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогрес, 1990. 804 с.

8. *Калиниченко А.И.* «Легитимность» и «легитимация» в работах Юргена Хабермаса и Клауса Оффе // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 4. С. 15–17.

9. VIII Всероссийский съезд советов (22–29/XII 1920 г.): Доклады, речи и проекты резолюций. М.: Партиздат, 1934. 76 с.

10. *Грамши А.* Избранные произведения. Т. 3: Тюремные тетради / пер. с ит. В.С. Бондарчука, Э.Я. Егермана, И.Б. Левина. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 564 с.

References

1. *Nersesyants V.S.* Jurisprudence. Introduction to the Course of General Theory of Law and State. M.: Norma, 2002. 656 p.

2. *Malakhov V.P.* Myths of Modern General Legal Theory: Monograph. M.: UNITI-DANA: Law and Law, 2017. 151 p.

3. *Radbruch G.* Philosophy of Law. M.: International. Relations, 2004. 238 p.

4. *Yarmak M.K.* Transformation of the Concept of the Rule of Law: a Socioaxiological Analysis // History of the State and Law. 2025. No. 4. P. 18–23.

5. *Habermas Yu.* Democracy. Mind. Morality. M.: KAMI, 1995. 244 p.

6. *Jellinek G.* The General Doctrine of State. SPb.: Public Benefit, 1903. 532 p.

7. *Weber M.* Basic Sociological Concepts // Weber M. Selected Works. M.: Progress, 1990. 804 p.

8. *Kalinichenko A.I.* “Legitimacy” and “Legitimation” in the Works of Jurgen Habermas and Klaus Offe // Education. Science. Scientific Staff. 2018. No. 4. P. 15–17.

9. VIII All-Russian Congress of Soviets (22–29/XII 1920): Reports, Speeches and Draft Resolutions. M.: Partizdat, 1934. 76 p.

10. *Gramshi A.* Selected Works. Vol. 3: Prison Notebooks / Translated from Italian by V.S. Bondarchuk, E.Ya. Egerman, I.B. Levin. M.: Publishing House of Foreign Literature, 1959. 564 p.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-130-136
УДК 342.951:351.82

С.Б. Аникин, Ю.Н. Мильшин

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДАХ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ЮРИСТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СЕВРЮГИНА ВИКТОРА ЕГОРОВИЧА (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Введение: *в статье на основе научно-теоретических взглядов профессора В.Е. Севрюгина, положений действующего российского законодательства об административной ответственности анализируются отдельные вопросы совершенствования административной ответственности.* ***Цель*** *— кратко осветить вклад профессора В. Е. Севрюгина в разработку проблем института административной ответственности как в советский, так и современный периоды развития российской административно-правовой науки.* ***Методологическая основа:*** *общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный) и частнонаучные (логико-юридический, сравнительно-правовой) методы познания.* ***Результаты:*** *исследование вопросов современного состояния и перспектив развития института административной ответственности в работах профессора В.Е. Севрюгина свидетельствует о том, что данный вид юридической ответственности требует дальнейшего научно-теоретического осмысления на предмет совершенствования функционирования в условиях правового государства.* ***Выводы:*** *к настоящему времени институт административной ответственности в окончательном виде не сформирован.*

Ключевые слова: *профессор В.Е. Севрюгин, административная ответственность, законодательство об административной ответственности, права и свободы человека.*

© Аникин Сергей Борисович, 2025

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: anikinsb@yandex.ru

© Мильшин Юрий Николаевич, 2025

Кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: milshin_yri@mail.ru

© Anikin Sergey Borisovich, 2025

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

© Milshin Yuri Nikolaevich, 2025

Candidate of Law, Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies (Saratov State Law Academy)

S.B. Anikin, Yu.N. Milshin

THEORY AND PRACTICE OF ADMINISTRATIVE LIABILITY IN THE WORKS OF DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, AND HONORED LAWYER OF THE RUSSIAN FEDERATION VIKTOR YEGOROVICH SEVRYUGIN (ON HIS 80TH BIRTHDAY)

Background: *this article analyzes specific aspects of improving administrative liability based on the scientific and theoretical views of Professor V.E. Sevryugin and the provisions of current Russian legislation on administrative liability.* ***Objective*** *— to briefly highlight Professor V.E. Sevryugin's contribution to the development of administrative liability issues in both the Soviet and modern periods of Russian administrative-legal science.* ***Methodology:*** *general scientific (analysis, synthesis, systemic-structural) and specific scientific (logical-legal, comparative-legal) methods of cognition.* ***Results:*** *the study of the current state and development prospects of administrative liability in the works of Professor V.E. Sevryugin indicates that this type of legal liability requires further scientific and theoretical understanding in order to improve its functioning in a state governed by the rule of law.* ***Conclusions:*** *based on the results of the study, it is concluded that the institution of administrative liability has not yet been fully established.*

Keywords: *professor V.E. Sevryugin, administrative liability, administrative liability legislation, human rights and freedoms.*

Библиография научных работ доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Виктора Егоровича Севрюгина за более чем сорокалетний стаж плодотворной научно-педагогической деятельности охватывает исследование важнейших и актуальных проблем конституционного, административного, административно-процессуального права как советского, так и современного периода развития отечественной государственности. Среди наиболее важных проблем, которые изучались ученым, можно выделить: актуальные проблемы конституционного права и конституционного законодательства [1–2], проблемы модернизации публичного управления [3–4], административного процесса [5–7] и административной ответственности [8–9].

Однако научные исследования по теории и практике административной ответственности занимают особое место в научно-преподавательской биографии Виктора Егоровича. Именно научные исследования этого сложного, как в прошлое, так и особенно сложного в настоящее время и с материально-правовой, и с процессуальной сторон, вида юридической ответственности явились истоком становления Виктора Егоровича как авторитетного и уважаемого в научной среде и у практиков ученого-юриста и педагога.

Научно-теоретическое исследование проблем административной ответственности у Виктора Егоровича совпадало с противоречивым и болезненно протекавшим историческим периодом распада советской государственности и становления современного Российского государства. К тому времени Виктор Егорович уже сформировался как зрелый ученый-административист. Об этом свидетельствуют и опубликованные им работы [10–11], которые легли в основу докторской диссертации на тему «Теоретические проблемы административного проступка» [12], успешно защищенной в Академии МВД России.

Биография Виктора Егоровича как ученого и педагога берет свое начало в начале 70-х гг. прошлого столетия. В 1973 г. УВД Тюменского облисполкома направляет Виктора Егоровича, как молодого и перспективного сотрудника, на учебу

в Ленинградское высшее военно-политическое училище МВД СССР, которое он с отличием оканчивает в 1977 г. и рекомендуется на преподавательскую работу. В Тюменском филиале Омской высшей школы милиции МВД СССР, куда он был откомандирован, прошел путь от преподавателя кафедры административного права и административной деятельности ОВД до заместителя начальника факультета. В 1982 г. Виктор Егорович по окончании заочной адъюнктуры Академии МВД СССР успешно защищает кандидатскую диссертацию по специальной теме, а в 1994 г. — докторскую диссертацию [13, с. 112–115].

В работах профессора В.Е. Севрюгина за последнее десятилетие большое внимание уделено исследованию как теоретических проблем законодательного регулирования административной ответственности, так и текущей практики его применения.

Институт административной ответственности в российской современной системе юридической ответственности и государственного принуждения занимает особое положение. Административная ответственность используется на практике гораздо чаще, чем дисциплинарная и уголовная, поскольку правонарушений совершается больше, чем преступлений и дисциплинарных проступков. Поэтому рассматриваемый институт требует к себе повышенного внимания как со стороны законодателя, так и научного сообщества.

Административной ответственности как виду публично правовой ответственности присущи определенные особенности. Это предопределяется рядом объективных факторов.

Во-первых, административная ответственность в соответствии со ст. 1.1 КоАП РФ устанавливается на федеральном уровне, а также посредством законов субъектов РФ об административных правонарушениях.

Во-вторых, субъектами административной ответственности являются физические и юридические лица.

В-третьих, фиксация административных правонарушений в предусмотренных КоАП РФ случаях осуществляется работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

В-четвертых, по значительному количеству правонарушений административная ответственность применяется во внесудебном порядке. Так, меры административного наказания назначаются должностными лицами большого числа органов публичной власти (более семидесяти органов) во внесудебном порядке, а также на основе данных, полученных работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами.

Можно говорить и о других особенностях административной ответственности, однако перечисленные со всей очевидностью свидетельствуют о количестве выявляемых административных правонарушений, о количестве физических и юридических лиц, ежегодно привлекаемых к административной ответственности в Российской Федерации.

Особенностью современного состояния института административной ответственности является весьма высокая степень динамики изменений, поправок, вносимых в КоАП РФ, и систематическое увеличение видов административных правонарушений. Профессор В.Е. Севрюгин аргументированно указывает на то, что рассматриваемый институт нуждается в серьезном реформировании, которое

должно быть направлено на «слом» сложившейся негативной практики [14, с. 29–37]. Следует изменить сложившуюся негативную ситуацию для того, чтобы административная ответственность применялась за те деяния, которые не представляют большой общественной опасности. Меры административного наказания являются средством реализации административной ответственности и их применение отражает правоограничительный характер административной ответственности. Основная задача законодателя должна заключаться в закреплении таких административных наказаний, которые позволят эффективно осуществлять стоящие перед правоохранительными органами задачи, соблюдая права и свободы граждан.

Цель административной ответственности — это определенный результат, к которому направлена деятельность юрисдикционных органов, осуществляющих применение мер административного наказания [15, с. 36] и практически реализующих воспитательную, регулятивную, превентивную и компенсационную функции административной ответственности [16, с. 21; 17, с. 25].

В.Е. Севрюгиным сформулирован ряд актуальных направлений современной науки административного права, связанных с совершенствованием административной ответственности, а именно:

совершенствование концепции российского законодательства об административной ответственности, основывающейся на раздельной кодификации материальных и процессуальных административно-правовых норм (п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ);

инвентаризация предусмотренных КоАП РФ и другими федеральными законами административно-правовых запретов и приведение их содержания в соответствие с новыми конституционно-правовыми реалиями.

Виктор Егорович предлагает несколько этапов по совершенствованию административного законодательства об административной ответственности, определяющих вектор его развития, в частности, это обращение к советскому опыту правового регулирования. Известно, что в СССР юридические основания административной ответственности в упорядоченном систематизированном виде впервые были установлены с момента принятия Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях в 1980 г.[1] с последовавшим принятием в союзных республиках кодексов об административных правонарушениях. В РСФСР КоАП был принят в июне 1984 г. и введен в действие с 1 января 1985 г. Однако сегодня, по нашему мнению, разработка и принятие федерального закона «Основы законодательства Российской Федерации об административной ответственности» и последующая кодификация свода законов об административной ответственности Российской Федерации и актов во всех ее субъектах требует дополнительной аргументации и проработки практических шагов по формированию законодательства об административной ответственности на федеральном и региональном уровнях правового регулирования в Российской Федерации [18, с. 79].

На основе анализа теории и практики действующего российского законодательства об административной ответственности Виктор Егорович формулирует критически обоснованные выводы, касающиеся необходимости приведения

[1] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 44, ст. 910.

административной ответственности к стандартам и масштабам правового государства и гражданского общества.

В связи с этим выделяется ряд причин, диктующих такую необходимость:

отсутствие ясной концепции административной ответственности и ее понятийного аппарата, соответствующей целям и задачам публичного управления в современных условиях;

в науке административного права до сих пор не выработано единого мнения по таким ключевым понятиям, сущности, содержании и правовой природе административной ответственности, как обеспечение прав и свобод человека и гражданина, создание эффективного механизма защиты прав и законных интересов гражданина от неправомерных действий (бездействия) органов и должностных лиц публичной власти, обеспечение законности в сфере публичного управления, современное законодательство об административной ответственности не отвечает требованиям и стандартам правовой государственности [19, с. 48–53].

Профессором В.Е. Севрюгиным за период его плодотворной научно-педагогической деятельности подготовлено и издано значительное количество публикаций в периодических научных изданиях, монографических исследований, учебно-методических пособий. Охватить, отразить и проанализировать в краткой публикации весь спектр научно-теоретического вклада Виктора Егоровича Севрюгина в науку административного права и в юридическую науку в целом — задача невыполнимая и авторами не ставилась.

Уверены, что профессор Севрюгин и в дальнейшем продолжит плодотворную научную деятельность по исследованию проблем административной ответственности и административного права, а его работы, научно-теоретические выводы и предложения будут являться важным ориентиром для ученых и практиков.

От всей души желаем глубокоуважаемому профессору Виктору Егоровичу Севрюгину новых успехов в научно-педагогической деятельности, удачных научных находок и разработок, здоровья и благополучия на долгие годы.

Библиографический список

1. *Севрюгин В.Е.* Актуальные проблемы развития и совершенствования конституционного законодательства (к 30-летию Конституции Российской Федерации) // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 169–182.

2. *Севрюгин В.Е.* Конституционно-правовые аспекты реализации принципа разделения власти в современной России // IV Сибирские правовые чтения: государство и право в условиях глобальных ограничений: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 30 октября 2020 г.). Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2021. С. 314–318.

3. *Севрюгин В.Е.* Исполнительная власть и государственное управление: проблемы соотношения // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. В.Ф. Воловича [и др.]. Томск: Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2009. Ч. 43. С. 6–12.

4. *Севрюгин В.Е.* О доктрине публичного управления в административном праве Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 3. С. 92–97.

5. *Бакулина И.П., Козлова Л.С., Костылев А.К., Садовская Т.Д., Севрюгин В.Е.* Актуальные проблемы административного права Российской Федерации: учеб. пособие / под ред. В.Е. Севрюгина. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2008. 756 с.

6. *Севрюгин В.Е.* О современной доктрине административного процесса России // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 1(2). С. 119–123.

7. *Севрюгин В.Е.* О двойственном характере административного процесса. К столетию со дня рождения профессора В.Д. Сорокина // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сорокина Валентина Дмитриевича в связи со 100-летием со дня рождения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД РФ, 2024. С. 667–674.

8. *Севрюгин В.Е.* Современное состояние и проблемы реформирования законодательства Российской Федерации об административной ответственности // Вестник Челябинского университета. Сер.: Право. 2017. Т. 2, № 4. С. 65–69.

9. *Севрюгин В.Е., Козлова Л.С.* Роль административно-правовой науки в разработке нового Кодекса РФ об административных правонарушениях // Lex Russica. 2016. № 10(119). С. 164–172.

10. *Севрюгин В.Е.* Понятие правонарушения (проступка) по административному законодательству: учеб. пособие. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1988. 52 с.

11. *Севрюгин В.Е.* Административный проступок: понятие, признаки, ответственность: [монография]. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1989. 164 с.

12. *Севрюгин В.Е.* Теоретические проблемы административного проступка: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 381 с.

13. *Майоров В.И.* Значение трудов профессора В.Е. Севрюгина в становлении и развитии административного права в Уральско-Сибирском регионе (к 70-летию со дня рождения) // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2(5). С. 112–115.

14. *Севрюгин В.Е.* «Старая одежда» нового КоАП РФ: концептуальные недоработки и перекосы законопроекта // Право и процесс. 2016. № 10. С. 29–37.

15. *Липинский Д.А., Мусаткина А.А.* Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: монография. М.: РИОР, 2018. 138 с.

16. *Шершеневич Г.Ф.* О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / вводные замечания Ю.Н. Старилова. Воронеж: ИД ВГУ, 2018. 36 с.

17. *Зайцев И.А.* Сущность и предназначение административной ответственности (теоретико-методологические подходы) // Административное право и процесс. 2024. № 1. С. 22–25.

18. *Севрюгин В.Е., Козлова Л.С.* О роли и значении административно-правовой науки в разработке и принятии нового Кодекса Российской Федерации об административной ответственности // Вестник ДВЮИ МВД России. 2017. № 1(38). С. 78–85.

19. *Севрюгин В.Е.* Проблемы административного права и процесса современной России: состояние теории и практики законодательного регулирования административной ответственности // Актуальные проблемы административной ответственности: матер. VIII Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 29 мая 2015 г.). Омск: Изд-во Ом. юрид. акад., 2015. С. 48–53.

References

1. *Sevryugin V.E.* “Current Issues of the Development and Improvement of Constitutional Legislation (on the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation)” // Siberian Legal Review. 2024. Vol. 21, No. 2. P. 169–182.

2. *Sevryugin V. E.* “Constitutional and Legal Aspects of Implementing the Principle of Separation of Powers in Modern Russia” // IV Siberian Legal Readings: State and Law in the Context of Global Restrictions: A Collection of Articles Following the Results of the International Scientific and Practical Conference, Tyumen, October 30, 2020. Tyumen: Tyumen State University, 2021. P. 314–318.

3. *Sevryugin V.E.* “Executive Power and Public Administration: Problems of Correlation” // Legal Issues of Strengthening Russian Statehood / ed. by V. F. Volovich [et al.]. Part 43. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2009. P. 6–12.

4. *Sevryugin V.E.* On the Doctrine of Public Administration in the Administrative Law of the Russian Federation // Bulletin of Tyumen State University. 2011. No. 3. P. 92–97.

5. *Bakulina I.P., Kozlova L.S., Kostylev A.K., Sadovskaya T.D., Sevryugin V.E.* Actual Problems of Administrative Law of the Russian Federation: Textbook / ed. by V.E. Sevryugin. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2008. 756 p.

6. *Sevryugin V.E.* On the Modern Doctrine of Administrative Procedure in Russia // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1(2). P. 119–123.

7. *Sevryugin V.E.* On the Dual Nature of the Administrative Process. On the Centenary of the Birth of Professor V.D. Sorokin // Current Issues of Administrative and Administrative-Procedural Law (Sorokin Readings): Collection of Articles Based on the Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Valentin Dmitrievich Sorokin on the Occasion of his 100th Birthday. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. P. 667–674.

8. *Sevryugin V.E.* Current State and Problems of Reforming the Legislation of the Russian Federation on Administrative Liability // Bulletin of Chelyabinsk University. Series: Law. 2017. Vol. 2, No. 4, P. 65–69.

9. *Sevryugin V.E., Kozlova L.S.* The Role of Administrative-Legal Science in the Development of the New Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Lex Russica (Russian Law). 2016. No. 10(119). P. 164–172.

10. *Sevryugin V.E.* The Concept of an Offense (Misdemeanor) under Administrative Legislation: Textbook. M.: Publishing House of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988. 52 p.

11. *Sevryugin V.E.* Administrative Offense: Concept, Features, Responsibility: [monograph]. M.: Publishing House of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1989. 64 p.

12. *Sevryugin V.E.* Theoretical Problems of Administrative Offenses: Dis. ... Doc. Jurid. Sciences. M., 1994. 381 p.

13. *Mayorov V.I.* The Importance of Professor V.E. Sevryugin's Works in the Formation and Development of Administrative Law in the Ural-Siberian Region (on the 70th Anniversary of His Birth) // Law and Order: History, Theory, Practice. 2015. No. 2 (5). P. 112–115.

14. *Sevryugin V.E.* "Old Clothes" of the New Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Conceptual Deficiencies and Biases of the Law and Process Bill. 2016. No. 10. P. 29–37.

15. *Lipinsky D.A., Musatkina A.A.* Legal Liability, Sanctions, and Protective Measures: Monograph. M.: RIOR, 2018. 138 p.

16. *Shershenevich G.F.* On the Sense of Legality: Public Lecture Delivered on March 10, 1897 / Introductory Remarks by Yu.N. Starilov. Voronezh: VSU Publishing House, 2018. 36 p.

17. *Zaitsev I.A.* The Essence and Purpose of Administrative Liability (Theoretical and Methodological Approaches) // Administrative Law and Process. 2024. No. 1. P. 22–25.

18. *Sevryugin V.E., Kozlova L.S.* On the Role and Significance of Administrative-Legal Science in the Development and Adoption of the New Code of the Russian Federation on Administrative Liability // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (38). P. 78–85.

19. *Sevryugin V.E.* Problems of Administrative Law and Procedure in Contemporary Russia: The State of the Theory and Practice of Legislative Regulation of Administrative Liability: Current Problems of the Theory and Practice of the Legal Regulation of Administrative Liability. Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Omsk, May 29, 2015. Omsk: Publishing House of the Omsk Law Academy, 2015. P. 48–53.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-137-145
УДК 342.951

С.Н. Зайкова, А.А. Соколова

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРАВОВОЙ ПРОГНОЗ

Введение: *защита прав несовершеннолетних, профилактика их антиобщественного и противоправного поведения представляют собой приоритетные направления государственной семейной политики.* ***Цель*** *— на основе исследования региональной практики правового регулирования административной ответственности за неисполнение постановлений комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав разработать предложения по повышению ответственности органов и учреждений системы профилактики за непроведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и их семьями.* ***Методологическая основа:*** *анализ, правовое прогнозирование, формально-юридический метод.* ***Результаты:*** *выявлено многообразие региональных подходов к определению объективной стороны и субъектов административных правонарушений за неисполнение постановлений комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также дисбаланс с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях.* ***Выводы:*** *предложено на федеральном уровне установить административную ответственность за неисполнение органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних постановлений комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав за исключением постановлений по делам об административных правонарушениях.*

Ключевые слова: *административная ответственность, профилактика, правонарушения, безнадзорность, несовершеннолетние, защита прав несовершеннолетних, органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, индивидуальная профилактическая работа, региональная практика.*

© Зайкова Светлана Николаевна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по изучению проблем правового регулирования профилактики правонарушений несовершеннолетних (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: snzaikova@rambler.ru
© Соколова Алеся Андреевна, 2025
Обучающаяся (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alesya.sokolova.2021@list.ru
© Zaikova Svetlana Nikolaevna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin, Leading Researcher at the Research Center for Studying Issues of Legal Regulation in Juvenile Delinquency Prevention (Saratov State Law Academy)
© Sokolova Alesya Andreevna, 2025
Student (Saratov State Law Academy)

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в части проведения фундаментальных научных исследований на 2025–2027 годы по теме «Правовой механизм профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и модель его развития»

S.N. Zaikova, A.A. Sokolova

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR FAILURE TO IMPLEMENT THE DECREES OF THE COMMITTEE ON JUVENILE AFFAIRS AND PROTECTION OF THEIR RIGHTS: CONTEMPORARY STATUS AND LEGAL FORECASTS

Background: *protection of juvenile rights and prevention of their anti-social and illegal behavior are the prime objectives of the state family policies.* ***Objective*** *— this study of regional practice of legal regulation of administrative liabilities for failure to implement decrees of the Committee on Juvenile Affairs and Protection of their Rights serves as a foundation for proposals to increase the penalties for crime prevention bodies and institutions' failure to conduct individual preventive work with juveniles and their families.* ***Methodology:*** *analysis, legal forecasting, legalistic approach.* ***Results:*** *a multiplicity of regional approaches to determining the actus reus (objective side of the offense) in administrative offenses resulting from a failure to implement the decrees of the the Committee on Juvenile Affairs and Protection of their Rights have been identified, their misbalance with the decrees on cases of administrative offences having been revealed.* ***Conclusions:*** *it is roposed to establish administrative liability at the federal level for failure of bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency to comply with decisions of commissions on minors and the protection of their rights, with the exception of decisions on cases of administrative offenses.*

Keywords: *administrative liability, juvenile delinquency prevention, offenses, neglect, minors, child rights protection, child welfare institutions, juvenile affairs commissions, individualized preventive measures, regional practice.*

Забота о детях является одной из ключевых задач Российского государства на протяжении всей его истории. Проводимая в настоящее время государственная семейная политика направлена на всестороннюю поддержку семей с детьми, обеспечение соблюдения прав всех ее членов, в том числе несовершеннолетних.

Защита прав несовершеннолетних, профилактика их антиобщественного и противоправного поведения представляют собой приоритетные направления государственной семейной политики. Как указывается в документах стратегического планирования, основными задачами в сфере обеспечения безопасности детей являются профилактика экстремистских проявлений, преступлений среди несовершеннолетних[1], а также профилактика самоубийств среди детей[2].

Эффективная реализация этих задач требует слаженной работы различных органов публичной власти и общественности, направленной на создание безопасной и поддерживающей среды для детей.

Созданная на основании Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[3] (далее — Закон № 120-ФЗ) система профилактики включает реализацию значительным количеством субъектов правовых, социальных, организационных, информационных, педагогических и иных мер.

Характерной чертой созданной системы является множественность ее субъектов. Помимо комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав

[1] См. подп. 9 п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 (СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351).

[2] См. подп. 8 п. 29 Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 (СЗ РФ. 2023. № 21, ст. 3696).

[3] См.: СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3177.

(далее — КДН, комиссии) в систему профилактики входят субъекты, непосредственно осуществляющие профилактику[1] и участвующие в ней[2]. Каждый субъект проводит профилактическую работу в пределах установленной компетенции.

Принимая во внимание значительное количество органов и учреждений профилактики, многозадачность проводимой ими превентивной работы, разнообразие применяемых видов и форм профилактического воздействия на несовершеннолетнего, его законных представителей, следует отметить возникновение ситуаций, при которых на семью с детьми возлагается излишняя административная нагрузка. Она выражается в многократных посещениях семьи в разное время представителями обозначенных субъектов системы профилактики, в одновременном применении к ребенку сходных по содержанию профилактических мер (например, профилактической беседы и разъяснительной работы), в предоставлении родителями несовершеннолетнего одинаковой информации каждому из субъектов, осуществляющих профилактику.

Для координации межведомственной профилактической деятельности созданы КДН.

История их учреждения берет свое начало в 1918 г.[3] Они были созданы как альтернатива традиционной судебной системе, но отличались своим подходом: вместо обвинения, защиты, установления вины и публичного наказания КДН ставили в приоритет защиту прав несовершеннолетних и их реабилитацию.

В процессе развития государства, усложнения общественных отношений функции комиссий расширялись, охватывая не только привлечение несовершеннолетних к ответственности, но и изучение их личности, условий жизни и воспитания, организацию помощи в различных жизненных сферах.

В современных условиях КДН продолжают оставаться «головным органом» профилактической работы [1, с. 95]. Их ключевая роль заключается в обеспечении комплексного подхода к решению проблем несовершеннолетнего и его семьи, в выстраивании межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, органов опеки и попечительства, учреждений системы образования и иных органов [2, с. 147].

[1] Органы, осуществляющие управление в сфере образования, и организации, осуществляющие образовательную деятельность, в том числе специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа; органы, осуществляющие управление в сфере социального обслуживания, и организации социального обслуживания, в том числе специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации; органы в сфере охраны здоровья и медицинские организации; органы и учреждения государственной службы занятости; органы, осуществляющие управление в сфере молодежной политики, организации, осуществляющие деятельность по реализации молодежной политики или направленную на ее реализацию; органы опеки и попечительства; организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; органы внутренних дел и их подразделения; органы и учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции), следственные изоляторы органов федеральной службы безопасности; органы, осуществляющие управление в сфере культуры и организации культуры; органы, осуществляющие управление в сфере физической культуры и спорта, и физкультурно-спортивные организации.

[2] Например, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченные по правам ребенка в субъектах Российской Федерации; общественные объединения, иные организации, а также наставники, привлекаемые для осуществления индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними.

[3] См.: Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1918. № 16, ст. 227.

Можно выделить несколько ключевых направлений КДН: защиту несовершеннолетних от противоправных действий со стороны законных представителей и других лиц, а также профилактику правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних [3, с. 62; 4, с. 90].

Пройдя долгий путь преобразований, современные комиссии отличаются от их предшественниц акцентом своей работы на координирующих и контролирующих направлениях деятельности [5, с. 120; 6, с. 66].

Координирующая и контролирующая деятельность КДН в системе профилактики заключается в следующем.

КДН наделены правом принимать постановления по вопросам, отнесенным к их компетенции, которые являются обязательными для исполнения субъектами профилактики (п. 3 ст. 11 Закона № 120-ФЗ; п.п. 21–22 Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав[1]). В постановлениях комиссий находят отражение выявленные нарушения прав несовершеннолетних, причины и условия, способствующие их антиобщественному и противоправному поведению, безнадзорности, а также указываются профилактические меры, субъекты их реализующие и сроки принятия указанных мер.

Приложением к постановлениям комиссий могут быть межведомственные планы (программы) индивидуальной профилактической работы (далее — ИПР), проводимой с ребенком и его семьей, согласованные по исполнителям и срокам, в целях исключения излишней административной нагрузки на семью и ребенка. Планы (программы) ИПР отражают индивидуальный подход к профилактической работе с конкретным ребенком по конкретному случаю нарушения его прав.

Каждый из перечисленных в постановлении субъектов, осуществляющих профилактику, обязан выполнить в своей части межведомственный план (программу) ИПР и проинформировать комиссию об исполнении постановления в установленный срок.

Получив информацию об исполнении указанного плана (программы) ИПР, комиссия анализирует ее результаты и принимает решение о прекращении ИПР или продолжении и корректировке межведомственных профилактических мер.

Обязательность исполнения всеми субъектами, осуществляющими профилактику, обеспечивает действенность решений КДН, позволяя решать задачи системы профилактики, предотвращать нарушения прав детей и пресекать их противоправное поведение. Фактически обязательный характер постановлений КДН гарантирует реализацию и синхронизацию профилактических мер в установленные сроки.

Важность обязательного исполнения плана (программы) ИПР не требует аргументации. Неисполнение даже одним из субъектов, осуществляющих профилактику, профилактических мер не позволит обеспечить комплексное решение сложной ситуации, в которую попал ребенок.

Следует отметить, что количество поручений, содержащихся в постановлениях КДН, исполненных (неисполненных) в отчетный период, отражается как один из показателей раздела 2, отражающего меры по координации деятельности

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СЗ РФ. 2013. № 45, ст. 5829.

участников профилактической работы, формы федерального статистического наблюдения № 1-КДН[1].

Анализ статистических данных показал, что средневзвешенный по Российской Федерации показатель доли исполненных в полном объеме поручений, предусмотренных в постановлениях КДН, в количестве направленных в органы и учреждения системы профилактики таких поручений, срок исполнения которых наступил в отчетный период, за 2018–2024 гг., составляет 98,35 %[2].

Субъектами РФ с наименьшим значением указанного показателя за рассматриваемый период являются Республика Северная Осетия — Алания (47,62 %), Приморский край (60,87 %), а также город Москва (70,05 %). Между тем для двух третей регионов характерно крайне высокое значение показателя (более 98 %), что резко выделяет отмеченные регионы, указывая на возможное наличие в них проблемных зон, требующих особого внимания и корректировки.

В настоящее время в КоАП РФ не установлена административная ответственность за неисполнение постановлений КДН по вопросам, отнесенным к их компетенции.

Анализ региональной практики по правовому регулированию административной ответственности за неисполнение указанных постановлений комиссий показал, что более, чем в половине субъектов РФ, установлена административная ответственность за аналогичные или схожие нарушения. Например, в Республике Северная Осетия — Алания с высоким процентом неисполнения постановлений КДН такая ответственность не установлена.

Анализируя составы административных правонарушений, установленных региональными законами, в зависимости от объективной стороны можно выделить следующие:

неисполнение постановлений КДН (Воронежская область[3], г. Москва[4]);

невыполнение мероприятий ИПР (Курганская область[5]);

частичное неисполнение постановлений КДН (Белгородская обл.[6]);

нарушение сроков исполнения постановлений КДН (Калужская область[7]);

[1] См.: Приказ Росстата от 17 октября 2023 г. № 516 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 1-КДН "Сведения о деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" с указаниями по ее заполнению» // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: https://docs.edu.gov.ru/ (дата обращения: 20.08.2025).

[2] Здесь и далее показатели рассчитаны на основе данных, представленных в форме федерального статистического наблюдения № 1-КДН «Сведения о деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

[3] См. ст. 20.4 Закона Воронежской области от 31 декабря 2003 г. № 74-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Воронежской области» (в ред. от 25 апреля 2025 г.) (Коммуна. 2004. 13 января. URL: https://www.govvrn.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[4] См. ст. 2.5 Закона г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» (в ред. от 25 июня 2025 г.) (Ведомости Московской городской Думы. 2008. № 12, ст. 251; 2025. № 7, ст. 108).

[5] См. ст. 25-20 Закона Курганской области от 20 ноября 1995 г. № 25 «Об административных правонарушениях на территории Курганской области» (в ред. от 24 июня 2025 г.) (Новый мир. 1995. № 231; URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[6] См. ст. 5.1.17 Закона Белгородской области от 4 июля 2002 г. № 35 «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области» (в ред. от 11 июня 2025 г.) (Белгородские известия. 2002. № 101; 2025. № 49).

[7] См. ст. 5.10 Закона Калужской области от 28 января 2011 г. № 122-ОЗ «Об административных правонарушениях в Калужской области» (в ред. от 20 сентября 2024 г.) (Весть. 2011. № 80–82; 2024. № 37).

иные нарушения, например: воспрепятствование посещению учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних членом комиссии, осуществляющим по поручению данной комиссии проверку условий содержания, воспитания и обучения несовершеннолетних в указанном учреждении (Оренбургская область[1]); воспрепятствование деятельности членов КДН (Самарская область[2], Республика Тыва[3]); создание трудностей для исполнения постановлений КДН (г. Севастополь[4]).

Не во всех региональных законах уточняется, о каких постановлениях КДН идет речь в составах административных правонарушений.

Следует отметить, что помимо постановлений об организации ИПР и утверждении плана (программы) работы комиссии в соответствии с установленной компетенцией (п. 2 ч. 1 ст. 22.1 КоАП РФ) принимают постановления по делам об административных правонарушениях, за неисполнение которых (неуплата административного штрафа) установлена административная ответственность в ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ.

Определение вида постановления КДН в региональном законе представляется необходимым. Так, обоснованно в законодательных актах Калининградской[5] и Тульской областей[6] используется формулировка «постановления, за исключением постановлений по делам об административном правонарушении», а в законах Чеченской Республики[7] и Ростовской области[8] — «постановления КДН о проведении ИПР».

Широкими по содержанию и не отражающими вид постановления комиссий являются следующие примеры:

«постановления КДН, принятые в соответствии с ее компетенцией» (Республика Адыгея[9]);

---

[1] См. ст. 10 Закона Оренбургской области от 1 октября 2003 г. № 489/55-III-ОЗ «Об административных правонарушениях в Оренбургской области» (в ред. от 17 июня 2025 г.) (Южный Урал. 2003. № 210; URL: http://www.pravo.orb.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[2] См. ст. 10.8 Закона Самарской области от 1 ноября 2007 г. № 115-ГД «Об административных правонарушениях на территории Самарской области» (в ред. от 11 июля 2025 г.) (Волжская коммуна. 2007. № 207; 2025. № 106).

[3] См. ст. 13.3 Закона Республики Тыва от 30 декабря 2008 г. № 905 ВХ-2 «Кодекс Республики Тыва об административных правонарушениях» (в ред. от 26 июня 2025 г.) (Тувинская правда. 2009. № 9; URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[4] См. ст. 11.7 Закона города Севастополя от 17 апреля 2015 г. № 130-ЗС «Об административных правонарушениях» (в ред. от 7 ноября 2023 г.) (Севастопольские известия. 2015. № 30-31(1775); URL: http://sevzakon.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[5] См. ст. 55-4 Закона Калининградской области от 12 мая 2008 г. № 244 «Кодекс Калининградской области об административных правонарушениях» (в ред. от 30 июня 2025 г.) (Калининградская правда. 2008. № 89; 2025. № 48).

[6] См. ст. 5.3-3 Закона Тульской области от 9 июня 2003 г. № 388-ЗТО «Об административных правонарушениях в Тульской области» (в ред. от 18 июля 2025 г.) (Вестник Тульской областной Думы. 2003. № 6(86) – 8(88); URL: http://npatula.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[7] См. ст. 16.4 Закона Чеченской Республики от 8 мая 2008 г. № 17-РЗ «Об административных правонарушениях» (в ред. от 18 июля 2025 г.) (Вести Республики. 2008. № 94(776); URL: www.vesti095.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[8] См. ст. 9.10 Областного закона Ростовской области от 25 октября 2002 г. № 273-ЗС «Об административных правонарушениях» (в ред. от 11 августа 2025 г.) (Наше время. 2002. № 214–215; URL: http://pravo.donland.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[9] См. ст. 18(4) Закона Республики Адыгея от 19 апреля 2004 г. № 215 «Об административных правонарушениях» (в ред. от 5 августа 2025 г.) (Советская Адыгея. 2004. № 80–82; 2025. № 143).

законное постановление КДН (Кемеровская область[1]).

Использование указанных формулировок позволяет отнести к таким постановлениям, принимаемым в числе прочих по делам об административных правонарушениях, что приводит к дисбалансу с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях.

Субъекты рассматриваемых административных правонарушений также отличаются. Так, в Чувашской Республике[2], как и в большинстве других регионов, ответственность несут субъекты системы профилактики, их должностные лица. Такой подход обоснован и соответствует п. 3 ст. 11 Закона № 120-ФЗ, определяющему обязательность исполнения постановлений КДН только для субъектов, осуществляющих профилактику.

Без достаточных правовых оснований административную ответственность за неисполнение постановлений КДН несут граждане в Республике Ингушетия[3], Республике Башкортостан[4], а также муниципальные КДН в Астраханской области[5].

Разнится величина административных штрафов. Например, максимальный размер административного штрафа за неисполнение постановления КДН для должностного лица в г. Москве составит 3 000 рублей, а за совершение аналогичного административного правонарушения в Камчатском крае — 30 000 рублей.

Относительно субъектов, имеющих право составлять протоколы по рассматриваемым административным правонарушениям, региональная практика разнится. Как правило, к таким субъектам относятся: председатели КДН, их заместители; члены КДН; должностные лица КДН, должностные лица административных комиссий.

В отдельных субъектах РФ право составлять протокол об административном правонарушении за воспрепятствование деятельности членов комиссий и неисполнение постановлений комиссий наделены должностные лица:

административных комиссий (Самарская область[6]);

органов местного самоуправления (Республика Хакасия[7]);

органов, обеспечивающих деятельность КДН, например должностные лица администрации муниципального образования Республики Крым, уполномо-

[1] См. ст. 50-4 Закона Кемеровской области от 16 июня 2006 г. № 89-ОЗ «Об административных правонарушениях в Кемеровской области» (в ред. от 4 июня 2025 г.) (Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. 2006. № 55; URL: https://www.kuzbass-zakon.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[2] См. ст. 8.4 Закона Чувашской Республики от 23 июля 2003 г. № 22 «Об административных правонарушениях в Чувашской Республике» (в ред. от 3 июля 2025 г.) (Республика. 2003. № 30; 2025. № 27).

[3] См. ст. 3.1 Закона Республики Ингушетия от 7 декабря 2010 г. № 60-РЗ «Об административной ответственности за совершение отдельных правонарушений на территории Республики Ингушетия» (в ред. от 5 декабря 2024 г.) (Ингушетия. 2010. № 211-212; Сердало. 2024. № 49–50).

[4] См. ст. 11.6 Кодекса Республики Башкортостан об административных правонарушениях от 23 июня 2011 г. № 413-з (в ред. от 30 июня 2025 г.) (Республика Башкортостан. 2011. № 127; 2025. № 70).

[5] См. ст. 32.1 Закона Астраханской области от 22 июня 2016 г. № 41/2016-ОЗ «Об административных правонарушениях» (в ред. от 30 июня 2025 г.) (Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2016. № 25; URL: http://pravo-astrobl.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[6] См. ст. 11.2 Закона Самарской области от 1 ноября 2007 г. № 115-ГД «Об административных правонарушениях на территории Самарской области» (в ред. от 11 июля 2025 г.) (Волжская коммуна. 2007. № 207(26005); 2025. № 106).

[7] См.: Закон Республики Хакасия от 17 декабря 2008 г. № 91-ЗРХ «Об административных правонарушениях» (в ред. от 20 ноября 2023 г.) // Вестник Хакасии. 2008. № 79; 2023. № 85.

ченные обеспечивать деятельность комиссий, образуемых в муниципальных районах и городских округах республики[1];

органов опеки и попечительства (Новосибирская область[2]).

Рассматривают дела об административных правонарушениях, как правило, мировые судьи. Исключение составляют Республика Крым, где дела, связанные с неисполнением постановлений республиканской КДН рассматривают административные комиссии, Приморский край[3] — административные коллегии, Пензенская область[4] — районные (городские) и районные в городах КДН.

Таким образом, проведенный анализ региональной практики показал многообразие подходов субъектов РФ к правовому регулированию административной ответственности за неисполнение постановлений КДН.

В ряде регионов такая ответственность не установлена. В тех субъектах РФ, где соответствующие законы приняты, по различному определены объективная сторона и субъекты административных правонарушений, уполномоченные лица по составлению протоколов об административных правонарушениях и рассмотрению дел, существенно разнятся размеры административных штрафов.

Принимая во внимание, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ) и что неисполнение постановлений КДН приводит к нарушению прав несовершеннолетнего, в целях решения стратегических задач по профилактике противоправного поведения детей и молодежи, представляется целесообразным рассмотреть возможность установления административной ответственности в КоАП РФ. Федеральный уровень регулирования обусловлен необходимостью обеспечения единых стандартов защиты прав и интересов детей на всей территории страны, независимо от социально-экономических условий в отдельных регионах.

Установление административной ответственности за нарушение норм, предусмотренных федеральными законами, относится к ведению Российской Федерации (п. 3 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ).

Обязанность органов и учреждений системы профилактики исполнить постановления, принятые комиссией, установлена Законом № 120-ФЗ (п. 3 ст. 11).

Учитывая изложенное, предлагается дополнить гл. 5 КоАП РФ статьей следующего содержания:

«Статья 5.37.1. Неисполнение постановления комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав

Неисполнение органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних постановления комиссии по делам

[1] См. п. 13 ч. 2 ст. 9.1 Закона Республики Крым от 25 июня 2015 г. № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» (в ред. от 2 июля 2025 г.) (Крымские известия. 2015. № 126; 2025. № 116).

[2] См. п. 23 ч. 2 ст. 15.3 Закона Новосибирской области от 14 февраля 2003 г. № 99-ОЗ «Об административных правонарушениях в Новосибирской области» (в ред. от 9 июля 2025 г.) (Сборник нормативных правовых актов Новосибирского областного Совета депутатов. 2003. № 2(7); URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.06.2025)).

[3] См. п. 3 ст. 12.3 Закона Приморского края от 5 марта 2007 г. № 44-КЗ «Об административных правонарушениях в Приморском крае» (в ред. от 7 августа 2025 г.) (Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 2007. № 10; 2025. № 97).

[4] См. ч. 1 ст. 9.2 Закона Пензенской области от 24 апреля 2024 г. № 4275-ЗПО «Кодекс Пензенской области об административных правонарушениях» (в ред. от 21 марта 2025 г.) (Пензенские губернские ведомости. 2024. № 37; 2025. № 21).

несовершеннолетних и защите их прав, за исключением постановлений по делам об административных правонарушениях, -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на юридических лиц — от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей.».

Представляется целесообразным возбуждение дела по предлагаемому административному правонарушению осуществлять в порядке, установленном ст. 28.4 КоАП РФ. Прокуроры присутствуют на заседаниях КДН. Рассмотрение дел предлагается закрепить за мировыми судьями.

Введение административной ответственности за неисполнение постановлений комиссий является необходимым шагом для обеспечения эффективной защиты прав детей. Такие изменения будут способствовать повышению ответственности органов и учреждений системы профилактики за непроведение ИПР с несовершеннолетним и иное бездействие.

Библиографический список

1. *Винниченко Е.О.* Профилактика правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации: административно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2014. 190 с.

2. *Попова М.Ю.* Проблемные аспекты в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 1. С. 146–150.

3. *Ильгова Е.В., Борисова В.Ф., Спесивов Н.В.* Проблемы правового регулирования участия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в рассмотрении судами дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4. С. 60–66.

4. *Саенко Л.В.* Защита прав несовершеннолетних и профилактика их антиобщественного и противоправного поведения: к обсуждению законопроекта // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 5. С. 89–92.

5. *Аржанов В.В.* Вызовы, стоящие перед Комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5(148). С. 114–124.

6. *Бондаренко Д.В.* Единственная отрасль законодательства, оставшаяся неизменной в современной России // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 61–70.

References

1. *Vinnichenko E.O.* Prevention of Juvenile Offenses in the Russian Federation: Administrative-Legal Aspect: Dis. ... Cand. Jurid. Sciences. Tyumen, 2014. 190 p.

2. *Popova M.Yu.* Problematic Aspects in the Activities of Commissions for Juvenile Affairs // Humanitarian Scientific Bulletin. 2021. No. 1. P. 146–150.

3. *Ilgova E.V., Borisova V.F., Spesivov N.V.* Problems of Legal Regulation of the Participation of Commissions for Juvenile Affairs in Court Cases Related to Minors in Special Closed-Type Educational Institutions // Legal Policy and Legal Life. 2020. No. 4. P. 60–66.

4. *Saenko L.V.* Protection of Minors' Rights and Prevention of Their Antisocial and Illegal Behavior: Discussion of the Draft Law // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2024. No. 5. P. 89–92.

5. *Arzhanov V.V.* Challenges of Commissions for Juvenile Affairs and the Protection of Their Rights // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2022. No. 5(148). P. 114–124.

6. *Bondarenko D.V.* The Only Branch of Legislation that Remained Unchanged in Modern Russia // Russian Law: Education, Practice, Science. 2022. No. 3. P. 61–70.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-146-151
УДК 342

Е.В. Китрова, Д.А. Гладун

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИЙ И ПРАВОВОГО СТАТУСА

Введение: *современное правовое регулирование научной деятельности в Российской Федерации, основанное на Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», характеризуется существенными терминологическими пробелами. Отсутствие законодательных дефиниций таких понятий, как «ученый», «молодой ученый», а также нечеткое разграничение статусов «научный работник» и «исследователь», создают правовую неопределенность.* ***Цель*** *— раскрыть проблемы правового определения круга лиц, осуществляющих научную деятельность, разработать предложения по совершенствованию законодательства.* ***Методологическая основа:*** *анализ действующего законодательства, подзаконных нормативных правовых актов, а также имеющихся в юридической литературе позиций ученых относительно дефиниций субъектов научной деятельности; диалектический метод научного познания как основной способ объективного и всестороннего познания действительности.* ***Результаты:*** *выявлены ключевые терминологические пробелы и противоречия в законодательстве о науке. Предложено ввести в новый законопроект термины «ученый», «молодой ученый», «научный работник», «исследователь», «диссертационный исследователь».* ***Выводы:*** *формирование единого понятийного аппарата является необходимым условием для повышения эффективности государственной научной и (или) научно-технической политики.*

Ключевые слова: *наука, ученый, молодой ученый, исследователь, диссертационный исследователь, научный работник, правовой статус, подготовка научных кадров, закон о науке, государственная научно-техническая политика.*

E.V. Kitrova, D.A. Gladun

ON THE NEED TO IMPROVE THE LEGAL REGULATION OF SCIENTIFIC ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF DEFINITIONS AND LEGAL STATUS

Background: *modern legal regulation of scientific activity in the Russian Federation based on Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996 "On Science and State Scientific and Technical Policy"*

© Китрова Екатерина Валерьевна, 2025
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kitrovaev@mail.ru
© Гладун Дарья Андреевна, 2025
Старший преподаватель кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: daria.gladun@mail.ru
© Kitrova Ekaterina Valeryevna, 2025
Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)
© Gladun Darya Andreevna, 2025
Senior Lecturer of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)

is characterized by significant terminological gaps. The lack of legislative definitions of concepts such as "scientist" and "young scientist", as well as the unclear distinction between the statuses of "scientific worker" and "researcher" create legal uncertainty. ***Objective*** *— to analyze the problems of the legal definition of the circle of persons engaged in scientific activities and to develop proposals for improving legislation.* ***Methodology:*** *the study is based on the analysis of current legislation, subordinate regulatory legal acts, as well as the positions of scientists available in the legal literature regarding definitions of subjects of scientific activity. The research employs the dialectical method of scientific cognition as the main means of objective and comprehensive knowledge of reality.* ***Results:*** *key terminological gaps and contradictions in the legislation on science have been identified. It is proposed to introduce the terms "scientist", "young scientist", "scientific worker", "researcher", "dissertation researcher" into the new draft law.* ***Conclusions:*** *the formation of a unified conceptual framework is a prerequisite for improving the effectiveness of state scientific and (or) scientific-technical policy.*

Keywords: *science, scientist, young scientist, scientific worker, dissertation researcher, researcher, legal status, training of scientific personnel, law on science, state scientific and technical policy.*

Современная наука в Российской Федерации выступает ключевым фактором национальной безопасности, технологического суверенитета и устойчивого развития государства. В этих условиях особое значение приобретает совершенствование правовой основы, регулирующей научную деятельность.

Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»[1] (далее — Закон № 127-ФЗ) был принят в иной социально-экономической и технологической реальности, но несмотря на последующие изменения во многом сохраняет концептуальные подходы 1990-х гг. Одним из существенных его недостатков является отсутствие системного определения субъектов научной деятельности. Как справедливо отмечают А.Ю. Соколов и О.А. Лакаев, «важной представляется работа по подготовке проекта нового законодательства о науке, учитывающего тенденции последних двух с половиной десятилетий» [1, с. 104–111].

Закон № 127-ФЗ определяет научного работника (исследователя) как гражданина, обладающего необходимой квалификацией и профессионально занимающегося научной и (или) научно-технической деятельностью[2]. Указание в скобках термина «исследователь» создает видимость их тождественности, однако фактически эти понятия различны.

Должности научных работников предусмотрены в научных организациях, организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, а также в иных организациях, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность.

Следует согласиться с мнением В.С. Хижняк и Е.А. Отставновой, что в действующей редакции Закона № 127-ФЗ «определена квалификация исходя из наличия ученых степеней. Следовательно, лицо, не имеющее таковую, не является научным работником. Не совсем ясно, к какой категории необходимо отнести человека, осуществляющего научные изыскания, представляющие интерес для государства, но не имеющего ученой степени» [2, с. 104–113].

[1] См.: СЗ РФ. 1996. № 35, ст. 4137; 2025. № 26, ч. 1, ст. 3489.

[2] См.: Там же.

Вместе с тем в приказе Росстата от 28 июня 2019 г. № 363 «Об утверждении методик расчета показателей федеральных проектов национального проекта "Наука"»[1] термин «исследователь» раскрывается шире: это не только исполнители научных исследований, но и административно-управленческий персонал, осуществляющий руководство исследовательским процессом. Следовательно, понятие «научный работник» не охватывает всех участников научной деятельности.

Полагаем, что в ходе работы над новым законом о науке необходимо следующим образом разграничить понятия «научный работник» и «исследователь»:

научный работник — это гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью;

исследователи — работники, профессионально занимающиеся научными исследованиями и разработками и непосредственно осуществляющие создание новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также управление указанными видами деятельности. Для выполнения этих функций требуется высшее образование. В категорию исследователей включается также административно-управленческий персонал, осуществляющий непосредственное руководство исследовательским процессом (в том числе руководители научных организаций и подразделений, выполняющих научные исследования и разработки).

Отдельного внимания заслуживает отсутствие в законе понятия «ученый». Термин широко используется в подзаконных актах: например, в Указе Президента РФ от 18 июня 2015 г. № 312 «Об утверждении Положения о премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых»[2], а также в ряде региональных нормативных актов (например, Закон Московской области от 30 марта 2016 г. № 38/2016-ОЗ «О научно-технической политике органов государственной власти Московской области»[3]). Однако легального определения термина не существует. В то же время Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145, утверждающий новую Стратегию научно-технологического развития, указывает на «профессию ученого» (подп. «в» п. 24) и закрепляет ее роль как субъекта, ответственного за обеспечение независимости и конкурентоспособности государства (подп. «г» п. 27)[4].

Как отмечают А.А. Васильев и Н.В. Путило, в нормативных актах Российской Федерации используется несколько производных понятий — «ведущие ученые», «выдающиеся ученые», «ученые мирового класса», «видные ученые», но при этом отсутствует базовая дефиниция понятия «ученый» [3, с. 57–74]. Такая ситуация ведет к распылению нормативной основы и препятствует формированию единой системы государственной научной политики.

Отсутствие унифицированного понятийного аппарата негативно влияет на реализацию программ поддержки науки. Например, понятие «молодой ученый» используется в ряде грантовых конкурсов и федеральных программ, однако

[1] См.: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: СЗ РФ. 2015. № 25, ст. 3647.

[3] См.: URL: https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/zakony/382016-oz-o-nauchno-tekhnicheskoy-politike-organov-gosudarstvennoy-vlasti-moskovskoy-oblasti?ysclid=mheonng29f932573308&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 30.10.2025).

[4] См.: Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

в каждом случае возрастные и квалификационные критерии устанавливаются произвольно. Это нарушает принципы правовой определенности и равенства субъектов права.

Подобная неопределенность снижает мотивацию молодых исследователей, ограничивает возможности социальной поддержки и не способствует формированию устойчивого кадрового резерва в сфере науки.

Видится очевидным, что закрепление в федеральном законодательстве понятий «ученый» и «молодой ученый» позволит:

обеспечить терминологическую согласованность нормативной базы;

установить единые критерии отнесения лиц к субъектам научной деятельности;

унифицировать меры государственной поддержки;

повысить правовую защищенность молодых исследователей.

Преодоление терминологических пробелов и неточностей представляется не просто желательным, а обязательным элементом законотворческого процесса. Целесообразно закрепить в новом законе о науке понятие «ученый», установив исчерпывающий перечень критериев, необходимых для отнесения физического лица к данной категории:

«ученый — физическое лицо (гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства в пределах прав, установленных законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов публичной власти федеральной территории «Сириус»), имеющее ученую степень и (или) ученое звание, осуществляющее профессиональную научную и (или) научно-техническую деятельность с целью проведения научных исследований и экспериментальных разработок, получившее признанные научным сообществом научные и (или) научно-технические результаты в определенной области знаний».

Еще в 2021 г. Министерство науки и высшего образования РФ выступило с инициативой ввести понятие «молодой ученый» в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»[1], однако она так и не была реализована.

В рамках реализации государственной кадровой политики в сфере науки, направленной на поддержку и омоложение научных кадров, необходимо ввести понятие «молодой ученый», зафиксировав его возрастные и квалификационные критерии:

«молодой ученый — физическое лицо (гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства в пределах прав, установленных законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов публичной власти федеральной территории «Сириус») в возрасте до 39 лет включительно, осуществляющее профессиональную научную и (или) научно-техническую деятельность с целью проведения научных исследований и экспериментальных разработок и на профессиональной основе выполняющее научные исследования и разработки в качестве работника научной организации, научно-педагогическо-

[1] См.: Минобрнауки России предложило закрепить правовой статус молодых ученых // Министерство науки и высшего образования. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/32902/ (дата обращения: 30.10.2025).

го работника образовательной организации высшего образования или научного работника иной организации, осуществляющей научную и (или) научно-техническую деятельность».

Следует признать, что действующая редакция Закона № 127-ФЗ не содержит целостной регламентации системы подготовки научных кадров. Статья 4.1 регулирует лишь порядок допуска к защите диссертаций, фактически дублируя положения постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842[1].

Как подчеркивает С.В. Кабышев, выделение аспирантуры в отдельный уровень профессионального образования не должно сужать правовое регулирование подготовки научных кадров: напротив, закон о науке должен обеспечивать единство управленческого и нормативного подхода к формированию научно-технологической политики государства [4, с. 140].

С учетом этого в новом законе целесообразно предусмотреть отдельный раздел «Система подготовки научных и научно-педагогических кадров», включающий:

подготовку научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре);

прикрепление для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре);

подготовку научных и научно-педагогических кадров в докторантуре [5, с. 78].

Кроме того, в действующем законодательстве не закреплен статус аспирантов, докторантов и лиц, прикрепленных для подготовки диссертации на соискание ученых степеней. Хотя они выполняют научные исследования, участвуют в грантах и проектах, формально их нельзя отнести ни к научным работникам, ни к исследователям.

Стоит обратить внимание, что понятие «аспирант» и «адъюнкт» раскрываются в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[2] весьма скупо, так же как и понятие «докторант» в постановлении Правительства РФ от 4 апреля 2014 г. № 267 «Об утверждении Положения о докторантуре»[3].

Для лиц, прикрепленных для подготовки диссертации без освоения программы аспирантуры, предложено определение «диссертационный исследователь», под которым следует понимать лицо, имеющее высшее образование, подтвержденное дипломом специалиста или магистра, осуществляющее самостоятельную научно-исследовательскую работу над подготовкой диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) и прикрепленное к образовательной организации высшего образования, образовательным организациям дополнительного профессионального образования и научным организациям [5, с. 160].

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (в ред. от 16 октября 2024 г.) (вместе с Положением о присуждении ученых степеней) // СЗ РФ. 2013. № 40, ч. 3, ст. 5074; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8692.

[2] См.: СЗ РФ. 1996. № 35, ст. 4137; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4928.

[3] См.: Там же. 2014. № 15, ст. 1759; 2018. № 41, ст. 6260.

Исходя из изложенного, видится целесообразным законодательно закрепить статус лиц, осуществляющих научную (научно-исследовательскую) деятельность, связанную с подготовкой диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (аспиранты, адъюнкты, докторанты, диссертационные исследователи), как полноправных субъектов научной и (или) научно-технической деятельности.

Формирование единой системы понятий и правовых статусов субъектов научной деятельности является необходимым условием эффективной реализации государственной политики в области науки и научно-технологического развития. Законодательное разграничение дефиниций «научный работник» и «исследователь», а также нормативное закрепление понятий «ученый» и «молодой ученый», отнесение аспирантов, докторантов и диссертационных исследователей к субъектам научной и (или) научно-технической деятельности обеспечат преемственность и прозрачность кадровой политики, устранят правовые пробелы и создадут основу для системного развития научного потенциала Российской Федерации, а также предотвратят отток талантов и высококвалифицированных кадров за рубеж.

Библиографический список

1. *Соколов А.Ю., Лакаев О.А.* Правовые основы деятельности органов публичного управления по достижению глобального технологического лидерства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 1(162). С. 104–111.

2. *Хижняк В.С., Отставнова Е.А.* Конституционно-правовой статус субъектов научной деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 2(163). С. 104–113.

3. *Васильев А.А., Путило Н.В.* Правовой статус ученого как фактор научно-технологического развития России // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 2. С. 57–74.

4. *Кабышев С.В.* Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex Russica. 2025. Т. 78, № 2(219). С. 130–140.

5. *Китрова Е.В.* Административно-правовое регулирование системы подготовки научных и научно-педагогических кадров в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2025. 275 с.

References

1. *Sokolov A.Yu., Lakaev O.A.* The Legal Foundations of the Activities of Public Administration Bodies to Achieve Global Technological Leadership // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2025. No. 1(162). P. 104–111.

2. *Khizhnyak V.S., Otstavnova E.A.* Constitutional and Legal Status of the Subjects of Scientific Activity // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2025. No. 2(163). P. 104–113.

3. *Vasiliev A.A., Putilo N.V.* The Legal Status of a Scientist as a Factor of Scientific and Technological Development of Russia // Management of Science: Theory and Practice. 2021. Vol. 3, No. 2. P. 57–74.

4. *Kabyshev S.V.* Conceptual Issues of Improving Legislation on Science and Scientific and Technological Development in the Russian Federation // Lex Russica. 2025. Vol. 78, No. 2(219). P. 130–140.

5. *Kitrova E.V.* Administrative and Legal Regulation of the System of Training Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel in the Russian Federation: Dis. ... Cand. Jurid. Sciences. Saratov, 2025. 275 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-152-157
УДК 342.95

С.Б. Пашенько

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОСТУПКА

Введение: *актуальность статьи обусловлена важной ролью дисциплинарной ответственности судей в аспекте поддержания авторитета судебной власти и обеспечения принципов правосудия. Однако в настоящее время в законодательстве остаются некоторые пробелы, которые должны быть устранены.* ***Цель*** *— выявить проблемы нормативной регламентации дисциплинарной ответственности судей.* ***Методологическая основа:*** *в качестве основных методов исследования использованы анализ, синтез, исторический и формально-юридический.* ***Результаты:*** *предложены и сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство о статусе судей.* ***Выводы:*** *требует корректировки и конкретизации определение дисциплинарного проступка судьи. Надлежит установить, что имеется в виду под умалением авторитета судебной власти. Днем выявления проступка следует считать день поступления информации о нем в орган судейского сообщества. Помимо прекращения полномочий председателей судов и их заместителей как меры, не обладающей дисциплинарным характером, в числе соответствующих мер организационного воздействия предлагается закрепить и иные.*

Ключевые слова: *судья, дисциплинарный проступок, умаление авторитета судебной власти, прекращение полномочий, срок давности.*

S.B. Pashenko

SOME ISSUES OF THE LIABILITY OF JUDGES FOR DISCIPLINARY OFFENSES

Background: *the article's relevance stems from the importance of disciplinary liability for judges in maintaining the authority of the judiciary and ensuring the principles of justice. However, there are certain gaps to be addressed in the current legislation.* ***Objective*** *— to identify the problems in the regulatory framework for imposing the disciplinary liability on judges.* ***Methodology:*** *analysis, synthesis, historical and formal-legal research methods.* ***Results:*** *proposals for amendments to the legislation on the status of judges have been proposed and formulated.* ***Conclusions:*** *the definition of a disciplinary offense committed by a judge needs to be altered and clarified. It is necessary to define the meaning of "undermining the authority of the judiciary" concept. Furthermore, the date of the report about the offense to the judicial community should be regarded as the date when the offense was revealed. Besides the termination the judicial powers of chief justices and their deputies as a non-disciplinary measure, it is proposed to impose other relevant organizational measures.*

Keywords: *judge, disciplinary offense, undermining the authority of the judiciary, termination of powers, statute of limitations.*

© Пашенько Сергей Борисович, 2025

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sergei150674@mail.ru

© Pashenko Sergey Borisovich, 2025

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)

Статус судьи как лица, которое выполняет публично значимые функции, существенным образом отражается на порядке привлечения его к ответственности за правонарушения различного рода. Законодательство устанавливает ряд гарантий неприкосновенности судей, что обеспечивает предупреждение неправомерного вмешательства в их деятельность со стороны каких-либо граждан, организаций, органов власти.

Так, Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[1] (далее — Закон РФ № 3132-1) определяет правила привлечения судьи к дисциплинарной ответственности и виды дисциплинарных взысканий.

Стоит отметить, что в науке высказывались различные точки зрения относительно дисциплинарной ответственности судей. Так, по мнению А.С. Литвинова, в настоящее время более корректно говорить о конституционно-правовой ответственности, что обусловлено их положением как носителей судебной власти [1, с. 21]. Аналогичной точки зрения придерживаются и иные авторы [2, с. 27].

Тем не менее факт совершения судьей отдельных неправомерных деяний вступает в противоречие с его статусом, подрывая авторитет судебной власти, поскольку от судьи ожидается поведение, полностью соответствующее установленным нормам права. В силу данного обстоятельства имеются основания для выделения категории дисциплинарного проступка судьи с четким закреплением процедуры привлечения к ответственности за его совершение.

Детально регламентированный механизм дисциплинарной ответственности судей в отечественном законодательстве появился еще в период Судебной реформы 1864 г. Так, согласно данному акту, в качестве дисциплинарного взыскания рассматривалось лишь предостережение. Субъектом дисциплинарной власти выступали вышестоящие суды. В свою очередь, проступок судьи трактовался как «служебное упущение», которое могло иметь различный характер. Например, упущение, которое «по своему значению и многократности обнаруживало явное пренебрежение судьи к своим обязанностям», требовало передачи на рассмотрение Высшего дисциплинарного присутствия. В дальнейшем перечень взысканий, налагаемых на судей, был дополнен переводом в другое место службы и удалением от должности.

В годы советской власти институт дисциплинарной ответственности судей претерпел существенные изменения. Конституцией СССР 1936 г. закреплялся принцип независимости судей. Гарантией его реализации выступило исключение из законодательства норм об их дисциплинарной ответственности.

Тем не менее 29 июля 1940 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дисциплинарной ответственности судей»[2]. Согласно данному акту, «на судей за нарушения трудовой дисциплины могли налагаться замечание, выговор, выговор с предупреждением о постановке вопроса об отозвании с должности»[3]. Были регламентированы и вопросы применения сроков давности привлечения судьи к ответственности. В то же время понятие дисциплинарного проступка не было конкретизировано.

[1] См.: Российская газета. 1992. 29 июля; 2023. 13 июля.
[2] См.: Ведомости ВС СССР. 1940. № 28.
[3] См.: Там же.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 г. было утверждено Положение о дисциплинарной ответственности судей[1]. Ее могло повлечь «нарушение трудовой дисциплины; упущения в судебной работе вследствие небрежности пли недисциплинированности судьи; совершение поступков, недостойных советского судьи»[2]. В случае несоответствия судьи замещаемой должности мог быть применен его отзыв.

В постсоветский период дисциплинарная ответственность судей была вновь отменена. Первоначальная редакция Закона РФ № 3132-1 включала норму, согласно которой «судья не может быть привлечен к административной и дисциплинарной ответственности».

Как отмечает В.А. Терехин, данный шаг обусловлен лишением права председателей судов и иных органов права контроля над ними [3, с. 14]. Однако, по справедливому замечанию Ю.В. Щедриной, «практика доказала необходимость возвращения института дисциплинарной ответственности судей, поскольку отсутствие мер реагирования приводило к безнаказанности судей, повышению коррупционной составляющей»[3].

Рассматриваемый институт был восстановлен лишь с принятием Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”»[4], который установил такие меры ответственности, как предупреждение и досрочное прекращений полномочий. Интерес представляет и ранее закрепленная формулировка ст. 12.1 Закона РФ № 3132-1, согласно которой в качестве дисциплинарного проступка рассматривается нарушение его норм, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей.

В дальнейшем в законодательство были внесены изменения, связанные с изменением определения дисциплинарного проступка. В настоящее время под таковым понимается виновное действие или бездействие, совершенное при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения Закона РФ № 3132-1 и (или) Кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса.

Нарушение Кодекса судейской этики при буквальном толковании соответствующей нормы следует признать достаточным основанием для привлечения к ответственности даже при отсутствии корреспондирующей нормы закона. В то же время существует постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П, согласно которому «корпоративные акты судейского сообщества не могут исходить из расширительного истолкования составов дисциплинарных проступков, и их неисполнение само по себе не может служить основанием для досрочного прекращения полномочий судьи, если только при этом им не были

[1] См.: Указ Президиума ВС СССР от 15 июля 1948 г. «О дисциплинарной ответственности судей» (вместе с Положением о дисциплинарной ответственности судей) // Ведомости ВС СССР. 1948. № 31.

[2] См.: Там же.

[3] *Щедрина Ю.В.* К истории становления законодательства о видах дисциплинарной ответственности судей в современной России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 4. URL: http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/254 (дата обращения: 25.02.2025).

[4] См.: Российская газета. 2001. 20 декабря.

совершены действия, которые законом рассматриваются как не совместимые по своему характеру с высоким званием судьи»[1].

Данная позиция, будучи противоположной актуальному подходу законодателя, в большей мере соответствует принципу правовой определенности, поскольку ориентирует на понимание дисциплинарного проступка сугубо в правовом ключе. Стоит обратить внимание на тот факт, что не любое нарушение положений Кодекса судейской этики должно свидетельствовать о наличии признаков проступка, а лишь такое, которое прямо запрещено законом и противоречит статусу судьи.

В связи с обозначенным обстоятельством М.И. Клеандров отмечает «дефектность формулы дисциплинарного проступка судьи, которая порождает риск произвольного привлечения его к ответственности вплоть до прекращения полномочий» [4, с. 118].

Между тем перспектива нормативного установления закрытого перечня проступков выглядит весьма сомнительной, поскольку способна произвести обратный эффект, когда отдельные деяния, с очевидностью умаляющие авторитет судебной власти и противоречащие Закону РФ № 3132-1, не будут признаны дисциплинарным проступком без их специального упоминания в перечне проступков.

Одним из положений Кодекса судейской этики выступает требование «избегать во внеслужебных отношениях всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи»[2]. Дисциплинарный проступок характеризуется наличием данных признаков, которые, вместе с тем, являются оценочными категориями. В судебной практике наряду с названными также используется формулировка «дискредитация судебной власти», сущность которой, однако, не раскрывается[3].

С.А. Старостин предлагает понимать «умаление авторитета судебной власти как возникновение у участников судебных процессов, иных лиц в результате действия (бездействия) судьи недоверия к данному судье, суду или судебной системе Российской Федерации в целом, формирование у них представления о порочности, несправедливости судебной власти и ее носителей» [5, с. 237]. Обозначенное определение охватывает также причинение ущерба репутации судьи. Тем не менее он выступает носителем судебной власти. Поэтому «умаление авторитета судебной власти» вследствие дисциплинарного проступка с неизбежностью влечет причинение ущерба репутации самого судьи и наоборот, что вызывает сомнения в необходимости отдельного упоминания в действующей редакции ст. 12.1 Закона РФ № 3132-1 на необходимость причинения ущерба репутации судьи.

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и статей 21, 22 и 26 Федерального закона “Об органах судейского сообщества в Российской Федерации” в связи с жалобами граждан Г.Н. Белюсовой, Г.И. Зиминой, Х.Б. Саркитова, С.В. Семак и А.А. Филатовой» // СЗ РФ. 2008. № 10, ч. 2, ст. 976.

[2] См.: Кодекс судейской этики: утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

[3] См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу № АПЛ24-17Д от 19 декабря 2024 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует конкретизировать порядок исчисления сроков давности. В п. 6 ст. 12.1 Закона РФ № 3132-1 устанавливается срок, в течение которого может быть применено взыскание. Он подлежит исчислению со дня выявления проступка. Пленум Верховного Суда РФ отметил, что таким днем является тот, «когда председателю соответствующего или вышестоящего суда, либо органу судейского сообщества стало известно о совершении проступка»[1]. В то же время нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что органы судейского сообщества инициируют производство перед квалификационной коллегией судей, согласно ст. 22 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»[2], а не председатель суда. Моменты, когда о совершении проступка стало известно председателю суда, в том числе вышестоящего, и органу судейского сообщества, могут различаться. Таким образом, п. 6 ст. 12.1 Закона РФ № 3132-1 требует корректировки. В целях исключения затягивания сроков следует установить, что необходимая информация подлежит передаче от председателя суда в орган судейского сообщества в течение одного рабочего дня с момента выявления признаков проступка.

Далее следует обратить внимание на регламентацию ответственности председателей судов, их заместителей. Они выступают действующими судьями, в связи с чем на них в полной мере распространяются нормы законодательства о статусе судей. В ст. 12.1 Закона РФ № 3132-1 каких-либо исключений для них не предусмотрено. Тем не менее п. 11 ст. 6.1 данного акта устанавливает, что «их полномочия могут быть досрочно прекращены в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением должностных обязанностей, при этом полномочия судей за ними сохраняются».

На первый взгляд, речь идет об отдельной мере дисциплинарной ответственности, которая искусственно выделена для названных должностных лиц. В то же время названный пункт отмечен Верховным Судом РФ, исходя из содержания п. 1 постановления которого можно сделать вывод, что досрочное прекращение полномочий председателя суда, заместителя председателя суда мерой дисциплинарной ответственности не является[3].

Таким образом, речь может идти о некой мере организационного воздействия, на которую положения, регламентирующие порядок назначения дисциплинарного взыскания, не распространяются. Озвученное уточнение можно было бы закрепить непосредственно в анализируемом пункте ст. 6.1 Закона РФ № 3132-1. Тем не менее в данном случае остается открытым вопрос о возможности применения к председателям судов и их заместителям иных мер, не столь строгих, как прекращение полномочий по должности — например, замечания или предупреждения, которые являются сугубо дисциплинарными взысканиями. Обозначенная проблема требует надлежащего решения законодателем.

Подводя итог, следует отметить исключительную важность дисциплинарной ответственности судей в аспекте поддержания авторитета судебной власти и обе-

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Российская газета. 2016. 27 апреля.

[2] См.: СЗ РФ. 2002. № 11, ст. 1022; 2025. № 30, ч. 2, ст. 4405.

[3] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Российская газета. 2016. 27 апреля.

спечения принципов правосудия, о чем свидетельствует историческое развитие ее нормативной регламентации. Однако в настоящее время в законодательстве остаются некоторые пробелы, которые должны быть устранены: требует корректировки и конкретизации определение дисциплинарного проступка судьи, объективная сторона которого может включать нарушение положений Кодекса судейской этики, но лишь во взаимосвязи с нарушением Закона РФ № 3132-1; необходимо определить, что имеется в виду под умалением авторитета судебной власти. В аспекте законодательства о статусе судей днем выявления проступка следует считать день поступления информации о нем в орган судейского сообщества. Кроме того, помимо прекращения полномочий председателей судов и их заместителей как меры, не обладающей дисциплинарным характером, в числе соответствующих мер организационного воздействия предлагается закрепить и иные, предваряющие ее.

Библиографический список

1. *Литвинов А.С.* Анализ новых конституционных механизмов ответственности судей в РФ // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 6. С. 21–27.

2. *Аулов В.К., Туганов Ю.Н.* Ответственность судьи: дисциплинарная или конституционная? // Администратор суда. 2011. № 3. С. 25–29.

3. *Терехин В.А.* Судейский иммунитет как гарантия прав и свобод граждан (вопросы теории и практики) // Российский судья. 2001. № 7. С. 14–17.

4. *Клеандров М.И.* О дефектности формулы дисциплинарного проступка российского судьи // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 110–121.

5. *Старостин С.А.* Дисциплинарная ответственность судей // Lex Russia. 2016. № 5 (114). С. 235–238.

References

1. *Litvinov A.S.* Analysis of New Constitutional Mechanisms of Judicial Liability in the Russian Federation // Questions of Russian and International Law. 2021. Vol. 11, No. 6. P. 21–27.

2. *Aulov V.K., Tuganov Yu.N.* Judicial Liability: Disciplinary or Constitutional? // Court Administrator. 2011. No. 3. P. 25–29.

3. *Terekhin V.A.* Judicial Immunity as a Guarantee of Citizens' Rights and Freedoms (Theoretical and Practical Issues) // Russian Judge. 2001. No. 7. P. 14–17.

4. *Cleandrov M.I.* On the Defectiveness of the Formula for a Disciplinary Offense of a Russian Judge // Journal of Russian Law. 2018. No. 4. P. 110–121.

5. *Starostin S.A.* Disciplinary Liability of Judges // Lex Russia. 2016. No. 5(114). P. 235–238.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-158-164
УДК 347

Н.А. Васильчикова, В.А. Кузбагарова

НОВЕЛЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Введение: *производство в суде апелляционной инстанции как процессуальной процедуры проверки не вступивших в законную силу решений и определений суда первой инстанции за более чем двадцатилетний период после принятия действующего Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации подвергалась неоднократному реформированию, последнее из которых состоялось в апреле 2025 г.* ***Цель*** *— получить теоретические знания и научно-обоснованные рекомендации производства суда апелляционной инстанции в части обжалования судебных постановлений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу, вызванных изменением регулирования процессуальных отношений Федеральным законом от 1 апреля 2025 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации».* ***Методологическая основа:*** *сравнительный анализ, системно-логический подход.* ***Результаты:*** *исследование позволило выявить качественное наполнение теоретических знаний рассматриваемой проверочной инстанции.* ***Выводы:*** *Закон № 49-ФЗ предполагает необходимость корректировки теоретических знаний об отношениях производства в суде апелляционной инстанции, в том числе и об обращении в проверочную инстанцию лиц, не привлеченных к участию в деле, о восстановлении пропущенного процессуального срока на обращение в апелляционную инстанцию, об отсутствии определенности по вопросу о возможности или пресекательности действий (по сроку) в вопросе восстановления срока для обращения в апелляционную инстанцию по аналоги с кассационным порядком, а также отражения новых аспектов регулирования отношений порядка рассмотрения апелляционных жалобы, представления, поступивших в суд апелляционной инстанции после рассмотрения дела.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, апелляционное производство, апелляционная жалоба и представление, сроки обращения, восстановление процессуального срока.*

© Васильчикова Нина Александровна, 2025
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации); e-mail: nivasil@mail.ru
© Кузбагарова Вероника Александровна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)); e-mail: veronika73@list.ru
© Vasilchikova Nina Aleksandrovna, 2025
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines (Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
© Kuzbagarova Veronika Aleksandrovna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure (Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation))

N.A. Vasilchikova, V.A. Kuzbagarova

NOVELS OF THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON PROCEEDINGS IN THE COURT OF APPEAL

Background: *the appeal procedure for reviewing unenforceable court decisions and rulings has undergone several reforms since the adoption of the current Code of Civil Procedure of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC) more than twenty years before, the most recent one being that of April, 2025.* ***Objective*** *— to acquire theoretical knowledge about the novelties of the Civil Procedure Code of the Russian Federation regarding the proceedings in the court of appeal regarding the appeal of the first instance court decisions that have not entered into force as a result of the change in the regulation of these relations by Federal Law No. 49-FZ dated April 1, 2025.* ***Methodology:*** *a comparative analysis, system-logical approach.* ***Results:*** *the study revealed the qualitative dimension of the theoretical knowledge of the inspection authority under study.* ***Conclusions:*** *Law No. 49-FZ determines the need to adjust theoretical knowledge about the proceedings in the court of appeal, including the appeal to the court of review by persons who were not involved in the case, the restoration of the missed procedural deadline for appealing to the court of appeal, the lack of certainty regarding the possibility or limitation of actions (in terms of time) in the issue of restoring the deadline for appealing to the court of appeal, similar to the cassation procedure, as well as the reflection of new aspects of regulating the procedure for considering appeals that are submitted to the court of appeal after the case has been heard.*

Keywords: *civil procedure, appeal proceedings, appeal complaint and submission, terms of appeal, restoration of procedural deadlines.*

Изменения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее — ГПК РФ), вступающие в действие с 1 января 2026 г., требуют теоретического осмысления и выработки научно обоснованных рекомендаций. Апелляционное производство в гражданском процессе позволяет заинтересованным лицам проверить качество судебного постановления суда первой инстанции. Пересмотр судебных постановлений, не вступивших в законную силу, представляет собой возможность обеспечить строгое соблюдение процессуальных норм и правил судом и участниками процесса с целью исключения ошибок. До вступления в силу изменений, внесенных в главу 39 «Производство в суде апелляционной инстанции» ГПК РФ, остается не так много времени, и их анализ, как представляется, весьма актуален, поскольку ряд статей указанной главы законодатель изложил в новой редакции и дополнил ее новыми подходами регулирования данных процессуальных отношений. Развитие рассматриваемого института дает возможность определить перспективы нововведения и оставляет возможность продолжения изучения и совершенствования в целях раскрытия содержания конституционного права на судебную защиту в сложившейся социально-экономической и социально-политической обстановке.

Право на апелляционное обжалование не вступивших в законную силу решений суда первой инстанции предоставлено сторонам и другим лицам, участвующим в деле (ч. 2 ст. 320 ГПК РФ), лицам, не привлеченным к участию в деле, если решением суда разрешен вопрос об их правах и обязанностях (ч. 3 ст. 320 ГПК РФ). Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации (далее —

[1] См.: Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 14, ст. 1582.

ВС РФ), изложенной в постановлении Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»[1] (далее — постановление Пленума ВС РФ № 16), лица, не привлеченные в производство по делу, вправе обжаловать решение суда не зависимо от того, указаны они в мотивировочной или резолютивной частях судебного постановления или нет.

По мнению авторов, в постановлении Пленума ВС РФ № 16 представлены довольно подробные разъяснения относительно того, кто имеет право на обращение для проверки постановления суда. В субъектный состав лиц, обладающих правом апелляционного обжалования (п.п. 4–12), включен прокурор, обратившийся в суд первой инстанции с исковым заявлением, или прокурор, вступивший в процесс для дачи заключения по делам в порядке ч. 3 ст. 45 ГПК РФ (п. 9).

В настоящее время в целях обеспечения законности прокурор вправе по своей инициативе или инициативе суда вступить в дело, рассматриваемое судом, на любой стадии процесса для дачи заключения в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 45 ГПК РФ[2], в том числе на стадии производства в суде апелляционной инстанции. Следовательно, в случае осуществления предоставленных полномочий прокурору по участию в деле той или иной формы он правомочен обжаловать постановления суда первой инстанции в апелляционном порядке. Его фактическое участие или неучастие в судебных заседаниях суда первой инстанции значения не имеет. Кроме того, прокурор правомочен принести апелляционное представление и в том случае, если он не был привлечен судом первой инстанции к участию в деле в порядке ч. 3 ст. 45 ГПК РФ.

Возвращаясь к указанному постановлению со ссылкой на имеющиеся у прокурора полномочия по обращению с заявлением в суд в соответствии с положениями ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, отметим, что в нем даны разъяснения полномочий прокурора на принесение апелляционного представления в интересах лиц, не привлеченных к участию в деле, если судебными постановлениями разрешен вопрос об их правах или обязанностях. Данная правовая позиция ВС РФ относительно защиты прокурором прав лиц, не привлеченных к участию в деле, если судом был разрешен вопрос об их правах и обязанностях, теперь закреплена в законе. Новые положения ч. 3 ст. 320 ГПК РФ усиливают позицию тех авторов, которые исходят из дуалистической природы форм участия прокурора в гражданском процессе [1, с. 30; 2, с. 46].

Порядок и срок подачи апелляционной жалобы, представления в целом не изменились. Они по-прежнему подаются через суд, принявший решение, в течение месяца со дня принятия решения в окончательной форме (ч. 1 ст. 321 ГПК РФ). В то же время законом установлены и сокращенные сроки обжалования, например: решение суда об удовлетворении заявления об усыновлении ребенка (ч. 2.1 ст. 274), решение по делу о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа (ч. 1 ст. 244.17) — в течение десяти дней со дня принятия решения суда в окончательной форме.

[1] См.: Российская газета. 2021. 2 июля.

[2] См.: Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 11 октября.

В отношении института восстановления процессуальных сроков (ст. 112 ГПК РФ) появились изменения, которые также представляют познавательный интерес.

Обращение о восстановлении пропущенного процессуального срока путем подачи жалоб, представлений по пересмотру судебных постановлений (апелляционных, кассационных, надзорных) подается непосредственно в суд проверочной инстанции (ч. 6 ст. 112 ГПК РФ). Закрепленная абз. 1 ч. 4 ст. 112 ГПК РФ (в части апелляционного обжалования — абз. 1 ч. 7 ст. 321 ГПК РФ) возможность рассмотрения обращения о восстановлении пропущенного процессуального срока не предполагает проведения судебного заседания и, соответственно, извещения в этих целях лиц, участвующих в деле. Вместе с тем ГПК РФ не исключает проведения судебного заседания. При назначении судебного заседания на суд возлагается обязанность извещения лиц, участвующих в деле (абз. 2 ч. 4 ст. 112, абз. 1 ч. 7 ст. 321 ГПК РФ).

В отличие от общего правила, когда судебное заседание назначается по инициативе суда или при удовлетворении им мотивированного письменного ходатайства участвующих в деле лиц (абз. 2 ч. 4 ст. 112 ГПК РФ), инициатива проведения судебного заседания по рассмотрению заявления о восстановлении срока на апелляционное обжалование может исходить только от судьи, если он сочтет в этом необходимость (абз. 1 ч. 7 ст. 321 ГПК РФ). Особое значение законодатель уделил рассмотрению доводов и возражений относительно восстановления пропущенного процессуального срока. Надо отметить, что в юридической литературе предложению о делегировании полномочий по восстановлению процессуального срока суду апелляционной инстанции внимание обращалось неоднократно [3, с. 55; 4, с. 46; 5, с. 36]. Полагаем, новый механизм наибольшим образом отдалил бы сферу правоприменения от субъективизма, а также способствовал бы становлению единообразия судебной практики, так как минимизировал бы возможность повлиять и получить желанный исход рассмотрения обращения о восстановлении процессуального срока, если бы данный вопрос рассматривался судом, принявшим решение. Вместе с тем в ст. 321 ГПК РФ не отражено ясного подхода, в том числе о применении или неприменении к отношениям при восстановлении срока положения пресекательного характера.

Так, согласно абз. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, разъясняющих применение процессуальных норм производства в суде кассационной инстанции»[1] заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока может быть удовлетворено, если обстоятельства, объективно исключающие возможность подачи кассационных жалобы или представления, имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу (ч. 6 ст. 112 ГПК РФ). Как видно, высший судебный орган в своих разъяснениях прямо указывает на пресекательный срок для обращения с заявлением в суд кассационной инстанции, чего не наблюдается в отношениях апелляционного производства. В связи с этим можно сделать следующий вывод: с одной стороны, без разъяснения остается квалификация отношений о пресекательном сроке в производстве суда

[1] См.: Российская газета. 2021. 2 июля.

апелляционной инстанции; с другой — отсутствует прямая воля высшего судебного органа придать однозначный правоприменительный порядок отношениям о восстановлении срока на подачу жалобы или представления в апелляционном и кассационном порядке.

Так, из ранее совершаемых судом первой инстанции процессуальных действий остается только действие по направлению в суд апелляционной инстанции дела с апелляционной жалобой, представлением и поступившими возражениями относительно их (ч. 4 ст. 321 ГПК РФ). По аналогии с кассационным обжалованием вступивших в законную силу судебных постановлений для направления дела в суд апелляционной инстанции законодатель установил трехдневный срок, исчисляемый со дня истечения срока для подачи апелляционной жалобы, представления. Соответственно, вопросы оставления апелляционной жалобы, представления без движения или их возвращения при наличии оснований, предусмотренных ст. 323, 324 ГПК РФ, разрешаются судом апелляционной инстанции. Более того, возможность самостоятельного обжалования определения об оставлении апелляционной жалобы, представления без движения законом не предусмотрена (абз. 2 ч. 3 ст. 323 ГПК РФ). Однако, принимая во внимание правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в одном из определений, данный орган вынес определение от 27 мая 2021 г. № 1043-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козелько Александра Петровича на нарушение его конституционных прав статьей 136 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»[1], из содержания которого можно сделать вывод: проверка законности и обоснованности определения об оставлении апелляционной жалобы, представления без движения может быть осуществлена путем обжалования в кассационном порядке определения о возвращении апелляционной жалобы, представления (абз. 1 ч. 3 ст. 324 ГПК РФ). Иными словами, определение об оставлении апелляционной жалобы, представления без движения может быть обжаловано опосредованно.

Подверглась корректировке ст. 325.1 ГПК РФ «Возвращение дела судом апелляционной инстанции», как в части исключения одного из оснований для возвращения по вполне понятным причинам (п. 1), так и в части изменения редакции п. 2 этой нормы. В частности, суд апелляционной инстанции возвращает дело, если суд первой инстанции не рассмотрел замечание не только на протокол судебного заседания (прежняя редакция), но и на аудиозапись судебного заседания или на отдельное процессуальное действие.

Дополнительное правовое регулирование получили сроки рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции. Срок рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции не включает в себя срок оставления апелляционной жалобы, представления без движения, если такое имело место. В то же время последний учитывается при определении разумного срока судопроизводства (ч. 4 ст. 327.2 ГПК РФ).

На срок рассмотрения дела судом апелляционной инстанции может повлиять его сложность, что является основанием его продления председателем или заместителем председателя суда апелляционной инстанции по мотивированному

[1] См.: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

заявлению судьи, рассматривающего дело. Продление допускается не более чем на месяц (ч. 5 ст. 372 ГПК РФ).

На основании изложенного в отношении сроков рассмотрения дела возникает вопрос, была ли необходимость в дополнении ст. 327.2 ГПК РФ ч. 4 и 5. Представляется, такой необходимости не было, поскольку суд апелляционной инстанции рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных гл. 39 ГПК РФ (абз. 2 ч. 1 ст. 327). И если речь идет о правилах суда первой инстанции, то это положения ч. 5 и 6 ст. 154 ГПК РФ, редакция которых не отличается от дополненных (ч. 4–5 ст. 327.2 ГПК РФ).

Законодатель придал новое регулирование порядку рассмотрения апелляционных жалобы, представления, поступивших в суд апелляционной инстанции после рассмотрения дела (ст. 330.1 ГПК РФ). Этим нововведением ясно прописаны действия, совершаемые судом апелляционной инстанции при поступлении апелляционных жалоб, представления после вынесения апелляционного определения (ч. 1). Логично и последовательно законодатель отразил положение о сведениях, не указываемых в апелляционном определении в случае отказа в удовлетворении вновь поступивших апелляционных жалоб, представлений (абз. 2 ч. 2).

Таким образом, содержание новелл Федерального закона от 1 апреля 2025 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» является источником необходимости корректировки теоретических знаний об отношениях производства в суде апелляционной инстанции, в том числе: о возможности обращения в проверочную инстанцию лиц, не привлеченных к участию в деле, если решением суда разрешен вопрос об их правах и обязанностях; о восстановлении пропущенного процессуального срока на обращение с апелляционной жалобой, представлением; об отсутствии определенности высшего судебного органа по вопросу о возможности или пресекательности действия (по сроку) о восстановлении срока на подачу жалобы или представления в апелляционном порядке по аналоги с кассационным; о новом регулировании отношений порядка рассмотрения апелляционных жалобы, представления, поступивших в суд апелляционной инстанции после рассмотрения дела. Указанные новеллы обуславливают необходимость корректировки постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Библиографический список

1. *Бобров Е.А.* О проблеме эффективности дачи заключения как формы участия прокурора в гражданском процессе // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 29–31.

2. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 700 с.

3. *Кузнецов С.А.* Некоторые вопросы, связанные с восстановлением арбитражным судом срока подачи апелляционной жалобы // Судья. 2020. № 10. С. 53–57.

4. *Терехова Л.А.* Реализация принципа доступности правосудия на различных стадиях гражданского судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 2. С. 43–47.

5. *Загайнова С.К., Скуратовский М.Л., Тимофеев Ю.А.* Пересмотр судебных актов в цивилистическом процессе: учебное пособие / под ред. Ю.А. Тимофеева. М.: Статут, 2018. 207 с.

References

1. *Bobrov E.A.* On the Problem of the Effectiveness of Giving an Opinion as a Form of the Prosecutor's Participation in the Civil Procedure // Russian Justice. 2019. No. 4. P. 29–31.

2. Civil Procedure: Textbook for Students of Higher Law Educational Institutions / D.B. Abushenko, K.L. Branovitsky, V.P. Volozhanin, et al.; ed. by V.V. Yarkov. 10th ed., revised. and add. M.: Statut, 2017. 700 p.

3. *Kuznetsov S.A.* Some Issues Related to the Arbitration Court's Restoration of the Appeal Submission Deadline // Judge. 2020. No. 10. P. 53–57.

4. *Terekhova L.A.* Implementation of the Principle of Accessibility of Justice at Various Stages of Civil Proceedings // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2024. No. 2. P. 43–47.

5. *Zagainova S.K., Skuratovskiy M.L., Timofeev Yu.A.* Review of Court Acts in the Civil Procedure: Textbook / ed. by Yu.A. Timofeev. M.: Statut, 2018. 207 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-165-171
УДК 347.12

О.К. Абросимова, Т.А. Ермолаева

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО ДРЕВНЕГО РИМА КАК ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ БРАЧНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Введение: *рассмотрены некоторые вопросы семейного права Древнего Рима и их соотношение с современными российскими нормами, регулирующими брачно-семейные отношения, поскольку в России большое внимание уделяется укреплению духовно-нравственных ценностей, в том числе семейных, и повышению эффективности государственной политики в сфере семейно-брачных отношений. Взаимосвязь норм римского права и официально действующих в нашем государстве правовых норм приобретает особое значение.* ***Цель*** *— проанализировать некоторые нормы брачно-семейного и брачно-имущественного права Древнего Рима, определить их особенности в процессе эволюции римского права, показать сходство некоторых норм римского права с современными российскими правовыми нормами, регулирующими семейные отношения, указать на повышение эффективности государственной политики в сфере укрепления духовно-нравственных ценностей.* ***Методологическая основа:*** *диалектический, исторический, сравнительно-правовой, формально-логический способы научного познания, метод системного анализа.* ***Результаты:*** *рассмотрены некоторые нормы брачно-семейного и брачно-имущественного права Древнего Рима, определены их особенности, отмечена тенденция сходства норм римского права с современными российскими правовыми нормами, регулирующими семейные отношения, вследствие принадлежности российской правовой системы к романо-германской правовой семье; сделан акцент на повышении эффективности государственной политики в сфере укрепления духовно-нравственных ценностей.* ***Выводы:*** *в современном российском семейном праве присутствуют нормы, схожие с древнеримскими. И тогда, и сейчас брак рассматривался и рассматривается как союз мужчины и женщины, а семья как единица организации общества. Следовательно, семья в указанном качестве имеет большое значение и выполняет множество функций.*

Ключевые слова: *семья, брак, виды брака, формы брака, усыновление, узаконение, духовно-нравственные ценности, традиционные ценности, патерфамилиас, помолвка, брачная церемония.*

© Абросимова Ольга Константиновна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olga.konst.L@yandex.ru
© Ермолаева Тамара Александровна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ermolaeva.tamar@yandex.ru
© Abrosimova Olga Konstantinovna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law (Saratov State Law Academy)
© Ermolaeva Tamara Aleksandrovna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law (Saratov State Law Academy)

O.K. Abrosimova, T.A. Ermolaeva

FAMILY LAW OF ANCIENT ROME AS A MODEL FOR THE INTERPRETATION OF TRADITIONAL MARITAL AND PROPERTY RELATIONS IN RUSSIA

Background: *the study examines some issues of family law of Ancient Rome and their relationship with modern Russian norms governing marital and family relations. Recently, much attention has been paid in Russia to strengthening spiritual and moral values, including family values, and improving the effectiveness of state policy in the field of family and marital relations. The relationship between the norms of Roman law and the legal norms officially in force in our state is becoming particularly important.* ***Objective*** *— to briefly analyze some of the norms of marriage-family law and marriage-property law of Ancient Rome; to determine their features in the process of evolution of Roman law; to show the similarity of some norms of Roman law with modern Russian legal norms regulating family relations; to indicate an increase in the effectiveness of state policy in the field of strengthening spiritual and moral values.* ***Methodology:*** *dialectical, historical, comparative legal, system analysis, formal logical methods.* ***Results:*** *some of the norms of marriage-family and marriage-property law of Ancient Rome are considered and analyzed; their features are determined. There is a tendency for the norms of Roman law to be similar to modern Russian legal norms governing family relations, due to the fact that the Russian legal system belongs to the Romano-German legal family; the focus of the latter is on improving the effectiveness of state policy in strengthening spiritual and moral values.* ***Conclusions:*** *in modern Russian family law, there are norms similar to those of ancient Rome. Both then and now, marriage has been regarded as a union of a man and a woman, and the family as a unit of society organization. Consequently, the family is of great importance and performs many functions.*

Keywords: *family, marriage, types of marriage, forms of marriage, adoption, legalization, spiritual and moral values, traditional values, paternalism, engagement, marriage ceremony.*

Специфика концепции семьи как социального института в государстве, ее морально-этических регуляторов, приверженность пар традиционным ценностям, нравственный уровень супругов являются одними из важнейших предпосылок и показателей высокого социально-культурного, политического и правового уровня развития граждан этого государства. От степени развития семейных отношений в значительной мере зависит состояние законности и правопорядка в стране, уровень юридической культуры, общественного сознания и, как следствие, правосознания общества.

В настоящее время Россия переживает сложный и противоречивый период: после длительного ослабления моральных норм и принципов, снижения уровня нравственности и качества семейных отношений наблюдается тенденция к укреплению духовно-нравственных ценностей, в том числе семейных, и повышению эффективности государственной политики в сфере патриотизма [1, с. 45], следовательно, и в области семейно-брачных отношений.

Огромное значение в реализации данного замысла имеет Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: «Настоящие Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяющим систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета “Защита традиционных российских

духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти" в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (ч. 1 ст. 1)[1].

Это положение подчеркивает особую важность традиционных ценностей не только для укрепления российской семьи, но и для обеспечения национальной безопасности нашего государства в целом.

В контексте изложенного представляется необходимым затронуть исторический аспект развития брачно-семейных отношений и подчеркнуть роль семьи как инструмента, являющегося основой для становления зрелого, реалистично воспринимающего социальные процессы, всесторонне развитого, в том числе в нравственной сфере, человека, готового к вызовам современности. «Семья, являясь единицей, а по известному выражению — ячейкой общества, несет в себе множество функций, от политической до нравственной, созидательной. Это имеет особое значение для воспитания подрастающего поколения. Заложенные в семье правила, устои, традиционные моральные ценности имеют решающее значение для формирования современной, адекватной, полноценной личности, и, как следствие, здорового российского общества» [2, с. 52].

«Исходя из этого, целесообразно рассмотреть некоторые аспекты семейных правоотношений в Древнем Риме, окунуться в историю семейного права, ведь, как известно, без истории нет современности. Учитывая, что российская правовая система относится к романо-германской правовой семье и путем косвенной рецепции восприняла многие правовые институты древнеримского государства, проследить развитие правовых норм Древнего Рима в сфере брачно-семейных и имущественных отношений важно для интерпретации правоотношений в современной российской семье. Ведь римское право сегодня активно изучается, и цивилистические конструкции римского права являются образцом для некоторых правовых институтов в современных условиях» [2, с. 52].

В Древнем Риме, как и сегодня, браком назывался союз мужа и жены, посредством которого образуется семья. Различались два вида законного римского брака:

matrimonium iuris civilis, или *matrimonium iustum* — брак, основанный на системе ius civile, заключался только между римскими гражданами, имевшими ius conubii;

matrimonium iuris gentium — брак, основанный на системе ius gentium, заключался между лицами, не имевшими ius conubii.

Законный брак имел две формы — *cum manu mariti* и *sine manu mariti*.

Древнейшей формой римского брака был брак cum manu mariti — брак с властью мужа (manus) над женой. При вступлении в такой брак женщина попадала под власть мужа (paterfamilias), то есть становилась агнаткой его семьи. Жена не имела личных и имущественных прав, она находилась под patria potestas домовладыки наравне со своими детьми [3, с. 113].

Позже стала практиковаться форма брака sine manu mariti, то есть брак без власти мужа над женой. «Такой брак был основан на равенстве супругов. Женщина не становилась агнаткой в семье мужа, она оставалась под властью своего отца или прежнего paterfamilias. Если женщина в течение года непрерывно совместно проживала с мужем в браке sine manu, она подпадала под власть (manus) мужа.

[1] См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

Чтобы этого избежать, жена должна была проводить три ночи подряд вне дома мужа ежегодно» [4, с. 155]. Дети от этого брака следовали правовому положению отца, были его агнатами, то есть находились под patria potestas отца.

Исторически брак sine manu уже во второй половине республиканского периода стал преобладающим, а в классическую эпоху он полностью вытеснил брак cum manu.

Для вступления в римский брак было необходимо соблюдение следующих условий:

1) наличие ius conubii;

2) достижение брачного возраста (14 лет для мужчин, 12 лет для женщин);

3) согласие жениха и невесты (если они были подвластными — согласие их paterfamilias);

4) отсутствие душевной болезни;

5) отсутствие родства по прямой линии и не ближе 6 степени по боковой линии, а также свойства по прямой линии.

Запрещались браки между следующими категориями населения Рима: патрициями и плебеями; вольноотпущенными и свободнорожденными; вольноотпущенными и лицами сенаторского сословия; опекуном и подопечной; правителем провинции и жительницей этой провинции; усыновителем и усыновленным (удочеренной) и между их близкими родственниками; свободнорожденными и опороченными [3, с. 114].

Процедура заключения брака проходила в два этапа: обручение (sponsalia) и непосредственно брачная церемония.

В древнейшее время обручение подвластных проводилось их paterfamilias без участия жениха и невесты. В дальнейшем обручение совершали жених и невеста при согласии paterfamilias.

Обручение совершалось в форме стипуляций: paterfamilias невесты обязывался передать ее жениху, а жених обязывался принять невесту в качестве жены. Обручению сопутствовал обмен подарками. В случае отказа от обручения на отказавшуюся сторону налагалась infamia, а также она теряла сделанные подарки. В случае смерти жениха невеста сохраняла половину подарков. В более позднее время обручение совершалось путем простого соглашения.

Непосредственно брачная церемония, следствием которой было установление manus, проводилась тремя способами:

confarreatio — религиозный обряд «поедания лепешек». Форма брака патрициев. Жених и невеста должны были скушать особый хлеб, а его остатки принести в жертву Юпитеру. Церемония совершалась произнесением определенных слов в присутствии жрецов и десяти свидетелей. Жреческий сан мог занимать только человек, рожденный или состоящий в таком браке;

coemptio (mancipacio) — брак путем покупки невесты. Изначально считался плебейской формой и осуществлялся посредством «меди и весов». В присутствии пяти свидетелей, весовщика и paterfamilias брачующихся жених и невеста обменивались установленными вопросами и ответами. Затем жених передавал отцу невесты слиток меди, взвешенный весовщиком, в качестве символической платы за невесту;

usus — неформальный брак путем приобретательской давности. Заключался путем введения невесты в дом жениха. Женщина, вступившая в совместную

жизнь с мужчиной таким способом, без совершения обрядовых церемоний, подпадала под власть мужа, если в течение года непрерывно проживала с мужчиной. Тем самым брак из неправильного (без manus) превращался в правильный, с властью мужа над женой.

В литературе выделяются основания прекращения брака для форм cum manu и sine manu.

«Основания прекращения брака cum manu:

1) развод по инициативе мужа (в обрядовой форме — обрядами, противоположными по форме обрядам, с помощью которых был заключен брак — diffarreatio или remancipatio);

2) смерть одного из супругов;

3) capitis deminutio одного из супругов» [4, с. 156].

Основания прекращения брака sine manu:

1) развод по обоюдному согласию супругов (divortium);

2) развод в одностороннем порядке (repudium) — при Юстиниане допускался в случае неверности одного из супругов, в случае покушения на жизнь одного из супругов или в случае другого виновного действия; допускался также без вины, но по уважительной причине (например, желание поступить в монастырь).

Во второй брак можно было вступать не ранее, чем через год.

В конце периода республики, вследствие нравственного упадка римского общества были поколеблены моральные устои римской семьи. Император Август издал ряд законов, направленных на сохранение стабильности семейных отношений. Одним из таких законов был Lex Iulia de adulteriis от 18 г. до н.э. Он установил ответственность за супружескую неверность, а также задекларировал возможность сожительства вне брака, то есть официально разрешил конкубинат.

Конкубинат — это внебрачное сожительство лиц, между которыми запрещен законный брак. Он не был незаконной связью, но и не являлся браком, и рассматривался, скорее, как неполноценный брак. В нем отсутствовала patria potestas, но дети наделялись правом наследования при отсутствии законных детей.

В зависимости от формы брака различались и отношения имущественного характера. При заключении брака с властью мужа жена и ее имущество переходили под власть мужа. В браке без власти мужа применялось правило о раздельности имущества. Имущество жены и все приобретения к нему находились в собственности жены. Муж мог лишь заниматься управлением ее имуществом, а также имел право распоряжаться доходами с этого имущества. Однако он не мог отчуждать основное имущество жены без ее разрешения или разрешения ее paterfamilias. Супруги могли вступать в имущественные сделки между собой, кроме дарения.

В браке sine manu было принято правило, по которому жена давала мужу приданое. Приданое (dos) — это так называемое дотальное имущество, которое жена приносила в дом мужа. Оно было направлено на облегчение расходов мужа по содержанию жены и становилось его собственностью. Dos устанавливалось женой, если она была sui iuris, или ее paterfamilias. В целях предупреждения злоупотреблений и мошенничества со стороны мужа в отношении dos, жена или ее paterfamilias могли потребовать от мужа обещание возвратить dos жене при разводе. «В целях сохранения dos Lex Iulia de adulteriis от 18 г. до н.э. запретил мужу отчуждение дотальных недвижимостей без согласия жены, а при Юстиниане отчуждение dos не допускалось и при согласии жены» [5, с. 66].

Существовало также особое имущество, называвшееся *donatio ante nuptias* — предбрачный дар со стороны жениха. Он дарился невесте до брака, однако во время правления императора Юстиниана такой дар мог преподноситься и в течение брака и получил название *donatio propter nuptias*.

В римском праве для установления patria potestas над детьми применялись следующие процедуры: усыновление и узаконение.

Узаконение legitimatio — это признание законными своих, кровных детей, возможно рожденных вне брака. «Легитимация возникла в период империи и допускалась в отношении детей, рожденных от конкубината. Со временем сложились три способа узаконения:

1) *legitimatio per oblationem curiae* — путем зачисления внебрачного сына в члены местных курий и выдачи замуж дочери за члена курии;

2) *legitimatio per subsequens matrimonium* — путем последующего брака родителей;

3) путем издания специального императорского рескрипта» [5, с. 67].

Усыновление — это установление отцовской власти над некровными детьми и чужими людьми, ведь, как известно, в Древнем Риме допускалось усыновлять даже взрослых лиц.

«Существовали два вида усыновления:

1) arrogatio — при усыновлении persona sui iuris;

2) adoptio — при усыновлении persona alieni iuris.

Усыновитель должен быть старше усыновляемого не менее, чем на 18 лет.

Первоначально arrogatio осуществлялась в куриатных комициях в присутствии усыновителя и усыновляемого в форме закона, поэтому оба они должны были обладать правом участия в народных собраниях. В связи с этим усыновлять и быть усыновляемыми не могли женщины и несовершеннолетние. С умалением роли народных собраний усыновление происходило в частном порядке путем публичного оформления соглашения усыновителя и усыновляемого. В дальнейшем arrogatio производилось путем рескрипта императора, тогда же стало возможным усыновление женщин и несовершеннолетних» [5, с. 67].

Adoptio происходила путем мнимой троекратной продажи подвластного. После третьей продажи сына доверенному лицу он освобождался от власти отца. Для завершения процедуры усыновитель применял виндикационный иск, по которому истребовал усыновляемого в собственность, подобно вещи. Усыновление лица женского пола осуществлялось с помощью однократной продажи и последующего виндикационного иска. При Юстиниане процедура adoptio была значительно упрощена, и для усыновления требовалось всего лишь сделать заявление перед судом.

Таким образом, в римском семейном праве явно присутствуют схожие с современными семейными отношениями черты: браку предшествует помолвка; применяется обычай давать приданое, обмениваться предбрачными подарками; производится регистрация брака; допускается внебрачное сожительство; с позиции духовно-нравственных ценностей порицается развод; разрешается усыновление; запрещаются браки между родственниками; а обряд «поедания лепешек», вероятно, был воспринят нашей культурой из римского права и применяется сегодня как обычай встречать молодоженов хлебом и солью. «Римская семья, начиная свою трансформацию от патриархального уклада, оформляется впослед-

ствии в более привычную для современного понимания модель, построенную на принципах кровного родства» [1, с. 55]. И тогда, и сейчас брак рассматривается как союз исключительно мужчины и женщины, а семья как ячейка общества. Поэтому институт семьи и сегодня, и в Древнем Риме имеет огромное значение.

Библиографический список

1. *Абросимова О.К.* Значение нравственного и правового воспитания личности для формирования единой государственной политики в сфере патриотизма в современной России // Человек и право — XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. Вып. 2. С. 45–48.

2. *Лещенко О.К.* Эволюция семейных отношений в Древнем Риме // Научные разработки: евразийский регион: матер. междунар. науч. конф. теорет. и приклад. разработок (г. Москва, 20 мая 2019 г.). / отв. ред. Д.Р. Хисматуллин. М.: Инфинити, 2019. С. 52–55.

3. *Абросимова О.К., Ермолаева Т.А.* Некоторые вопросы института брака в международном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4(98). С. 112–119.

4. *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права (воспроизводится по пятому изданию С.-Петербург, 1916 г.). М.: Зерцало, 2003. 495с.

5. *Хутыз М.Х*. Римское частное право: курс лекций. М.: Былина, 1994. 170 с.

References

1. *Abrosimova O.K.* The Importance of Moral and Legal Education of the Individual for the Formation of a Unified State Policy on Patriotism in Modern Russia // Man and Law — 21st Century. Almanac of the Institute of the Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy. Saratov: Publishing House of the Saratov State Legal Academy, 2023. Issue 2. P. 45–48.

2. *Leshchenko O.K.* The Evolution of Family Relations in Ancient Rome // Scientific Research: Eurasian Region: Proc. of the International Scientific Conf. on Theoretical and Applied Research (Moscow, May 20, 2019). Ed. D.R. Khismatullin. M.: Infinity, 2019. P. 52–55.

3. *Abrosimova O.K., Ermolaeva T.A.* Some Issues of the Institution of Marriage in International Law // Legal Policy and Legal Life. 2024. No. 4(98). P. 112–119.

4. *Grimm D.D.* Lectures on the Dogma of Roman law (reproduced from the fifth edition, St. Petersburg, 1916). M.: Zertsalo, 2003. 495 p.

5. *Khutyz M.Kh.* Roman Private Law: Lecture Course. M.: Bylina, 1994. 170 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-172-179
УДК 347.91

О.А. Бахарева, Г.И. Вершинина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ В ДОСУДЕБНОМ И СУДЕБНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Введение: *рассмотрены вопросы правового регулирования переговоров по гражданским делам, выявлены недостатки и предложены пути их разрешения.* ***Цель*** *— проанализировать отдельные вопросы, возникающие в ходе применения процедуры переговоров.* ***Методологическая основа:*** *методы научного познания общего характера (логический и системный анализ, синтез), частноправовые методы познания (юридико-технический, сравнительное правоведение).* ***Результаты:*** *выявлены проблемы правового регулирования переговоров. Для их разрешения предложено внести некоторые дополнения в действующее законодательство, регулирующее процедуру переговоров.* ***Выводы:*** *исследование вопросов и проблем, возникающих в рамках использования переговоров, повлекло за собой необходимость внесения некоторых дополнений в действующее законодательство.*

Ключевые слова: *досудебный порядок, переговоры, посредник, стороны, примирительные процедуры.*

O.A. Bakhareva, G.I. Vershinina

THE USE OF NEGOTIATIONS IN PRE-TRIAL SETTLEMENT OF DISPUTES AND LITIGATION IN CIVIL CASES

Background: *the issues of legal regulation of negotiations in civil cases are considered, shortcomings are identified and ways of their resolution are proposed.* ***Objective*** *— to analyze particular issues that arise during the negotiation procedure.* ***Methodology:*** *methods of scientific cognition of a general nature (logical and systematic analysis, synthesis), special legal methods of cognition (legal and technical, comparative jurisprudence).* ***Results:*** *problems of legal regulation of negotiations are revealed. It is proposed to introduce certain amendments to the current legislation regulating the procedure of negotiations.* ***Conclusions:*** *the study of issues and problems arising from the use of negotiation has necessitated some additions to existing legislation.*

Keywords: *pre-trial procedure, negotiations, mediator, parties, conciliation procedures.*

© Бахарева Ольга Александровна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_gp@ssla.ru
© Вершинина Галина Ильинична, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_gp@ssla.ru
© Bakhareva Olga Aleksandrovna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)
© Vershinina Galina Ilyinichna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ[1] судья возвращает исковое заявление, если истцом не соблюден досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком или не приложены документы, подтверждающие его соблюдение, в случае установления законом такого порядка для данной категории дел. Если его несоблюдение будет выявлено после принятия заявления, то суд оставляет заявление без рассмотрения (абз. 2 ст. 222 ГПК РФ). Аналогичные последствия предусмотрены и для обращения в арбитражный суд (п. 5 ч. 1 ст. 129, п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ[2]).

Несомненно, что на количество совершаемых сделок повлияло развитие рыночных отношений, достаточно широкая свобода предпринимательской деятельности, включение в гражданский оборот новых объектов собственности [1, с. 3] и пр. Предполагается, что стороны гражданско-правовых сделок должны действовать добросовестно, открыто, ответственно. К сожалению, такое происходит не всегда, в связи с чем требуется восстановление нарушенного или оспоренного права.

Конституция РФ гарантирует право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45), включая судебный (ст. 46)[3].

Подавляющее большинство субъектов гражданского оборота классически предпочитают в качестве защиты права судебный порядок. Между тем государство пытается предусмотреть эффективные способы, альтернативные судебному, защиты прав граждан и организаций, включая индивидуальных предпринимателей, которые помогут минимизировать экономические, физические, эмоциональные затраты заинтересованных лиц в случае возникновения правовых споров (конфликтов), а также будут способствовать разгрузке судебной системы.

Следует согласиться с Е.И. Носыревой, что интерес к способам урегулирования разногласий вне рамок суда или в суде, но до начала судебного разбирательства, значительно возрос [2, с. 39].

Целесообразно урегулировать спор в досудебном порядке. В процессуальных кодексах законодательно зафиксировано, что стороны вправе использовать примирительные процедуры даже после того, как обратились в суд (ч. 3 ст. 3 ГПК РФ, ч. 8 ст. 4 АПК РФ). Признавая важность примирительных процедур, в соответствующих кодексах закрепляются их виды: переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение, или иные примирительные процедуры, если это не противоречит федеральному закону (ст. 153.3 ГПК РФ, ст. 138.2 АПК РФ). Однако в действующем законодательстве отсутствует дефинитивное понятие «переговоры», а только указывается на правомочие сторон урегулировать имеющийся между ними конфликт при помощи переговоров. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ[4] лишь упоминаются переговоры в качестве досудебного порядка урегулирования спора, но не дается их определение.

[1] См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2025. № 31, ст. 4698.

[2] См.: Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2025 г.) // Там же. № 30, ст. 3012; 2025. № 14, ст. 1587.

[3] См.: Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с учетом поправок от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2022. 6 октября.

[4] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Там же. 2021. 2 июля.

Многочисленные словари либо дают упрощенное понятие, например «обмен мнениями с деловой целью» [3, с. 502], либо отсылают к понятию международных переговоров [4, с. 481]. Так, по мнению Н.Н. Лепехина, «переговоры — это деятельность сторон, направленная на анализ и совместное обсуждение условий переговорной ситуации с целью заключения соглашения по достижению взаимных интересов, которое будет регулировать их дальнейшие действия» [5, с. 18].

А.Н. Чумиков под переговорами понимает «поведение социальных субъектов или их представителей в форме прямого или опосредованного диалога, предполагающего согласование интересов и (или) направленного на нейтрализацию потенциального или регулирование (разрешение) реального конфликта» [6, с. 12].

С учетом предложенных понятий переговоры можно определить как деятельность сторон правоотношения, направленную на выработку согласованных действий с целью урегулирования правового спора (конфликта).

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что переговоры заинтересованными сторонами ведутся в основном в двух случаях: последующее заключение договора либо урегулирование разногласий по поводу исполнения уже заключенного договора или в случае рассмотрения спора судом.

Заключение договора — важный шаг в создании партнерских отношений между сторонами, именно поэтому важно, чтобы обе стороны понимали, с какой целью и на каких условиях заключается договор и возможные риски его исполнения. Для минимизации рисков возникновения последующих конфликтов, включая расторжение, изменение условий договора, признания его недействительным, законодатель ввел в Гражданский кодекс РФ ст. 434.1 «Переговоры о заключении договора»[1].

Из содержания данной нормы следует, что целью переговоров является намерение достичь соглашения о заключении договора, именно поэтому в законе закрепляется, что стороны обязаны действовать добросовестно, в частности не допускать вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной.

Порядок ведения переговоров законодательно не установлен, закон позволяет сторонам самостоятельно заключить соглашение о порядке ведения переговоров, в котором могут конкретизироваться требования к добросовестному ведению переговоров, устанавливаться порядок распределения расходов на ведение переговоров и иные подобные права и обязанности. Кроме того, может предусматриваться неустойка за нарушение предусмотренных в соглашении положений. В соглашении не могут устанавливаться условия, которые ограничивают ответственность за недобросовестные действия сторон соглашения, поскольку являются ничтожными.

Регламент проведения переговоров не установлен, но в законе закрепляются основные принципы их ведения: свободный выбор (волеизъявление) на ведение переговоров и добросовестность, под которыми следует понимать наличие намерения достижения соглашения заключить договор (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ[2]).

[1] См.: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1412.

[2] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3361; 2025. № 31, ст. 4698.

В связи с этим перечислен ряд действий, которые с позиции законодателя являются недобросовестными:

1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

Следует заметить, что добросовестность в качестве основополагающего принципа гражданского права наряду с принципом разумности закреплена в п. 3 ст. 1 и п. 5 ст. 10 ГК РФ. Добросовестность предполагает действовать с соблюдением прав и законных интересов друг друга, взаимно оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства (переговоров), предоставлять друг другу необходимую информацию (п. 3 ст. 307 ГК РФ).

С учетом этого можно предположить, что к условиям добросовестности при ведении переговоров следует относить:

намерение заключить договор (стороны должны содействовать друг другу в переговорах о заключении договора, независимо от того будет он заключен или нет);

обоюдный обмен полной и достоверной информацией гарантирует заключение договора, его стабильность и исполнимость в случае заключения. Независимо от исхода переговоров сторона, которой другая сторона сообщила конфиденциальную информацию, обязана не раскрывать эту информацию и не использовать ее ненадлежащим образом для своих целей;

разумность предполагает адекватные условия договора, его сроки исполнения, ответственность в случае неисполнения и пр.;

прекращение переговоров возможно по обстоятельствам оправданным, о которых вторая сторона переговоров должна быть проинформирована.

Поскольку предварительные переговоры до заключения договора являются добровольными, если иное не установлено законом или договором, то стороны самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто.

Когда сторонам достигнуть соглашение не удалось, то последующее заключение договора необязательно. Тем не менее законом гарантируется защита интересов добросовестной стороны переговоров в случае нарушения другой стороной условий их ведения. Так, согласно п. 3 ст. 434.1 ГК РФ сторона, которая недобросовестно ведет или прерывает переговоры о заключении договора, должна возместить другой стороне причиненные ей убытки. Верховный Суд РФ разъясняет, что помимо «убытков добросовестная сторона переговоров вправе требовать возмещение вреда, причиненного недобросовестным поведением при проведении переговоров»[1].

Верховный Суд РФ обращает внимание судей на то, что каждая из сторон переговоров обязуется действовать добросовестно и само по себе прекращение пере-

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (в ред. от 22 июня 2021 г.) // Российская газета. 2016. 4 апреля; 2021. 2 июля.

говоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны. Обращаясь в суд путем подачи искового заявления о возмещении вреда, именно истец несет бремя доказывания того, что, вступая в переговоры, ответчик действовал недобросовестно с целью причинения вреда истцу, например пытался получить коммерческую информацию у истца либо воспрепятствовать заключению договора между истцом и третьим лицом (п. 5 ст. 10, п. 1 ст. 421 и п. 1 ст. 434.1 ГК РФ). В данном случае нельзя применить общие основания ответственности за причинение вреда, установленные п. 2 ст. 1064 ГК РФ[1].

Как отмечалось ранее, переговоры возможны и в том случае, если стороны заключили договор, но возникли разногласия в связи с его реализацией. В этом случае переговоры уже рассматриваются в качестве досудебного порядка урегулирования спора.

При рассмотрении дела в суде досудебный порядок урегулирования спора в виде переговоров считается соблюденным в случае представления истцом документов, подтверждающих использование соответствующей процедуры спорящими сторонами. Таким документом может выступать протокол разногласий.

Если одна из сторон спора направила в письменной форме предложение об использовании примирительной процедуры, которая является обязательной в силу закона или договора (например, предложение о проведении переговоров), и в течение тридцати календарных дней со дня его направления или в течение иного указанного в предложении разумного срока не получила согласие другой стороны на использование данной процедуры, то такое предложение считается отклоненным, а досудебный порядок соблюденным при условии приложения к обращению в суд документов, подтверждающих направление такого предложения (ч. 4 ст. 3, п.п. 3, 7 ст. 132 ГПК РФ, ч. 5 ст. 4, п.п. 7, 7.1 ч. 1 ст. 126 АПК РФ).

Переговоры могут выступать в качестве альтернативы претензионному порядку при наличии согласия спорящих сторон, если федеральный закон, в котором установлена обязанность досудебного урегулирования спора, позволяет изменить порядок такого урегулирования договором даже при условии, что стороны не согласовали соответствующий порядок досудебного урегулирования спора до его возникновения (абз. 1 ч. 5 ст. 4 АПК РФ)[2]. В целом порядок проведения переговоров соответствует порядку ведения переговоров о заключении договора, различна цель таких переговоров. Если в первом случае это создание условий для возможного заключения договора, то во втором случае — это попытка уладить разногласия без обращения в судебные инстанции.

Все переговоры предназначены для поиска оптимальных, взаимоприемлемых соглашений и для усовершенствования отношений между людьми [7]. Переговоры как вид досудебного урегулирования споров необходимы именно для того, чтобы выработать стратегию дальнейших действий сторон. От их результата будет зависеть урегулирование спора на этапе переговоров либо дальнейшее его затягивание, включая обращение в судебные инстанции.

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410; 2025. № 26, ч. 1, ст. 3508.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. 2021. 2 июля.

Как уже отмечалось, порядок и форма ведения переговоров законом не устанавливается. Слово «переговоры» производно от слова «говорить», следовательно, переговоры предполагают устный диалог при личной встрече. Однако, учитывая развитие науки и техники, по обоюдному желанию стороны переговоров могут их провести дистанционно с применением различных технических средств, позволяющих визуализировать собеседников.

В теории нет единого мнения относительно формы ведения переговоров. Так, Л.И. Зайцева считает, что «переговоры представляют собой обсуждение, осуществляемое напрямую», то есть без участия третьего лица, посредника или медиатора [8, с. 15].

Аналогичного мнения придерживается Е.В. Ерохина, полагающая, что «переговоры представляют собой обсуждение (в основном устное), осуществляемое без участия третьего лица» [9, с. 168].

А.Н. Чумиков не исключает ведение переговоров «лично или через представителей в форме прямого или опосредованного диалога» [6, с. 12].

Ведение переговоров с участием представителя стороны или его участие без присутствия стороны предусмотрены ст. 48 Конституции РФ и ст. 182 ГК РФ.

Проводить переговоры при помощи посредников закон не запрещает, более того, положения ст. 153.6 ГПК РФ, ст. 138.5 АПК РФ, закрепляющие право сторон урегулировать спор путем использования примирительной процедуры с участием судебного примирителя (судебное примирение), позволяют сделать вывод, что стороны ведут переговоры (диалог) с участием третьего лица (посредника).

Наиболее полное определение переговоров из имеющихся в науке предлагает Д.С. Илюшников: «Переговоры как досудебный порядок урегулирования споров — это инициируемый и согласованный двумя или более взаимозависимыми субъектами гражданских правоотношений процесс, направленный на урегулирование спора, при котором происходит обмен информацией через обсуждение всех аспектов по согласованию интересов и устранению разногласий до обращения в суд при равных возможностях контроля этого процесса всеми его участниками и принятие ими консенсуального соглашения с последующей реализацией достигнутых договоренностей по урегулированию спора» [10, с. 138–139].

Переговоры в досудебном порядке проводятся в соответствии с теми же принципами, что и переговоры о заключении договора: принципами добросовестности, добровольности, открытости и разумности.

Следует согласиться с Р.Ю. Банниковым, который в качестве признаков переговоров выделяет экономичность, малую формальность [11, с. 4]. Действительно, урегулирование разногласий даже путем взаимных уступок экономит сторонам договора денежные средства, время, физические и эмоциональные затраты по сравнению с затратами, которые они могли бы понести, обратившись в судебные инстанции.

Мнение данного автора об обязательности переговоров, свойственной досудебным процедурам, с помощью которой «они стремятся установить ответственность за необоснованный отказ от участия в переговорах и в результате повысить их эффективность», представляется спорным [11, с. 4]. Следует заметить, что переговоры обязательны только в случаях, предусмотренных в законе, в остальных случаях вступление в переговоры предполагается по взаимному согласию на добровольной основе.

В переговорном процессе непосредственно принимают участие стороны договора, возможно с участием представителей или через них, а также с привлечением посредника. Во время переговоров стороны аргументируют свои позиции, обмениваются мнениями, проясняют проблему выбора того или иного способа урегулирования спора и его дальнейшею реализацию [12, с. 178], при выражении своих позиций стороны должны учитывать интересы друг друга.

По итогам переговоров могут оформляться соглашения, протоколы, акты сверки взаиморасчетов, другие документы[1]. Это может свидетельствовать о проведении досудебного урегулирования спора в случае возникновения спора в суде. В соглашении важно зафиксировать принципиальные положения, к которым пришли стороны, действия, которые должны совершить, сроки их совершения.

Переговоры возможны также и в случае рассмотрения спора в суде. При таких обстоятельствах они рассматриваются как один из видов примирительных процедур (ст. 138.2–138.3 АПК РФ, ст. 153.3–153.4 ГПК РФ). Результатом проведения переговоров может быть: заключение мирового соглашения, полный или частичный отказ от иска, полное или частичное признание иска, признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения (ст. 153.7 ГПК РФ), а в арбитражном суде помимо указанных в гражданском процессуальном законодательстве результатов — еще и соглашение по обстоятельствам дела; подписание письма-согласия на государственную регистрацию товарного знака (ст. 138.6 АПК РФ).

В заключение можно отметить, что переговоры в процессуальном законодательстве закрепляются как досудебный порядок урегулирования спора и как вид примирительной процедуры в суде. Между тем следует отметить пробел в правовом регулировании переговоров, вследствие чего необходимо его устранить. Полагаем целесообразным в ГПК РФ и АПК РФ закрепить дефиницию «переговоры», а также определить регламент проведения переговоров.

Библиографический список

1. *Зайцев А.И., Кузнецов Н.В., Савельева Т.А.* Негосударственные процедуры урегулирования правовых споров: учеб. пособие. Саратов: СГАП, 2000. 130 с.

2. Развитие альтернативных форм разрешения правовых конфликтов: сб. науч. ст. Часть 2 / под ред. М.В. Немытиной. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2000. 192 с.

3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2007. 944 с.

4. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1999. 790 с.

5. *Лепехин Н.Н.* Переговорная деятельность: менеджмент, аналитика, коммуникация. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2014. 272 с.

6. *Чумиков А.Н.* Переговоры — фасилитация — медиация: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2014. 160 с.

7. *Недашковская В.А.* Переговорный процесс: понятие и виды // Актуальные исследования. 2021. № 31(58). С. 70–72.

[1] См.: *Поляк М.* Досудебное урегулирование споров: обязательный и добровольный порядок, что указать в претензии. URL: https://fcbg.ru/dosudebnoe-uregulirovanie-sporov (дата обращения: 26.08.2025).

8. *Зайцева Л.И.* Переговоры как альтернативный способ разрешения конфликтов в международном публичном праве // Международное публичное и частное право. 2012. № 3. С. 15–19.

9. *Ерохина Е.В.* Переговоры как один из способов альтернативного разрешения гражданско-правовых споров // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 4(25). С. 165–169.

10. *Илюшников Д.С.* Досудебное урегулирование как условие реализации права на обращение в суд по отдельным категориям гражданских дел: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 276 с.

11. *Банников Р.Ю.* Переговоры как досудебный порядок урегулирования споров, предусмотренный договором // Третейский суд. 2020. № 1/2(121/122). С. 418–430.

12. *Нешатаева Т.Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М.: Дело, 1998. 272 с.

References

1. *Zaitsev A.I., Kuznetsov N.V., Savelyeva T.A.* Non-governmental Procedures for the Settlement of Legal Disputes: Textbook. Saratov: SGAP, 2000. 130 p.

2. Development of Alternative Dispute Resolution forms: collection of scientific articles. Part 2 / ed. by M.V. Nemytina. Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2000. 192 p.

3. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory Dictionary of the Russian Language. 4th ed., expanded. M.: ITI Technologies LLC, 2007. 944 p.

4. Big Legal Dictionary / ed. by A.Ya. Sukharev, V.D. Zorkin, V.E. Krutskikh. M.: INFRA-M, 1999. 790 p.

5. *Lepekhin N.N.* Negotiation: Management, Analytics, Communication. M.: Moscow Financial and Industrial University "Synergy", 2014. 272 p.

6. *Chumikov A.N.* Negotiations — Facilitation — Mediation: Textbook for University Students. M.: Aspect Press Publishing House, 2014. 160 p.

7. *Nedashkovskaya V.A.* Negotiation Process: Concept and Types // Instrumental Research. 2021. No. 31(58). P. 70–72.

8. *Zaitseva L.I.* Negotiations as an Alternative Way of Resolving Conflicts in International Public Law // International Public and Private Law. 2012. No. 3. P. 15–19.

9. *Erokhina E.V.* Negotiations as One of the Ways of Alternative Civil Law Disputes Resolution // Bulletin of the Volgograd State University. 2014. No. 4(25). P. 165–169.

10. *Ilyushnikov D.S.* Pre-trial Settlement as a Condition for the Realization of the Right to Appeal to the Court in Certain Categories of Civil Cases: Dis. ... Cand. Jurid. Sciences. Saratov, 2023. 276 p.

11. *Bannikov R.Yu.* Negotiations as a Pre-trial Dispute Resolution Procedure Stipulated by the Contract // Arbitration Court. 2020. No. 1/2(121/122). P. 418–430.

12. *Neshataeva T.N.* International Organizations and Law. New Trends in International Legal Regulation. M.: Delo, 1998. 272 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-180-189
УДК 347.7

Г.В. Колодуб

ИНФРАСТРУКТУРА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНЫХ ГРАНИЦАХ

Введение: *категория «инфраструктура железнодорожных перевозок» употребляется неоднозначно и часто смешивается с терминами «транспортная инфраструктура», «транспортная система», «объекты транспорта», «перевозочный процесс», «инфраструктурная услуга». Терминологическая размытость препятствует формированию стройного понятийного аппарата транспортного права. Предпринята попытка уточнить правовую природу и понятийные границы инфраструктуры железнодорожных перевозок.* ***Цель*** *— определить правовую природу инфраструктуры железнодорожных перевозок через выявление ее понятийных границ в соотношении с категорией «транспортная инфраструктура».* ***Методологическая основа:*** *системный и функциональный подходы, сравнительно-правовой анализ, а также положения теории организационных гражданско-правовых отношений, разработанной в современной цивилистике.* ***Результаты:*** *в ходе исследования раскрыта правовая природа инфраструктуры железнодорожных перевозок как разновидности категории «транспортная инфраструктура»; уточнены ее понятийные границы и функциональные признаки, отличающие ее от таких смежных категорий, как «транспортная система», «объекты транспорта», «перевозочный процесс», «инфраструктурная услуга»; обосновано, что инфраструктура выполняет организационную функцию, обеспечивающую согласование интересов участников перевозочного процесса и устойчивость договорных связей.* ***Выводы:*** *инфраструктура железнодорожных перевозок не образует самостоятельной правовой категории, а представляет собой видовую форму транспортной инфраструктуры, проявляющуюся в ее организационно-правовой функции. Инфраструктура выполняет роль связующего звена между имущественными и организационными отношениями, а ее правовой режим определяется сочетанием императивных и договорных начал, направленных на обеспечение непрерывности и безопасности перевозок.*

Ключевые слова: *железнодорожная инфраструктура, организационные договоры, транспортное право, организационные гражданско-правовые отношения, судебная практика.*

G.V. Kolodub

RAILWAY TRANSPORT INFRASTRUCTURE AS A LEGAL CATEGORY: ON THE QUESTION OF CONCEPTUAL BOUNDARIES

Background: *the category "railway transport infrastructure" is used ambiguously and is often conflated with such terms as "transport infrastructure", "transport system", "transport facilities", "transportation process", and "infrastructural service". This terminological uncertainty hinders the development of a coherent conceptual framework in transport law. An attempt has been made to clarify the legal nature and conceptual boundaries of railway transport infrastructure.* ***Objec-***

© Колодуб Григорий Вячеславович, 2025
Кандидат юридических наук, доцент, директор Института правотворчества и правового прогнозирования (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kolodub-ssla@yandex.ru
© Kolodub Grigory Vyacheslavovich, 2025
Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Law Creativity and Legal Forecasting (Saratov State Law Academy)

tive *— to determin the legal nature of railway transport infrastructure by identifying its conceptual boundaries in correlation with the category of "transport infrastructure".* ***Methodology:*** *the study employs systemic and functional approaches, comparative legal analysis, as well as the methodological framework of the theory of organizational civil-law relations developed in contemporary civil law scholarship.* ***Results:*** *the study reveals the legal nature of railway transport infrastructure as a specific type within the broader category of "transport infrastructure". Its conceptual boundaries and functional features distinguishing it from related categories — "transport system", "transport facilities", "transportation process", and "infrastructural service" — have been clarified. It is substantiated that infrastructure performs an organizational function that ensures the coordination of interests among participants in the transportation process and the stability of contractual relations.* ***Conclusions:*** *the infrastructure of railway transportation does not form an independent legal category, but rather represents a specific form of transport infrastructure that manifests itself in its organizational and legal function. The infrastructure serves as a link between property and organizational relations, and its legal regime is determined by a combination of mandatory and contractual principles aimed at ensuring the continuity and safety of transportation.*

Keywords: *railway infrastructure, organizational contracts, transport law, organizational civil-law relations, judicial practice.*

Транспортная инфраструктура в категориальном ряду организационных отношений рассматривается как правовой концепт, который выходит за рамки чисто объектного понимания и предстает в качестве особой формы координации участников перевозочного процесса. Его сущность проявляется не только в материальной оболочке — путях сообщения, терминалах, технических сооружениях, — но прежде всего в функциях, обеспечивающих согласованность действий различных субъектов.

В логике теории С. Ю. Морозова, именно организационные отношения образуют ту «ткань», которая соединяет имущественные и обязательственные связи, задавая им порядок, устойчивость и предсказуемость [1, с. 27; 2, с. 54–64]. В таком ключе транспортная инфраструктура представляется как часть этой ткани, как институциональная среда, в которой организационные договоры обретают реальное содержание.

Именно принятие вывода о сближении категорий «инфраструктура» и «организационные отношения» позволяет показать, что первый концепт является не только технической базой, но и юридическим механизмом координации. В этой плоскости инфраструктура предстает как элемент гражданско-правового регулирования, обеспечивающий согласование частных интересов перевозчиков, операторов, грузоотправителей и публичных интересов государства в сфере безопасности и устойчивости перевозок. В итоге удается нивелировать методологическую размытость, когда инфраструктура сводилась к списку объектов, и позволяет рассматривать ее как «обеспечивающий контур» всей системы транспортных обязательств. Ограничение лишь функциями или объектами не объясняет институциональной природы инфраструктуры. В категориальном ряду организационных отношений инфраструктура занимает особое место: являясь обеспечивающим основанием перевозочного процесса, она образует самостоятельный уровень правового регулирования.

Категория «железнодорожная инфраструктура» в современном правовом дискурсе используется неоднозначно и часто подменяется смежными терминами —

«транспортная инфраструктура», «транспортная железнодорожная инфраструктура», «транспортная система», «объекты транспорта», «перевозочный процесс», «инфраструктурная услуга». Это связано, во-первых, с тем, что базовая дефиниция в отраслевом законе включает инфраструктуры как элемент производственно-технологического комплекса железнодорожного транспорта (что провоцирует отождествление инфраструктуры с «железнодорожным транспортом» в целом)[1]; во-вторых, с тем, что Устав прямо закрепляет модель услуг по использованию инфраструктуры, откуда в практике возникает сокращенное «инфраструктурная услуга»[2]; в-третьих, с тем, что управление перевозочным процессом в пределах инфраструктуры закреплено за ее владельцем, что терминологически сближает инфраструктуру и процесс управления перевозками[3]; наконец, общетранспортные определения объектов транспортной инфраструктуры подставляются вместо специального понятия инфраструктуры железнодорожного транспорта как элемента производственно-технологического комплекса железнодорожного транспорта[4], а в технико-нормативных актах закрепляется «инфраструктура железнодорожного транспорта общего пользования» преимущественно как проектно-объектная категория[5] (что подталкивает к употреблению выражения «транспортная железнодорожная инфраструктура» в широком смысле). Такое наложение приводит к терминологической размытости и затрудняет формирование стройной системы организационных гражданско-правовых отношений в сфере железнодорожных перевозок. Необходимо провести разграничение и выявить внутренние связи этих категорий.

По нашему мнению, «транспортная инфраструктура» представляет собой родовое понятие, поскольку охватывает весь комплекс обеспечивающих элементов и режимов, без которых невозможна деятельность любого вида транспорта. «Железнодорожная инфраструктура» — видовая конкретизация этого общего понятия, демонстрирующая наиболее полную юридическую плотность благодаря высокой степени технологической и организационной связанности ее элементов. Выражение «транспортная железнодорожная инфраструктура» с точки зрения категориального анализа является тавтологическим, но может применяться в ситуациях, когда требуется подчеркнуть ее принадлежность к ряду транспортных отраслей и провести межвидовое сопоставление (например, с инфраструктурой автомобильного или воздушного транспорта).

---

[1] См. ст. 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 169).

[2] См. ст. 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 170).

[3] См. п. 2 постановления Правительства РФ от 20 декабря 2006 г. № 764 «Об утверждении Правил оказания услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования» (СЗ РФ. 2006. № 52, ч. 2, ст. 5581).

[4] См. ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 837).

[5] См.: Свод правил СП 237.132.6000.2015 «Инфраструктура железнодорожного транспорта общего пользования. Нормы и правила проектирования»: утв. Минтрансом России 6 июля 2015 г.; введ. в действие 1 октября 2015 г. М.: Стандартинформ, 2015; Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 003/2011 «О безопасности инфраструктуры железнодорожного транспорта»: утв. решением Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 г. № 710 (в ред. от 30 марта 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Одновременно железнодорожную инфраструктуру необходимо соотнести с рядом близких ей категорий. Так, в отличие от «транспортной системы»[1] она не включает перевозчиков и подвижной состав, а ограничивается обеспечивающим контуром перевозочного процесса. В отличие от понятия «объекты транспорта»[2] она не исчерпывается перечнем материальных объектов, а включает организационно-правовые режимы их эксплуатации. В сравнении с «перевозочным процессом»[3] железнодорожная инфраструктура выступает как его предпосылка и рамка: она предшествует перевозке и задает допустимые параметры ее осуществления, но сама не является перевозкой. «Инфраструктурная услуга»[4] — это производная категория, обозначающая договорную форму использования инфраструктуры и трансляции ее возможностей в частноправовую плоскость.

Фиксация обозначенных различий необходима для того, чтобы исследование железнодорожной инфраструктуры велось на основе внутренне непротиворечивой системы понятий. Только в этом случае она может рассматриваться не как статичный перечень технических объектов, а как многоуровневая правовая реальность — имущественный комплекс, функциональная система, институциональная среда и их комплексный синтез. Именно в таком качестве железнодорожная инфраструктура может быть включена в систему организационных гражданско-правовых отношений и возможно структурировать ее договорные формы.

Рассматривая железнодорожную инфраструктуру, необходимо подчеркнуть, что она не должна рассматриваться в качестве самостоятельной категории, существующей обособленно от общей транспортной инфраструктуры. Напротив, ее содержание и правовая природа раскрываются именно в сопоставлении с общей категорией. Если транспортная инфраструктура — это интегральная система, объединяющая разные виды транспорта и создающая обеспечивающий контур перевозочного процесса в целом, то железнодорожная инфраструктура представляет собой ее разновидность, обладающую специфическими призна-

[1] См.: Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс»; Устойчивые городские транспортные системы // Официальный сайт Минтранса России. URL: https://mintrans.gov.ru/activities/214/199 (дата обращения: 27.09.2025).

[2] См. ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 837); ГОСТ 34530–2019 «Транспорт железнодорожный. Термины и определения»: введ. 2020-02-01. М.: Стандартинформ, 2020.

[3] См. ст. 18 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 169); ст. 2, 5, 9 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 170); п. 2 постановления Правительства РФ от 20 декабря 2006 г. № 764 «Об утверждении Правил оказания услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования» (СЗ РФ. 2006. № 52, ч. 2, ст. 5581).

[4] См. п. 2, 3 постановления Правительства РФ от 20 ноября 2003 г. № 703 «Об утверждении Правил оказания услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования» (СЗ РФ. 2003. № 48, ст. 4668); Решение Верховного Суда РФ от 10 марта 2022 г. № АКПИ21-1006 «Об отказе в признании недействующими абзацев первого и второго пункта 1.1 и пункта 1.7 раздела 1 части 1 Прейскуранта № 10-01 “Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами”» (Тарифное руководство № 1, части 1 и 2): утв. постановлением Федеральной энергетической комиссии РФ от 17 июня 2003 г. № 47-т/5 // СПС «КонсультантПлюс»; Приказ ФАС России от 10 декабря 2015 г. № 1226/15 (с изм., устанавлив. элементы тарифного регулирования на услуги инфраструктуры ж/д транспорта общего пользования) // Офиц. публикация (материал РЖД с подшитым текстом приказа). URL: https://company.rzd.ru/api/media/resources/2479505?action=download (дата обращения: 27.09.2025).

ками, которые выделяют ее среди других видов транспортной инфраструктуры и придают ей особое правовое значение.

Во-первых, она характеризуется высокой степенью технологической связанности. Пути сообщения, станции, тяговые подстанции, устройства сигнализации и связи не существуют обособленно, а образуют единый комплекс, функционирование которого возможно только при строгой координации всех элементов [3, с. 40–41]. Такая интеграция делает невозможным изолированное использование отдельных частей и обусловливает восприятие инфраструктуры как целостного имущественного комплекса [4, с. 19].

Во-вторых, железнодорожная инфраструктура имеет выраженный режимный характер эксплуатации. В отличие от автомобильных дорог, использование которых в значительной степени зависит от индивидуального поведения участников, железнодорожное движение целиком подчинено централизованному управлению и диспетчерским процедурам [5]. Пропускная способность линии, наличие технологических «окон» для ремонта, приоритеты движения поездов — все это трансформируется в юридически обязательные параметры доступа.

В-третьих, специфика железнодорожной инфраструктуры заключается в ее нормативной насыщенности. Законодатель прямо закрепляет состав объектов инфраструктуры, порядок допуска перевозчиков, требования к безопасности и координации движения. В рассматриваемой сфере меньше пространства для произвольного усмотрения сторон и больше императивных ограничений, что прямо отражается на структуре организационных договоров [6, с. 131].

В-четвертых, железнодорожная инфраструктура выступает точкой пересечения интересов государства, перевозчиков, операторов и потребителей транспортных услуг. Государство заинтересовано в ее стратегической целостности и безопасности; перевозчики — в недискриминационном доступе; операторы — в реализации управленческих полномочий; грузоотправители и пассажиры — в качестве и регулярности услуг[1]. Множественность этих интересов обусловливает необходимость договорных форм согласования, где инфраструктура становится правовой средой взаимодействия.

В-пятых, железнодорожная инфраструктура имеет особую функцию обеспечения непрерывности и безопасности перевозок [7, с. 80–84]. В данном случае инфраструктура не только обслуживает перевозочный процесс, но и задает его рамки: без функционирующей и юридически упорядоченной инфраструктуры сама перевозка невозможна.

Наконец, юридическая специфика железнодорожной инфраструктуры проявляется в том, что она порождает организационные отношения, а не только имущественные связи [8, с. 215–223]. Договоры о доступе, узловые соглашения, соглашения о распределении пропускной способности — все они имеют организационный характер, так как их предметом является не передача имущества или оказание услуг в традиционном смысле, а установление правил совместного использования и координации.

[1] См.: *Агафонов Д.В.* Государственное регулирование услуг железнодорожной инфраструктуры в условиях структурного преобразования отрасли (российский и мировой опыт) // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9, № 2. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/16EVN217.pdf (дата обращения: 27.09.2025).

Рассмотренные положения позволили выявить ключевые признаки железнодорожной инфраструктуры как правовой категории и определить ее место в системе организационных гражданско-правовых отношений. В связи с этим обращение к материалам тематических судебных актов представляется необходимым продолжением проведенного исследования, так как позволит соотнести категориальные выводы с правоприменительной реальностью, а также подтвердить, что железнодорожная инфраструктура действительно функционирует как особая институциональная среда, задающая рамки и пределы для заключения и исполнения организационных договоров.

Режим доступа к железнодорожной инфраструктуре

Законодательство устанавливает принцип недискриминационного доступа перевозчиков к инфраструктуре железных дорог общего пользования. Верховный Суд РФ разъяснил, что владелец инфраструктуры обязан предоставлять услуги на равных условиях и в определенной очередности, установленной Правилами недискриминационного доступа. Например, приоритет отдается перевозкам, связанным с безопасностью (аварийно-восстановительные работы, тушение пожаров), затем пассажирским перевозкам (международным, дальним, пригородным) и только потом грузовым перевозкам. Такой порядок обеспечивает равные условия доступа и не рассматривается как дискриминационный. В решении Верховного Суда РФ от 27 января 2017 г. № АКПИ16-1220 отмечено, что единые правила расчета тарифного расстояния и порядка следования поездов гарантируют всем участникам равные условия доступа и не нарушают антимонопольное законодательство[1]. Таким образом, судебная практика подтверждает общие принципы: договоры на доступ к инфраструктуре должны заключаться на равных для всех перевозчиков условиях без навязывания дополнительных обременений.

Договоры на эксплуатацию подъездных путей

Особое место в практике занимают споры по договорам эксплуатации железнодорожных путей необщего пользования. Такие договоры заключаются между перевозчиком (ОАО «РЖД») и владельцем подъездного пути и регулируют условия подачи, вывоза вагонов, эксплуатации стыковочного пути. Заключение подобного договора обязательно для обеих сторон (ст. 55 Устава железнодорожного транспорта РФ)[2] — это условие доступа частного пути к общей сети. Судебная практика квалифицирует договоры эксплуатации подъездных путей как публичные договоры (ст. 426 ГК РФ), поскольку ни перевозчик, ни владелец пути не вправе отказаться от их заключения на установленных законом условиях. Например, в обзоре судебной практики Арбитражного суда Северо-Западного округа отмечено, что договор эксплуатации пути необщего пользования носит публично-правовой характер, обязательный к заключению, и условия его определяются законодательством и соглашением сторон [9, с. 19–27].

Узловые соглашения и диспетчерская координация

[1] См.: Решение Верховного Суда РФ от 27 января 2017 г. № АКПИ16-1220 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующими пунктов 7.2, 9.2, 10.2, 17, 17.1, 17.2, 17.3, 17.4, 17.5 и 17.6 Приказа Минтранса России от 21 декабря 2009 г. № 245 “Об особенностях определения кратчайших расстояний при перевозке грузов по отдельным участкам российских железных дорог”» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 170.

Организационные договоры — это соглашения между субъектами транспортной отрасли, направленные не на непосредственное оказание услуг по перевозке, а на координацию их деятельности и обеспечение исполнения перевозочного процесса. В области железнодорожного транспорта к таким договорам можно отнести: договоры об организации перевозок (долгосрочные соглашения перевозчика с грузоотправителем об условиях регулярных отправок), договоры на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования (регулируют взаимодействие открытого акционерного общества «Российские железные дороги» (далее — ОАО «РЖД») и владельцев подъездных путей), узловые соглашения (координируют работу при стыке разных видов транспорта, например железной дороги и порта) и диспетчерские соглашения (о порядке совместного диспетчерского управления движением на стыке инфраструктур).

В практике последних лет начали появляться споры, связанные с узловыми соглашениями — долгосрочными договорами между перевозчиками разных видов транспорта. Например, в 2020 г. Арбитражный суд Дальневосточного округа рассмотрел спор между морским и железнодорожным перевозчиком, вытекающий из узлового соглашения в системе железнодорожно-морской перевозки[1]. В таких спорах суды прежде всего анализируют правовую природу узлового соглашения: как рамочного организационного договора, не создающего обязанностей по оплате, но накладывающего обязанность совместных действий. В упомянутом деле суд подтвердил, что узловое соглашение направлено на организацию стыковой работы и не охватывает вопросы тарификации, а споры сторон должны решаться в плоскости исполнения обязательств по передаче груза.

Отдельно стоит упомянуть диспетчерские соглашения [10, с. 196–202] — договоры между владельцем инфраструктуры и владельцами прилегающих путей или другими организациями, определяющие порядок совместного диспетчерского управления движением. Их назначение проявляется прежде всего в сфере обеспечения безопасности движения и распределения обязанностей при чрезвычайных ситуациях, когда от согласованных действий сторон зависит предотвращение рисков и бесперебойность перевозочного процесса. Важно отметить, что подобные договоры рассматриваются судами не как разновидность имущественных сделок, а как организационные инструменты, фиксирующие координацию обязанностей участников. Показательным является определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 декабря 2012 г. № ВАС-14222/12[2], в котором суд, анализируя договор о предоставлении вагонов и диспетчерском контроле их продвижения, указал, что расходы по такому договору не могут быть переложены на перевозчика, поскольку это самостоятельные организационные обязательства сторон. Тем самым в судебном решении был сделан акцент на организационном характере диспетчерских функций и их обособленность от имущественных обязательств перевозчика, что подтверждает понимание диспетчерских соглашений как договоров особого рода, направленных не на передачу имущества или оказание возмездных услуг, а на координацию действий для достижения общей цели перевозочного процесса.

[1] См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24 марта 2020 г. № Ф03-923/2020 по делу № А59-2359/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 декабря 2012 г. № ВАС-14222/12 по делу № А82-14552/2011 // Там же.

Недействительность и исполнение организационных договоров

Случаи признания таких договоров недействительными встречаются крайне редко. Это объясняется тем, что организационные соглашения, как правило, заключаются во исполнение прямого предписания закона (например, обязанность заключить договор эксплуатации подъездного пути) и основания для признания их недействительными отсутствуют. Гораздо чаще в практике возникает противоположная ситуация — уклонение одной из сторон от заключения обязательного организационного договора. В этом случае другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении к заключению договора либо о разрешении разногласий. В качестве примера можно привести определение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2023 г. № 308-ЭС23-16833[1], в котором рассматривался спор, вызванный уклонением компании от заключения договора при передаче подъездного пути в пользование. Суд подчеркнул, что подобное уклонение нарушает баланс интересов и подлежит устранению судебным вмешательством. Судебная практика подтверждает: речь идет не об изменении действующего договора без оснований, а именно о формировании содержания договора при уклонении стороны от его заключения. Это позволяет обеспечить исполнение императивных требований закона и гарантировать бесперебойность перевозочного процесса.

В отношении исполнения организационных договоров, судебная практика исходит из необходимости строгого соблюдения сторонами согласованных условий. Нарушение технологических сроков и норм, даже если они не детализированы в договоре, влечет применение императивных правил транспортного устава и взыскание предусмотренных санкций. Так, в постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 января 2025 г. № 17АП-11664/2024-ГК[2] суд подтвердил правомерность взыскания штрафа за сверхнормативный простой вагонов по договору-заявке, указав, что обязанность по своевременной подаче и уборке вагонов имеет организационный характер и обеспечивается мерами ответственности независимо от наличия специальных условий в договоре. Тем самым исполнение организационных договоров в сфере железнодорожного транспорта оказывается встроенным в императивную нормативную среду: при пробелах или недосказанности условий сами суды подчиняют их действию уставных правил, обеспечивая обязательность договорных связей и устойчивость перевозочного процесса.

Анализ выявленных судебных актов в сопряжении с нашими доктринальными выводами подтверждает, что железнодорожная инфраструктура и связанные с ней организационные договоры обладают особым правовым режимом. Доступ к инфраструктуре общего пользования обеспечивается через договорные конструкции, декларирующие равенство условий, а проявления монополизма (дискриминация, навязывание условий) могут быть пресечены судами[3].

[1] См.: Определение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2023 г. № 308-ЭС23-16833 по делу № А53-12048/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 января 2025 г. № 17АП-11664/2024-ГК по делу № А60-44974/2024 // Там же.

[3] См.: Арбитраж признал РЖД ограничившими конкуренцию при перевозках скоропортящихся грузов // ТАСС. 2015. 24 апреля. URL: https://tass.ru/ekonomika/1930352 (дата обращения: 27.09.2025); Федеральный арбитраж поддержал УФАС в споре с РЖД // Деловой Петербург. 2013. 2 апреля. URL: https://www.dp.ru/a/2013/04/02/Federalnij_arbitrazh_podd (дата обращения: 27.09.2025).

Характерной чертой организационных договоров в железнодорожной сфере является функция инструмента объединения инфраструктуры и перевозочного процесса посредством обеспечения баланса интересов монополиста и клиентов, а их правоприменение строится на сочетании договорной свободы с императивными запретами на дискриминацию и необоснованные условия.

Уникальность инфраструктуры компенсируется особым судебным контролем за ее использованием, который выражается в предпринимаемых попытках по поддержанию равного доступа и стабильности правил взаимодействия участников перевозочного процесса. Инфраструктура соединяет разноуровневые интересы — государства, владельца инфраструктуры, операторов, грузоотправителей и потребителей транспортных услуг. В этом смысле она должна рассматриваться как правовая категория особого рода, выполняющая системообразующую роль в организационных отношениях транспортной отрасли. Инфраструктура не сводится к объектам или услугам: она формирует обеспечивающий контур договорной системы. Именно поэтому судебная практика концентрируется не столько на недействительности таких договоров, сколько на их заключении и исполнении, гарантируя непрерывность перевозочного процесса и баланс интересов.

Библиографический список

1. *Морозов С.Ю.* Система транспортных организационных договоров: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. 51 с.

2. *Морозов С.Ю.* Транспортное право: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд. М.: Юрайт, 2019. 305 с.

3. *Гречуха В.Н.* Правовая природа договора об оказании услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта // Экономика. Право. Общество. 2016. № 1. С. 37–43.

4. *Чеговадзе Л.А., Кудин Н.О.* Автомобильные дороги общего пользования как объекты гражданских прав // Законность и правопорядок. 2021. № 1(29). С. 17–21.

5. *Давыдов Б.И.* Методы, модели и алгоритмы снижения технических и экономических рисков в процессе текущего управления движением поездов: дис. … д-ра техн. наук. Хабаровск, 2022. 258 с.

6. *Хаснутдинов А.И.* Организационные договоры в сфере транспортных отношений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2012. Т. 14, № 3. С. 131–135.

7. *Егиазаров В.А.* Транспортное право: учебник. 8-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ, 2015. 736 с.

8. *Ананьева А.А.* Договорное регулирование оказания услуг по управлению перевозками: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2020. 424 с.

9. *Нефедова О.Ю.* Рассмотрение дел по искам перевозчика к владельцам железнодорожных путей необщего пользования о внесении изменений (об обязании заключить дополнительное соглашение) в договор на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования // Арбитражные споры. 2012. № 3(59). С. 19–27.

10. *Бурдин К.К.* Договоры между владельцами транспортных инфраструктур на железнодорожном транспорте при осуществлении грузовых перевозок // Теория и практика общественного развития. 2025. № 5. С. 196–202.

References

1. *Morozov S.Yu.* System of transport organizational contracts: Abstract of the Diss. … Doc. Jurid. Sciences. M., 2011. 51 p.

2. *Morozov S.Yu.* Transport Law: Textbook for Academic Bachelor's Degree. 5th ed. M.: Yurayt, 2019. 305 p.

3. *Grechukha V.N.* Legal Nature of the Contract for the Provision of Services for the Use of Railway Transport Infrastructure // Economics. Law. Society. 2016. No. 1. P. 37–43.

4. *Chegovadze L.A., Kudin N.O.* Public Roads as Objects of Civil Rights // Legality and Law and Order. 2021. No. 1(29). P. 17–21.

5. *Davydov B.I.* Methods, Models and Algorithms for Reducing Technical and Economic Risks in the Process of Current Train Traffic Management: Dis. ... Doc. Tech. Sciences. Khabarovsk, 2022. 258 p.

6. *Khasnutdinov A.I.* Organizational Contracts in the Field of Transport Relations // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2012. Vol. 14, No. 3. P. 131–135.

7. *Egiazarov V.A.* Transport Law: Textbook. 8th ed., rev. and add. M.: Yustitsinform, 2015. 736 p.

8. *Ananyeva A.A.* Contractual Regulation of the Provision of Transport Management Services: Diss. ... Doc. Jurid. Sciences. M., 2020. 424 p.

9. *Nefedova O.Yu.* Consideration of Cases Involving Claims by Carriers against Owners of Non-public Railway Tracks for the Purpose of Amending (Obliging them to Enter into an Additional Agreement) the Contract for the Operation of a Non-public Railway // Arbitration Disputes. 2012. No. 3(59). P. 19–27.

10. *Burdin K.K.* Agreements Between Owners of Transport Infrastructure in Railway Transport for cargo Transportation // Theory and Practice of Social Development. 2025. No. 5. P. 196–202.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-190-195
УДК 340.143

С.В. Сазанов, А.Ю. Бородай

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАДАЧ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ, СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Введение: *посредством исполнительного производства достигается фактическое исполнение требований судебных актов и актов иных уполномоченных органов. При этом система принудительного исполнения юрисдикционных актов в каждом государстве характеризуется особенностями, обусловленными правовой системой, сложившейся в конкретном государстве, которые, в свою очередь, также влияют непосредственно на содержание задач исполнительного производства.* ***Цель*** *— провести сравнительно-правовой анализ задач исполнительного производства в Российской Федерации, странах Европейского союза и Соединенных Штатах Америки.* ***Методологическая основа:*** *формально-юридический метод использован для раскрытия содержания задач исполнительного производства и особенности их правового закрепления; сравнительно-правовой метод — для сопоставления задач исполнительного производства в разных правовых системах.* ***Результаты:*** *задачи исполнительного производства тесно связаны с общей правовой и институциональной моделью государства.* ***Выводы:*** *различия правовой и институциональной модели государств определяют вектор развития каждой системы и формируют различные подходы к определению задач исполнительного производства.*

Ключевые слова: *исполнительное производство, принудительное исполнение, защита прав и интересов, сравнительно-правовой анализ, системы принудительного исполнения.*

S.V. Sazanov, A.Yu. Borodai

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE TASKS OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS IN RUSSIA, THE EUROPEAN UNION, AND THE UNITED STATES OF AMERICA

Background: *enforcement proceedings ensure the factual implementation of judicial acts and acts of other competent authorities. At the same time, the system of compulsory enforcement of jurisdictional acts in each state is characterized by its own features determined by the legal system of that state, which in turn directly affect the substantive content of the tasks of enforcement proceedings.* ***Objective*** *— to conduct a comparative legal analysis of the tasks of enforcement proceedings in the Russian Federation, the member states of the European Union, and the United States of America.* ***Methodology:*** *the formal-legal method is used to reveal the content of the tasks of enforcement proceedings and the peculiarities of their legal regulation; the comparative-legal*

© Сазанов Сергей Владимирович, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин (Национальный институт бизнеса); e-mail: saz11nov@mail.ru
© Бородай Александр Юрьевич, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин (Национальный институт бизнеса); e-mail: borodai_a@mail.ru
© Sazanov Sergey Vladimirovich, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines (National Institute of Business)
© Borodai Aleksander Yurievich, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Law Disciplines (National Institute of Business)

method is applied to compare the tasks of enforcement proceedings across different legal systems. ***Results:*** *the tasks of enforcement proceedings are closely connected to the overall legal and institutional model of the state.* ***Conclusions:*** *differences in the legal and institutional models of states determine the vector of development of each enforcement system and shape different approaches to defining the tasks of enforcement proceedings.*

Keywords: *enforcement proceedings, compulsory enforcement, protection of rights and interests, comparative legal analysis, enforcement systems.*

В научной литературе высказываются различные мнения относительно того, что следует понимать под исполнительным производством [1–3]. В то же время все авторы приходят к единому мнению, что посредством исполнительного производства обеспечивается фактическое исполнение требований судебных актов и актов иных уполномоченных органов и должностных лиц.

Применительно к Российской Федерации задачи исполнительного производства закреплены в ст. 2 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[1] (далее — Закон № 229-ФЗ). К ним, в частности, относится правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также в целях обеспечения исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации.

Вместе с тем, несмотря на универсальную цель — реализацию предписаний суда, задачи, стоящие перед органами принудительного исполнения, существенно различаются в зависимости от правовой системы конкретного государства, где функционирует система принудительного исполнения.

Как можно заметить из приведенного содержания ст. 2 Закона № 229-ФЗ, для Российской Федерации предусматривается возможность принудительного исполнения не только судебных актов, но и актов других органов и должностных лиц, что не характерно для стран Европейского союза и Соединенных Штатов Америки, где к полномочиям судебных исполнителей отнесено, как правило, только принудительное исполнение судебных актов [4–6].

Поскольку в Российской Федерации принудительное исполнение судебных актов и актов иных уполномоченных органов и должностных лиц осуществляется федеральным органом исполнительной власти — ФССП России[2], российское исполнительное производство является элементом публичного порядка, поддерживающим авторитет суда и органов исполнительной власти.

Как следствие, в научной литературе высказывается мнение, что российская система принудительного исполнения имеет публично-правовой характер и принципы публичного принуждения, централизованного контроля и максимального участия государства [7].

При таком подходе центральное место в вопросе обеспечения посредством исполнительного производства исполнения требований взыскателя занимают

[1] См.: СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

[2] См.: Положение о Федеральной службе судебных приставов (ФССП России): утв. Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» // СЗ РФ. 2004. № 42, ст. 4111.

меры принуждения, предусмотренные в ст. 64 и 68 Закона № 229-ФЗ (арест имущества, ограничение выезда, принудительное взыскание)

Однако это не означает безграничность их применения. Так, нормативно закреплен принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения (ст. 4 Закона № 229-ФЗ), но на практике наблюдается усиленная направленность на эффективность взыскания, что приводит к усилению государственной роли [8].

В то же время такой подход к организации принудительного исполнения юрисдикционных актов играет и профилактическую роль, а именно: стимулирует добровольное исполнение, формирует у граждан и организаций понимание неизбежности исполнения судебного решения, снижает правовой нигилизм.

Европейская модель принудительного исполнения в отличие от российской модели, ориентированной на публично-правовой характер исполнения, имеет иные характерные черты.

Несмотря на единство территории стран Европейского союза, имея в виду свободное перемещение товаров, работ, услуг, капитала и граждан с территории одной страны Союза на территорию другого государства ЕС, в странах Европейского Союза не существует единой унифицированной системы принудительного исполнения, однако можно выделить общие тенденции, характерные для континентальной традиции.

Французская Республика, Королевство Бельгия и Королевство Нидерланды имеют частных судебных исполнителей [4; 5; 9].

В этих странах исполнители (huissiers/deurwaarders) являются независимыми профессионалами, обладающими публичными полномочиями. Задачи исполнения включают в себя оперативное и профессиональное исполнение судебных актов, соблюдение равновесия интересов сторон, минимизацию государственного вмешательства при жесткой регламентации и строгом государственном контроле деятельности исполнителей.

Германия и Австрия имеют государственных исполнителей с высокой степенью автономии [10]. В Германии судебный исполнитель (Gerichtsvollzieher) действует под контролем суда, но обладает значительной профессиональной независимостью.

Задачи немецкой и австрийской модели предполагают: достижение фактического исполнения без избыточного давления на должника, соблюдение принципа соразмерности (Verhältnismäßigkeit), уважения к социальным гарантиям должника и ограничение вмешательства в сферу его жизненного минимума [11; 12].

Таким образом, европейская модель принудительного исполнения ориентирована на профессионализацию, нейтральность и эффективность, сочетая частные и государственные элементы.

Указанные отличия системы принудительного исполнения Российской Федерации и стран Европейского союза закономерны, поскольку они формировались в разных правовых, экономических, социальных условиях. В частности, как отмечают некоторые авторы, формирование европейской модели принудительного исполнения обусловлено историческим развитием корпоративных юридических профессий и отделением судебных и исполнительных функций, что характерно для континентальной Европы [13; 14]. Появление частных судебных исполнителей во Франции, Бельгии и Нидерландах связано с необходимостью нейтрального

посредника между государством и участниками спора [15; 16] и с экономической потребностью повышения эффективности правоприменения [17].

Совсем другой подход к вопросам принудительного исполнения судебных актов, актов иных уполномоченных органов и должностных лиц можно увидеть в Соединенных Штатах Америки.

Основные функции исполнения осуществляются: шерифами, частными коллекторами, маршалами суда [18]. Исполнители действуют преимущественно на частной основе, а их деятельность регулируется правом штата. Государство обеспечивает только контроль соблюдения процессуальных гарантий.

Ключевыми задачами являются: обеспечение возможности взыскателю самостоятельно получить удовлетворение требований, строгое соблюдение процедурных гарантий (due process), минимизация государственного контроля и бюджетных затрат, обеспечивая тем самым экономическую эффективность механизмов взыскания [19].

Таким образом, в отличие от Российской Федерации и стран Европейского союза механизм принудительного исполнения юрисдикционных актов в США характеризуется отсутствием публично-правовой задачи поддержания авторитета государства: исполнение рассматривается как частно-экономическое взаимодействие сторон.

В научной литературе также высказывается мнение о том, что перечисленные отличия системы принудительного исполнения обусловлены особенностями развития США, правовыми, экономическими социальными, которые существовали в различные периоды.

Так, историческая эволюция правовой системы США предопределила формирование модели принудительного исполнения, основанной на принципах минимального государственного вмешательства, частной автономии сторон и традиции self-help [20–22]. Отсутствие сильной административной традиции, федерализм, экономическая идеология свободного рынка и раннее развитие коммерческих механизмов взыскания обусловили то, что исполнение судебных актов в США не рассматривается как публично-правовая задача поддержания авторитета государства, а понимается как частно-экономическое взаимодействие кредитора и должника [18; 23; 24].

Сравнительный анализ показывает, что задачи исполнительного производства тесно связаны с общей правовой и институциональной моделью государства. Российская модель ориентирована на публично-правовой подход и максимальное участие государства. Европейские страны стремятся к эффективности и профессиональной автономии исполнителей, сочетая публичные и частные начала. Американская система строится на частно-экономических механизмах и строгом соблюдении процессуальных гарантий. Эти различия определяют вектор развития каждой системы и формируют различные подходы к определению задач исполнительного производства.

Библиографический список

1. *Шерстюк В.М.* Правоприменительная природа исполнительного производства. М.: Городец, 2018. 398 с.

2. *Ярков В.В.* Исполнительное производство. Екатеринбург: УрГЮУ, 2017. 576 с.

3. *Гринь Е.А.* Обязательность судебных решений и правовое государство. 2020.

4. *Кисель А.В.* Сравнительно-правовая характеристика исполнительного производства во Франции, Германии и России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3.

5. *Мельников В.В.* Организация и функции судебных исполнителей в странах Европейского союза // Государство и право. 2015. № 12.

6. *Дробышева А.В.* Модели исполнительного производства в зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6.

7. *Агеев А.Ю.* Публично-правовая природа исполнительного производства в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 178 с.

8. *Галузина К.А.* Баланс интересов сторон исполнительного производства: проблемы реализации // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 120–131.

9. *Кузнецов Е.И.* Исполнительное производство Франции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 26 с.

10. *Подейко В.А.* Исполнительное производство Германии: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 28 с.

11. *Kischel U.* Zwangsvollstreckung und Grundrechte // JuristenZeitung (JZ). 2015. No. 8.

12. *Wagner G.* Schutz des Schuldners im deutschen Vollstreckungsrecht // Archiv für die civilistische Praxis (AcP). 2014. No. 2.

13. *Van Rhee C.H., Uzelac A.* Execution of Court Decisions in Europe. Intersentia, 2010.

14. *Kischel U.* Comparative Law. Oxford University Press, 2019.

15. *Muller R.* L'huissier de justice en France. Paris, 2016.

16. *Lecourt A.* The Status of Judicial Officers in Belgium // Revue de droit judiciaire. 2014.

17. *van den Bergh R.* Private Enforcement in Europe. Cambridge University Press, 2020.

18. *Hess A.* The Enforcement of Judgments in the United States // Yale Law Journal, 2019.

19. *Hanrahan D.* Private Debt Collection in the United States: Legal Framework and Enforcement Role // American Business Law Journal. 2017.

20. *Epstein R.* Self-Help: The Neglected Right // The University of Chicago Law Review. 1991.

21. *Horwitz M.* The Transformation of American Law, 1780–1860.

22. Harvard University Press, 1977.

23. *Friedman L.* History of American Law. New York: Simon & Schuster, 2005.

24. *Hanrahan D.* Private Debt Collection in the United States // American Business Law Journal. 2017.

References

1. *Sherstyuk V.M.* The law-enforcement nature of enforcement proceedings. M.: Gorodets, 2018. 398 p.

2. *Yarkov V.V.* Enforcement proceedings. Yekaterinburg: USGUU, 2017. 576 p.

3. *Grin E.A.* The binding nature of judicial decisions and legal regulation, 2020.

4. *Kisel A.V.* Comparative legal characteristics of enforcement proceedings in France, Germany and Russia // Journal of Criminal Legislation and Comparative Jurisprudence. 2017. No. 3.

5. *Melnikov V.V.* The organization and functions of judicial officers in the countries of the European Union // State and Law. 2015. No. 12.

6. *Drobysheva A.V.* Models of enforcement proceedings in foreign countries: a comparative legal study // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2019. No. 6.

7. *Ageev A.Yu.* The public-legal nature of enforcement proceedings in the Russian Federation: Diss. … Cand. Jurid. Sciences. M., 2019. 178 p.

8. *Galuzina K.A.* Balance of interests of the parties to enforcement proceedings: problems of implementation // Journal of Russian Law. 2018. No. 5. P. 120–131.

9. *Kuznetsov E.I.* Enforcement proceedings of France: Autoref. Diss. … Cand. Jurid. Sciences. Yekaterinburg, 2004. 26 p.

10. *Podeyko V.A.* Executive production in Germany: Autoref. Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. M., 2020. 28 p.
11. *Kichel U.* Schwangsvolstrekung and Grundrechte // Juristen-Zeitung (JZ). 2015. No. 8.
12. *Wagner G.* The Schuldner joke from German folklore // Archive of Civilizational Practice (act). 2014. No. 2.
13. *Van Ri K.H., Uzelak A.* Enforcement of judicial decisions in Europe. Intersentia, 2010.
14. *Kishel U.* Comparative Jurisprudence. Oxford University Press, 2019.
15. *Muller R.* The pursuit of justice in France. Paris, 2016.
16. *Lecourt A.* The status of judicial officers in Belgium // Review of judicial law. 2014.
17. *van den Berg R.* Private law enforcement in Europe. Cambridge University Press, 2020.
18. *Hess A.* Enforcement of judgments in the United States // Yale Law Journal, 2019.
19. *Hanrahan D.* In Private Debt Collection in the United States: the Legal Framework and the Role of Law Enforcement Agencies // American Business Law Journal. 2017.
20. *Epstein R.* Self-help: A Neglected Right // University of Chicago Law Review. 1991.
21. *Horvitz M.* The Transformation of American Law, 1780-1860.
22. Harvard University Press, 1977.
23. *Friedman L.* The history of the American state. New York: Simon & Schuster, 2005.
24. *Janran D.* Private individuals going to COURT // American Business Law Journal. 2017.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-196-203
УДК 347.23

Т.Б. Семенуха, С.В. Голикова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СУПРУЖЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ОТ СОВМЕСТНОЙ К ДОЛЕВОЙ МОДЕЛИ

Введение: *статья посвящена анализу правового регулирования режима общей собственности супругов в Российской Федерации. Под сомнение ставится соответствие существующего режима совместной собственности супругов, сложившегося почти 100 лет назад, современным социальным и экономическим реалиям.* ***Цель*** *— разработать теоретические положения, направленные на совершенствование норм семейного и гражданского права в сфере регулирования общей собственности супругов с акцентом на переход от презумпции совместной собственности к презумпции долевой (в первую очередь, на недвижимое имущество).* ***Методологическая основа:*** *историко-правовой, формально-юридический (догматический), системный методы, а также метод правового моделирования, анализ и синтез.* ***Результаты:*** *предлагается ввести презумпцию общей долевой собственности с равными долями супругов на любое делимое имущество, приобретаемое в браке (кроме наследования), включая подаренное. Установить при приобретении недвижимого имущества фикцию согласия второго супруга при отсутствии возражений в трехмесячный срок и санкцию (3/4 доли) за сокрытие семейного статуса при регистрации прав на недвижимое имущество. Оставить режим совместной собственности только для неделимого имущества, приобретенного в браке. Обосновывается необходимость возврата к обязательной нотариальной форме сделок с недвижимостью.* ***Выводы:*** *для укрепления социальной и материальной устойчивости семьи как единой экономической общности предлагается ввести презумпцию долевой собственности супругов на значимое имущество (в первую очередь, недвижимость). Данная мера, будучи реализованной de lege ferenda, минимизирует возникновение режима совместной собственности, заменив его более прозрачным долевым режимом в отношении экономически важных активов.*

Ключевые слова: *общая собственность, долевая собственность, законный режим супружеского имущества, государственная регистрация прав на недвижимое имущество, реформа семейного права, нотариальная форма сделок с недвижимым имуществом.*

© Семенуха Татьяна Борисовна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса (Севастопольский государственный университет), старший научный сотрудник (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Севастопольский филиал))
© Голикова Светлана Витальевна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса (Севастопольский государственный университет), старший научный сотрудник (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Севастопольский филиал)); e-mail: golikovasv@mail.ru
© Semenukha Tatiana Borisovna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure (Sevastopol State University), Senior Researcher (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Sevastopol Branch))
© Golikova Svetlana Vitalyevna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure (Sevastopol State University), Senior Researcher (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Sevastopol Branch))

T.B. Semenukha, S.V. Golikova

TRANSFORMATION OF MARITAL PROPERTY: FROM JOINT TO SHARED OWNERSHIP

Background: *the article analyzes the legal regulation of the regime of joint property of spouses in the Russian Federation. It questions the adequacy of the existing regime of joint marital property, established almost 100 years ago, to modern social and economic realities.* ***Objective*** *— to develop theoretical provisions aimed at improving the norms of family and civil law governing spouses' joint property, with a focus on transitioning from the presumption of joint ownership to the presumption of shared (fractional) ownership (primarily concerning real estate).* ***Methodology:*** *historical-legal, formal-legal (dogmatic), systemic analysis, legal modeling, as well as analysis and synthesis methods.* ***Results:*** *it is proposed to introduce a presumption of common shared ownership, with equal shares of the spouses, for any matrimonial property acquired in marriage (other than inheritance), including gifts. When acquiring real estate, a fiction of the second spouse's consent in the absence of objections within a three-month period should be established, and a sanction (3/4 share) for concealing the family status during the registration of real estate rights should be imposed. It is recommended that the joint ownership regime be retained only for indivisible property acquired during the marriage. The need to return to the mandatory notary form of real estate transactions is justified.* ***Conclusions:*** *to strengthen the social and material stability of the family as a unified economic community, it is proposed to introduce a presumption of shared ownership of significant assets (primarily real estate) by spouses. This measure, if implemented de lege ferenda, will minimize the emergence of a joint ownership regime, replacing it with a more transparent regime of shared property for economically important assets.*

Keywords: *joint ownership, shared ownership, legal regime of matrimonial property, state registration of rights to real estate, family law reform, notarial form of transactions with real estate.*

По статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за последние три года в судах общей юрисдикции растет количество дел о разделе супружеского имущества[1]. Такая тенденция не может не вызывать огорчения, но юристы-исследователи должны анализировать правовые предпосылки социальных явлений, происходящих в обществе. Имущественное положение супругов основано на общности имущества, более того, на общности совместной, то есть на владении всех всем. Однако все чаще супруги предпочитают раздельный имущественный режим, и цивилистическая наука не может это игнорировать.

Проблемы имущественных отношений супругов были предметом научных изысканий П.В. Крашенинникова [1], А.М. Нечаевой [2], О.А. Рузаковой [3], Е.А. Чефрановой [4].

Целью настоящей статьи является разработка теоретических положений, которые могут быть использованы для совершенствования норм семейного и гражданского права в сфере регулирования общей собственности супругов.

Общая собственность на имущество по законодательству РФ возникает в незначительных количествах случаев. Так, наиболее распространенным можно назвать возникновение общей совместной собственности между супругами, приобретающими имущество на общие средства, если иной порядок не установлен

[1] См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (дата обращения: 05.07.2025).

соглашением между ними (ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации[1] (далее — СК РФ)). Данное основание выступает повсеместным и охватывает большой перечень имущества безотносительно к его назначению. Следующим основанием возникновения совместной собственности является создание крестьянского (фермерского) хозяйства (ст. 6 Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»[2] и ст. 257 Гражданского кодекса Российской Федерации[3] (далее — ГК РФ)), при этом совместной собственностью охватывается как недвижимое, так и движимое имущество, но с целевым назначением (для использования в фермерском хозяйстве). Еще одним основанием до 1995 г. для возникновения общей совместной собственности (по выбору семьи) была приватизация жилого помещения лицами, использующими его по договору социального найма в соответствии со ст. 2 Закона РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-I «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»[4]. С момента начала действия ГК РФ при указании на возникновение общей собственности ее долевой характер презюмируется, если возникновение совместной собственности специально не оговорено законом (п. 3 ст. 244).

Нетрудно заметить, что во всех случаях общая совместная собственность возникает между членами семьи. Таким образом, именно семейные правовые связи являются предпосылкой для совместной собственности, а не наоборот. Существует точка зрения, что совместная собственность — апогей развития видов собственности на супружеское имущество, наиболее развитая ее форма, присущая современному развитому обществу [5, с. 7, 19].

Поскольку совместная собственность присуща именно семейным (в широком смысле) имущественным отношениям, развитие которых тесно связано с историко-культурным аспектом, считаем целесообразным очертить развитие института только в Русском государстве, обладающим самобытными особенностями в культурном плане и сложным, противоречивым опытом государственного строительства. Не будем уходить в средневековую древность Московского царства, когда государство и общество по большей части вело общинный метод ведения хозяйства с перенесением таких же правил и на семью. Рассмотрим имущественные отношения супругов в XIX в. в Российской империи. Отметим, что каждый из супругов самостоятельно владел своим имуществом и отвечал своим имуществом. Как верно подчеркивает К.Н. Анненков, тот период характеризовался «исключительно полной раздельностью имущества супругов» [6, с. 153]. После серьезных революционных потрясений следующим поворотным нормативным правовым актом, регулирующим имущественные отношения супругов, стал Кодекс законов о браке, семье и опеке[5], вступивший в силу в 1927 г. В ст. 10 данного акта устанавливается общность имущества супругов, нажитого в браке, однако прямо не указывается на характер общего имущества. Между тем по дальней-

[1] См.: Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4956.

[2] См.: СЗ РФ. 2003. № 24, ст. 2249.

[3] См.: Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4933.

[4] См.: Бюллетень нормативных актов. 1992. № 1.

[5] См.: Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке (вместе с Кодексом)» (утратило силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82, ст. 612.

шему упоминанию определения долей в случае спора судом мы можем сделать вывод от последующего правового явления к предыдущему [7, с. 228–286], что после заключения брака нажитое имущество поступало в общую совместную собственность супругов (без определения долей), поскольку определять доли в судебном порядке, если они изначально известны, необходимости не было. Исходя из этого, впервые режим общей совместной собственности супругов был внедрен почти 100 лет назад, перекочевал в Кодекс о браке и семье РСФСР[1] (ст. 20), где он уже назван своим полным именем (общей совместной собственностью), и в ныне действующий Семейный кодекс РФ, в котором именуется «совместной собственностью» (ст. 34), а эпитет «общей» опущен.

Следует упомянуть, что дореволюционное законодательство вообще не признавало, как говорил Г.Ф. Шершеневич, никакой другой общей собственности, кроме собственности по долям [8, с. 304], безотносительно семейная это собственность либо какая другая. Только в 1964 г. советский законодатель вводит совместную собственность на имущество колхозного двора, принадлежащее (имущество) его членам (ст. 126 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.)[2]. Именно этот вид хозяйствования можно назвать прообразом общей собственности существующего в настоящее время режима общей совместной собственности крестьянского (фермерского) хозяйства. Ввиду исторической и экономической уникальности процесса приватизации государственного имущества в России конца XX столетия искать исторические параллели в Российской империи и уж тем более в СССР бессмысленно.

Обзорно проведя историческое развитие регулирования общей собственности в русском и советском праве, перейдем к анализу действующего правового регулирования совместной собственности на имущество.

Учитывая, что с начала действия ГК РФ в результате приватизации жилые помещения стали передаваться в долевую собственность, фактически совместная собственность в настоящее время возникает или между супругами, или между членами крестьянского (фермерского) хозяйства (если между супругами или членами хозяйства не заключено соглашение об ином правовом режиме имущества).

Создавая крестьянское (фермерское) хозяйство, его учредители устанавливают определенный способ ведения хозяйствования, то есть в соглашении о его создании предусматривают долевой режим общей собственности: если это несколько семей, то доли определяются в зависимости от вклада каждой семьи, если оно создается членами одной семьи — в равных долях. В данном случае требуется уточнить, что мы ведем речь о создании крестьянского (фермерского) хозяйства без образования юридического лица (п. 5 ст. 23 ГК РФ), поскольку при избрании такой формы хозяйствования в соответствии со ст. 86.1 ГК РФ и образования юридического лица все имущество поступает в собственность именно юридического лица крестьянского (фермерского) хозяйства (о существующей путанице у правоприменителей при наличии двух разных типов хозяйств с одинаковым названием писалось неоднократно [9 с. 58], но пока законодатель эту неопределенность не устранил). Для устранения существующего законодательного

[1] См.: Кодекс о браке и семье РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 30 июля 1969 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32, ст. 1086.

[2] См.: Гражданский кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. (утратил силу) // Там же. 1964. № 24, ст. 407.

пробела предлагается заимствовать удачный опыт Республики Беларусь, где крестьянское (фермерское) хозяйство существует только в форме коммерческой организации [9, с. 66].

Если в статус крестьянского (фермерского) хозяйства будут внесены изменения, то фактически единственным основанием для возникновения совместной собственности станет общее имущество супругов, между которыми не заключен брачный договор, поэтому считаем целесообразным именно этому основанию уделить дальнейшее внимание.

Ранее мы писали, что режим общего имущества без первоначального определения долей существует с 1927 г. (вступление в силу Кодекса законов о браке, семье и опеке), с ноября 1969 г. (вступление в силу Кодекса о браке и семье РСФСР) императивно был введен режим общей совместной собственности, а с марта 1996 г. (вступление в силу Семейного кодекса РФ) — режим совместной собственности между супругами, если иной не установлен в брачном договоре.

Представляется возможным предложить некоторое развитие и смещение фокуса режима общей собственности супругов на делимое имущество, в частности, на недвижимое имущество — режим общей долевой собственности с равными долями супругов. В этом случае недвижимое имущество, приобретенное в браке любым из супругов, при государственной регистрации перехода прав на него будет автоматически регистрироваться и на второго супруга на праве общей долевой собственности с обязательным оповещением второго супруга через портал Госуслуг. Через данную систему приходят оповещения о наложении штрафов за нарушение правил дорожного движения или начислении налогов, поэтому с технической точки зрения оповещение о регистрации за гражданином права собственности на долю в объекте недвижимого имущества вполне осуществимо. В случае, если в течение трех месяцев от супруга не поступило возражений, это можно признать фикцией его согласия на приобретение имущества. Если же возражения в установленный срок поступили госрегистратору (через систему Госуслуг или при личном обращении), то права на имущество регистрируются только на супруга-приобретателя на праве личной собственности без возможности в дальнейшем ставить вопрос о разделе указанного имущества как приобретенного в браке на совместные средства.

Если же супруг при регистрации прав на имущество скрыл от государственного регистратора свой статус (женат, замужем), то второй из супругов при наличии спора о разделе супружеского имущества может требовать признания за собой права не на половину, а уже на ¾ долей такого имущества. Указанное правило можно воспринимать как санкцию за недобросовестное поведение, которое будет выполнять охранительную функцию и удерживать супругов от недобросовестного имущественного поведения в браке.

Можно пойти еще дальше и распространить долевую собственность на любое недвижимое имущество, приобретаемое в период брака по любым основаниям, кроме наследования. Конечно, такое предложение высказывается только в разрезе *de lege ferenda*, что относительно подаренного имущества в настоящее время звучит слишком революционно. Считаем, что в нынешней социальной обстановке имеются резоны более тесно связать семью, в том числе и общим имуществом. Долевая собственность на любое приобретаемое имущество, создает более понятные и прозрачные имущественные связи между супругами,

а целесообразность поступления в общую собственность в числе прочего дареного имущества нетрудно обосновать. Дело в том, что создание семьи в качестве основной цели брака подразумевает духовную, социальную и имущественную общность. Супруги, вступая в брачный союз (желательно отказаться от понятия «брак», как имеющего в русском языке отрицательную коннотацию), сливают частично свои личности и в значимых имущественных отношениях чаще всего воспринимаются обществом как единое целое. Праву целесообразно последовать такому взгляду на семью и презюмировать приобретение всего делимого имущества супругами (кроме полученного в порядке наследования) в общую долевую собственность. Как правило, крупные подарки дарятся не конкретному лицу, а семье, с расчетом, что это имущество будет использоваться на благо и в интересах семьи. Безусловно, супруги всегда смогут изменить такое распределение прав на имущество в момент его приобретения, в дальнейшем — через договор перераспределения долей или раздел имущества. Следует оговориться, что такое правило не должно касаться имущества, предназначенного для индивидуального пользования (п. 2 ст. 36 СК РФ). Более того, для одаренного супруга должна оставаться возможность в судебном порядке доказать, что в момент заключения договора дарения семьи фактически не существовало, а потому дар передавался не в интересах семьи.

Конечно, такие серьезные преобразования в обороте недвижимого имущества вновь поднимают вопрос о необходимости участия высокопрофессионального посредника в этих отношениях. Такие функции всегда выполняли нотариусы, на которых лежала государственная функция контроля за чистотой и законностью сделок с недвижимом имуществом. Нотариусы способны осуществлять разъяснение законодательства сторонам сделок, прояснять правовые последствия юридических действий сторон, они бы смогли выяснять позицию супругов сторон сделок с недвижимым имуществом. Законодатель уже возвратил обязательную нотариальную форму для договоров дарения между гражданами (п. 3 ст. 574 ГК РФ[1]), видимо, на очереди любые сделки с недвижимым имуществом, предусматривающие переход прав на него. Данное введение решит проблему необходимости судебной регистрации перехода прав на имущество по заключенной сделке, в отношении которой сторона уклоняется от государственной регистрации перехода прав. Ученые, предметом интереса которых является регулирование оборота недвижимого имущества, давно высказывали позицию, что реформа по созданию аналога нотариальной регистрации в виде государственной регистрации и замена нотариуса государственным регистратором успешной назвать нельзя [10, с. 32]. Эта точка зрения была высказана Р.С. Бевзенко более десяти лет назад. Прошедшие годы настойчиво доказали, что нотариальная форма, столетиями с успехом применяемая для сделок с недвижимым имуществом, стоит на страже законного оборота недвижимого имущества.

Подводя итог сказанному, отметим:

семью для гражданского оборота следует воспринимать как единую экономическую общность двух лиц, участвующих в гражданском обороте недвижимого имущества с едиными экономическими и правовыми целями;

[1] См.: Федеральный закон от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ «О внесении изменения в статью 574 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации » // СЗ РФ. 2024. № 51, ст. 7853.

социально-экономические потребности общества требуют минимизации случаев возникновения между супругами совместной собственности. Целесообразно с точки зрения экономической определенности и социальной устойчивости презюмировать возникновение у супругов долевой собственности на делимое имущество, приобретаемое в браке как на совместные средства, так и по иным основаниям (кроме наследования), что может быть изменено по соглашению между ними;

механизмы осуществления такого правила технически не составляют сложности — через нотариальную форму оформления сделок с недвижимым имуществом, а также сервис Госуслуг как универсальный и надежный способ оповещения граждан об изменении их имущественного положения;

неделимое имущество, приобретаемое в период нахождения сторон в браке, предлагается оставить в режиме совместной собственности. Таким образом, долевой или совместный режим владения имуществом будет возникать не только по воле законодателя, но и опираться на объективные юридические свойства самого имущества (делимого либо неделимого).

Реализация предложенных мер будет способствовать укреплению социальной и материальной устойчивости семьи как первичной экономической организации граждан.

Библиографический список

1. Семейное право: учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Рузакова; под ред. П.В. Крашенинникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. 320 с.

2. *Нечаева А.М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2007. 280 с.

3. *Рузакова О.А.* Вопросы правового режима доли в общем имуществе супругов // Семейное и жилищное право. 2025. № 1. С. 16–18.

4. *Чефранова Е.А., Чашкова С.Ю.* Направления совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов (сфера согласования интересов бизнеса и интересов супругов) // LexRussica. 2024. Т. 77, № 12(217). С. 23–44.

5. *Чефранова Е.А.* Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007.

6. *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права: в 6 т. Т. 5: Права семейные и опека. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 385 с.

7. *Ротань В.Г., Сонин О.Е., Черткова Ю.В.* Новейшее учение о толковании права: монография. Симферополь: [б. и.], 2019. 782 с.

8. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. 556 с.

9. *Устюкова В.В.* О нецелесообразности сохранения в Гражданском кодексе РФ двух форм крестьянского (фермерского) хозяйства // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 2. С. 55–74.

10. *Бевзенко Р.С.* Принципиальные положения ст. 8.1 ГК РФ о государственной регистрации прав на имущество // Закон. 2015. № 4. С. 31–40.

References

1. Family law: Textbook / B.M. Gongalo, P.V. Krasheninnikov, L.Yu. Mikheeva, O.A. Ruzakova; ed. by P.V. Krasheninnikov. 5th ed., revised and additional M.: Statute, 2022. 320 p.

2. *Nechaeva A.M.* Family Law: Current Problems of Theory and Practice. M.: Yurait, 2007. 280 p.

3. *Ruzakova O.A.* Issues of the Legal Regime of a Share in the Joint Property of Spouses // Family and Housing Law. 2025. No. 1. P. 16–18.

4. *Chefranova E.A., Chashkova S.Yu.* Directions of Improving the Legal Regulation of Property Relations between Spouses (the Sphere of Coordination of Business Interests and the Interests of Spouses) // Lex Russica. 2024. Vol. 77, No. 12(217). P. 23–44.

5. *Chefranova E.A.* The Mechanism of Family and Legal Regulation of Property Relations of Spouses: Abstract of the Diss. ... Doc. Jurid. Sciences. M., 2007.

6. *Annenkov K.N.* The System of Russian Civil law: in 6 Volumes. Vol. 5. Family Rights and Guardianship. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich's type, 1905. 385 p.

7. *Rotan V.G., Sonin O.E., Chertkova Yu.V.* The Latest Doctrine of the Interpretation of Law: Monograph. Simferopo: [B. I.], 2019. 782 p.

8. *Shershenevich G.F.* Textbook of Russian Civil Law (Based on the 1907 Edition). M.: SPARK, 1995. 556 p.

9. *Ustyukova V.V.* On the Inexpediency of Preserving Two Forms of Peasant (Farmer) Economy in the Civil Code of the Russian Federation // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 17, No. 2. P. 55–74.

10. *Bevzenko R.S.* The Fundamental Provisions of Art. 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation on State Registration of Property Rights // Law. 2015. No. 4. P. 31–40.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-204-211
УДК 347.9

А.П. Яковлева

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВЫБОРОМ ВИДА СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ЗАЩИТЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВ

Введение: *теория субъективных публичных прав является не до конца разработанной в доктрине современного отечественного права, что создает трудности в выборе надлежащего способа защиты права — определения вида судопроизводства: гражданского или административного.* ***Цель*** *— поиск оптимальных критериев для определения вида судопроизводства, который позволит правильно его определять не только гражданам, обращающимся в суд за защитой, но и судьям при затруднительности определения вида судопроизводства.* ***Методологическая основа:*** *правовой анализ категории «субъективное публичное право», совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания: диалектического, системного, формально-юридического, сравнительно-правового.* ***Результаты:*** *на основе теоретического исследования и материалов правоприменительной практики аргументирован авторский подход к определению возможности разграничения субъективных публичных и гражданских правоотношений с целью определения вида судопроизводства при защите прав граждан от нарушений со стороны публичных органов.* ***Выводы:*** *сформулирована авторская дефиниция субъективного публичного права и выявлены критерии выбора судопроизводства при защите субъективных публичных прав.*

Ключевые слова: *субъективное публичное право, публичный орган, вид судопроизводства, административное судопроизводство, гражданское судопроизводство.*

A.P. Yakovleva

SOME PROBLEMATIC ASPECTS RELATED TO THE CHOICE OF LEGAL PROCEEDINGS FOR THE PROTECTION OF SUBJECTIVE PUBLIC RIGHTS

Background: *the theory of subjective public rights is not fully developed in the doctrine of modern domestic law, which creates difficulties in choosing the appropriate method of protecting a right, i.e., choosing between civil and administrative proceedings.* ***Objective*** *— the search for optimal criteria for choosing the type of legal proceedings, which will allow it to be correctly determined not only by citizens who apply to the court for protection, but also by judges when it is difficult to choose the type of legal proceedings.* ***Methodology:*** *the legal analysis of the "subjective public law" category involves a combination of general scientific and specific scientific methods of cognition, such as dialectical, systemic, formal-legal, and comparative-legal methods, which allow for the identification of problematic patterns and the determination of prospective paths.* ***Results:*** *based on theoretical research and materials from law enforcement practice, the author's approach to determining the possibility of distinguishing between subjective public and civil legal relations is substantiated in order to determine the type of legal proceedings for protecting citizens' rights from violations by public authorities.* ***Conclusions:*** *the author's definition of subjective public law*

© Яковлева Анна Петровна, 2025

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yakovleva-anna1@yandex.ru

© Yakovleva Anna Petrovna, 2025

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Arbitration Procedure, Advocacy and Notary Practice (Saratov State Law Academy)

has been formulated, and the criteria for choosing legal proceedings in the protection of subjective public rights have been identified.

Keywords: *subjective public law, public authority, type of legal proceedings, administrative legal proceedings, civil legal proceedings.*

Концепция субъективных публичных прав гражданина начала развиваться еще в конце XIX — начале XX в., как в Европе, так и в России [1–2]. Тем не менее в доктрине современного российского права вопрос об их сущности и содержании остается не до конца решенным. Отсутствие в доктрине советского права такой правовой категории, как субъективные публичные права, вылилось в недостаточность развития данного института в советский период и отсутствие четкой концепции в настоящее время. Сегодня это сказывается на возможности четкого разграничения частного субъективного права и субъективного публичного права, что необходимо не только с точки зрения механизма регулирования субъективных публичных прав, но и с точки зрения экспликации механизма их защиты.

Теория субъективных публичных прав приобретает свою наибольшую актуальность только в правовом государстве, где человек представлен как высшее достояние общества и наделен комплексом прав, базирующихся на концепции ценности человека и гражданина, в связи с чем вопрос защиты и охраны этих прав от произвола со стороны публичных органов является весьма насущным.

Среди исследователей и по сей день нет единства в теоретических разработках этой правовой категории. Некоторые авторы, например С.Н. Хорунжий, отрицают наличие конструкции субъективного публичного права, подобного субъективному частному праву [3, с. 15]. Однако есть и другая точка зрения. Так, А.Б. Зеленцов отмечает, что «субъективные публичные права граждан устанавливают пределы властных полномочий органов государства, обеспечивая личные интересы граждан в публичной сфере» [4, с. 76], Ю.Н. Старилов, говоря о субъективных публичных правах гражданина, указывает, что есть «возможность воздействовать на управленческие процессы, принимать участие в государственной и общественно-политической деятельности, пользоваться всеми установленными в Конституции РФ основными правами и свободами, обжаловать действия органов публичного управления и их должностных лиц в суд» [5, с. 74–75].

Представляется, что само по себе существование субъективных публичных прав не должно вызывать сомнений, поскольку исходя из дуализма права наряду с существованием субъективных гражданских прав в области частного права не может не существовать аналогичная конструкция в области публичного права [4, с. 74]. Вопрос заключается в другом, что же из себя представляют субъективные публичные права и как их отделить от гражданских прав с тем, чтобы выбрать надлежащий способ защиты права и правильно определить вид судопроизводства — гражданский или административный.

Материя субъективных публичных правоотношений с участием гражданина настолько тонка, что часто соприкасается с субъективными частными правами, регулируемыми нормами цивилистического права. По мнению Т.Е. Абовой, «частное и публичное начало в семейных, земельных правоотношениях, да и в некоторых гражданских правоотношениях, настолько тесно переплетены, что их трудно отделить друг от друга» [6, с. 193], Р.О. Опалев отмечает, что «публично-правовые

споры зачастую предполагают защиту прав из частноправовой сферы» [7, с. 35]. Именно в этих случаях возникает дилемма определения сущности правоотношения с участием гражданина и публичных органов, влекущее за собой проблему определения вида судопроизводства в случае необходимости обращения за судебной защитой. В связи с этим Н.А. Семерьянова и А.Р. Салимгареева обращают внимание на то, что «лица, полагающие, что их права нарушены, сталкиваются с выбором порядка защиты нарушенного права» [8, с. 75].

Трудности с выбором порядка и способа защиты конкретного субъективного права возникают не только со стороны граждан, но и со стороны судов. Как показывает судебная практика, не только заинтересованные лица часто ошибаются в определении судебной компетенции, но и сами суды совершают ошибки при определении вида судопроизводства, в порядке которого должно быть разрешено конкретное дело. И чаще всего это касается оспаривания решений, действий (бездействия) публичных органов, которое осуществляется по правилам гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ[1] (далее — КАС РФ).

Так, например, Б.М. обратился в Калининский районный суд Санкт-Петербурга с иском к Комитету имущественных отношений Санкт-Петербурга о признании незаконным решения об отказе в предоставлении в собственность земельного участка, на котором возведен гараж как объект капитального строительства. Суд первой инстанции посчитал, что исковое заявление не подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку оно подлежит рассмотрению в порядке КАС РФ. Суд же апелляционной инстанции указал, что предъявленный иск связан с нарушением имущественных прав, а решение органа государственной власти субъекта влияет на возникновение именно гражданских правоотношений заявителя, поэтому настоящий иск правомерно предъявлен в порядке, установленном ГПК РФ[2].

Для правильного определения предмета судебной защиты в административном судопроизводстве необходимо выделить особенности правовой природы субъективных публичных правоотношений, отличающих их от частных правоотношений.

Первым отличительным признаком субъективных публичных отношений является субъектный состав участников. В субъективных публичных правоотношениях, порождающих субъективное публичное право, обязательным является наличие публичного субъекта, осуществляющего свои полномочия. Под публичным субъектом представляется целесообразным понимать указанных в ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»[3] субъектов системы публичной власти, образованной в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Другим участником публичного правоотношения является гражданин либо организация, которые, вступая в отношения с органами публичной власти, приобретают субъективные права и обязанности. В этих правоотношениях нет

[1] См.: Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391; 2025. № 31, ст. 4642.

[2] См.: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 18 января 2023 г. № 33-2544/2023. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SARB&n=206294#o5lRV2VDNNZttuu4 (дата обращения: 12.11.2025).

[3] См.: СЗ РФ. 2020. № 50, ч. 3, ст. 8039.

равенства сторон, как в гражданском правоотношении, эти отношения не могут быть изменены договором сторон, к ним, по общему правилу, не может быть применено волеизъявление субъектов правоотношений.

Именно субъективное публичное правоотношение с участием гражданина либо организации и публичного субъекта часто трудно отличить от субъективного частного правоотношения, что и вызывает трудности в правоприменительной практике с целью защиты субъективного публичного права, выбора вида судопроизводства и процессуального закона, подлежащего применению при разрешении конкретного спора.

Однако не любое правоотношение с участием публичного органа и гражданина порождает субъективное публичное правоотношение, поскольку одного критерия публичности недостаточно для правильного определения характера спорного правоотношения. Поэтому другой особенностью, разграничивающей субъективное публичное правоотношение и гражданское, является норма права, на основе которой возникают указанные правоотношения и которая характеризует его сущность.

Субъективное публичное правоотношение, порождающее субъективное публичное право, возникает, как правило, на основе актов применения права, где конкретный гражданин выступает адресатом [9, с. 132–134]. Эти акты публичных органов надо отличать от актов этих же органов, на основании которых возникают гражданские права и обязанности (ст. 8 ГК РФ) [10]. Существенным признаком, относящим возникшее правоотношение к гражданскому, а не к субъективному публичному, является возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей на основе акта применения права. В связи с этим для определения вида судопроизводства (гражданского или административного) важен характер правоотношения, складывающегося между публичным субъектом и гражданином на основе принятого акта. В порядке административного судопроизводства рассматриваются дела, где правоотношение содержит властное предписание, которое не касается и не коснется в будущем при исполнении акта публичного органа гражданских, пенсионных, социальных, жилищных и других прав гражданина, то есть при определении вида судопроизводства важен характер именно защищаемого права.

Согласимся с мнением М.Б. Величко, что «дополнительную сложность вызывает то обстоятельство, что имущественные права могут являться предметом регулирования как частного, так и публичного права, поэтому имущественные права подлежат защите как в гражданском судопроизводстве, так и в административном судопроизводстве» [10, с. 96].

Верховный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно указывал на то, что правильное определение вида судопроизводства, в котором подлежат защите права и законные интересы граждан или организаций, зависит от характера правоотношений, из которых вытекает требование лица, обратившегося за судебной защитой. Из-за того, как разрешается данный вопрос, устанавливается процессуальный закон, подлежащий применению[1].

[1] См. п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9).

Возьмем еще пример из судебной практики. Вопрос о возврате незаконно удержанного исполнительского сбора из пенсии гражданина по постановлению пристава-исполнителя решается в порядке административного судопроизводства, поскольку не затрагивает пенсионные права гражданина, то есть исполнение принятого решения не порождает возникновение никаких гражданских прав и обязанностей[1]. Таким образом, акт об отказе вернуть денежную сумму, взысканную на основании постановления пристава-исполнителя, имеет сугубо публично-правовой характер и не затрагивает никаких иных прав и обязанностей в области гражданских (в данном случае пенсионных) прав этого гражданина.

Если же акт, как отмечает Верховный Суд РФ, принятый публичным органом, влечет возникновение, прекращение или изменение гражданских прав индивидуума, касающихся, например, имущественных, социальных, пенсионных прав, служебных отношений и других, то дело должно быть рассмотрено в гражданском судопроизводстве[2].

Так, например, признание незаконным решения комиссии органов МВД России по предоставлению единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения направлено на получение социальной выплаты и подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства[3]. Защита нарушенного права военнослужащего как участника накопительно-ипотечной системы, представляющей собой совокупность правовых, экономических и организационных отношений, направленных на реализацию прав военнослужащих на жилищное обеспечение, подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства[4].

Таким образом, если спорный вопрос затрагивает публичные правоотношения в «чистом» виде, и принятый акт и его исполнение не влекут возникновение, изменение или прекращение гражданских (в широком смысле) прав и обязанностей гражданина, то дело подлежит рассмотрению в порядке административного судопроизводства. Если же на основе принятого или непринятого решения, вынесенного акта следует реализация социальных, жилищных, пенсионных и иных прав гражданина, то дело подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Исполнение же акта возможно при наличии специального закона, на основе которого реализуются гражданские права индивидуума, связанные с правом на жилище, пенсионным и социальным обеспечением и т.д. Если в результате исполнения принятого публичным органом акта следует претворение в жизнь

[1] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 22 января 2020 г. № 81-КА19-5. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22012020-n-81-ka19-5/ (дата обращения: 10.11.2025).

[2] См. п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (в ред. от 17 декабря 2024 г.) (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11; 2025. № 2).

[3] См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2019 г. № 42-КГ19-3. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18112019-n-42-kg19-3/ (дата обращения: 11.11.2025).

[4] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2018 г. № 33-КГ18-12. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24122018-n-33-kg18-12/ (дата обращения: 10.11.2025).

норм права, на основе которых возникают, прекращаются или изменяются гражданские права гражданина, то речь идет о гражданских правоотношениях, в основе которых лежит закон, регулирующий данные права. В этом случае дело подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Если же в основе принятого акта, совершенного действия (бездействия) нет закона, регулирующего возникновение прав и обязанностей гражданина в области социальных, жилищных, пенсионных и иных прав, или эти действия не порождают гражданско-правовые последствия, то принятый акт (решение, действие) затрагивает только сферу публичного права, это и есть субъективные публичные права, не связанные с гражданскими правоотношениями[1].

Таким образом, для понимания, в каком виде судопроизводства должно быть рассмотрено конкретное дело с участием гражданина и публичного субъекта необходим анализ, своего рода диагностика разрешаемых правоотношений с точки зрения норм права, лежащих в основе спора, то есть какова конечная цель обращения в суд и каков в конечном счете предмет защиты: оспаривание акта, исполнение которого затрагивает гражданские права и их восстановление, либо оспаривание акта, суть которого — только публичное правоотношение, не затрагивающее гражданские права гражданина.

Таким образом, для разграничения субъективного публичного права и гражданских прав необходимо обязательное сочетание двух критериев: наличие публичного органа, выносящего акт применения права, и характер прав гражданина, связанных или не связанных с реализацией гражданских прав.

В связи с этим отдельного внимания заслуживает вопрос о возможности или невозможности разъединения требований, возникающих из публичных и частных правоотношений. В настоящее время если в заявлении, поданном в суд, соединены требования об оспаривании акта, затрагивающего гражданские права, и требование о восстановлении этих прав, то действует ч. 1 ст. 16.1 КАС РФ, если разделение требований невозможно, дело подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Разделение требований возможно в том случае, если их раздельное рассмотрение не влияет на сущность рассматриваемого гражданско-правового притязания, то есть исполнение акта (решение, действие, бездействие) само по себе не порождает возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, поскольку принятый акт (решение, действие, бездействие) не влияет на суть гражданско-правовых требований, и если бы требования не были соединены в одно исковое или административное исковое заявление, в будущем возможно было бы предъявление самостоятельного гражданского иска.

Исключение составляет требование о компенсации морального вреда, которое может быть заявлено наряду с оспариванием решения, действия (бездействия) публично-властного субъекта (ч. 1.1 ст. 124 КАС РФ). Исходя из этого не совсем понятна логика законодателя, который допускает рассмотрение требования о компенсации морального вреда в порядке административного судопроизводства, а социальные, трудовые, жилищные и прочие права, нарушенные принятым незаконным актом, остаются за рамками административного судопроизводства,

[1] См: Апелляционное определение Московского городского суда от 5 сентября 2024 г. по делу № 33а-7286/2024. URL: https://base.garant.ru/341564941/ (дата обращения: 10.11.2025).

где применяется иной процессуальный порядок рассмотрения дела, включая распределение бремя доказывания и повышенной активности суда при рассмотрении дела. Представляется, что именно там, где гражданин нуждается в защите социальных прав в широком смысле, нужна поддержка государства в качестве активности суда и возложения бремени доказывания на публичный субъект законности его действий. Поэтому представляется целесообразным (в том числе опираясь на опыт взыскания компенсации морального вреда) расширить подведомственность административного судопроизводства, и административные дела, касающиеся гражданских прав гражданина, следует рассматривать по правилам КАС РФ, поскольку публичные правоотношения, коллаборационируя с гражданскими, не приобретают автономию воли сторон. «В противном случае, — как справедливо отмечает Р.О. Опалев, — самой идее административного судопроизводства как особого вида судопроизводства может быть нанесен серьезный ущерб» [7, с. 104].

Таким образом, определение вида судопроизводства при защите права, гражданского или административного, в настоящее время вызывает трудности, обусловленные в первую очередь тем, что понятие субъективного публичного права остается не до конца разработанным.

С учетом сказанного полагаем необходимым отметить, что субъективное публичное право есть право, основанное на норме публичного права, возникающее из правоотношения, складывающегося между публичным органом с одной стороны и гражданином с другой и не связанного с возникновением, изменением или прекращением гражданских прав граждан. Наибольшая проблема разграничения субъективных публичных и частных прав граждан возникает при вынесении публично-властными субъектами индивидуальных правоприменительных актов. Для разграничения субъективного публичного права и гражданских прав необходимо обязательное сочетание двух критериев: наличие публичного органа, выносящего акт применения права, и характер прав гражданина, связанных или не связанных с реализацией гражданских прав. Субъективное публичное право гражданина подлежит защите в порядке административного судопроизводства только тогда, когда исполнение указанных актов не вызывает реализацию законов, регулирующих гражданские права человека и гражданина, в противном случае, нарушенное право подлежит защите в порядке гражданского судопроизводства.

Библиографический список

1. *Еллинек Г.* Система субъективных публичных прав. М.: Освобождение, 1918. 16 с.
2. *Кулишер А.* Защита субъективных публичных прав посредством иска // Юридический вестник. 1913. Кн. 4. С. 78–123.
3. *Хорунжий С.Н.* Субъективные публичные права: некоторые аспекты происхождения и содержания // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 9–15.
4. *Зеленцов А.Б.* Субъективные права и законные интересы как предмет правовой защиты в системе административной юстиции: юридическая природа и виды // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 74–83.
5. *Старилов Ю.Н.* Административная юстиция: проблемы теории // Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Сер.: Юбилеи, конференции, форумы. Вып. 7 / отв. ред. Ю. Н. Старилов. Воронеж: Изд-во Ворон. гос. ун-та, 2013. 1060 с.

6. *Абова Т.Е.* Иск — универсальное средство защиты права // Избранные труды. Гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право. М.: Статут, 2007. 1134 с.

7. *Опалев Р.О.* Право на эффективную судебную защиту в административном судопроизводстве. М.: Городец, 2023. 432 с.

8. *Семерьянова Н.А., Салимгареева А.Р.* Особенности защиты в порядке административного и гражданского судопроизводства прав и законных интересов лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, при нарушении условий их содержания под стражей // Уголовное право. 2023. № 2. С. 75–80.

9. *Фосскуле А., Кайзер А.-Б.* Субъективное публичное право // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5(120). С. 132–138.

10. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2025. 568 с.

References

1. *Jellinek G.* The System of Subjective Public Rights. M.: Osvobozhdenie Publ., 1918. 16 p.

2. *Kulisher A.* Protection of Subjective Public Rights through a Lawsuit // Legal Bulletin. 1913. Book 4. P. 78–123.

3. *Khorunzhiy S.N.* Subjective Public Rights: Some Aspects of Origin and Content // Monitoring of Law Enforcement. 2018. No. 3 (28). P. 9–15.

4. *Zelentsov A.B.* Subjective Rights and Legitimate Interests as the Subject of Legal Protection in the Administrative Justice System: Legal Nature and Types // Administrative Law and Procedure. 2017. No. 6. P. 74–83.

5. *Starilov Yu.N.* Administrative Justice: Problems of Theory // Administrative Proceedings in the Russian Federation: Development of Theory and Formation of Administrative Procedure Legislation. Ser.: Anniversaries, Conferences, and Forums. Issue 7 / ed. by Yu.N. Starilov. Voronezh: Voronezh State University Press, 2013. 1060 p.

6. *Abova T.E.* A Claim as a Universal Means of Protecting Rights // Selected Works. Civil and Arbitration Procedure. 1134 p.

7. *Opalev R.O.* The Right to Effective Judicial Protection in Administrative Proceedings. M.: Gorodets Publishing House, 2023. 432 p.

8. *Semeryanova N.A., Salimgareeva A.R.* Features of Protecting the Rights and Legitimate Interests of Persons Suspected (Accused) of Committing Crimes in Administrative and Civil Proceedings in the Event of Violation of the Conditions of Their Detention // Criminal Law. 2023. No. 2. P. 75–80.

9. *Fosskule A., Kaiser A.-B.* Subjective Public Law // Comparative Constitutional Review. 2017. No. 5(120). P. 132–138.

10. Commentary to the Code administrative legal proceedings of the Russian Federation: in 2 parts. Part. 1 / under the general editorship of L.V. Tumanova. M.: Prospekt, 2025. 568 p.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-212-219
УДК 343.241

Л.В. Григорьева

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ: НОРМАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Введение: *проводится исследование проблемных вопросов правовой природы указанного вида освобождения от уголовного наказания, условий его применения и особенностей законодательной регламентации, усложняющих толкование статьи и уяснения содержания нормы.* ***Цель*** *— обосновать гипотезу, согласно которой в результате недостаточной информационной базы уголовно-правовых предписаний, содержащихся в ст. 81 УК РФ, применение института освобождения от наказания в связи с болезнью не отличается единообразием.* ***Методологическая основа:*** *автор оценивает ряд теоретических дискуссионных моментов, проводит сравнение со смежными отраслевыми регуляторами, учитывая примеры практики применения ст. 81 УК РФ последних лет.* ***Результат:*** *предлагается авторское видение содержания предписаний ст. 81 УК РФ и подходов к ее применению.* ***Вывод:*** *в результате отсутствия синхронизированных со смежным законодательством детальных формулировок в УК РФ размываются представления о правовой природе освобождения от уголовного наказания в связи с болезнью, что препятствует реализации гуманистических начал уголовной политики в данной сфере.*

Ключевые слова: *освобождение от наказания по болезни, отсрочка исполнения приговора, отсрочка исполнения наказания, болезненное состояние как основание неприменения наказания.*

L.V. Grigorieva

THE CRIMINAL LAW INSTITUTE OF EXEPTION FROM CRIMINAL PUNISHMENT DUE TO ILLNESS: NORMATIVE FEATURES

Background: *the text explores the problematic issues of the legal nature of this type of release from criminal punishment, the conditions for its application, and the peculiarities of its legislative regulation, which complicate the interpretation of the article and the understanding of its content.* ***Objective*** *— of this study is to confirm the hypothesis that, due to the insufficient information base of the criminal law provisions contained in the Article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation, the application of the institution of exeption from punishment due to illness is not uniform.* ***Methodology:*** *the author evaluates a number of theoretical points of discussion*

© Григорьева Людмила Викторовна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Lgrigorieva2013@yandex.ru
© Grigorieva Ludmila Victorovna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law (Saratov State Law Academy)

and conducts a comparison with related sectoral regulations, taking into account examples of the recent practice of applying the Article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation. ***Results:*** *the author proposes a new interpretation of the provisions of the Article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation and approaches to its application.* ***Conclusion:*** *it is noted that the lack of detailed formulations in the Criminal Code of the Russian Federation that are synchronized with related legislation leads to a blurring of the legal nature of exemption from criminal punishment due to illness, which hinders the implementation of the humanistic principles of criminal policy in this area. The lack of detailed formulations in the Criminal Code of the Russian Fedearation synchronized with related leguslation leads to the blurring of the legal nature of exemption from criminal punishment due to illness which hinders the implementation of the humanistic principles of criminal policy in this area.*

Keywords: *exemption from punishment due to illness, postponement of sentence execution, postponement of punishment, illness as a basis for non-application of punishment.*

Согласно данным официальной статистики[1], число лиц, освобожденных от отбывания наказания в связи с болезнью, достаточно стабильно: в 2019 г. освобождено 2 817 осужденных; в 2020 г. — 2 219; в 2021 г. — 1 334; в 2022 г. — 2 132; в 2023 г. — 2 089; в 2024 г. — 2 050. Устоявшийся уголовно-правовой институт освобождения от уголовного наказания в связи с болезнью лаконично сформулирован законодателем в ст. 81 УК РФ. Описание его ключевых позиций, а также видовая институциональность, связанная с освобождением от уголовного наказания, позволяет предположить наличие конкретных критериев его применения судами. При ближайшем рассмотрении нормативной формулировки проявляется ряд характеристик, не имеющих однозначной трактовки. В частности, не ясно, можно ли все три варианта освобождения от наказания, указанных в ст. 81 УК РФ, относить одному виду освобождения в связи с болезнью осужденного. В ч. 1 и 3 данной статьи сказано про императивное применение положений уголовного закона к случаям возникновения болезни, в то время как ч. 2 содержит диспозитивное предписание для суда. Как соотносятся между собой институты освобождения от наказания и отсрочки исполнения обвинительного приговора суда? Каковы юридические последствия применения данного вида освобождения?

Поставленные вопросы относятся к проблеме выявления юридической природы освобождения от уголовного наказания в связи с болезнью. В науке уголовного права нет единой позиции, отражающей правовую сущность данного института. Одни исследователи рассуждают об условности/безусловности [1, с. 312] разных видов освобождения от наказания. Например, предписание ч. 1 ст. 81 УК РФ подразделяется на «освобождение от наказания» и «освобождение от дальнейшего отбывания наказания», отличающиеся как по кругу лиц, так и по процедуре применения. В первом случае речь идет об освобождении только назначенного, но еще не начавшего исполняться наказания, а во втором — о прекращении процедуры его реализации.

Освобождение при тяжкой болезни[2] (ч. 2 ст. 81 УК РФ) иногда предлагается ставить в зависимость не только от состояния здоровья осужденного, но и тя-

[1] См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: https://cdep.ru/index.php?id=5 (дата обращения: 12.09.2025).

[2] См.: Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи

жести совершенного преступления, степени его исправления, возмещения вреда потерпевшему [2, с. 56]. Правоприменитель в некоторых случаях ориентируется в своих решениях не только на состояние здоровья осужденного. Например: «Суд пришел к выводу о том, что осужденный страдает заболеванием, которое входит в соответствии с постановлением Правительства РФ в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания. Однако с учетом того, что осужденный получает регулярное лечение, сведений о наличии у него родственников или близких лиц, которые могут и согласны осуществлять за ним уход, суду не представлено. Заявитель совершил совокупность преступлений, включая тяжкое, имеет единственное поощрение от администрации колонии, характеризуется неопределенностью в поведении, имеет задолженность по исковым обязательствам и мер к ее погашению не принимает». В результате суд пришел к выводу, что осужденный нуждается в дальнейшем отбывании назначенного ему наказания, отказал в удовлетворении ходатайства об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью[1]. Приведенная цитата из судебного решения прямо противоречит абз. 2 п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»[2], запрещающему принимать решения на основании перечисленных критериев.

Некоторые ученые обсуждают исследуемый правовой институт с позиции гуманистического отношения [3] к больным осужденным, что исключает необходимость оценки судом их исправления и прочих сопутствующих характеристик, типичных для получения права на освобождение от наказания в других условиях (ст. 79–80, 82 УК РФ). Одновременно указанный концептуальный подход подчеркивает отсутствие карательной или воспитательной сущности данного вида освобождения от наказания, так как никаких специальных требований к поведению осужденных после освобождения законодатель не устанавливает.

По этой же причине нельзя утверждать, что ст. 81 УК РФ выполняет стимулирующую или поощрительную функцию в системе реализации уголовной ответственности. Главная и единственная причина неприменения наказания в данном случае — это нецелесообразность уголовной репрессии в отношении конкретного лица. Возникновение психического расстройства делает невозможным проверку достижения такой цели наказания, как исправление осужденного. Иная тяжелая болезнь создает непреодолимые трудности в организации необходимого ухода за больным в условиях, например, изоляции либо в выполнении трудовых функций, если мера ответственности с ними связана, то есть обеспечить его исправление. В ч. 3 ст. 81 УК РФ предполагается увольнение военнослужащего из рядов вооруженных сил, что лишает возможности исполнить специализированное «воинское» наказание.

Единое основание применения освобождения от уголовного наказания по ст. 81 УК РФ должно логично продолжаться в общих юридических последстви-

с болезнью» (в ред. от 3 февраля 2020 г.). URL: https://base.garant.ru/12134310/ (дата обращения: 10.09.2025).

[1] См.: Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции по уголовному делу дело № 77-739/2022 от 3 марта 2022 г. // Судебные решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/69161733 (дата обращения: 22.09.2025).

[2] См.: Российская газета. 2009. 29 апреля.

ях для адресата, которые четко в уголовном законе не отображаются. Возможность замены наказания более мягким видом, предусмотренная в отношении освобождаемых военнослужащих (ч. 3 ст. 81 УК РФ), а также вероятностный возврат к реализации уголовной ответственности остальных выздоровевших (ч. 4 ст. 81 УК РФ) считать универсальным правовым последствием исследуемого института не получается. В некоторых случаях наказание для осужденного прекращается безвозвратно. Исследователи [4, с. 100] подчеркивают, что психические расстройства могут иметь принципиально разную степень серьезности, что отобразилось в новых Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека[1]. В частности старческое слабоумие навсегда лишает человека способности осознавать характер своего поведения и руководить им. Окончательное освобождение от наказания в таких ситуациях — естественный исход дела.

Вопрос о наличии судимости лица, освобожденного в порядке ст. 81 УК РФ, также имеет некоторые особенности. Систематическое толкование предписаний всех частей указанной статьи позволяет сделать вывод о том, что освобожденные сохраняют судимость, так как возвращение уголовного наказания для них не исключено. В то же время, согласно ст. 86 УК РФ, лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу, а не в момент его вынесения. Следовательно, в случаях возникновения психического расстройства после совершения преступления, но до приобретения решения суда надлежащей юридической силы освобожденное лицо не успевает обзавестись статусом судимого. Освобождение от наказания одновременно с вынесением обвинительного приговора, таким образом, «выбивается» из общей концепции рассматриваемого уголовно-правового института. Предлагаем для устранения выявленной неточности в тексте ч. 1 ст. 81 УК РФ внести в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» уточнение: «Обратить внимание судов на то, что ст. 81 УК РФ применяется только к случаям назначенного уголовного наказания. Правовой статус лиц, заболевших после совершения преступления, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства устанавливается на основании положений ст. 208 и ст. 398 УПК РФ».

Пристальное внимание к описанию круга лиц, подлежащего освобождению от уголовного наказания, согласно ч. 1 ст. 81 УК РФ, позволяет предположить наличие пробела в уголовно-правовом регулировании. Лицо, совершившее преступление и получившее психическое расстройство до момента вынесения судебного решения по делу, не может быть освобождено от уголовного наказания (потому что наказание еще не назначено), но уже нуждается в прекращении/прерывании уголовного преследования для прохождения лечения. Некоторые ученые предлагают решить проблему путем закрепления предписания в гл. 4 УК РФ [5, с. 9], подчеркнув темпоральную разновидность состояния невменяемости, возникшей после совершения преступления. Рекомендация внести изменения в гл. 5 УК РФ, указав на «психическое расстройство, препятствующее рассмотрению вопроса

[1] См.: Приказ Минздрава России от 8 апреля 2025 г. № 172н «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС «КонсультантПлюс».

о виновности», также встречается на страницах специальной литературы [4, с. 102] в качестве приема устранения указанного пробела. Считаем, данные идеи перегрузят уголовное законодательство, тем более что в уголовной ответственности такого лица в виде обязанности претерпеть негатив за совершенное преступление сомнений нет. Трудность заключается в применении (неприменении) правовых норм к субъекту ответственности.

Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от ч. 1 ст. 81 УК РФ законодатель в ч. 2 не дифференцирует освобождение от наказания на такие подвиды, как «освобождение от наказания» и «освобождение от дальнейшего отбывания наказания». Следовательно, лицо, совершившее преступление и заболевшее иной тяжкой болезнью до момента вынесения судебного решения по делу, не может быть освобождено от уголовного наказания (потому что наказание еще не назначено), но уже нуждается в прекращении/прерывании уголовного преследования для прохождения лечения.

Поверхностный выход из трудной ситуации видится в создании отдельного вида освобождения от уголовной ответственности в гл. 11 УК РФ. Полагаем, объективная необходимость сделать перерыв в процедуре реализации уголовной ответственности в связи с заболеванием виновного, делающим невозможным осуществление следственных мероприятий (ч. 4 ст. 208 УПК РФ), вполне охватывается положениями ст. 78 УК РФ, устанавливающей сроки давности уголовной ответственности. Неупорядоченным остается важный аспект, связанный с необходимостью государства отреагировать на факт совершенного вменяемым лицом преступления. Приостановление уголовного преследования не помогает сохранять контроль над поведением психически больного или иного тяжелобольного подозреваемого или обвиняемого. Верно отмечается в научной литературе [6, с. 65], что контроль над поведением виновных необходим во всех случаях освобождения от негативных уголовно-правовых последствий как гарантия обеспечения общественной безопасности и средство удержания освобожденного лица от совершения новых преступлений. Применение принудительных мер медицинского характера к лицам, страдающим психическим расстройством, отчасти выполняет такую функцию за счет отлаженной системы работы медицинских организаций, оказывающих психиатрическое лечение и наблюдение.

В настоящее время вопросы надзора за поведением лиц, освобожденных от наказания в связи с наступлением болезни и не имеющих судимости, не решены. Положения Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»[1] не получили широкого распространения в отношении данного круга лиц [7, с. 141]. Следовательно, существует потребность в установлении мер социального контроля за лицами, у которых наступило заболевание, требующее лечения и затрудняющее проведение следственных мероприятий.

Использование потенциала межотраслевого характера института освобождения от уголовного наказания в связи с болезнью, регламентируемого медицинским законодательством, уголовным, уголовно-исполнительным и уголовно-процессуальным, не сводится к «перераспределению зон ответственности» смежных отраслей. Взаимообусловленность правового регулирования помогает уточнить содержание нормативных предписаний. Так, ст. 81 УК РФ не содержит информа-

[1] См.: СЗ РФ. 2023. № 6, ст. 917.

ции относительно тех видов уголовного наказания, освобождение от которых допускается. Большинство судебных решений в данном вопросе сейчас относится к освобождению от лишения свободы [8, с. 59]. Психические расстройства и иные тяжкие заболевания в условиях изоляции от общества действительно создают античеловеческие условия и затрудняют работу администраций учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы и принудительных работ. Наказания, связанные с принуждением к труду, также напрямую зависят от состояния здоровья осужденного и соблюдения в связи с этим норм трудового законодательства. Аналогичный перечень, дополненный ограничением свободы, закреплен в ст. 398 УПК РФ, разрешает давать отсрочку исполнению приговора до выздоровления осужденного. В отношении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенными видами деятельности (ст. 47 УК РФ) и штрафа (ст. 46 УК РФ) такая отсрочка не предусмотрена.

Дефицит списка тех видов наказаний, для которых возможно применение освобождения в связи с болезнью в ст. 81 УК РФ, порождает затруднения для правоприменителя и в вопросах освобождения от дополнительного уголовного наказания. Неопределенность в обозначенном вопросе создает основу для попыток разобраться с ситуацией на уровне Конституционного Суда РФ[1]. Суды, применяя ч. 1 ст. 81 УК РФ, чаще всего полностью освобождают от наказания (как основного, так и дополнительного) осужденных, получивших психическое расстройство. Наступление иной тяжкой болезни (ч. 2 ст. 81 УК РФ) в силу сохранения объективной дееспособности осужденного обычно позволяет оставить назначенные дополнительные наказания в виде ограничения свободы или штрафа при наличии «технической возможности» их реализовать. Каждый раз правоприменителю необходимо самому подыскивать не только объяснения принятого решения, но и его критерии. Последние могут быть разными в зависимости от вида и тяжести заболевания, а также вида наказания, от которого освобождается осужденный. Кроме того, рассмотрение судом вопроса об исполнимости/неисполнимости того или иного наказания в связи с возникновением болезни, на наш взгляд, требует повторного учета общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ) в контексте изменения жизненной ситуации.

Предлагаем синхронизировать положения УК РФ и УПК РФ в данном вопросе и отметить в ст. 81 УК РФ виды основных наказаний, от которых лицо может быть освобождено в связи с появлением болезни, препятствующей их реализации. Необходимо также указать в ч. 1 ст. 81 УК РФ, что осужденный освобождается как от основного, так и от дополнительного наказания, а в случае применения ч. 2 ст. 81 УК РФ суд обязан рассмотреть возможность освобождения лица как от основного, так и от дополнительного наказания.

По результатам исследования сформулированы основные выводы, которые можно представить в виде тезисов.

1. Дискуссионные вопросы о правовой природе исследуемого института и отдельных его проявлений привели к заключению, что законодатель перечисляет

[1] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2024 г. № 890-О «Об отказе к принятию рассмотрения жалобы гражданина Носкова Дмитрия Васильевича на нарушение его конституционного права ч. 2 ст. 81 УК РФ» // Информационный портал «Легал.акт». URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25042024-n-890-o/ (дата обращения: 25.09.2025).

в одной статье закона принципиально различающиеся между собой варианты «освобождения от наказания» и «освобождения от дальнейшего отбывания наказания», содержащие отличные друг от друга критерии такого освобождения. В первом случае речь идет о вынужденном перерыве в осуществлении уголовного судопроизводства, а во втором — о разновидностях сокращения или исключения уголовной репрессии. Наше предложение о дополнении соответствующего постановления Пленума ВС РФ фразой: «Обратить внимание судов на то, что ст. 81 УК РФ применяется только к случаям назначенного уголовного наказания. Правовой статус лиц, заболевших после совершения преступления, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства устанавливается на основании положений ст. 208 и 398 УПК РФ», должно помочь разделить уголовно-процессуальные и уголовно-правовые аспекты освобождения от наказания в связи с болезнью.

2. На данный момент применение института освобождения от наказания в связи с болезнью не отличается единообразием по причине недостаточной информационной базы уголовно-правовых предписаний, содержащихся в ст. 81 УК РФ. Судьи, рассматривая заявления осужденных, вынуждены восполнять текст законодателя путем поиска дополнительных критериев применения института освобождения от наказания в связи с болезнью, что свидетельствует о необходимости корректировки данной статьи. Следует указать в ч. 1 ст. 81 УК РФ, что осужденный освобождается как от основного, так и от дополнительного наказания, а в случае применения ч. 2 ст. 81 УК РФ суд обязан рассмотреть возможность освобождения лица, как от основного, так и от дополнительного наказания.

3. Межотраслевой характер института освобождения от наказания в связи с болезнью требует синхронизации текста УК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ со смежным законодательством для формирования представления о правовой природе такого освобождения, реализации гуманистических начал уголовной политики при осуществлении уголовной ответственности. В частности, необходимо отметить в ч. 2 ст. 81 УК РФ виды основных наказаний, от которых лицо может быть освобождено в связи с появлением болезни, препятствующей их реализации: «Лицо, заболевшее после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, ареста, принудительных работ, лишения свободы на определенный срок, может быть судом освобождено от отбывания этого наказания».

4. Юридические последствия освобождения от наказания в связи с болезнью должны ориентироваться как на задачи отраслей уголовного права, уголовно-процессуального права, уголовно-исполнительного права, так и на социальное значение данного правового института. Контроль за поведением освобожденных лиц должен сохраняться до момента окончания сроков давности (ст. 78 или 83 УК РФ в зависимости от вида освобождения, предусмотренного в ст. 81 УК РФ), как для обеспечения безопасности социума, так и для организации социальной помощи больным лицам.

Библиографический список

1. Освобождение от уголовного наказания: закон, теория, практика: монография / В.К. Андрианов, Н.В. Генрих, Ю.Е. Пудовочкин, А.А. Толкаченко; под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: Юрлитинформ, 2023. 526 с.

2. *Нуркаева Т.Н.* Проблемы освобождения от наказания в связи с иной тяжелой болезнью // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 1. С. 54–60.

3. *Заборовская Ю.М.* Реализация принципа гуманизма в отношении тяжело больных осужденных инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4(29). С. 58–66.

4. *Шишков С.Н., Полубинская С.В.* Освобождение от наказания в связи с психическим расстройством: проблемы законодательного регулирования // Уголовное право. 2020. № 6(124). С. 97–104.

5. *Жданова О.В.* Освобождение от наказания в связи с болезнью: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 170 с.

6. *Ефремова И.А.* Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 504 с.

7. *Елисеева Т.Н.* Ресоциализация лиц, освобожденных от наказания в связи с болезнью: теоретико-прикладные аспекты // Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 30-летию со дня образования Самарского юридического института ФСИН России, посвященной памяти российского ученого, заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова (Самара, 20–21 июня 2024 г.). Самара: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2024. С. 140–143.

8. *Карпов К.Н.* Условия и правовые последствия освобождения от наказания в связи с болезнью // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2024. № 1. С. 57–62.

References

1. Release from Criminal Punishment: Law, Theory, and Practice: Monograph / V.K. Andrianov, N.V. Genrikh, Yu.E. Pudovochkin, A.A. Tolkachenko; ed. by Yu.E. Pudovochkin. M.: Yurlitinform, 2023. 526 p.

2. *Nurkaeva T.N.* Problems of Exeption from Punishment Due to Other Serious Illnesses // Legal Bulletin of Samara University. 2020. No. 1. P. 54–60.

3. *Zaborovskaya Yu.M.* Implementation of the Principle of Humanism in Relation to Seriously Ill Disabled Convicts Serving Sentences of Imprisonment // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2016. No. 4(29). P. 58–66.

4. *Shishkov S.N., Polubinskaya S.V.* Exeption from Punishment Due to Mental Disorder: Problems of Legislative Regulation // Criminal Law. 2020. No. 6(124). P. 97–104.

5. *Zhdanova O.V.* Exeption from Punishment Due to Illness: Criminal Law and Penal Enforcement Aspects: Diss. … Cand. Jurid. Sciences. M., 2008. 170 p.

6. *Efremova I.A.* The Institute of Exeption from Punishment in the Theory of Criminal Law, Legislative and Judicial Practice: Diss. … Doc. Jurid. Sciences. Saratov, 2018. 504 p.

7. *Eliseeva T.N.* Resocialization of Persons Released from Punishment Due to Illness: Theoretical and Applied Aspects // Penitentiary System: Legislation, Policy, and Process: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation Dedicated to the 30th Anniversary of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, in Memory of Oleg V. Filimonov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Samara, June 20–21, 2024). Samara: Federal State-Owned Educational Institution of Higher Professional Education “Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service”. 2024. P. 140–143.

8. *Karpov K.N.* Conditions and Legal Consequences of Exeption from Punishment Due to Illness // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Named after I.D. Putilin. Belgorod. 2024. No. 1. P. 57–62.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-220-225
УДК 343.265

Е.В. Кобзева

ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ И ОСУЖДЕННЫМ, ИМЕЮЩИМ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ, В СВЕТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: *отсрочка отбывания наказания является мерой уголовно-правового воздействия, которая наряду с решением задачи предупреждения совершения новых преступлений вносит определенную лепту в обеспечение демографического потенциала страны. Эффективность реализации отсрочки во многом зависит от толкования и применения регламентирующих ее норм УК и УИК РФ. Принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного отсрочке отбывания наказания, предполагает необходимость обстоятельного научного осмысления содержащихся в нем правовых позиций.* ***Цель*** *— выявить правовые позиции высшего судебного органа по вопросам, прямо не решенным в тексте УК РФ, и дать оценку их обоснованности.* ***Методологическая основа:*** *общенаучные и частнонаучные исследовательские методы (диалектический, анализ, синтез, системный, структурно-функциональный, формально-юридический и др.).* ***Результаты:*** *установлено, что правильному пониманию отсрочки отбывания наказания способствуют правовые позиции Верховного Суда РФ, касающиеся временных параметров ее предоставления, круга адресатов, оснований применения и отмены, видов наказаний, отбывание которых может быть отсрочено; напротив, дискуссионными и неоднозначными признаны положения, раскрывающие сущность отсрочки отбывания наказания, а также определяющие понятие тяжких и особо тяжких преступлений против личности для целей ст. 82 УК РФ.* ***Выводы:*** *необходимо держать в поле зрения уязвимые и дискуссионные положения анализируемого акта официального судебного толкования, оценивать влияние принятых в соответствии с ними решений на достижение уголовно-правовых задач, обосновывать оптимальные варианты нейтрализации имеющихся проблем.*

Ключевые слова: *отсрочка отбывания наказания, беременные женщины, суррогатное материнство, осужденные, имеющие малолетних детей, правовые позиции Верховного Суда РФ.*

E.V. Kobzeva

POSTPONEMENT OF SERVING SENTENCES FOR PREGNANT WOMEN AND CONVICTS WITH YOUNG CHILDREN IN THE LIGHT OF THE LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: *the postponement of serving a sentence is a criminal law measure that, along with preventing the commission of new crimes, contributes to ensuring the country's demographic potential. The effectiveness of the postponement depends largely on the interpretation and appli-*

© Кобзева Елена Васильевна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: evkobzeva@yandex.ru
© Kobzeva Elena Vasilyevna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law (Saratov State Law Academy)

cation of the relevant provisions of the Criminal Code and the Penal Code of the Russian Federation. The adoption of a resolution by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the postponement of serving a sentence necessitates a thorough scientific analysis of the legal positions contained in it. ***Objective*** *— to identify the legal positions of the highest judicial authority on issues that are not explicitly addressed in the Criminal Code of the Russian Federation and to assess their validity.* ***Methodology:*** *general scientific and private scientific research methods (dialectical, analysis, synthesis, systemic, structural-functional, formal-legal, etc.).* ***Results:*** *it has been established that the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the time parameters of the deferment of punishment, the range of recipients, the grounds for its application and cancellation, and the types of punishments that can be deferred, contribute to a correct understanding of the deferment of punishment. On the other hand, the provisions that reveal the essence of the deferment of punishment, as well as those that define the concept of serious and particularly serious crimes against the person for the purposes of Art. 82 of the Criminal Code of the Russian Federation, have been recognized as controversial and ambiguous.* ***Conclusions:*** *it is necessary to keep in mind the vulnerable and controversial provisions of the analyzed act of official judicial interpretation, assess the impact of the decisions made in accordance with them on achieving criminal law objectives, and justify the optimal options for neutralizing the existing problems.*

Keywords: *postponement of serving a sentence, pregnant women, surrogate maternity, convicts with minor children, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation.*

На протяжении всего периода действия УК РФ отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и осужденным, имеющим малолетних детей, зарекомендовала себя в качестве эффективной и востребованной меры уголовно-правового воздействия. Принятие в декабре 2023 г. постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания»[1] (далее — ППВС № 47) обеспечило определенную полноту и системность разъяснения положений, значимых для функционирования данного вида освобождения от наказания.

Правильному пониманию порядка предоставления отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и осужденным, имеющим малолетних детей, способствует указание на ее применимость как при постановлении приговора, так и в порядке его исполнения (п. 2 ППВС № 47). Специфика известных уголовному закону видов освобождения от наказания предопределяет разные временные возможности их реализации, релевантные определенным стадиям уголовного судопроизводства [1, с. 594; 2, с. 68]. По смыслу ст. 82 УК РФ, основание применения отсрочки отбывания наказания обусловлено беременностью женщины, наличием у нее малолетнего ребенка или наличием у мужчины статуса единственного родителя ребенка в возрасте до 14 лет. Поскольку перечисленные обстоятельства могут возникнуть в разное время, постольку и отсрочка по соответствующему основанию может быть предоставлена как при постановлении приговора, так и в процессе его исполнения (ч. 9 ст. 175, ст. 177 УИК РФ). Приведенное истолкование подкрепляется положениями ч. 3 и 4 ст. 82 УК РФ, где альтернативно описаны правовые последствия, избираемые судом на втором этапе отсрочки отбывания наказания, недвусмысленно коррелирующие с моментом ее предоставления.

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2023 г. № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.

В такой же логике следует рассуждать применительно к отсрочке отбывания наказания больным наркоманией (ч. 1 и 3 ст. 82[1] УК РФ, ст. 178[1] УИК РФ). Однако, несмотря на кажущуюся ясность, в теории уголовного права рассматриваемый вопрос применительно к обеим разновидностям отсрочки отбывания наказания решается неоднозначно [3, с. 92; 4, с. 192]. При таких данных возлагать надежды на единообразное и, главное, верное понимание ситуации со стороны правоприменителей, самих адресатов отсрочки, лиц, действующих в их интересах, было бы опрометчиво. Положение п. 2 ППВС № 47 призвано обеспечить корректную реализацию рассматриваемого института.

Определяя круг лиц, к которым применима отсрочка отбывания наказания, Верховный Суд РФ не ограничивается перечислением адресатов, прямо обозначенных в ст. 82 УК РФ, а раскрывает их возможные проявления в привязке к соответствующему правовому статусу (п. 3, 5 ППВС № 47). К сожалению, в указанных положениях не получил разрешения вопрос о применении отсрочки отбывания наказания к беременной женщине, являющейся суррогатной матерью. Толкование ч. 1 ст. 82 УК РФ во взаимосвязи с ч. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ приводит к единственно возможному выводу — отсрочка суррогатной матери может быть предоставлена до того момента, пока она не утратит юридическую связь с ребенком, согласившись на его передачу «лицам, давшим свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине»[1]. Однако при всей однозначности сформулированного тезиса правовые последствия передачи ребенка в законе внятно не определены, ввиду чего перспективы развития уголовно-правовых отношений в теории и судебной практике могут оцениваться по-разному. Так, по мнению Д.М. Адылина, выполнение суррогатной матерью указанного юридически значимого действия повлечет за собой отмену отсрочки отбывания наказания в порядке ч. 2 ст. 82 УК РФ и направление осужденной в место отбывания назначенного наказания, а потому во избежание негативных последствий она будет вынуждена отказаться от передачи ребенка, что негативно отразится на интересах потенциальных родителей и в целом на институте суррогатного материнства [5, с. 12]. Полагаем, столь пессимистичный прогноз не согласуется с духом и логикой действующего законодательства. Передача ребенка, основанная на договоре о суррогатном материнстве, никоим образом не может приравниваться к отказу от ребенка и уклонению от его воспитания (ч. 2 ст. 82 УК РФ), предполагающему беспричинное невыполнение осужденным своих родительских обязанностей. Социальная природа данных поведенческих актов в корне различается, что исключает тождество их юридической оценки. Неслучайно Верховный Суд РФ дифференцирует основания, связанные с прекращением статуса родителя, на две группы, влекущие ее позитивную и негативную отмену. Так, прерывание беременности по медицинским показаниям и смерть ребенка обусловливают прекращение отсрочки в порядке ч. 3 ст. 82 УК РФ, а умышленное без медицинских на то показаний прерывание беременности — в порядке ч. 2 ст. 82 УК РФ (п. 9 и 11 ППВС № 47). Включение в перечень оснований п. 9 передачи суррогатной матерью ребенка потенциальным родителям способствовало бы преодолению разночтений в решении этого вопроса.

[1] См.: Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп. от 23 ноября 2024 г. № 405-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2024. № 48, ст. 7212.

Заслуживает поддержки разъяснение Верховного Суда РФ о возможности предоставления осужденному отсрочки отбывания не только основного, но и наряду с ним дополнительного вида наказания (п. 6 ППВС № 47). Отсутствие в ст. 82 УК РФ какого-либо упоминания дополнительного вида наказания допускает вывод о применимости отсрочки только к основным видам наказаний. Однако, во-первых, в законе нет прямого запрета на предоставление отсрочки отбывания дополнительного вида наказания, а во-вторых, исполнение/отбывание дополнительных видов наказаний может существенно ограничить имущественные права осужденных и неблагоприятно отразиться на интересах семьи и малолетних детей, что диссонирует с самой сущностью отсрочки отбывания наказания.

Безусловной практической ценностью обладают положения ППВС № 47 об основаниях, устанавливаемых при первоначальном решении вопроса о предоставлении отсрочки отбывания наказания; избрании правовых последствий на втором этапе ее реализации; сокращении продолжительности отсрочки по истечении срока, равного сроку назначенного наказания; отмене отсрочки по причине невыполнения осужденным требований, предъявляемых к его поведению (п. 4, 9–11). Отмеченное многообразие ситуаций обусловлено сложным механизмом отсрочки отбывания наказания, который, в свою очередь, продиктован условным и неокончательным характером данного вида освобождения от наказания, а также двухэтапностью его применения. Конкретизируя перечисленные основания, Верховный Суд РФ обозначает критерии, на которые необходимо опираться при рассмотрении конкретного касающегося отсрочки вопроса. Их совокупный учет, хотя и не гарантирует принятие единственно верного решения, но предполагает взвешенную оценку отдельно взятого случая, влечет сокращение пределов судейского усмотрения и в целом обеспечивает более эффективную реализацию института отсрочки отбывания наказания.

Содержательный анализ рассматриваемого акта официального судебного толкования позволяет выделить не только заслуживающие поддержки правовые позиции, но и подходы, побуждающие к дискуссии. Остановимся на двух наиболее значимых аспектах.

Из определения Верховным Судом РФ сущности отсрочки отбывания наказания следует, что она ориентирована на обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних и предоставляет осужденному возможность доказать свое исправление без реального отбывания наказания при условии надлежащей заботы о малолетнем ребенке (п. 1 ППВС № 47). Подобная расстановка акцентов видится не вполне корректной. Уникальность отсрочки отбывания наказания, действительно, состоит в том, что помимо собственно уголовно-правовой задачи по предупреждению совершения новых преступлений ее предоставление отдельным категориям осужденных способствует решению иных «стоящих перед государством глобальных социально значимых задач» [7, с. 137], в рассматриваемом случае — преодолению демографического кризиса. Однако обозначенный потенциал отсрочки во всех случаях должен быть подчинен предупредительной задаче отрасли уголовного права: при наличии данных, указывающих на неблагонадежность виновного, ее применение исключается. Что касается выполнения осужденным обязанностей по «надлежащему уходу за ребенком, его воспитанию и всестороннему развитию», то и его ключевое значение в рамках ст. 82 УК РФ неразрывно связано со снижением (утратой) опасности личности виновного [4,

с. 189–190] и обеспечением тем самым превентивной направленности института. Именно с этих позиций суд принимает итоговое решение по завершении отсрочки, освобождая осужденного от наказания (дальнейшего отбывания наказания) либо заменяя его более мягким видом наказания. В свете изложенного первостепенный акцент в определении сущности отсрочки Верховному Суду РФ следовало сделать на достижении результата, указанного в ч. 1 ст. 2 УК РФ.

За многолетний период функционирования отсрочки отбывания наказания в теории и судебной практике устоялось восприятие тяжких и особо тяжких преступлений как преступлений исключительно умышленных, в то время как с 2019 г. к категории тяжких могут относиться и деяния, совершаемые по неосторожности[1]. В связи с этим предпринятое высшим судебным органом истолкование тяжких и особо тяжких преступлений против личности для целей ст. 82 УК РФ (п. 7 ППВС № 47) представляется правильным в той части, в которой оно ограничивает их круг деяниями, совершаемыми с умышленной формой вины. В то же время не находим возможным согласиться с тем, что трактовка преступлений против личности замыкается пределами одноименного раздела VII УК РФ. Развивая идею о непреложности задач, стоящих перед уголовным законом, уместно отметить, что приоритетной среди них является уголовно-правовая охрана прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, в ч. 1 ст. 82 УК РФ речь идет не о любых преступлениях, затрагивающих интересы личности, а о деяниях повышенного уровня общественной опасности, в силу чего они отнесены законодателем к категории тяжких или особо тяжких, а суд назначает за их совершение наказание свыше пяти лет лишения свободы. С учетом этих обстоятельств для целей ст. 82 УК РФ преступлениями против личности следует считать уголовно наказуемые деяния, в которых личность выступает в качестве как основного, так и дополнительного объектов посягательства.

Принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного отсрочке отбывания наказания, вне всякого сомнения, будет способствовать более эффективной реализации данного института. Однако научному сообществу необходимо держать в поле зрения уязвимые и дискуссионные положения анализируемого акта, отслеживать их восприятие судебной практикой, оценивать влияние принятых в соответствии с ними решений на последующее поведение лиц, являющихся адресатами отсрочки, и достижение стоящих перед уголовным правом задач, обосновывать оптимальные варианты нейтрализации имеющихся проблем.

Библиографический список

1. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник: в 3 т. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014. Т. 1: Общая часть. 720 с.

2. *Горшенин А.А.* Освобождение от уголовной ответственности, наказания и его отбывания: учеб. для вузов. М.: Юрайт, 2026. 97 с.

3. *Кашуба Ю.А., Соколов А.А.* Виды иных оснований освобождения от отбывания наказания и их классификация // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2. С. 88–95.

[1] См.: Федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 25, ст. 3166.

4. *Ефремова И.А.* Понятие, признаки, основания и виды института освобождения от наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 188–193.

5. *Адылин Д.М.* Некоторые вопросы предоставления отсрочки отбывания наказания // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 3. С. 9–13.

6. *Копылова О.П., Медведева С.В.* Отсрочка отбывания наказания (статья 82 УК РФ): особенности правоприменения // Право: история и современность. 2019. № 4. С. 50–57.

7. *Храмков Р.П.* Понятие и признаки отсрочки отбывания наказания // Современное право. 2024. № 11. С. 136–139.

References

1. Russian Criminal Law. General and Special Parts: Textbook: in 3 Vol. 2nd Edition, Revised and Expanded / Ed. by N.A. Lopashenko. M.: Yurlitinform, 2014. Vol. 1: General Part. 720 p.

2. *Gorshenin A.A.* Release from Criminal Liability, Punishment, and Its Execution: A Textbook for Universities. M.: Yurayt, 2026. 97 p.

3. *Kashuba Yu.A., Sokolov A.A.* Types of Other Grounds for Release from Sentence and Their Classification // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. P. 88–95.

4. *Efremova I.A.* The Concept, Features, Grounds and Types of the Institution of Release from Punishment // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 1. P. 188–193.

5. *Adylin D.M.* Some Issues of Granting a Deferment of Serving a Sentence // Bulletin of the Samara Law Institute. 2021. No. 3. P. 9–13.

6. *Kopylova O.P., Medvedeva S.V.* Deferment of Serving a Sentence (Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation): Features of Law Enforcement // Law: History and Modernity. 2019. No. 4. P. 50–57.

7. *Khramkov R.P.* The Concept and Features of the Postponement of Sentence // Modern Law. 2024. No. 11. P. 136–139.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-226-232
УДК 343.211

Р.А. Комягин

СООТНОШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Введение: *в настоящем исследовании представлен авторский подход к решению вопроса о соотношении преступления и состава преступления. В основу построения теоретической модели положены особенности диалектических связей общего, особенного и единичного, что позволило сопоставить преступление и состав преступления на трех уровнях: общих и видовых понятий, конкретных явлений.* ***Цель*** *— рассмотреть теоретическую модель соотношения преступления и состава преступления.* ***Методологическая основа:*** *совокупность метафизического, диалектического, сравнительно-правового, формально-юридического, логического методов исследования, а также метод правового моделирования.* ***Результаты:*** *на основе существующих в доктрине уголовного права подходов к пониманию состава преступления представлен инновационный методологический подход к соотношению преступления и состава преступления.* ***Выводы:*** *состав преступления, равно как и преступление, имеет формально материальную природу происхождения. Выступая явлениями объективной реальности, каждая из рассматриваемых категорий имеет общее и видовое понятие, а на каждом из уровней абстракции — разное функциональное значение.*

Ключевые слова: *преступление, состав преступления, общественная опасность, соотношение преступления и состава преступления, теоретическое моделирование.*

R.A. Komyagin

THE RELATIONSHIP BETWEEN A CRIME AND A CORPUS DELICTI: PROBLEMS OF THEORETICAL MODELING

Background: *this study presents the author's approach to solving the issue of the relationship between a crime and a corpus delicti. The theoretical model is based on the features of the dialectical connections between the general, the specific, and the individual, which made it possible to compare the crime and a corpus delicti at three levels: general and specific concepts, and concrete phenomena.* ***Objective*** *— to construct a theoretical model of the relationship between a crime and a corpus delicti.* ***Methodology:*** *a combination of metaphysical, dialectical, comparative legal, formal legal, and logical research methods, as well as the method of legal modeling.* ***Results:*** *based on the existing approaches to understanding the elements of a crime in the doctrine of criminal law, an innovative methodological approach to the relationship between a crime and a corpus delicti is presented.* ***Conclusions:*** *the elements of a crime, as well as the crime itself, have a formally material nature of their origin. As phenomena of objective reality, each of the categories have general and specific concepts. However, at each level of abstraction they have different functional meanings.*

Keywords: *crime, corpus delicti, public danger, correlation between a crime and its elements, theoretical modeling.*

© Комягин Роман Александрович, 2025
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: roman.komyagin@mail.ru
© Komyagin Roman Aleksandrovich, 2025
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law (Saratov State Law Academy)

В условиях XXI столетия уголовное право остается одним из главных регуляторов общественных отношений. Между тем в науке не утихают споры о понятии, сущности и взаимосвязи основополагающих категорий, на которых базируются все уголовно-правовые институты. Таковыми являются «преступление» и «состав преступления». На протяжении нескольких последних десятилетий установлением их соотношения заняты ведущие ученые, исследующие понятие и признаки преступления, общее учение о составе преступления, а также вопросы криминализации, в частности определения ее основания, дифференциации преступлений и правонарушений иных отраслей права. Особую актуальность рассматриваемая проблема приобретает в условиях тесного межотраслевого взаимодействия административного и уголовного права, выражающегося в массовом включении в текст уголовного закона составов с административной преюдицией.

Практическая значимость выстраивания точного соотношения преступления и состава преступления обусловлена необходимостью совершенствования теории квалификации преступлений, а именно выделения этапов юридической оценки общественно опасного деяния, формулирования ее правил при конкуренции уголовно-правовых норм. Характер взаимосвязи состава преступления и общественной опасности лежит в основе решения вопроса о малозначительности деяния.

Основной причиной дискуссионности вопроса о соотношении преступления и состава преступления является отсутствие признаваемой всеми методологии, то есть определенности в том, как именно следует выстраивать взаимосвязь между двумя анализируемыми категориями.

В первую очередь представляется необходимым рассмотреть соотношение на основе уголовно-правовой природы их происхождения. Сегодня в доктрине представлено два подхода к пониманию состава преступления — нормативистский и объективистский.

Суть нормативистского подхода к пониманию состава преступления состоит в том, что если преступление — конкретный акт человеческого поведения, то состав преступления — описание его в законе. Так, согласно мнению А.И. Марцева, «каждое преступление характеризуется множеством индивидуальных особенностей или признаков. Нет абсолютно одинаковых преступлений. Вместе с тем все преступления обладают типичными признаками, общими для всех преступлений. Выделение общих признаков позволило теории уголовного права создать теоретическую модель формы бытия каждого преступления. Эта модель и есть состав преступления…» [1, с. 109–110].

А.В. Иванчин указывает на то, что «состав преступления соответствует уголовной противоправности как признаку преступления». В то время как общественную опасность исследователь выносит за рамки состава преступления [2, с. 113].

Для представителей рассматриваемого подхода характерно мнение о том, что состав преступления соответствует общественной опасности не как материальному признаку конкретного преступления, а позволяет установить в уголовном законе типовой характер и степень преступных деяний одного вида [3, с. 7].

Приведенные позиции подвергаются конструктивной критике в науке уголовного права. По мнению А.П. Козлова, в представленном понимании состав преступления оказывается тождественен диспозиции уголовно-правовой нормы [4, с. 180–182]. Как следствие, в таком значении состав преступления не может выступать в качестве единственного основания уголовной ответственности.

Последнюю из названных категорий П.Ю. Предеин понимает как совершение деяния, предусмотренного статьей или частью статьи Особенной части УК РФ и содержащего все признаки одного или более составов преступлений [5, с. 8]. Схожей точки зрения придерживается А.А. Чистяков. Он считает, что поскольку состав преступления принадлежит уголовному закону, его нельзя признать единственным основанием уголовной ответственности. В качестве последнего автор рассматривает деяние, содержащее все признаки состава преступления, поскольку таковое обладает как материальными, так и правовыми свойствами [6, с. 45]. В.В. Хилюта тоже полагает, что «даже при установлении всех элементов состава преступления деяние человека может и не являться преступлением в силу, например, малозначительности совершенного деяния, наличия проступка, отсутствия противоправности совершенного деяния (например, ввиду наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния)» [7, с. 300].

Таким образом, в рамках нормативистского подхода к пониманию состава преступления преступление и состав преступления соотносятся следующим образом: «Преступление — это событие реальной жизни, выражающееся в конкретном поступке человека, состав же преступления — это характеристика этого поступка-события в законе. Состав преступления говорит о том, каким должен быть поступок, чтобы назвать его преступлением. Нет описания поступка в законе (состава преступления), нет и преступления в действительности» [8, с. 82–83].

Для представителей другого, объективистского подхода состав преступления — это такое же явление объективной реальности, как и само преступление.

А.Н. Трайнин указывал, что «общественная опасность есть материальная характеристика преступления, противоправность и наказуемость — его характеристика формальная. … Всякое наказуемое действие всегда есть общественно опасное и противоправное. Поэтому доказательство наличия в деянии виновного всех элементов предусмотренного законом состава есть вместе с тем и доказательство общественной опасности и противоправности» [9, с. 61–61]. К схожему выводу приходили М.П. Карпушин и В.И. Курляндский. Они полагали, что «состав преступления сформулирован, определен в законе. Вместе с тем состав преступления содержится в деяниях определенного вида. Состав преступления немыслим без закона, но и не живет без общественно опасного посягательства. Без посягательств остается только законодательное определение состава» [10, с. 169]. Наиболее точно соотношение преступления и состава преступления представлено в работах Н.Ф. Кузнецовой. «Состав преступления состоит из обязательных элементов, образующих общественную опасность деяния, признаки которых описаны в диспозициях уголовно-правовых норм Общей и Особенной частей УК. Состав — это такая же реальность, как и преступление, ядром которого он является» [11, с. 11]. Характеризуя тесную взаимосвязь признаков преступления и состава преступления, Я.М. Брайнин указывал, что применение уголовной ответственности не требует двух самостоятельных оснований: совершенного преступления и наличия в нем признаков состава преступления. Наличие одной категории напрямую обуславливает наличие другой [12, с. 36–37].

В рамках объективистского подхода становится возможным соотношение преступления и состава преступления по объему (содержанию). Так, «при определении размера наказания и самого вида воздействия в отношении лица, совершившего преступление, может быть установлен целый ряд признаков,

не включенных в состав, но учитываемых судом и другими органами правосудия: наличие судимостей в прошлом, наступление последствий, мотивы преступлений, безупречное отношение к выполнению общественных или государственных обязанностей, семейной положение и т.д. В частности, большое значение при решении этих вопросов имеет характеристика личности виновного» [13, с. 649].

Так, ФИО1, будучи поднадзорным лицом, самовольно оставил место жительства, в целях уклонения от административного надзора. Ранее решением Южно-Сахалинского городского суда в отношении него установлен административный надзор сроком на 8 лет со дня его постановки на учет в ОВД по избранному месту жительства или пребывания. Одновременно ему были установлены административные ограничения в виде: запрета пребывания вне жилого помещения либо пребывания поднадзорного лица в ночное время, с 22 часов 00 минут до 6 часов 00 минут, вне жилого помещения; запрета посещения мест проведения массовых и иных мероприятий, участия в них; запрета выезда за установленные судом пределы территории и другие обязанности.

После этого ФИО1 для регистрации не являлся, какие-либо сведения о месте своего жительства и причинах неявки в ОМВД России по Углегорскому городскому округу не сообщал, в целях уклонения от административного надзора самовольно оставил место жительства.

ФИО1 признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, за которое ему назначено наказание в виде 6 месяцев лишения свободы.

Между тем ввиду наличия обстоятельств, смягчающих уголовное наказание, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 61 УК РФ: полное признание вины, раскаяние в содеянном, активное способствование расследованию преступления, состояние здоровья (наличие врожденного заболевания), в соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание в виде лишения свободы решено считать условным с испытательным сроком 6 месяцев[1].

Как можно заметить из приведенного примера, при принятии окончательного решения в числе обстоятельств, смягчающих уголовное наказание, суд учитывал наличие врожденного заболевания у виновного, которое находится за рамками состава совершенного преступления и является характеристикой личности виновного.

В другом примере из судебной практики ФИО1 причинил тяжкий вред здоровью ФИО3, опасный для жизни последнего, при следующих обстоятельствах: между ФИО1 и ФИО3 (сыном и отцом), находившимися в состоянии алкогольного опьянения, произошел словесный конфликт. В результате него ФИО1 из-за возникших неприязненных отношений умышленно нанес не менее двух ударов руками по телу ФИО3, причинив последнему телесные повреждения, которые в совокупности отнесены к вреду здоровью, опасному для жизни человека, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни и квалифицируется как тяжкий вред здоровью.

Подсудимый ФИО1 виновным себя в инкриминируемом ему деянии не признал, суду пояснил, что отца в живот он не бил, ногами не пинал.

[1] См.: Приговор № 1-60/2025 от 28 апреля 2025 г. по делу № 1-60/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gCEuWstcBzdm/ (дата обращения: 10.11.2025).

Суд постановил признать ФИО1 виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, и назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 3 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. В соответствии с п. «г» ч. 1, ч. 2 ст. 61 УК РФ было учтено такое обстоятельство, смягчающее уголовное наказание, как наличие малолетнего ребенка у виновного[1].

В данном случае на этапе индивидуализации уголовного наказания судом учтено обстоятельство, находящееся за рамками состава преступления, но имеющее уголовно-правовое значение — наличие малолетнего ребенка у виновного.

Соотношение преступления и состава преступления на уровне общих понятий не позволяет полностью раскрыть сущность данных категорий. Помимо общих, в науке уголовного права также называют меньшие по уровню теоретической абстракции — видовые понятия преступления и состава преступления [14, с. 46–48; 10, с. 162–164]. Например, такое преступление, как кража, закреплено в ч. 1 ст. 158 УК РФ, согласно которой под ним понимается тайное хищение чужого имущества. Содержание данной нормы есть не что иное, как понятие о преступлении определенного вида, позволяющее сформировать представление о его наиболее существенных признаках.

Характеризуя нравственные начала в деятельности федерального законодателя, А.М. Герасимов отмечает, что «нет никаких сомнений в том, что подавляющее большинство норм и положений уголовного закона, характеризующих криминообразующие признаки соответствующих деяний, ориентировано на запрещение поведения, имеющего явно выраженную злонамеренную природу» [15, с. 180]. На этапе криминализации задачей законодателя является как можно точнее отразить общественную опасность конкретного преступления посредством закрепления криминообразующих признаков в диспозиции запретительной уголовно-правовой нормы.

Однако при квалификации их учета оказывается недостаточно для того, чтобы произвести уголовно-правовую оценку совершенного деяния. Таковая становится возможной только благодаря наличию в уголовном законе понятия о составе преступления определенного вида, часть признаков которого предусмотрена в Общей части УК РФ.

На наш взгляд, теоретическая модель соотношения преступления и состава преступления может быть представлена следующим образом:

1) состав преступления, равно как и преступление, имеет формально-материальную природу своего происхождения. Суть соотношения рассматриваемых уголовно-правовых явлений на уровне общих понятий состоит в том, что понятие преступления позволяет разграничить преступления и правонарушения иных отраслей права, а понятие состава закладывает основу структуры для каждого преступления, предусмотренного в уголовном законе. В связи с этим материальные признаки общего понятия преступления получают системно-структурную конкретизацию в элементах и признаках состава преступления, а именно виновность совершения преступления в субъективной стороне, общественная опасность деяния и наступивших последствий — в объекте и объективной стороне как элементах состава преступления;

[1] См.: Приговор № 1-10/2025 1-61/2024 от 28 апреля 2025 г. по делу № 1-10/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ppKN8jN098Ll/ (дата обращения: 10.11.2025).

2) на уровне видовых понятий все признаки анализируемых категорий приобретают содержание, характерное для преступного деяния одного вида — убийства, кражи, грабежа и т.д. Понятие о составе преступления определенного вида является теоретической основой квалификации преступлений, поскольку аккумулирует в себе систему необходимых и достаточных признаков для признания совершенного деяния преступлением. Основу содержания понятия преступления определенного вида составляют криминообразующие признаки, и оно приобретает особое значение на этапе закрепления деяния в уголовном законе;

3) на уровне единичных явлений конкретное преступление шире собственного состава и охватывает обстоятельства личности виновного, смягчающие или отягчающие уголовную ответственность, и иные, характерные для преступления как факта реальной действительности. Однако только наличие системы элементов и признаков состава преступления применительно к конкретному совершенному деянию позволяет установить основание уголовной ответственности, что определяет главное значение состава преступления. Другие обстоятельства оказываются востребованными на этапе назначения виновному вида и размера уголовного наказания или применения иных мер уголовно-правового характера.

Библиографический список

1. *Марцев А.И.* Общие вопросы учения о преступлении: монография. Омск: Изд-во Омского юрид. ин-та МВД России, 2000. 136 с.

2. *Иванчин А.В.* Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. … д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. 462 с.

3. *Кригер Г.А.* Основания уголовной ответственности // Советская юстиция. 1960. № 7. С. 6–9.

4. *Козлов А.П.* Понятие преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 817 с.

5. *Предеин П.Ю.* Составные и сложные преступления: вопросы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 28 с.

6. *Чистяков А.А.* Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Рязань, 2003. 57 с.

7. *Хилюта В.В.* Преступление в доктрине уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2025. 408 с.

8. *Ораздурдыев А.М.* Основы уголовного права. Общая часть. Книга 1. Преступление: учебник для вузов. М.: Юрлитинформ, 2021. 408 с.

9. *Трайнин А.Н.* Учение о составе преступления. М.: Юрид. изд-во, 1946. 185 с.

10. *Карпушин М.П., Курляндский В.И.* Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит., 1974. 231 с.

11. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Городец, 2007. 336 с.

12. *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1963. 275 с.

13. *Алексеев Н.С., Смирнов В.Г., Шаргородский М.Д.* Основание уголовной ответственности по советскому праву // Российский ежегодник уголовного права. 2006. № 1. С. 641–655.

14. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1972. 352 с.

15. *Герасимов А.М.* Теория уголовного правонарушения: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 320 с.

References

1. *Martsev A.I.* General Issues of the Doctrine of Crime: Monograph. Omsk : Publishing House of Omsk Law. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. 136 p.
2. *Ivanchin A.V.* Conceptual Foundations of the Construction of a Crime Element: Diss. ... Doc. Jurid. Sciences. Yaroslavl, 2014. 462 p.
3. *Kriger G.A.* The Basis of Criminal Liability // Soviet Justice. 1960. No. 7. P. 6–9.
4. *Kozlov A.P.* The Concept of Crime. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 817 p
5. *Predein P.Yu.* Composite and Complex Crimes: Issues of Theory and Practice: Abstract of the Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. Yekaterinburg, 2013. 28 p.
6. *Chistyakov A.A.* Theoretical and Methodological Problems of the Doctrine of Criminal Responsibility and the Mechanism Forming its Foundation: Abstract of the Diss. ... Doc. Jurid. Sciences. Ryazan, 2003. 57 p.
7. *Khilyuta V.V.* Crime in the Doctrine of Criminal Law: Monograph. M.: Yurlitinform, 2025. 408 p.
8. *Orazdurdyev A.M.* Fundamentals of Criminal Law. General Part. Book 1. Crime: Textbook for Universities. M.: Yurlitinform, 2021. 408 p.
9. *Trainin A.N.* The Doctrine of the Composition of a Crime. M.: Law Publishing House, 1946. 185 p.
10. *Karpushin M.P., Kurlyandsky V.I.* Criminal Liability and the Elements of a Crime. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1974. 231 p.
11. *Kuznetsova N.F.* Problems of Crime Classification: Lectures on the Special Course "Fundamentals of Crime Classification". M.: Gorodets, 2007. 336 p.
12. *Brainin Ya.M.* Criminal Liability and Its Basis in Soviet Criminal Law. M.: Legal Literature, 1963. 275 p.
13. *Alekseev N.S., Smirnov V.G., Shargorodsky M.D.* The Basis of Criminal Liability under Soviet Law // Russian Yearbook of Criminal Law. 2006. No. 1. P. 641–655.
14. *Kudryavtsev V.N.* General Theory of Crime Classification. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1972. 352 p.
15. *Gerasimov A.M.* Theory of Criminal Offense: Monograph. M.: Yurlitinform, 2022. 320 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-233-240
УДК 343.34

М.М. Лапунин

ПРИНЯТИЕ КОНВЕНЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПРОТИВ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ СТИМУЛ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Введение: *принятие Генеральной Ассамблеей 24 декабря 2024 г. Конвенции ООН против киберпреступности — важное политическое, юридическое и социальное достижение Российской Федерации, являющейся инициатором ее разработки и подписания.* ***Цель*** *— сформулировать пути изменения положений отечественного уголовного законодательства в связи с принятием рассматриваемого международного акта.* ***Методологическая основа:*** *диалектический, догматический, системный методы.* ***Результаты:*** *в большей степени российский уголовный закон готов к реализации задач, которые ставятся Конвенцией. Однако имеется ряд положений УК РФ, которые следует скорректировать, также существует потребность в устранении некоторых пробелов криминализации. Одновременно отдельные нормы самой Конвенции сформулированы не слишком очевидным образом, нуждаются в уточнении, единообразном толковании.* ***Выводы:*** *во исполнение предписаний Конвенции в российском уголовном законе следует уточнить некоторую терминологию, связанную с компьютерными преступлениями, скорректировать положения, затрагивающие ответственность за преступления против половой неприкосновенности, тайны личной жизни.*

Ключевые слова: *компьютерные преступления, киберпреступления, киберпреступность, международное сотрудничество, соотношение международного и российского права, криминализация в сфере высоких технологий.*

M.M. Lapunin

ADOPTION OF THE UNITED NATIONS CONVENTION AGAINST CYBERCRIME AS A LEGAL INCENTIVE TO IMPROVE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Background: *the adoption of the UN Convention against Cybercrime by the General Assembly on December 24, 2024, is a significant political, legal, and social achievement for the Russian Federation, which initiated its development and signing.* ***Objective*** *— to formulate ways to change the provisions of domestic criminal legislation in connection with the adoption of the international act under consideration.* ***Methodology:*** *dialectical, dogmatic, and systematic methods.* ***Results:*** *to a greater extent, Russian criminal law is ready to implement the tasks set by the Convention. However, there are a number of provisions of the Criminal Code of the Russian Federation that should be adjusted, and there is also a need to eliminate some criminalization gaps. At the same time, certain norms of the Convention itself are formulated in a not too obvious way, they need clarification and uniform interpretation.* ***Conclusions:*** *in accordance with the provisions of the UN Convention, some terminology related to computer crimes should be clarified in Russian criminal law, and provisions concerning responsibility for crimes against sexual integrity and privacy should be adjusted.*

© Лапунин Михаил Михайлович, 2025

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lapuninm@yandex.ru

© Lapunin Mikhail Mikhailovich, 2025

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law (Saratov State Law Academy)

Keywords: *computer crimes, computer-related crime, cybercrime, international cooperation, correlation of international and Russian law, criminalization in the field of high technologies.*

Принятие резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи от 24 декабря 2024 г. Конвенции ООН против киберпреступности[1] (далее — Конвенция) и ее подписание 25 октября 2025 г. в Ханое (Вьетнам) от имени России Генеральным прокурором РФ — поистине эпохальное событие для политики борьбы с современной преступностью. Еще несколько лет назад мало кто верил в успех разработки столь глобального соглашения: многие страны довольствовались региональным договором[2]. Появление нового соглашения в сфере борьбы с киберпреступностью имеет огромное социальное, юридическое и политическое значение. Особо важно отметить роль Российской Федерации в инициативе его принятия, в разработке и участии. В результате текст Конвенции в большой степени согласуется с отечественными наработками доктрины уголовного права и криминологии в части противодействия компьютерным преступлениям и смежным с ними общественно опасным деяниям. Однако необходимо учитывать крайне насыщенное содержание документа, его значительный объем (68 статей и приложение), стремление разработчиков сформулировать диспозиции норм максимально универсально, удобочитаемо для стран с разными правовыми системами. В связи с этим ряд положений новой Конвенции требует осмысления применительно к российской уголовной политике, существует потребность в корректировке положений законодательства и даже в частичной криминализации некоторых деяний. Изучение текста Конвенции позволило выявить факты использования некоторых терминов не в том значении, в котором они применяются в российской юридической доктрине.

Безусловно, единообразное понимание всеми странами-участницами положений Конвенции [1, с. 28] позволит успешнее достигать всех трех целей, закрепленных в ст. 1 принятого документа. Коротко говоря, они сводятся к формированию эффективного международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью.

В литературе встречаются и более осторожные оценки перспектив применения Конвенции с учетом того, что к ней присоединились или планируют присоединиться недружественные России страны [2, с. 124]. Вместе с тем максимальная эффективность положений данного договора возможна при максимальном охвате самых разных стран мира.

С точки зрения материального права особый интерес представляет ст. 2 Конвенции, в которой закрепляются основные термины.

Важно отметить, что согласно примечанию из приложения к рассматриваемому международному акту участники не обязаны дословно воспроизводить термины, достаточно того, чтобы национальное законодательство обозначало эти понятия в соответствии с принципами и целями Конвенции, обеспечивало

[1] См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (дата обращения: 25.10.2025).

[2] Россия в данном соглашении не участвует. См.: Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185): заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. (с изм. от 28 января 2003 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

осуществление ее положений. Таким образом, у государств остается возможность для корректировки терминов исходя из особенностей национального законодательства и местных юридических принципов.

Два первых базовых термина, которые раскрываются в соглашении, — «информационно-коммуникационная система» (далее — ИКС) и «электронные данные» (далее — ЭД). ИКС определяется как устройство или их группа, которые по команде программы собирают, хранят и автоматически обрабатывают ЭД. Последние определяются как любое представление фактов, информации или концепций в форме, пригодной для обработки в ИКС, включая соответствующую программу, в результате действия которой ИКС выполняет ту или иную функцию.

Таким образом, речь идет об определении одного понятия через другое — ИКС обрабатывают ЭД, а ЭД — это информация, пригодная для обработки в ИКС. Несмотря на недостаток указанных определений с точки зрения формальной логики, можно выделить важную особенность определяемых явлений: ИКС и ЭД представляют собой единый комплекс, как это имеет место, например, в военном деле с оружием и патроном. Соответственно, понимание ЭД будет трансформироваться вместе с совершенствованием ИКС, появлением новых технических средств обработки информации.

Согласно ст. 2 Конвенции определено серьезное преступление — деяние, за совершение которого предусмотрено наказание в виде не менее 4 лет лишения свободы. Этот термин упоминается в ст. 35, 40, 41 Конвенции. Вместе с тем в ст. 30 «Перехват данных о содержании» говорится про серьезное уголовное правонарушение. Вероятно, в смысле анализируемого документа это синонимы, хотя в ряде стран и разделяются, в частности, преступления и проступки.

С точки зрения отечественного законодательства выбранный срок лишения свободы не слишком удобен: для категоризации преступлений в ст. 15 УК РФ используются иные сроки — не более 3 лет для преступлений небольшой тяжести и не более 5 лет для умышленных преступлений средней тяжести. Таким образом, определение «серьезное преступление» не может ассоциироваться с имеющимися в России категориями преступлений, а должно соотноситься с конкретным деянием индивидуально, независимо от формы вины. Между тем в каждой статье Конвенции, предусматривающей подлежащие криминализации на национальном уровне преступные деяния (ст. 7–17), упоминается про умышленный характер таких преступлений. Соответственно, международное сотрудничество в части противодействия преступлениям, связанным с эксплуатацией ИКТ, совершенным по неосторожности и наказываемым лишением свободы на срок свыше 4 лет, будет явно затруднено (например, ч. 2 ст. 274, ч. 3 ст. 2741 УК РФ). Однако такие деяния совершаются по неосторожности не часто и международное сотрудничество в отношении них явно не входит в приоритет.

В Конвенции закреплены 11 видов преступлений: незаконный доступ (ст. 7); незаконный перехват (ст. 8); воздействие на электронные данные (ст. 9); воздействие на информационно-коммуникационную систему (ст. 10); неправомерное использование устройств (ст. 11); подлог с использованием информационно-коммуникационной системы (ст. 12); хищение или мошенничество с использованием информационно-коммуникационной системы (ст. 13); преступления, связанные с размещением в интернете материалов со сценами сексуальных надругательств над детьми или их сексуальной эксплуатации (ст. 14); домогательство или созда-

ние доверительных отношений с целью совершения сексуального преступления в отношении ребенка (ст. 15); распространение интимных изображений без согласия (ст. 16); отмывание доходов, полученных преступным путем (ст. 17).

Важно отметить, что по ст. 4 Конвенции уголовными правонарушениями должны признаваться и иные преступления, совершаемые с применением ИКС, если такие деяния запрещены другими конвенциями и протоколами ООН. В п. 2 ст. 4 говорится, что «ничто в настоящей статье не должно толковаться как признание деяний уголовно наказуемыми в соответствии с настоящей Конвенцией». Соответственно, подчеркивается важность имплементации положений соглашения в национальное уголовное законодательство. Особенно это ценно для России в силу существующей уголовно-правовой доктрины и закрепленного положения в ч. 1 ст. 1 УК РФ относительно состава уголовного законодательства.

Как отмечает Д.Д. Штодина, при сравнении текста новой Конвенции с текстом Будапештской конвенции 2001 г. можно констатировать, что акцент в первом источнике был сделан прежде всего на собственно компьютерных преступлениях, поэтому основные составы преступлений были связаны с неправомерным использованием компьютера (неправомерный доступ и т.д.). Вместе с тем в Будапештской конвенции перечислены по остаточному принципу и иные, общеуголовные преступления, совершаемые с помощью компьютеров (например, оборот детской порнографии). Практически все виды составов преступлений, перечисленных в Будапештской конвенции, были перенесены в текст Конвенции ООН, кроме преступлений, связанных с нарушением авторских прав. Россия и 20 других государств (среди них Китай и Иран) выступали за более широкое определение понятия «киберпреступление» и за включение в перечень преступных деяний тех, совершение которых может быть фактически упрощено посредством использования технологий (например, осуществление экстремистской деятельности) [2, с. 117]. Реализация указанной идеи возможна в дальнейшем с помощью дополнительных протоколов к договору.

Большинство из перечисленных в Конвенции деяний в полной мере криминализировано российским законодателем прежде всего в гл. 18, 21, 25, 28 УК РФ. Имеется и задел в части расширения ответственности за отдельные посягательства. Так, согласно ст. 2 Конвенции к имуществу относятся виртуальные активы. Соответственно, хищение или мошенничество с использованием ИКС, которые предполагают неправомерное извлечение для себя или для другого лица денежной или иной имущественной выгоды (ст. 13 Конвенции), могут быть использованы и в отношении виртуальных активов. В России этот вопрос, несмотря на все изменения законодательства, так до конца и не получил закрепления в судебной практике. В этой части эффективно не столько изменение уголовного закона, который не препятствует считать виртуальные активы имуществом, а конкретизация положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ по соответствующим вопросам.

Аналогично виртуальные активы могут фигурировать и при отмывании доходов, полученных преступным путем (ст. 17 Конвенции), что уже закреплено в российском праве[1].

[1] См., например, ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (в ред. от 24 июня 2025 г.) (СПС «КонсультантПлюс»).

С точки зрения формулирования субъективной стороны общественно опасных деяний терминология Конвенции небезупречна. В п. 2 ст. 7, п. 2 ст. 8, п. 2 ст. 12 Конвенции, в которых говорится про незаконные доступ к ИКС, перехват ЭД, подлог с использованием ИКС, допускаются ограничения уголовной ответственности случаями, когда преступления совершаются с бесчестным или преступным умыслом. Особо сложно определить термин «бесчестный». Является ли он синонимом аморальному в данном случае? Или речь идет про низменные побуждения, как, например, в ст. 153 и 155 УК РФ? Можно предположить, что «бесчестный» перекочевал из ст. 8 Будапештской конвенции, где эта группа мотивов указывается альтернативно мошенническому намерению (вероятно, корыстному мотиву?). На это указывает и упоминание в ст. 13 Конвенции на мошеннический или бесчестный умысел применительно к хищению или мошенничеству с использованием информационно-коммуникационной системы. Представляется, в УК РФ не следует переносить «бесчестные» побуждения, в силу крайней сложности их конкретизировать.

В п. 1 ст. 11 «Неправомерное использование устройств» непонятно, о каком намерении идет речь, так как именно на этом слове текст пункта обрывается, абзац заканчивается запятой вместо точки.

В п. 2 ст. 12 упоминается намерение совершить обман как умысел, хотя это цель (а сам обман — деяние).

Интерес представляет формулировка п. 1 ст. 8 «Незаконный перехват», согласно которому следует признавать в качестве преступления совершаемое умышленно и неправомерно деяние, осуществляемый с помощью технических средств перехват непубличных передач ЭД в информационно-коммуникационную систему, из нее или внутри нее, в том числе электромагнитного излучения от ИКС, переносящего такие электронные данные. Дело в том, что в примечании 1 к ст. 272 УК РФ форма представления компьютерной информации ограничена только электрическими сигналами, соответственно, необходимо в кодексе отказываться от такого узкого подхода (иначе электромагнитное излучение наряду с иными способами передачи информации, включая оптоволокно, останется без защиты).

В этом плане грамотным следует признать подход, содержащийся в Соглашении СНГ и определяющий компьютерную информацию как находящуюся в памяти компьютерной системы, на машинных или на иных носителях в форме, доступной восприятию компьютерной системы или передающуюся по каналам связи[1].

В подп. «с» п. 2 ст. 17 содержится принцип «двойная преступность» при определении основного (предикатного) преступления, легализация доходов от которого преступна. В результате, «соответствующее деяние является уголовно наказуемым согласно внутреннему законодательству государства, в котором оно совершено, и было бы уголовно наказуемым согласно внутреннему законодательству государства-участника, в котором осуществляется или применяется настоящая статья, если бы оно было совершено в нем». Как видим, несмотря

[1] См. ст. 1 Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г.: ратифицировано Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 237-ФЗ с оговоркой, вступило в силу для Российской Федерации 17 июля 2022 г. (URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207180005) (дата обращения: 25.10.2025).

на изменения ст. 12 УК РФ в 2006 г., в международном праве указанный принцип все еще актуален.

Интерес представляет описание в ст. 2 Конвенции чрезвычайной ситуации — «значительный и неизбежный риск для жизни или безопасности любого физического лица». Следует оговориться, непонятен круг этих лиц: например, подпадает ли сам преступник под лицо, которому угрожает риск? Указанное понятие чрезвычайной ситуации в Конвенции используется для целей описания особенностей взаимодействия между странами (п. 12 и 13 ст. 40, п. 3 ст. 41 Конвенции). Однако это же понятие можно использовать в качестве ориентира для определения, например, случаев крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) как обстоятельства, исключающего преступность деяния (ст. 272 УК РФ).

В качестве еще одного обстоятельства, находящегося на стыке крайней необходимости и обоснованного риска (ст. 41 УК РФ), следует признать упоминание в п. 2 ст. 11 Конвенции так называемого белого хакерства. Устанавливается, что статья «Неправомерное использование устройств» не толкуется «как устанавливающая уголовную ответственность в тех случаях, когда получение, производство, продажа, приобретение для использования, ввоз, распространение или иная форма предоставления или владение, указанные в пункте 1 настоящей статьи, не преследуют цель совершения какого-либо из преступлений, признанных таковыми в соответствии со статьями 7–10 настоящей Конвенции, а связаны, например, с разрешенным испытанием или защитой информационно-коммуникационной системы».

При определении в ст. 2 Конвенции конфискации как окончательного лишения имущества по постановлению суда или другого компетентного органа упоминание внесудебной конфискации не должно рассматриваться как посыл к действию — Конвенция лишь допускает наделение иных, кроме суда, органов, правом конфискации имущества исходя из национального законодательства, а не обязует так поступать. Соответственно, имеющиеся ныне положения ч. 1 ст. 104^1 УК РФ не нуждаются в корректировке.

Согласно ст. 242^1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», наказуемо хранение указанных предметов лишь в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования. Вместе с тем, исходя из посыла ст. 14 Конвенции, при буквальном толковании хранение детской порнографии следует криминализировать независимо от цели (главное, наличие умысла и признака неправомерности). Кроме того, «материалы со сценами сексуальных надругательств над детьми или их сексуальной эксплуатации» включают визуальные материалы и могут содержать письменные или аудиоматериалы, изображающие, описывающие или представляющие любое лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Таким образом, текстовые материалы также могут (хотя и не обязательно) признаваться предметом детской порнографии.

В соответствии со ст. 14 Конвенции к формам запрещаемых деяний в целях борьбы с детской порнографией признаются: транслирование, предоставление иным способом материалов со сценами сексуальных надругательств над детьми или их сексуальной эксплуатации, осуществляемые с помощью ИКС. Такие формулировки закрывают пробелы / дискуссионные моменты относительно криминализации так называемых веб-трансляций для одного зрителя. Представляется, подобные термины могут быть включены и в ст. 242^1 УК РФ.

Согласно п. 3 ст. 14 Конвенции, государство-участник может установить правило, согласно которому к предмету преступления относились только материалы, которые: изображают, описывают или представляют существующего человека или визуально изображают акты сексуальных надругательств над ребенком или сексуальной эксплуатации ребенка. Вероятно, под «существующим» следует понимать «реального» человека, а не обязательно ныне живущего, живого. Главное, чтобы это не была модель, персонаж, созданный или нарисованный человеком, искусственным интеллектом.

В п. 3 ст. 15 Конвенции «Домогательство или создание доверительных отношений с целью совершения сексуального преступления в отношении ребенка» говорится, что государство-участник может рассмотреть вопрос о распространении уголовной ответственности, предусмотренной в п. 1 настоящей статьи, на действия в отношении лица, принимаемого за ребенка. Таким образом, предусмотрена ситуация с фактической ошибкой — ошибкой субъекта преступления в потерпевшем. С учетом криминообразующего значения признаков потерпевшего в данном случае такая ошибка имеет важное значение. С точки зрения отечественного права следует говорить о покушении на преступление (либо приготовлении, если деятельность виновного пресечена до выполнения хотя бы части объективной стороны преступления). Важной видится указанная оговорка относительно случаев, когда в качестве наживки для педофилов используется не живой человек, а специально обученная программа, чат-бот [3, с. 18–21].

В ст. 16 Конвенции государства-участники обязаны установить ответственность за распространение интимных изображений без согласия зафиксированного на них лица, при этом в п. 5 ст. 16 допускается, что в национальном законодательстве может быть установлена в качестве обязательного признака цель распространения: умысел на причинение вреда.

В этой части УК РФ содержит ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» и ст. 138 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений». Вместе с тем определение личной или семейной тайны усложняет работу по квалификации распространения интимных изображений без согласия лица по ст. 137 УК РФ. Однако все это касается настоящих фотографий. Что касается изображений фейковых, сгенерированных, то ни положения имеющейся ст. 137 УК РФ, ни ст. 16 Конвенции не регламентируют специальную норму, предусматривающую ответственность за распространение подобных позорящих изображений.

В ст. 20 Конвенции оговаривается необходимость установления длительных сроков давности применительно к перечисленным в ней преступлениям. Представляется, в этом аспекте российский уголовный закон в полной мере соответствует предъявляемым требованиям.

Обобщая сказанное, следует признать, что в большей степени российский уголовный закон уже готов к реализации задач, которые ставятся перед участниками Конвенции ООН против киберпреступности. Вместе с тем имеется ряд положений УК РФ, которые следует скорректировать, а также есть потребность в устранении некоторых пробелов криминализации. Отдельные нормы самой Конвенции сформулированы не слишком очевидным образом и нуждаются в уточнении, единообразном толковании.

Библиографический список

1. *Талимончик В.П.* Конвенции о киберпреступности и унификация законодательства // Информационное право. 2008. № 2. С. 27–30.
2. *Штодина Д.Д.* Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 года — итог «киберкомпромисса»? // Московский журнал международного права. 2025. № 1. С. 110–124.
3. *Папышева Е.С.* Технология Sweetie и уголовная ответственность: сравнительно-правовое исследование проблем квалификации деяния против цифрового ребенка // Международное уголовное право и международная юстиция. 2025. № 2. С. 17–22.

References

1. *Talimonchik V.P.* Conventions on Cybercrime and Unification of Legislation // Information Law. 2008. No. 2. P. 27–30.
2. *Shtodina D.D.* The United Nations Convention against Cybercrime of 2024 — the Result of the “Cyber Compromise”? // Moscow Journal of International Law. 2025. No. 1. P. 110–124.
3. *Papysheva E.S.* Sweetie Technology and Criminal Liability: a Comparative Legal Study of the Problems of Qualifying an Act against a Digital Child // International Criminal Law and International Justice. 2025. No. 2. P. 17–22.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-241-247
УДК 343

Е.В. Проводина

ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫМ УГРОЗАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Введение: *для эффективного уголовно-правового противодействия общественно опасным угрозам в условиях цифровизации формирование соответствующих механизмов необходимо осуществлять с учетом социальных потребностей современного общества в сфере цифровой безопасности.* ***Цель*** *— разработать основу механизмов уголовно-правового противодействия общественно опасным угрозам, направленных на обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях цифровизации.* ***Методологическая основа:*** *методы сравнительно-правового анализа, структурного анализа, обобщения и социального анализа.* ***Результаты:*** *в качестве основы формирования механизмов уголовно-правового противодействия общественно опасным угрозам в условиях цифровизации обосновывается общественная опасность преступлений, специфические свойства которой определяются, с одной стороны, созданной человеком модифицированной объективной реальностью как новой средой для совершения преступлений, с другой — наличием рисков, сопровождающих развитие цифровых явлений, и влияют на обеспечение баланса между инновационным развитием и безопасностью общества.* ***Выводы:*** *применяемый законодательный подход к конструированию норм об уголовной ответственности за цифровые преступления характеризуется рядом недостатков, указывающих на необходимость аналитической оценки социальных факторов, сопровождающих процесс цифровизации общественных отношений, при обеспечении уголовно-правового удержания в сфере общественно опасных цифровых угроз.*

Ключевые слова: *право, цифровизация, уголовно-правовое противодействие, социально-правовые потребности.*

E.V. Provodina

THE BASIS FOR THE FORMATION OF MECHANISMS FOR CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO SOCIALLY DANGEROUS THREATS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Background: *criminal law counteraction to socially dangerous threats in the context of digitalization is an integral component of the development of modern society. Therefore, the identification of social needs and trends that meet the requirements of digitalized public relations is aimed at forming real counteraction mechanisms adapted to modern social demands in the field of digital security.* ***Objective*** *— to develop the basis of mechanisms for criminal law counteraction to socially dangerous threats aimed at ensuring the security of individuals, society and the state in the context of digitalization.* ***Methodology:*** *methods of comparative legal analysis, structural analysis, generalization and social analysis.* ***Results:*** *as a basis for the formation of mechanisms for criminal law counteraction to socially dangerous threats in the context of digitalization, the*

© Проводина Елена Валерьевна, 2025

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Lysenko-elena12@yandex.ru

© Provodina Elena Valeryevna, 2025

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law (Saratov State Law Academy)

public danger of crimes is substantiated, the specific properties of which are determined, on the one hand, by the man-made modified objective reality as a new environment for committing crimes, on the other hand, by the presence of risks accompanying the development of digital phenomena and affect the balance between innovative development and society safety. ***Conclusions:*** *the identified shortcomings of the legislative approach in the construction of norms on criminal liability for digital crimes indicate the need for an analytical assessment of the social factors accompanying the process of digitalization of public relations, while ensuring criminal law retention in the field of socially dangerous digital threats.*

Keywords: *law, digitalization, criminal law counteraction, social and legal needs.*

Решая проблему криминальной цифровизации, законодатель все чаще действует шаблонно, вводя в отдельные нормы УК РФ способ «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет» в качестве самостоятельного признака.

С точки зрения степени общественной опасности данный признак законодателем оценивается по-разному: признается в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака состава преступления либо выступает криминообразующим признаком.

Способ совершения преступлений представляет внешнее проявление свойств общественной опасности цифровых посягательств, но не исчерпывает ее содержание. «Содержание категории “общественная опасность” рассматривается сквозь призму причиненного вреда и создания угрозы его причинения общественным отношениям» [1, с. 193].

«Вред как признак общественной опасности является существенным только потому, что он проявляет себя в сфере материального порядка… Его центральным элементом выступает человек, другие элементы порядка обеспечивают его благополучие» [2, с. 215]. Социальные свойства причиняемого вреда или угрозы его причинения цифровыми преступлениями обусловлены специфической природой возникающих новых социальных цифровых явлений. Например, производство фальсифицированной медицинской продукции, а также ее несанкционированное изготовление, ответственность за которые прямо предусматривается Конвенцией MEDICRIME[1], характеризуются опасностью прежде всего потому, что ставят под угрозу здоровье человека (в существующих масштабах — здоровье населения). С развитием криминальной цифровизации современное здравоохранение при реализации отношений, обеспечивающих здоровье населения, столкнулось с проблемами информационной безопасности как этического, так и правового характера [3, с. 62]. Отношения, опосредуемые современными информационно-коммуникационными технологиями, могут причинить существенный вред правам и законным интересам личности и во многих других случаях, где механизм уголовно-правовой охраны не срабатывает, повлиять на принятие решений, касающихся трудоустройства, продвижения по службе и т. п. [4, с. 590]. В какой бы сфере социальной жизни ни совершались цифровые преступления, в результате выхода из-под контроля опасного фактора, сопровождающего цифровизацию,

[1] См.: Committee of Ministers of the Council of Europe. Convention of the Council of Europe ‘‘Convention on the Counterfeiting of Medical Products and Similar Crimes Involving Threats to Public Health’’ (October 28, 2011). Moscow, Russia: Council of Europe. URL:https://www.coe.int/en/web/conventions (дата обращения: 02.11.2025).

независимо от формы его проявления будь то побочные эффекты модернизации общества или криминальное злоупотребление его достижениями, вред всегда причиняется человеку как центральному элементу материального порядка.

Специфичность такого вреда обусловлена не столько способом совершения преступлений (применение цифровых технологий), сколько возникновением «второй природы» (техносферы, ноосферы), наполненной качественно новым типом материальных объектов [5, с. 82], в рамках которой он причиняется: «Виртуальная реальность создана человеком как искусственная модификация объективной реальности, материальный посредник, позволивший усложнить и усовершенствовать воздействие сознания на материю» [5, с. 82–87].

И поскольку причинение вреда или создание угрозы его причинения уголовно охраняемым интересам характеризует общественную опасность, являющуюся важным социальным свойством преступления [6, с. 4], то и специфические социальные свойства причиняемого вреда, обусловленные модификацией объективной реальности, предопределяют специфическое содержание общественной опасности цифровых преступлений.

Таким образом, возникновение новой, специфической формы объективной реальности, позволяющей моделировать духовные явления [5, с. 82–87], обусловливает нестандартные свойства социальной вредоносности цифровых преступлений, влияя на содержание специфики общественной опасности цифровых деяний: «…большие сложности возникают при оценке посягательств на общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией прав человека в виртуальном пространстве» [4, с. 589]. «…завладение чужим имуществом в виртуальном мире при определенных условиях имеет признак общественной опасности и должно караться по закону. Однако в настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации в этой части имеет пробел» [7, с. 138]. Специфический характер социального вреда, причиняемого деяниями, совершаемыми в модифицированной объективной реальности, служит поводом к его осмыслению законодателем на уровне механизмов уголовно-правового противодействия, поскольку состояние готовности (как количественная характеристика степени общественной опасности) основывается на характере причиненного вреда соответствующему объекту преступления [8, с. 545].

Поскольку общественная опасность является основным и единственным критерием формирования уголовной ответственности [9, с. 197], уровень которой определяет уголовно-правовые средства удержания [8, с. 544], то при формировании правовых механизмов, способных реагировать на новые вызовы для обеспечения «…баланса между уголовно-правовым запретом и императивными правилами регулирования общественных отношений» [10, с. 125], необходимо учитывать специфический характер общественной опасности преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, детерминированный экстерриториальностью, виртуальностью, гипертаргетированностью и т.д., обусловливающий повышенную степень общественной опасности таких деяний [11, с. 11].

Поэтому «…реально сложившийся разрыв в степени общественной опасности между традиционной формой осуществления преступного посягательства и его цифровым аналогом» [12, с. 28] вызван не столько цифровым способом совершения преступлений, сколько его предопределяет «топология соединения двух

правовых пространств — реального и виртуального» [13, с. 27], устанавливающая специфику причиняемого вреда и влияющая на характер общественной опасности. Топологию этих пространств необходимо исследовать не только для понимания того, как развивать экспериментальную юриспруденцию, но и гораздо шире — как будет развиваться право будущего [13, с. 27].

Игнорирование имеющейся специфики приводит к необоснованным правотворческим мерам и порождает новые проблемы. «С появлением ст. 272.1 УК РФ возникает конкуренция со ст. 137 УК РФ и ст. 13.11 КоАП РФ. Самостоятельная криминализация хранения персональных данных в электронной форме в качестве деяния средней тяжести не соответствует характеру и степени общественной опасности деяния» [14, с. 65]. Следовательно, при оценке общественной опасности противоправных цифровых деяний как основы формирования уголовно-правовых охранительных механизмов необходимо учитывать еще один аспект, влияющий на ее специфическое содержание.

Технологии часто разрабатываются для снижения рисков, но регулярно создают возможность наступления опасных последствий, в связи с чем необходимо выяснить степень риска, которую влечет за собой конкретная технология [15, с. 29]. Выявление самых высоких рисков, являющихся опасной угрозой, требуют немедленного принятия дополнительных защитных мер [16, с. 3], определяемых уголовно-правовой политикой наряду с другими направлениями противодействия преступности [17, с. 206]. Поэтому при разработке охранительных уголовно-правовых механизмов, связанных с угрозой причинения вреда в рамках «второй природы» — модифицированной объективной реальности, ставшей новой средой для совершения противоправных деяний, при определении характера и степени общественной опасности цифровых преступлений и обеспечении адекватного баланса развития технологий и безопасности общества следует учитывать оценку рисков, сопровождающих развитие цифровой технологии.

Основываясь на том, что такие угрозы характеризуются двумя аспектами: воздействием риска, а именно уровнем серьезности ущерба, испытываемого пострадавшими лицами; вероятностью риска, а именно уровнем вероятности возникновения риска [18, с. 1569–1582], повышенная степень общественной опасности цифровых преступлений определяется уровнем вредоносности рисков (включая серьезность возможного ущерба) и уровнем вероятности возникновения риска (уровнем вероятности его причинения).

Поскольку воздействие, связанное с рисками, подразумевает наличие причинно-следственной связи с качественно значимыми последствиями [15, с. 29], то вредоносность гибридных социальных деяний, обусловленных цифровизацией, определяется оценкой возможных прогнозируемых социальных последствий, то есть уровнем серьезности причиняемого вреда и вероятностью его наступления. Указанные аспекты оценки вредоносности отражаются через категорию общественной опасности, что способствует разработке адекватного комплекса мер воздействия при формировании уголовно-правовых механизмов. Оценка общественной опасности на основе результатов анализа информационных рисков «…помогает не только реагировать на уже возникшие угрозы, но и прогнозировать возможные риски, связанные с новшествами в технологическом секторе. Это особенно важно для обеспечения баланса между инновационным развитием и безопасностью общества» [19, с. 196].

В связи с этим интеграция оценки рисков в качестве одного из свойств, определяющих общественную опасность противоправного цифрового деяния, необходима при конструировании механизмов уголовно-правового противодействия общественно опасным угрозам для обеспечения баланса средств уголовно-правового реагирования и безопасности личности, общества и государства в условиях цифровых угроз.

Угроза причинения вреда или реальное его причинение человеку в широких сферах общественных отношений в результате развития цифрового форматирования сгенерировали новые социальные потребности, активно влияющие на поведение людей, принятие ими решений, и предопределили стремление к повышению безопасности. Поэтому на данном этапе одной из важнейших социально-охранительных потребностей является не только охрана ценностей в традиционном формате, но и формирование уголовно-правовых механизмов, обеспечивающих удержание с учетом выявленных проблем (на грани двух правовых пространств) в сфере безопасности личности, общества и государства в условиях возникновения новых социально-цифровых угроз.

Таким образом, проведенный анализ показал, что попытка законодателя конструировать механизмы уголовно-правового противодействия общественно опасным угрозам в условиях цифровизации посредством дополнения отдельных составов уголовного закона признаком «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет» не удовлетворяет социально-правовой потребности современного общества в области обеспечения безопасности личности, общества и государства в условиях активного процесса цифровизации общественных отношений, поскольку:

не учитывает специфику вредоносности цифровых преступлений — специфические свойства причиняемого вреда, обусловленные модификацией объективной реальности, созданной человеком, как новой среды для совершения преступлений;

игнорирует реально сложившийся разрыв в степени общественной опасности между традиционной формой осуществления преступного посягательства и его цифровым аналогом;

не позволяет достичь баланса между повышенной степенью общественной опасности цифровых преступлений и средствами уголовно-правового противодействия, а значит обеспечить адекватное уголовно-правовое удержание.

Таким образом, в целях устранения выявленных недостатков уголовного законодательства и формирования современных механизмов уголовно-правового противодействия общественно опасным угрозам в условиях цифровизации необходимо осуществлять на основе специфических свойств повышенной общественной опасности цифровых вредоносных деяний, обусловленных модифицированной объективной реальностью, созданной человеком, как новой средой для их реализации, а также рисками, сопровождающими развитие цифровых явлений, включая оценку вредоносности последствий и вероятности их наступления.

Формирование механизмов уголовно-правового противодействия общественно опасным угрозам на основе исследования выявленных специфических свойств общественной опасности противоправных деяний, совершенных с применением информационных технологий, позволит разработать адекватный комплекс мер, направленных на обеспечение уголовно-правового удержания, что отвечает вновь

возникшим социально-правовым потребностям современного общества, обусловленных интенсивной цифровизацией развития общественных отношений:

способности обеспечивать уголовно-правовую охрану общественных отношений от причинения вреда или угрозы его причинения деяниями, совершаемыми в рамках новой, «второй природы», созданной человеком, характеризующимися специфическими свойствами общественной опасности;

способности обеспечивать уголовно-правовое удержание в сфере безопасности личности, общества и государства в условиях интенсивной цифровизации общественных отношений.

Библиографический список

1. *Витовская Е.С.* К вопросу о сущности общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1(58). С. 192–196.

2. *Разгильдиев Б.Т.* Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2(7). С. 214–224.

3. *Minartz P., Aumann C.M., Vondeberg C. et al.* Feeling safe in the context of digitalization in healthcare: a scoping review // Syst Rev. 2024. Vol. 13(1). P. 62.

4. *Русскевич Е.А., Дмитренко А., Кадников Н.* Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // Вестник СПбГУ. Сер. 14, Право. 2022. № 3. С. 585–598.

5. *Орлов С.В.* Виртуальная реальность как новая форма материального бытия // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2(2). С. 82–87.

6. *Епифанова Е.В.* Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М.: Юрлитинформ, 2012. 146 с.

7. *Титов С.Н.* Квалификация завладения чужим имуществом в виртуальных мирах // Правосудие. 2025. Т. 7, № 2. С. 128–143.

8. *Разгильдиев Б.Т.* Фундаментальные аспекты уголовного наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 542–550.

9. *Марцев А.И.* Избранные труды. Омск: Изд-во Омской акад. МВД России, 2007. 279 с.

10. *Хилюта В.В.* Цифровое переформатирование уголовного права // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 123–128.

11. *Русскевич Е.А.* Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: автреф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 52 с.

12. *Русскевич Е.А.* Цифровизация уголовного законодательства: непростые последствия простых решений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5. С. 26–33.

13. *Батурин Ю.М., Полубинская С.В.* Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. С. 9–35.

14. *Князьков А.А.* Уголовно-правовая новелла за нарушение законодательства о персональных данных (ст. 272.1 УК РФ): особенности конструирования состава и вопросы квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5. С. 65–73.

15. *Wernick A.* Impact Assessment as a Legal Design Pattern — A “Timeless Way” of Managing Future Risks? // DISO. 2024. Vol. 3. P. 29.

16. *Киселева И.А., Искаджян С.О.* Информационные риски: методы оценки и анализа // ИТпортал. 2017. № 2(14). С. 1–9.

17. *Лапша В.Л.* Категория «риск» как междисциплинарная в науках уголовно-правового цикла // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4(45). С. 206–209.

18. *Casaburo D., Marsh I.* Ensuring fundamental rights compliance and trustworthiness of law enforcement AI systems: the ALIGNER Fundamental Rights Impact Assessment // AI Ethics. 2024. Vol. 4. P. 1569–1582.

19. *Воронин В.Н.* Понятие «уголовно-правовой риск» в социологии уголовного права: опыт теоретического осмысления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 4. С. 188–200.

References

1. *Vitovskaya E.S.* To the question of the public danger of crimes in the field of illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances // Business. Education. Law. 2022. No. 1(58). P. 192–196.

2. *Razgildiev B.T.* Public danger of crimes and other offenses // Criminalist's Library. 2013. No. 2(7). P. 214–224.

3. *Minartz P., Aumann C.M., Vondeberg C. et al.* Feeling safe in the context of digitalization in healthcare: a scoping review // Syst Rev. 2024. Vol. 13(1). P. 62.

4. *Russkevich E.A., Dmitrenko A., Kadnikov N.* The crisis and palingenesis (rebirth) of criminal law in the context of digitalization // Bulletin of the Saint Petersburg University. Episode 14, Law. 2022. No. 3. P. 585–598.

5. *Orlov S.V.* Virtual reality as a new form of material existence // Philosophy and humanities in the information society. 2013. No. 2(2). P. 82–87.

6. *Epifanova E.V.* Public danger as a scientific category, legislative definition: history and modernity. M.: Yurlitinform, 2012. 146 p.

7. *Titov S.N.* Qualification of Taking Possession of Someone Else's Property in Virtual Worlds // Justice. 2025. Vol. 7, No. 2. P. 128–143.

8. *Razgildiev B.T.* Fundamental aspects of criminal punishment // Russian Journal of Criminology. 2017. Vol. 11, No. 3. P. 542–550.

9. *Martsev A.I.* Selected works. Omsk: Publishing House of the Omsk Academy of Sciences. The Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 279 p.

10. *Khilyuta V.V.* Digital reformatting of criminal law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. P. 123–128.

11. *Russkevich E.A.* Differentiation of responsibility for crimes committed using information and communication technologies and problems of their qualification: Abstract of the Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. M., 2020. 52 p.

12. *Russkevich E.A.* Digitalization of Criminal Legislation: Complex Consequences of Simple Solutions // Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2025. No. 5. P. 26–33.

13. *Baturin Yu.M., Polubinskaya S.V.* What makes virtual crimes to be real // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. № 2. P. 9–35.

14. *Knyazkov A.A.* Criminal law novel for violation of the legislation on personal data (Art. 2721 of the Criminal Code of Russia): design features of the composition and qualification issues // Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2025. № 5. P. 65–73.

15. *Wernick A.* Impact Assessment as a Legal Design Pattern — A "Timeless Way" of Managing Future Risks? // DISO. 2024. Vol. 3. P. 29.

16. *Kiseleva I.A., Iskadjyan S.O.* Information risks: methods of assessment and analysis // ITportal. 2017. № 2(14). P. 1–9.

17. *Lapsha V.L.* Category of "risk" as an interdisciplinary one in sciences of criminal legal cycle // Bulletin of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia. 2021. № 4(45). P. 206–209.

18. *Casaburo D., Marsh I.* Ensuring fundamental rights compliance and trustworthiness of law enforcement AI systems: the ALIGNER Fundamental Rights Impact Assessment // AI Ethics. 2024. Vol. 4. P. 1569–1582.

19. *Voronin V.N.* The concept of "criminal law risk" in the sociology of criminal law: the experience of theoretical understanding // Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2024. № 4. P. 188–200.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-248-256
УДК 343

А.С. Рабаданов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ

Введение: *уголовно-правовая гарантия является научной категорией, лишенной легальной дефиниции. Не выработана универсальная доктринальная позиция о содержании рассматриваемой категории и в теории уголовного права. Наблюдаемый дефицит законодательного и научного разъяснения содержания уголовно-правовой категории не позволяет в должной мере познать ее сущность и определить назначение.* ***Цель*** *— обосновать теоретическую модель уголовно-правовой гарантии, заключающейся в обеспечении фактической охраны (защиты) прав, свобод и законных интересов личности при применении положений уголовного закона.* ***Методологическая основа:*** *общенаучные (диалектический, анализ, сравнение) и частнонаучные (юридико-догматический) методы.* ***Результаты:*** *уголовно-правовые гарантии необходимо закрепить в уголовном законе. Соответствующее положение следует представить в качестве преамбулы Общей части Уголовного кодекса РФ, а также в виде нового раздела «Уголовно-правовые гарантии и их применение».* ***Выводы:*** *рекомендуем дополнить ч. 1 ст. 2 УК РФ рядом новых задач: «гарантированность защиты прав и свобод человека и гражданина», «удержание человека и гражданина от совершения преступлений», «в случае нарушения права (закона) восстановление нарушенного права». Уголовно-правовое положение, аккумулирующее в себе уголовно-правовые гарантии, следует выразить в преамбуле и разметить в Общей части УК РФ.*

Ключевые слова: *уголовное право, уголовно-правовой принцип, уголовно-правовая гарантия, преступление, охрана прав и свобод человека.*

A.S. Rabadanov

SOME ASPECTS OF CRIMINAL LAW GUARANTEES

Background: *the criminal law guarantee is a scientific category devoid of a legal definition. A universal doctrinal position on the content of the category under consideration has not been developed in the theory of criminal law. The existing lack of legislative and scientific explanation of the content of the criminal law category does not allow us to properly understand its essence and determine its purpose.* ***Objective*** *— to substantiate the theoretical model of the criminal law guarantee, which inbolves ensuring of the actual protection (defense) of the rights, freedoms and legitimate interests of an individual when applying the provisions of the criminal law.* ***Methodology:*** *general scientific (dialectical, analysis, comparison) and private scientific (legal-dogmatic) methods.* ***Results:*** *criminal law guarantees should be fixed in the criminal law. The corresponding provision should be placed at the beginning of the text of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation.* ***Conclusions:*** *we recommend adding a number of new tasks, such as "guaranteeing the protection of human and civil rights and freedoms", "deterring a person and citizen from committing crimes", "in case of violation of a right (law), restoration of a violated right" in part 1 of art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation . The criminal law provision accumulating criminal*

© Рабаданов Абдулла Салихбекович, 2025
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: abd.rabadanoff@yandex.ru
© Rabadanov Abdulla Salikhbekovich, 2025
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law (Saratov State Law Academy)

law guarantees should be marked at the preamble of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: *criminal law, criminal law principle, criminal law guarantee, crime, protection of human rights and freedoms.*

Понятие «уголовно-правовая гарантия» формально не представлено в уголовном законе в виде какой-либо конструкции и в тексте его положений не употребляется. По этой причине методологически верным представляется начать исследование данной категории с осмысления семантического значения термина «гарантия», которая часто встречается в справочных изданиях. Так, в словаре русского языка под гарантией понимается ручательство и обеспечение [1, с. 104]. Слово «гарантировать» трактуется как «сделать вполне возможным, реально выполнимым, достижения какого-либо состояния (например, безопасности)» [1, с. 342].

В юридической теории правовым гарантиям придается немаловажное значение. В частности, О.В. Герасимова признает юридические гарантии одним из условий реального обеспечения прав человека и принципов правового государства [2, с. 3].

В числе правовых мер и средств, ориентированных на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, актуальное значение имеет уголовно-правовая охрана (защита) законных интересов личности от разного рода общественно опасных угроз и преступных посягательств. Объекты такой охраны (защиты) образуют материальный порядок, центральным элементом которого выступает человек, а другие элементы указанного порядка призваны обеспечивать его благополучие [3, с. 215].

Человеку, подвергавшемуся уголовному преследованию, Конституция РФ, общепризнанные международные акты гарантируют право на защиту[1]. Порядок его реализации определяется нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, применение которых должно согласовываться с правовыми позициями Конституционного Суда РФ. К сожалению, в настоящее время ни научное сообщество, ни законодатель не выработали единую модель-концепцию об уголовно-правовых гарантиях, направленную на фактическое обеспечение и охрану (защиту) прав и свобод субъектов уголовно-правовых отношений. Полагаем, что необходимость выработки такой концепции в УК РФ обусловлена ее познавательными и практическими составляющими.

Регламентация категории «гарантия» в УК РФ поможет создать благоприятные и устранить неблагоприятные условия реализации норм уголовного закона.

Согласно результатам ранее проведенных исследований [4, с. 3], в современных реалиях участие человека в уголовном судопроизводстве становится небезопасным. Не случайно Президент РФ В.В. Путин на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» обратил внимание на необходимость создания

[1] См.: Постановление Пленума ВС РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2015. 10 июля.

правовой системы, гарантирующей гражданам защиту от злоупотреблений властью, силой[1].

По нашему мнению, уголовно-правовые гарантии в первую очередь нужны для формирования одобряемой уголовным законом модели поведения. Его суть заключается в выполнении уголовно-правовых предписаний, в том числе по воздержанию от совершения преступления. Посредством уголовно-правовых гарантий можно будет добиться надлежащее, правомерное осуществление, соблюдение, исполнение, использование и применение права (закона).

Положение, аккумулирующее в себе уголовно-правовые гарантии, рекомендуется представить в качестве преамбулы Общей части УК РФ. При положительном решении вопроса структура Кодекса, должна будет состоять из трех блоков: «Преамбула», «Общая часть» и «Особенная часть».

Собственно в юридическом смысле под гарантией принято понимать условие, обеспечивающее успех.

Поэтому есть основания полагать, что уголовно-правовые гарантии стабилизируют естественно-правовой баланс между законодательной властью и гражданами, правоприменительными органами. Это подтверждает необходимость определить роль уголовного права и уголовно-правовых гарантий в перспективе.

Большое значение для постижения феномена «уголовно-правовые гарантии» имеют задачи уголовного закона (ч. 1 ст. 2 УК). Например, В.В. Мальцев предлагал определять функцию уголовного права через понятия социального назначения или предназначения [5]. Заметим, что функциональный потенциал уголовного права значительно шире и не ограничивается только функциями, в рамках которых реализуются задачи и принципы уголовного закона.

А.Э. Жалинский полагал, что функцию уголовного права можно определить как легитимацию властных отношений, преодоление конфликтов, управление поведением и пр. [6, с. 180]. Отмечается, что задачи уголовного права, заданные исторически, меняют свое содержание в ходе реализации уголовного права [6, с. 10, 119] и что современная характеристика задач уголовного права весьма абстрактна, в связи с чем законодатель фактически может объявить преступным любое деяние [6, с. 94].

Сегодня важно исходить из того, что роль гарантий прав в значительной степени остается недооцененной, как бы вне пределов всей уголовно-правовой системы. Ввиду важности как объектов уголовно-правовой охраны (защиты) прав и законных интересов личности, общества и государства при реализации задач и принципов уголовного закона, так и в ситуации крайней необходимости и обоснованного риска, в которой оказалась сегодня Россия, все нормы и положения УК РФ упираются в правовые гарантии, точнее, в их отсутствие.

В.В. Мальцев по этому поводу писал, что продекларированные в УК РФ принципы по содержанию таковыми не являются, поскольку законодатель не взял на себя обязанность руководствоваться в правотворческой деятельности провозглашенными им же самим принципами, то есть отменить или изменить всякую норму, противоречащую им [7].

Отсюда следует, что предусмотренные Конституцией РФ гарантии — это не только взятая на себя обязанность или социальное обязательство, но и под-

[1] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53151 (дата обращения: 09.11.2024).

тверждение взаимной ответственности общества и государства в обеспечении реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина на всех этапах своего развития.

Б.Т. Разгильдиев считает, что без установления задач уголовного права, с неопределенным порядком их фактической реализации, вряд ли возможно установить действительную социальную роль уголовного права, а также направлять деятельность правоприменительных органов в русло удержания физических лиц от совершения преступлений [8, с. 4].

И.Э. Звечаровский отмечает, что уяснение содержания задач уголовного права позволяет определить социальную роль этой отрасли права [9, с. 23]. Поэтому необходимость анализа правовой категории «гарантия» с точки зрения уголовного закона, его предмета, метода, задач и принципов обусловлена ее местом в системе механизма базовых, исходных уголовно-правовых моделей-концепций, а какую роль она будет играть в будущем, пока сказать трудно.

Учитывая, что уголовный закон занимает исключительное место в системе установленных государством правовых предписаний и что содержание уголовно-правовых отношений весьма специфично, гарантии как правовые средства, а также степень их выраженности в задачах и принципах УК РФ будут обеспечивать всеобъемлющую и комплексную систематизацию.

Таким образом, в аспекте социальной роли (предназначения) уголовного закона рассматриваемую группу задач, по нашему мнению, целесообразно дополнить следующими задачами: гарантированность защиты прав и свобод человека и гражданина, удержание человека и гражданина от совершения преступлений, в случае нарушения права (закона) восстановление нарушенного права. Реализация предложенной рекомендации создаст дополнительные условия для усиления законности уголовно-правовых запретов, исключения фактов необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности.

Процесс включения правовых гарантий в уголовно-правовую систему может потребовать фундаментального пересмотра существующей модели-концепции в уголовном праве как отрасли права, как отрасли законодательства и уголовной политики противодействия преступности.

Сегодня понятие «гарантия» в уголовном праве пока не сложилось, однако термин широко используется в Конституции РФ.

Анализ имеющейся литературы позволяет предложить следующую дефиницию уголовно-правовых гарантий в качестве сформулированной в законодательстве единой (целостной) системы правовых мер, средств, способов, оснований и условий, обеспечивающих надлежащее соблюдение, исполнение, использование и применение права (закона), механизма реализации и защиты человека его прав и свобод, а в случае их нарушения — восстановление нарушенного права.

Не вдаваясь в обсуждение вопроса о содержании в УК РФ морального аспекта гарантий, отметим, что свойство, природу гарантий целесообразно рассматривать на правотворческом, правоисполнительном, правоприменительном и правореализационном уровнях. Эта предпосылка служит для недопущения нарушения права (закона), а в случае его нарушения — восстановления нарушенного права.

Состояние уголовного права в системе уголовно-правовых гарантий может быть описано по мере ее влияния на социальное развитие, особенно на практику реализации задач и принципов уголовного закона и гарантированности защиты

человека его законных прав и свобод в УК РФ, по содержанию, то есть суждениям о собственном объекте и предмете. В таком виде гарантии в УК РФ изменят, преобразуют саму систему механизма реализации положений уголовного закона.

Уголовно-правовые гарантии в системной связи с базовыми моделями-концепциями УК РФ будут выполнять ряд других дополнительных функций: информационную, мотивационную, поощрения, стимулирования правомерного поведения людей и др.

Вместе с тем уголовное законодательство РФ, имея нормы, регламентирующие разного рода основания освобождения от наказания, не называет единого основания, равно как и уголовно-правовая доктрина.

Как видим, освобождение от наказания нарушает логику законодательства, выраженную в формуле «преступление = наказанию». Получается, что освобождение от наказания не является «естественным свойством» уголовного законодательства России, пишет И.А. Ефремова [10, с. 4].

При несомненной принадлежности указанных понятий к теории уголовного права, не совсем понятной и однозначной видится идея законодателя о запретах, поощрениях и стимулах. Их общность (единство) предопределяет разрешение проблем гарантий в УК РФ. В этом смысле уголовно-правовые гарантии имеют практическое правовое значение.

Как представляется, уголовно-правовые гарантии предназначены для обеспечения реализации других норм, образуют самостоятельный институт уголовного права, содержат «принципы уголовного права, обстоятельства, исключающие преступность деяния, иные специальные уголовно-правовые нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности и наказания, например добровольный отказ, деятельное раскаяние, малозначительное деяние и др.» [11, с. 107–108].

Умышленное нарушение целого ряда конституционных прав граждан — вполне достаточное основание для введения, генерирования в уголовно-правовую систему, института уголовно-правовых гарантий.

Говоря о видах уголовно-правовых гарантий, предлагается условно разделить их на два вида: общие и специальные. Общие — это весь уголовно-правовой механизм реализации и защиты законных прав и свобод человека и гражданина, а специальные — это нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, основаниях и условиях освобождения от уголовной ответственности и наказания, как включенных в УК РФ, так и не содержащихся в нем, но рассматриваемых теорией уголовного права, например, согласие потерпевшего, осуществление профессиональных обязанностей и др.

На наш взгляд, устанавливая пределы правомерного поведения для человека и гражданина, уголовно-правовые гарантии вносят в «общественные отношения стабильность, систему, порядок и тем самым направляют их в определенное русло» [12, с. 371].

Представляется, что противоречие, заключенное в сущности нормы уголовного права, состоит в том, что, несмотря на запреты и дозволения, образующие определенное внутреннее единство в уголовном праве, а также на ответственность за несоблюдение этих запретов, установленное правило поведения будет выполняться гражданином не всегда.

Для реализации авторского замысла об уголовно-правовых гарантиях предлагается переименовать раздел «Преступления» в «Уголовные правонарушения»

[11, с. 301–306], который в таком виде будет состоять из уголовно наказуемых проступков и преступлений.

Современное состояние базовых концепций уголовного закона не устойчиво ни в теории, ни в практике применения по двум причинам: из-за отсутствия четких границ между преступным и уголовно ненаказуемым деянием в силу их сложной конструкции и ввиду низкой эффективности подобной конструкции для решения задач УК РФ.

В таком контексте новая модель-концепция «Об уголовно-правовых гарантиях» предполагает:

а) формирование единого понятия общих и специальных уголовно-правовых гарантий в уголовно-правовой системе задач и принципов УК РФ;

б) формирование его содержания и видов за счет включения уже существующих уголовно-правовых норм-гарантий (в действующей либо измененной редакции) и введения новых уголовно-правовых предписаний, рассматриваемых доктриной;

в) образование в структуре Общей части УК РФ вводного раздела «Уголовно-правовые гарантии и их применение».

С учетом сказанного следовало бы включить в уголовно-правовую систему механизм уголовно-правовых гарантий. Тем более что запрос на правовые (уголовно-правовые) гарантии в уголовном праве давно назрел.

Данное предложение обусловлено тем, что существующая уголовно-правовая система не отвечает складывающимся новым критериям развития правоотношений. Качество уголовно-правовой юрисдикции в условиях развития искусственного интеллекта, цифрового общества, технологических процессов становится малоэффективным.

Предлагается свойство и природу гарантий рассматривать на правотворческом, правоисполнительном и правореализационном уровнях. Это предпосылка для фактической по формальным основаниям и свойствам реализации и защиты права (закона), а в случае его нарушения — восстановления нарушенного права.

Гарантии нужны прежде всего потому, что они имеют практическое правовое значение. Эта логика развития уголовного закона будущего, которая, не разрушая сложившуюся уголовно-правовую систему, во многом улучшит ее.

В целях обеспечения авторского замысла предполагается не только законодательное выражение в уголовно-правовой системе самостоятельного института уголовно-правовых гарантий, но и механизма обеспечения и исполнения государством конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина и гарантированию этой защиты в УК РФ. Это может быть прямо прописанное в задачах и принципах Кодекса, официальное предписание или изданный в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции нормативный правовой акт. Например, таким общеобязательным предписанием, обладающим юридической силой, могли быть требования по гарантии, являющиеся формальным условием, имеющим практическое правовое значение.

В сфере задач и принципов уголовного закона требование по гарантии особенно значимо.

В таком виде требование по гарантии в УК РФ будет иметь форму прямого нормативного предписания государству, правоохранительным органам и самим гражданам по безусловному соблюдению, использованию, исполнению и приме-

нению закона, уважительного отношения к личности, праву (закону), которое служит формальным взаимным обязательством, обязанностью и условием ответственности сторон.

Как видится, требование по гарантии будет реально, а не фиктивно обеспечивать задачи и принципы УК РФ, реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина, а в случае нарушения права (закона) — его восстановление путем отмены или изменения нормы права, нормативного правового акта, принятого решения органа государственной власти, выплаты компенсации вреда, причиненного преступлением.

Таким образом, гарантия является одним из способов обеспечения исполнения задач и принципов уголовного закона, реализации и защиты законных прав и свобод человека и гражданина от общественно опасных угроз и преступных посягательств.

Особенности предъявления требования по гарантии зависят от конкретного (общего или специального) вида гарантии.

Конституционному Суду РФ в постановлении необходимо разъяснить значение такой уголовно-правовой процедуры в УК РФ, так как в действующем российском уголовном законе нет четко выраженной единой системы механизма гарантий.

Общеизвестно существование отраслевых норм-гарантий [13–16], но уголовно-правовые гарантии не выделяются в качестве самостоятельного вида [17–19].

Необходимо также иметь в виду, что гарантирование выступает отдельным направлением уголовно-правовой политики многих стран мира.

Объявленные научные суждения, принципиально значимая роль уголовно-правовых гарантий и наличие их позитивных и негативных следствий диктует необходимость их включения в единую уголовно-правовую систему в виде самостоятельного института уголовного права. Вводить в предмет уголовного права уголовно-правовые гарантии следует поэтапно, главное — конкретизировать их в системе задач и принципов уголовного закона.

Новый уровень реализации и защиты человека и самим человеком своих прав и свобод призван решать текущие и перспективные задачи повышения качества уголовного закона будущего.

Таким образом, предложенное изменение структуры уголовного закона может положить начало формированию новой модели-концепции о гарантиях в уголовном праве Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 748 с.

2. *Герасимова О. В.* Конституционно-правовые гарантии охраны достоинства человека в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 33 с.

3. *Разгильдиев Б. Т.* Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2(7). С. 214–224.

4. *Яшин А. В.* Концептуальные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 43 с.

5. *Мальцев В.В.* Задачи уголовного права // Правоведение. 1999. № 4. С. 195–197.

6. *Жалинский А.Э.* Уголовное право как ресурс: проблемы модернизации // Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008. 400 с.

7. *Мальцев В.В.* Принципы уголовного права. Волгоград: ВА МВД России, 2001. 73 с.

8. *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. 232 с.

9. *Звечаровский И.Э.* Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 100 с.

10. *Ефремова И.А.* Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 56 с.

11. *Рабаданов А.С.* О необходимости законодательного закрепления института «уголовные правонарушения» в УК РФ // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: междунар. науч.-практ. конференция. 2015. № 5. С. 107–108.

12. *Керимов Д.А.* Методология права. М.: Российская академия наук (РАН), 2000. 559 с.

13. *Лавриненко Н.И.* Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина — важнейший фактор формирования гражданского общества в России // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2005. № 4. С. 17–18.

14. *Поникаров В.А.* Классификация норм-гарантий в административно-юрисдикционной деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2006. № 8. С. 145–150.

15. *Дабижа Т.Г.* Процессуальные гарантии реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 125–132.

16. *Вилкова Т.* Процессуальные гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2014. № 2. С. 101–106.

17. *Кленова Т.В.* Уголовно-правовая норма: понятие, структура, виды: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1986. 19 с.

18. *Филимонов В.Д.* Норма уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 279 с.

19. *Грачева Ю.В.* Уголовно-правовая норма: понятие, структура, виды // Lex Russica. 2008. № 1. С. 22–39.

References

1. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language / ed. by N.Yu. Shvedova. 19th ed., ispr. M.: Rus. yaz., 1987. 748 p.

2. *Gerasimova O.V.* Constitutional and legal guarantees for the protection of human dignity in the Russian Federation: Abstract of the Diss. … Cand. Jurid. Sciences. M., 2001. 33 p.

3. *Razgildiev B.T.* Public danger of crimes and other offenses // Criminalist's Library. 2013. No. 2(7). P. 214–224.

4. Yashin A.V. Conceptual Foundations of the Prevention of Crimes against Participants in Criminal Proceedings: Abstract of the Diss. … Doc. Jurid. Sciences. Saratov, 2018. 43 p.

5. *Maltsev V.V.* Tasks of criminal law // Law studies. 1999. No. 4. P. 195–197.

6. *Zhalinsky A.E.* Criminal law as a resource: problems of modernization // Criminal law awaiting change: theoretical and instrumental analysis. M.: Prospekt, 2008. 400 p.

7. *Maltsev V.V.* Principles of criminal law. Volgograd: VA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 73 p.

8. *Razgildiev B.T.* Tasks of the criminal law of the Russian Federation and their implementation / ed. by R.R. Galiakbarov. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1993. 232 p.

9. *Zvecharovsky I.E.* Modern criminal law of Russia: understanding, principles, policy. St. Petersburg: Law Center Press, 2001. 100 p.

10. *Efremova I.A.* Institute of Exeption from Punishment in the Theory of Criminal Law, Legislative and Judicial Practice: Abstract of the Diss. … Doc. Jurid. Sciences. Saratov, 2018. 56 p.

11. *Rabadanov A.S.* On the need for legislative consolidation of the institute of "Criminal offenses" in the Criminal Code of the Russian Federation // Actual problems of criminal legislation at the present stage: international scientific and practical conference. 2015. No. 5. P. 107–108.

12. *Kerimov D.A.* Methodology of Law. M.: Russian Academy of Sciences (RAS), 2000. 559 p.

13. *Lavrinenko N.I.* Constitutional guarantees of human and civil rights and freedoms are the most important factor in the formation of civil society in Russia // Legal Bulletin of the Rostov State University of Economics. 2005. No. 4. P. 17–18.

14. *Ponikarov V.A.* Classification of norms-guarantees in the administrative and jurisdictional activities of the penal enforcement system of the Russian Federation // Law and the State: theory and practice. 2006. No. 8. P. 145–150.

15. *Dabizha T.G.* Procedural guarantees for the exercise of the full powers of a defense attorney in criminal proceedings // Journal of Russian Law. 2012. No. 7. P. 125–132.

16. *Vilkova T.* Procedural guarantees of judicial independence in criminal proceedings // Criminal Law. 2014. No. 2. P. 101–106.

17. *Klenova T.V.* Criminal Law Norm: Concept, Structure, Types: Abstract of the Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. M., 1986. 19 p.

18. *Filimonov V.D.* Norm of criminal law. St. Petersburg: Law Center Press, 2004. 279 p.

19. *Gracheva Yu.V.* Criminal law norm: concept, structure, types // Lex Russica. 2008. № 1. P. 22–39.

КРИМИНАЛИСТИКА

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-257-261
УДК 343.98

М.В. Савельева

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Д.П. РАССЕЙКИНА

Введение: *научный путь и криминалистическое наследие доктора юридических наук, профессора Д.П. Рассейкина по своей значимости трудно переоценить. Множество его научных работ было посвящено рассмотрению разнообразных криминалистических проблем: положениям расследования преступлений против жизни, производству осмотра места происшествия, системе уголовной регистрации др. Важнейшим, помимо научной роли, являлся его вклад, как руководителя, в становление саратовской криминалистической школы.* ***Цель*** *— проследить жизненный путь и исследовать криминалистическое наследие Д.П. Рассейкина — первого заведующего кафедрой криминалистики СЮИ им. Д.И. Курского (ныне — Саратовская государственная юридическая академия).* ***Методологическая основа:*** *совокупность диалектического, метафизического, системного и сравнительного методов исследования.* ***Результаты:*** *исследованы основные жизненные вехи профессора Д.П. Рассейкина и проанализированы его криминалистические идеи и его учеников по вопросам проведения осмотра места происшествия, значения негативных обстоятельств, положения уголовной регистрации и др.* ***Выводы:*** *научные труды профессора Д.П. Рассейкина и руководство кафедрой сыграли ключевое системообразующее значения для формирования саратовской криминалистической школы и дальнейшего развития вуза.*

Ключевые слова: *профессор Д.П. Рассейкин, саратовская криминалистическая школа, кафедра криминалистики, осмотр места происшествия, наследие.*

M.V. Savelieva

THE LIFE AND FORENSICS LEGACY OF PROFESSOR D.P. RASSEIKIN

Background: *Professor D.P. Rasseikin's scientific path and forensics legacy are of great importance. Many of his scientific works focused on various forensics issues, the investigation of crimes against life, the examination of crime scenes, and the system of criminal registration. However, his most significant contribution was his role in the development of the Saratov forensics school.* ***Objective*** *— to trace the life path and study the forensics legacy of D.P. Rasseikin, the first head of the Department of Forensics at the D.I. Kursky Saratov Law Institute (now the Saratov State Law Academy).* ***Methodology:*** *a set of dialectical, metaphysical, systematic and comparative research methods.* ***Results:*** *the main milestones in Professor D.P. Rasseikin's life have been studied; his and his students' ideas on the procedure of examining the scene of a crime, the significance of negative*

© Савельева Марина Владимировна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: m300kk64@mail.ru
© Savelieva Marina Vladimirovna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Criminalistics Department (Saratov State Law Academy)

circumstances, the guidelines for due chain of custody, and others have been analyzed. ***Conclusions:*** *professor D.P. Rasseikin's scientific works and his management of the department played a crucial role in the formation of the Saratov forensics school and further development of the law school as such.*

Keywords: *professor D.P. Rasseikin, Saratov forensics school, department of forensics, inspection of the scene of a crime, heritage.*

Есть ученые, имена которых вписаны не только в историю поколения и развития научной школы, но и имеют системообразующее значение для науки в целом. Таким была фигура первого заведующего кафедрой криминалистики СЮИ им. Д.И. Курского Дмитрия Павловича Рассейкина. Как следует из предисловия к описи документов личного происхождения доктора юридических наук, профессора Саратовского юридического института им Д.И. Курского: «Рассейкин Д.П. — один из крупнейших ученых-криминалистов»[1].

Его личность представляет интерес и с точки зрения сложного жизненного пути и профессиональной деятельности, и с точки зрения организаторских способностей заведующего кафедрой, и как ученого-криминалиста, создавшего мощный задел для становления саратовский криминалистической школы.

Его профессиональный путь начался далеко от Саратова — в Ташкенте, а первым серьезным шагом в научном мире стало написание и защита кандидатской диссертации в Харькове на тему «Регистрация преступников в СССР» [1].

В силу очевидных обстоятельств досрочно защищенная диссертация (23 июня 1941 г.) стала, как указывалось в литературе, «первой подобной работой по проблемам криминалистической регистрации» [2, с. 368]. Справедливости ради стоит отметить, что в 1941 г. были защищены две диссертации, посвященные данному вопросу: помимо указанной работы следует отметить пусть и существенно меньшую по объему диссертацию А.И. Князева «Уголовная регистрация» [3].

В продолжение тематики этих работ долгое время серьезных комплексных исследований не проводилось. Это демонстрирует глубину проработки проблемы регистрации преступников, положения которой Д.П. Рассейкин в дальнейшем раскрыл в работе «Очерки истории уголовной регистрации». При ее написании он обоснованно отмечал: в правилах по дактилоскопированию и фотографированию регистрируемых преступников раскрывались сущность дактилоскопии как метода уголовной регистрации, техника дактилоскопирования, давались типы узоров и их классификация, излагался порядок выведения дактилоформулы, расположения и хранения регистрационных карт, опознавания в регистрационно-дактилоскопическом бюро задержанных преступников, определения возможных основных дробей по таблице Семеновского, фотографирования преступников для регистрационных карточек, распределения преступников по роду преступлений [4, с. 53].

После защиты диссертации в условиях начавшейся Великой Отечественной войны Дмитрием Павловичем было принято несомненное для него решение — встать на защиту Родины, отложив свои научные амбиции. И в июле 1941 г. Д.П. Рассейкин добровольно ушел на фронт. Воевал на Юго-Западном фронте, находился в окружении, в партизанском отряде, а после проходил проверку

[1] См.: Государственный архив Саратовской области. Ф. № 3646.

как находившийся в окружении в Саратовском пересыльном пункте, сражался в отдельном штурмовом батальоне Калининского фронта, участвовал в боевых действиях на I Прибалтийском фронте [5, с. 175].

Дмитрий Павлович прошел сложный, но достойный военный путь: был награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалями «За оборону Киева», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Пройденный военный путь лишь закалил его характер и способствовал тому, что Д.П. Рассейкин в последующем опубликовал большое количество работ по вопросам, связанным в числе прочего с расследованием преступлений против жизни.

С ноября 1957 г. по приглашению руководства СЮИ им. Д.И. Курского Д.П. Рассейкин, имея опыт работы деканом вуза и заведующего кафедрой, в научном звании доцента перевелся в Саратовский юридический институт и возглавил кафедру криминалистики. Работая на этой должности, Дмитрий Павлович отдавал всего себя формированию криминалистической школы. Как отмечается в литературе: «Благодаря его организаторскому таланту кафедра к 1969 г. выросла в самый большой по численности коллектив в Институте, не раз занимавший первое место в научной работе в вузе» [5, с. 175–176].

Он умел органично сочетать необходимые качества ученого и организаторские функции: занимаясь непрерывной научной работой, кропотливо собирая материал для докторской диссертации, он подавал пример молодым преподавателям. И в 1969 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Актуальные вопросы борьбы с умышленными убийствами» с последующим присуждением ученой степени доктора юридических наук и ученого звания профессора по кафедре криминалистики.

Несомненным вкладом в становление саратовской криминалистической школы стало активное участие Д.П. Рассейкина в открытии в СЮИ им. Д.И. Курского аспирантуры по специальности «криминалистика». Благодаря этому, начиная с 1964 г. на базе кафедры стали регулярно защищаться кандидатские диссертации, подготовленные под научным руководством Д.П. Рассейкина. Закономерным итогом этой непростой, кропотливой, трудоемкой, но, безусловно, научно интересной и плодотворной работы профессора Д.П. Рассейкина стал прирост саратовской научной школы криминалистики — 15 ученых, среди которых можно выделить имена таких исследователей, как В.Е. Корноухов, Л.А. Иванов, Ю.С. Тихонов, В.В. Степанов, В.В. Кульков, В.Г. Власенко и др.

Если рассматривать научную школу в комплексном подходе и как феномен, определяющий основные составляющие и направления научной деятельности, и как развитие научного знания в его определенной области в конкретное время на определенном этапе, то смело можно утверждать, что профессор Рассейкин стал основоположником становления саратовской криминалистической школы, оказав существенное влияние на ее качественные и количественные характеристики, направление и тематику исследований и создание интегральных научных связей.

Как отметили Л.Г. Шапиро и В.В. Степанов, интенсивная научно-исследовательская работа была связана с деятельностью Дмитрия Павловича Рассейкина. Он выдвинул ряд идей и положений, которые до сих пор активно обсуждаются в кри-

миналистической науке: понятие места происшествия, понятие холодного оружия, его признаки, проблемы правовой регламентации получения образцов для сравнительного исследования и др. [6, с. 80–81]. Одними из ключевых теоретических проблем, исследовавшихся Д.П. Рассейкиным, явились положения осмотра места происшествия, которые также получили активное развитие в работах его учеников. Это неслучайно, поскольку осмотр места происшествия как одно из самых востребованных следственных действий неотложного характера имеет множество особенностей тактического, технического, организационного аспектов. Он должен быть максимально приближенным по временным и пространственным характеристикам к расследуемому преступному событию для обеспечения полноты обнаружения и фиксации криминалистически значимой информации. Роль этого познавательного акта в форме следственного действия в системе иных следственных действий трудно переоценить, поэтому производство осмотра места происшествия выступает объектом исследования и других представителей саратовской криминалистической школы: Ю.С. Тихонова [7], Л.А. Иванова [8], В.В. Степанова [9], А.Н. Иванова [10], Д.С. Хижняка [11], Е.Н. Быстрякова и И.В. Усанова [12] и др.

Профессор Д.П. Рассейкин отмечал, что «осмотр места происшествия является следственным действием, направленным на непосредственное восприятие, изучение обстановки места происшествия, обнаружение, фиксацию и изъятие различных следов и других вещественных доказательств, уяснение характера происшедшего события, выяснения личности преступников и мотивов совершения преступления» [13, с. 11]. Определенный интерес и по сей день представляют научные положения, поработанные профессором и по другим, смежным с тактикой производства осмотра места происшествия, аспектам. Д.П. Рассейкиным раскрывались такие интересные и актуальные для того времени положения, как рассмотрение понятия и сущности негативных обстоятельств [13, с. 112–115], работа со сложными следами (ногтей, зубов, транспорта, крови и спермы) при осмотре [13, с. 61–75] и др.

В организационном плане его, как заведующего кафедрой, отличал высочайший профессионализм, трудолюбие и безграничная преданность делу, а как ученого — неустанное стремление делиться своими знаниями. Закономерным итогом данной деятельности и стало становление научной школы. Память о нем — это не только благодарность за его вклад в основание и становление саратовской криминалистической школы, но и достойный ориентир для формирования необходимых качеств и жизненных принципов настоящего ученого-криминалиста.

Библиографический список

1. *Рассейкин Д.П.* Регистрация преступников в СССР: дис. … кан. юрид. наук. Харьков, 1941. 315 с.

2. *Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999. 496 с.

3. *Князев А.И.* Уголовная регистрация: дис. … канд. юрид. наук. М., 1941. 155 с.

4. *Рассейкин Д.П.* Очерки истории уголовной регистрации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1976. 58 с.

5. *Иванов А.Н., Хижняк Д.С.* Научная школа профессора Д.П. Рассейкина (к 110-летию ученого) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4(129). С. 173–181.

6. *Шапиро Л.Г., Степанов В.В.* Саратовская криминалистическая научная школа // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4(111). С. 80–84.

7. *Тихонов Ю.С.* Расследование и предупреждение преступных нарушений правил при производстве строительных работ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1970. 260 с.

8. *Иванов Л.А.* Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. 155 с.

9. *Степанов В.В.* О понятии места происшествия // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2004. Вып. 12. С. 42–48.

10. *Иванов А.Н.* Проблемы совершенствования понятийного аппарата следственного осмотра // Известия Саратовского университета. 2005. № 1-2. С. 133–140.

11. *Хижняк Д.С.* Осмотр места происшествия: учебное пособие. М.: ГроссМедиа : Российский бухгалтер, 2007. 93 с.

12. *Быстряков Е.Н., Усанов И.В.* Концепция послойного осмотра места происшествия (ПОМП) // Российский следователь. 2022. № 2. С. 3–7.

13. *Рассейкин Д.П.* Осмотр места происшествия и трупа при расследовании убийств. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967. 152 с.

References

1. *Rasseikin D.P.* Registration of Criminals in the USSR: Diss. ... Can. Jurid. Sciences. Kharkov, 1941. 315 p.

2. *Belkin R.S.* History of Russian Criminalistics. M.: NORMA, 1999. 496 p.

3. *Knyazev A.I.* Criminal Registration: Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. M., 1941. 155 p.

4. *Rasseikin D.P.* Essays on the History of Criminal Registration. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1976. 58 p.

5. *Ivanov A.N., Khizhnyak D.S.* Scientific School of Professor D.P. Rasseikin (on the 110th Anniversary of the Scientist) // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 4(129). P. 173–181.

6. *Shapiro L.G., Stepanov V.V.* Saratov Forensic Science School // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 4(111). P. 80–84.

7. *Tikhonov Yu.S.* Investigation and Prevention of Criminal Violations of the Rules in the Production of Construction Works: Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. Saratov, 1970. 260 p.

8. *Ivanov L.A.* Investigative Examination in the Investigation of Traffic Accidents. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1993. 155 p.

9. *Stepanov V.V.* On the Concept of the Scene of an Accident // Theory and Practice of Criminalistics and Forensic Expertise. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2004. Iss. 12. P. 42–48.

10. *Ivanov A.N.* Problems of Improving the Conceptual Framework of an Investigative Examination // Izvestia of Saratov University. 2005. No. 1-2. P. 133–140.

11. *Khizhnyak D.S.* Inspecting a Scene of an Incident: a Study Guide. M.: GrossMedia: Russian Accountant, 2007. 93 p.

12. *Bystryakov E.N., Usanov I.V.* The Concept of Layered Examination of the Scene of an Incident // Russian Investigator. 2022. No. 2. P. 3–7.

13. *Rasseikin D.P.* Examination of the Scene of an Incident and the Corpse in the Investigation of Murders. Saratov: Privolzhsky Publishing House, 1967. 152 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-262-269
УДК 343.98

О.А. Славгородская

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ИЛИ УЧЕНИЕ: К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СВИДЕТЕЛЯ

Введение: *парадигма развития криминалистики характеризуется активным пополнением ее частными криминалистическими теориями и учениями. Категории «теория» и «учение» в криминалистике не имеют четко определенной трактовки.* ***Цель*** *— определить соотношения между понятием «теория» и «учение», обосновать использование соответствующей терминологии при формировании криминалистического учения о свидетеле.* ***Методологическая основа:*** *основу составил диалектический метод, использовался метод анализа и синтеза информации, сравнительно-исторический метод.* ***Результаты:*** *поддержана авторская позиция, разграничивающая частную криминалистическую «теорию» и «учение» как категории близкие, взаимодополняющие, но имеющие различный уровень общности и практической ориентированности.* ***Выводы:*** *формирование частных криминалистических теорий и учений как независимых категорий будет способствовать более эффективной систематизации и упорядочиванию криминалистических знаний и повышению качества расследования.*

Ключевые слова: *информация, криминалистика, преступление, свидетель, теория, учение.*

O.A. Slavgorodskaya

FORENSIC THEORY OR DOCTRINE: ON THE ISSUE OF FORENSIC STUDY OF A WITNESS

Background: *the paradigm of the forensic science development is characterized by its active replenishment with private forensic theories and doctrines. The categories of "theory" and "doctrine" in forensic science do not have a clearly defined interpretation.* ***Objective*** *— to determine the relationship between the concepts of "theory" and "doctrine" and to justify the use of the corresponding terminology in the formation of forensic doctrine about a witness.* ***Methodology:*** *the dialectical method, the method of analysis and synthesis of information, and the comparative historical method were used.* ***Results:*** *the author's position, distinguishing between private forensic "theory" and "doctrine" as close, complementary categories, but having different levels of commonality and practical orientation, is supported.* ***Conclusions:*** *the formation of private forensic theories and doctrines as independent categories will contribute to a more effective systematization and organization of forensic knowledge, and improve the quality of investigation.*

Keywords: *information, forensics, crime, witness, theory, doctrine.*

© Славгородская Ольга Александровна, 2025
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: slavkur-htc@yandex.ru
© Slavgorodskaya Olga Aleksandrovna, 2025
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Criminalistics Department (Saratov State Law Academy)

Развитие научной мысли идет по пути накопления информации, получения нового практического опыта и, как результат, формирования совокупности знаний высокой степени общности. Этот процесс характерен для любой науки. Развитие криминалистики также осуществляется по подобным законам.

Возникновение научного знания основывается на универсальных закономерностях. Каждая научная теория начинается с формулировки проблемы, которая требует решения. Как справедливо замечает В.Н. Карпович, «любое исследование состоит в выявлении, формулировании и решении проблем».

Решение этих проблем может привести к разнообразным последствиям, однако П.В. Копнин, отмечая значение появления нового знания, указывал, что вне зависимости от результата «знание является духовным, человеческим освоением действительности» [1, с. 29]. Когда новая теория возникает, она преобразует способы объяснения существующих явлений в науке, расширяя горизонты понимания и изменяя восприятие реальности.

Важным аспектом в этом процессе является то, что разработанная идея или теория подвергается критике с точки зрения уже существующих теорий. Новое знание, с одной стороны, должно логически согласовываться с предыдущими достижениями, а с другой — иногда ставить их под сомнение, выступая странным или даже абсурдным по сравнению с ранними представлениями [1, с. 123].

Критерием, по которому оценивается преодоление этих противоречий, выступает практика. Именно она помогает определить, является ли новое знание действительно истинным или не имеет права на существование. Часто это решение не принимается сразу, поэтому в научной среде могут возникать сложные и неопределенные ситуации, которые побуждают к новым поискам [1, с. 125].

Оформление результатов накопления новых знаний в криминалистике происходит путем их обобщения и систематизации в рамках теорий и учений. Содержание и структура частных криминалистических теорий наиболее разработаны в работах профессора Р.С. Белкина [2].

Обращая внимание на особенности процесса накопления знаний в криминалистике, ученый подчеркивал, «совершенно очевидно, что создание новой частной криминалистической теории предполагает не только фиксацию новых фактов и даже не только установление эмпирических зависимостей между фактами, но и объяснение этих зависимостей» [2, с. 10].

Тенденциями современного этапа развития криминалистики стало активное развитие частных криминалистических теорий (теория преодоления противодействия расследованию, теория информации и др.).

Подобный процесс объясняется сформировавшейся общей теорией криминалистики, которая выступает в качестве фундамента при возникновении частных криминалистических теорий. С другой стороны накапливающийся объем информации требует углубления и конкретизации в рамках частных криминалистических теорий. Необходимость выведения взаимосвязей и зависимостей между накопленными знаниями требует наличия уже сформировавшейся теории.

Парадигма развития криминалистики наряду с формированием частных криминалистических теорий характеризуется активным появлением и криминалистических учений (учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого, учение о лице, совершившем преступление, учение об организации расследования преступлений и др.). Учения и теории, выступая результатом активной по-

знавательной деятельности субъектов правоприменения и научного прогресса, расширяют горизонты криминалистики и позволяют осуществлять процесс расследования на качественно новом уровне.

Анализ процесса формирования теорий и учений позволяет вести речь о том, что они характеризуются различной степенью общности и постепенно выкристаллизовываются частные криминалистические учения, которые способны войти в качестве элементов и составить единое целое в уже существующих или только формирующихся теориях. В связи с чем возникает необходимость четкости и однозначности определения категориального аппарата. В первую очередь это касается соотношения понятий «теория» и «учение».

Рассматривая в настоящей статье отдельные положения, позволяющие представить «теорию» и «учение» в качестве взаимосвязанных элементов криминалистики, мы не претендуем на полное рассмотрение всей совокупности закономерности данных элементов, а постараемся в общих чертах определить свое видение при формировании криминалистического учения о свидетеле.

В переводе с греческого слово «теория» — это созерцание, рассмотрение, исследование. Теория представляет собой систему основных идей, в той или иной отрасли знания; форму научного знания, дающего целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности [3, с. 1456]. В то же время при толковании данного термина он трактуется как «учение, система научных принципов, идей, обобщающих практический опыт и отражающих закономерности природы, общества, мышления, либо же совокупность обобщенных положений, образующих науку или раздел в какой-либо науке» [4, с. 794].

Однако профессор Г.И. Рузавин, определяя содержание термина «теория» в обыденном и научном понимании, указывает на существующие различия, заключающиеся в том, что в широком смысле под теорией принято понимать всякую деятельность, связанную с осмыслением, познанием явлений природы, общественной жизни, мышления. Гносеологическое понимание теории основано на познании, связанном с абстрагированием, обобщением, выдвижением гипотез. Соответственно, в структуре процесса познания результатом, которого становится научная теория, существует эмпирический и теоретический этап [5, с. 7].

Традиционно при характеристике криминалистической теории используется определение, данное Р.С. Белкиным, в котором она понимается как совокупность научных тезисов, которые отражают одну или несколько взаимосвязанных наиболее важных сторон предмета криминалистики. Любые из частных теорий отражают последствия познания объективных закономерностей реальности, каковые составляют предмет науки криминалистики [6, с. 52].

Учение (от лат. *doctrina*) обозначает систему знаний, основанную на определенных принципах. Оно рассматривается как совокупность теоретических положений и система воззрений [3, с. 1259]. Учение включает в себя не только теоретические аспекты, но и практические рекомендации.

В философии (например, у Аристотеля) различие между теорией и учением прослеживается через понимание их целей: теория стремится объяснять и понимать, в то время как учение направлено на воспитание и практическое применение знаний в жизни [7, с. 116–118]. В криминалистике вопросы соотношения теории и учения не разрешены окончательно и существуют различные подходы к пониманию содержания рассматриваемых категорий.

С точки зрения Р.С. Белкина, не существует различия между частными теориями и учением, ведь каждая из частных теорий (учений) отражает результаты познания объективных закономерностей действительности, составляющих предмет науки криминалистики [2].

В.П. Лавров внес существенный вклад в построение системы частных криминалистических теорий и криминалистических учений, обозначив перечень частных криминалистических теорий и криминалистических учений на современном этапе развития криминалистики [8, с. 88].

И.М. Комаров не разграничивает частные теории и учения, определяя в качестве их предмета некоторые закономерности объективной действительности, изучаемые криминалистикой [9, с. 54–55].

Отсутствует разграничение на теоретическом уровне категорий «теория» и «учение» у Н.И. Малыхиной, которая обращает внимание на сложности, возникающие при определении места учений (теорий) в системе криминалистики [10, с. 195].

А.М. Кустов разграничивает в криминалистике частные теории от учений как самостоятельные категории и определяет криминалистическое учение в качестве системы теоретических положений и разработанных на их основе методических рекомендаций по использованию (реализации) отдельных криминалистических категорий в уголовном судопроизводстве [6, с. 52].

Представителем позиции, поддерживающей необходимость разграничения категорий «теория» и «учение», выступает И.А. Макаренко, определяя различие в уровне обобщений и наличие более выраженного прикладного характера учения [11, с. 13–15].

Использование терминов «теория» и «учение» представляются равнозначными и синонимичными большинством ученых.

Изложенное позволяет наглядно продемонстрировать отсутствие среди научного сообщества единства в оценке соотношения рассматриваемых категорий. Подобная ситуация сложилась в связи с тем, что и теория, и учение являются результатом активной познавательной деятельности. Они подчиняются общим законам и имеют общие принципы построения. Предваряя изложение своего видения в данном вопросе, обратимся к наиболее разработанным направлениям, теоретического плана, относимым в первую очередь к частной криминалистической теории.

В.А. Штофф подчеркивает, что понятия и утверждения теории составляют логически стройную, последовательную систему. Помимо логической структуры, теория характеризуется гносеологической структурой, которая проявляется во взаимосвязи понятийного аппарата, идеи, языка, модели и свидетельствует о сложном строении теории [12, с. 179].

В.С. Степин отмечает важность системности, указывая, что в основании сформировавшейся теории всегда существует фундаментальная теоретическая схема [13, с. 162]. Содержание теоретической схемы предполагает включение в нее элементов, раскрытие которых и определяет содержательную сущность и специфику разрабатываемой теории.

В качестве основных элементов частной криминалистической теории профессор Р.С. Белкин выделял: предмет, являющийся частью предмета общей теории; объект, представляющий собой часть предметной области, в которой прояв-

ляются изучаемые теорией объективные закономерности и метод как система познавательных приемов, используемых для построения теории, но и познания ее предметной области [2, с. 19–22].

Процесс формирования научных теорий имеет свои закономерности.

Прежде всего следует выделить потребность объяснения и систематизации накопленных знаний относительно повторяющихся событий, явлений, группы фактов. Этот материал выступает фундаментом, на котором в дальнейшем будет построено здание теории. Для достижения единого и достоверного знания между накопленными элементами необходимо установить взаимосвязь [5, с. 19].

Следующим шагом выступает создание самой теории, в которой будет происходить определение логической силы всех элементов, которые входят в сложившуюся систему. Основная цель создания любой теории направлена на объединение в единое целое всего накопленного материала. «Существенное отличие теории от других форм рационального мышления, таких как понятие, суждение, гипотеза и закон, заключается в том, что она дает связное, цельное представление об изучаемой области действительности» [5, с. 19–20].

Поддерживает подобный подход и И.А. Макаренко, указывая, что «процесс формирования научного знания о познаваемом объекте в криминалистике проходит несколько этапов. На первоначальном этапе происходит накопление эмпирического материала, которое заключается в масштабном изучении уголовных дел по исследуемой проблеме. В ходе обобщения и систематизации полученных результатов происходит переход к теоретическому уровню познания» [14, с. 70–71].

Развитие криминалистики идет по пути поиска новых возможностей и интегрирования знаний, обусловленных практическими потребностями. Именно они позволяют ей активно развиваться и быть «открытой для включения в нее новых направлений, средств, приемов и методов, основанных на познании вновь открываемых закономерностей движения уголовно-релевантной информации и результатов их проявлений» [15, с. 29].

Развитие криминалистики осуществляется посредством появления новых теорий и учений. Они наполняют науку новыми возможностями, дают основу для более эффективного внедрения в практическую деятельность существующих разработок и определяют перспективы ее развития.

Проблема сложности разграничения теории и учения в первую очередь состоит в том, что они проходят одинаковый путь в своем появлении и развитии. Являясь результатами процесса познания, данные категории имеют общие методологические основы и критерии научной значимости. Несомненно, еще одной причиной объединения в единое категориальное целое теорию и учение является то, что методически более разработанными являются положения частных криминалистических теорий.

При разграничении криминалистической теории и учения необходимо обратить внимание на то, что учение имеет в своей основе наиболее выраженный прикладной характер. В данном контексте прослеживается взаимосвязь между учением и научением. Учение основывается на теории, ею в первую очередь предопределяется и методологически обосновывается, позволяя осуществить научение. Беря истоки от базовых основ теории, учение далее формирует уже более узкие и практико-ориентированные направления развития теоретической основы.

Следовательно, нам представляется, что теория имеет более широкое, гносеологически ориентированное образование высокой степени общности.

В систему теории, которая также имеет свою структуру, могут входить отдельные учения. В то же время учения высокой степени общности могут включать в свою структуру иные виды учений. По мнению И.А. Макаренко, «учение о личности свидетеля становится общим по отношению к учению о личности несовершеннолетнего свидетеля, личности малолетнего свидетеля и т. д.» [11, с. 14].

Наглядно проиллюстрировать соотношение теории и учения в нашем понимании возможно на схеме построения частной криминалистической теории о личности.

Частная криминалистическая теория о личности может быть представлена в виде следующей структуры: общая часть, конкретизирующая понимание ее методологических основ, и особенная часть, которая должна включать криминалистические учения. К их числу следует отнести являющееся объектом нашего исследования криминалистическое учение о свидетеле. Помимо него в особенную часть теории следует включать криминалистическое учение о лице, совершившем преступление, криминалистическое учение о потерпевшем и иные.

Формирование любого учения происходит в ситуации наличия определенной совокупности факторов, связанных с востребованностью в практической деятельности, в теоретических положениях и соответствующем уровне научного объяснения проблемы, позволяющем выразить их в виде стройной и логически завершенной научной теории.

Определить степень возможности формирования учения и готовности его восприятия широким кругом лиц — задача достаточно сложная, однако ее решение позволяет отмести все доводы о несостоятельности или преждевременности появления соответствующего учения.

Этому способствует прогресс, который в науке приводит к развитию знаний и увеличению их объема. Расширение имеющихся возможностей за счет накопления знаний и успешной их апробации в практической деятельности позволяет исследовать любой изучаемый предмет более глубоко и всесторонне. Одновременно перед учеными увеличивается и количество познавательных задач. Это приводит к тому, что объекты познания, составлявшие ранее одну область исследования, дифференцируются на несколько относительно самостоятельных объектов познания [16, с. 201].

Частные криминалистические теории и криминалистические учения нередко пересекаются и взаимно дополняют друг друга. Их взаимосвязь можно охарактеризовать следующим образом:

теории служат основой для учений. Частные криминалистические теории формируют теоретическую базу, на которой строятся криминалистические учения;

учения позволяют применять теории в практической деятельности. Криминалистические учения используют частные теории для разработки практических методов, которые могут применяться в ходе расследования. Разработка в учении новых методов может опираться на результаты теорий и их критический анализ;

наличие выраженной обратной связи. Практика, реализуемая в рамках криминалистических учений, может привести к уточнению и изменению частных теорий.

Таким образом, частные криминалистические теории и частные криминалистические учения составляют важную часть научного и практического подхода

к расследованию преступлений, являются независимыми взаимодополняющими категориями. Каждая вносит свой вклад в совершенствование процесса обнаружения и раскрытия преступлений.

Библиографический список

1. *Копнин П.В.* Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973. 463 с.
2. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. 464 с.
3. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2001. 1456 с.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
5. *Рузавин Г.И.* Научная теория. Логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1978. 244 с.
6. *Кустов А.М.* Соотношение учений и частных теорий криминалистики // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко. Симферополь: Ариал, 2019. С. 51–54.
7. *Аристотель.* Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 222 с.
8. *Лавров В.П.* Частные криминалистические теории: современное состояние и тенденции развития // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 85–90.
9. *Комаров И.М.* К вопросу разработки криминалистического учения о тактических комбинациях в расследовании преступлений // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 2. С. 54–57.
10. *Малыхина Н.И.* Криминалистические учения и теории: проблемы формирования и определения места в системе криминалистики // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 193–199.
11. *Макаренко И.А.* Развитие частных криминалистических теорий на современном этапе // Доклады научно-практической конференции. Уфа: Башк. гос. ун-т, 2020. С. 13–15.
12. *Штофф В.А.* Введение в методологию научного познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 191 с.
13. *Степин В.С.* К проблеме структуры и генезиса научной проблемы // Философия, методология, наука. М.: Наука, 1972. С. 158–185.
14. *Макаренко И.А.* Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 404 с.
15. *Баев О.Я.* Введение в курс криминалистики // Воронежские криминалистические чтения / под ред. О.Я. Баева. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. Вып. 1. 192 с.
16. *Быков В.В.* Методы науки. М.: Наука, 1974. 215 с.

References

1. *Kopnin P.V.* Dialectics, Logic, Science. M.: Nauka Publ., 1973. 463 p.
2. *Belkin R.S.* The Course of Forensics. In 3 Volumes. Vol. 2: Private Forensic Theories. M.: Lawyer, 1997. 464 p.
3. Large Encyclopedic Dictionary. 2nd Ed., Revised and Supplemented. M.: Great Russian Encyclopedia; St. Petersburg: Norint, 2001. 1456 p.
4. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions. 4th Ed., Supplement M.: Azbookovnik, 1997. 944 p.
5. *Ruzavin G.I.* Scientific Theory. Logical and Methodological Analysis. M.: Mysl, 1978. 244 p.
6. *Kustov A.M.* Correlation of Doctrines and Particular Theories of Criminology // Criminal Proceedings: Procedural Theory and Forensic Practice: VII International Scientific and Practi-

cal Conference Materials / ed. by M.A. Mikhailov, T.V. Omelchenko. Simferopol: Arial Printing House, 2019. P. 51–54.

7. *Aristotle.* Nicomachean Ethics. M.; Berlin: Direct-Media, 2020. 222 p.

8. *Lavrov V.P.* Private Forensic Theories: Current State and Development Trends // Tula State University Bulletin. Economic and Legal Sciences. 2016. No. 3-2. P. 85–90.

9. *Komarov I.M.* On the Issue of Developing a Forensic Account of Tactical Combinations in the Investigation of Crimes // Altai State University Bulletin. 2000. No. 2. P. 54–57.

10. *Malykhina N.I.* Forensic Doctrines and Theories: Problems of Formation and Definition of a Place in the System of Forensics // Legal Policy and Legal Life. 2021. No. 2. P. 193–199.

11. *Makarenko I.A.* The Development of Private Forensic Theories at the Present Stage // Reports of the Scientific and Practical Conference. Ufa: Bashkir State University, 2020. P. 13–15.

12. *Shtoff V.A.* Introduction to the Methodology of Scientific Cognition. L.: Publishing House of Leningrad University, 1972. 191 p.

13. *Stepin V.S.* On the Problem of the Structure and Genesis of a Scientific Problem // Philosophy, Methodology, Science. M.: Nauka Publishing House, 1972. P. 158–185.

14. *Makarenko I.A.* Criminalistic Doctrine of the Personality of a Minor Accused: Dis. ... Doctor Jurid. Sciences. Saratov, 2006. 404 p.

15. *Baev O.Ya.* Introduction to the Course of Criminology // Voronezh Criminalistic Readings / ed. by O.Ya. Baev. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 2000. Iss. 1. 192 p.

16. *Bykov V.V.* Methods of Science. M.: Nauka, 1974. 215 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-270-277
УДК 349

М.Ш. Текеев

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИНЦИПОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

Введение: *принципы определения арендной платы за землю приобретают особую значимость в условиях современного правового регулирования земельных отношений.* ***Цель*** *— установить межотраслевой характер принципов определения арендной платы за землю и обозначить факторы, влияющие на расчет арендной платы за земельные участки.* ***Методологическая основа:*** *комплексный подход, основанный на анализе норм гражданского, земельного и налогового права.* ***Результаты:*** *показано, что принципы определения арендной платы за землю имеют универсальный характер, установлено наличие существенных различий между порядком расчета арендной платы за федеральные и муниципальные земли, обусловленных особенностями государственного управления и спецификой правоприменительной практики.* ***Выводы:*** *в результате проведенного исследования сделан вывод о смешанной правовой природе принципов определения арендной платы за земельные участки, имеющих признаки земельного, гражданского, налогового права; оценены перспективы трансформации принципов определения арендной платы при использовании кадастровой стоимости земельного участка в качестве базы для расчета арендной платы.*

Ключевые слова: *арендная плата, земельный участок, экономическая обоснованность, принципы определения арендной платы.*

M.Sh. Tekeev

THE LEGAL NATURE OF THE PRINCIPLES FOR DETERMINING THE RENT FOR A LAND PLOT

Background: *the principles of determining the amount of land rent become particularly important in the context of modern legal regulation the amount of land relations.* ***Objective*** *— to identify the interdisciplinary nature of the principles of determining the amount of land rent and to explore the factors that influence the calculation of this amount.* ***Methodology:*** *a comprehensive approach based on the analysis of the norms of civil, land and tax law.* ***Results:*** *it is shown that the principles of determining the amount land rents are universal by their character; it is established that there are significant differences between the procedure for calculating the amount of rent for federal*

© Текеев Марат Шамилевич, 2025

Заместитель руководителя секретариата председателя Двенадцатого арбитражного апелляционного суда, старший преподаватель кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Tekeev-09@mail.ru

© Tekeev Marat Shamilevich, 2025

Deputy Head of the Secretariat of the Chairman of the Twelfth Arbitration Court of Appeal, Senior Lecturer of the Department of Land and Environmental Law (Saratov State Law Academy)

lands and that for municipal ones, due to the peculiarities of public administration and the specifics of law enforcement practice. ***Conclusions:*** *based on the results of the study, it was concluded that the principles of determining the rent for land plots have a mixed legal nature, as they combine elements of land, civil, and tax law; the prospects for transforming the principles of determining the amount of rent by using the cadastral value of a land plot as a basis for calculating rent have been assessed.*

Keywords: *rent, land plot, economic feasibility, principles of determining rent.*

Согласно ст. 65 Земельного кодекса Российской Федерации[1] (далее — ЗК РФ) плата за использование земли взимается в форме земельного налога и арендной платы, иной платы предусмотренной законом. В настоящее время арендная плата за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, определяется на основании кадастровой стоимости земельных участков, рыночной стоимости права аренды земельных участков согласно законодательству РФ об оценочной деятельности, в соответствии со ставками арендной платы, утвержденными уполномоченными органами государственной власти и органами местного самоуправления. Таким образом, действующим законодательством установлен разный подход к определению размера арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности[2].

На размер арендной платы влияет ряд факторов, и в первую очередь порядок заключения договора аренды земельного участка: с проведением торгов или без них (ст. 39.6 ЗК РФ). Если аренда оформляется по результатам аукциона, то величина платежа устанавливается на основании его итогов. В случаях, когда земельный участок предоставляется без проведения торгов, размер арендной платы определяется:

Правительством РФ — для участков, находящихся в федеральной собственности;

органами исполнительной власти субъектов РФ — для участков, принадлежащих субъекту или относящихся к категории земель, собственность на которые не разграничена;

местными органами самоуправления — для земельных участков, находящихся в муниципальной собственности (ч. 1 ст. 424 ГК РФ[3], ст. 39.7 ЗК РФ).

Уполномоченные органы обязаны закрепить в нормативном правовом акте не только применяемые методики расчета арендной платы, но и определить расчетный период, которым, как правило, выступает календарный год. Размер арендной платы за земельные участки, находящиеся в федеральной собственности, устанавливается в соответствии с постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муници-

[1] См.: Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001.№ 44, ст. 4147.

[2] См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 397 и признании утратившим силу пункта 5 статьи 65 Земельного кодекса Российской Федерации и внесении изменений в статью 3 Федерального закона "О государственной кадастровой оценке"». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/450825-8 (дата обращения: 10.09.2025).

[3] См.: Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

пальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядке, условиях и сроках ее уплаты за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации»[1] (далее — постановление № 582).

Принципы установления размера платы за аренду земельного участка не являются «узкими и конкретизированными требованиями», они представлены общими принципами, закрепленными законодательством РФ, которым обязана соответствовать методика определения платы за аренду землепользования. Согласно постановлению № 582 к таким принципам относятся: «принцип экономической обоснованности (№ 1); принцип предсказуемости расчета размера арендной платы (№ 2); принцип предельно допустимой простоты расчета арендной платы (№ 3); принцип недопущения ухудшения экономического состояния землепользователей и землевладельцев при переоформлении ими прав на земельные участки (№ 4); принцип учета необходимости поддержки социально значимых видов деятельности посредством установления размера арендной платы в пределах, не превышающих размер земельного налога, а также защиты интересов лиц, освобожденных от уплаты земельного налога (№ 5); принцип запрета необоснованных предпочтений (№ 6); принцип учета наличия предусмотренных законодательством Российской Федерации ограничений права на приобретение в собственность земельного участка (№ 7)». В совокупности данные принципы призваны обеспечить стабильные правоотношения между сторонами договора аренды земельного участка, исходя из рациональных единообразных показателей для расчета арендной платы и баланса величины арендной платы и земельного налога.

Следует отметить, что названные принципы носят смешанный межотраслевой характер и обладают признаками принципов гражданского, земельного, налогового права. Перечисленные принципы определяются правовой природой земли, и, важно отметить, эта собственность является объектом гражданского оборота. Изучая вопросы, связанные с принципами установления размера арендного платежа, необходимо учитывать следующие правые аспекты земельного объекта: земельные отношения (ст. 6 ЗК РФ); права собственности (ст. 261 ГК РФ); использование (ст. 260 ГК РФ); налогообложение (ст. 389 НК РФ[2]).

В связи с этим в судебной практике возникает конкуренция норм земельного и гражданского законодательства при регулировании вопросов аренды земельных участков, которая формируется в нескольких основных направлениях:

приоритет норм земельного законодательства над нормами гражданского законодательства[3];

отсутствие приоритета норм земельного законодательства над нормами гражданского законодательства[4];

[1] См.: СЗ РФ. 2009. № 30, ст. 3821.

[2] См.: Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340.

[3] См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 3 ноября 2015 г. № Ф10-3880/15 по делу № А54-5930/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 26 января 2012 г. № Ф09-8736/11 по делу № А76-1009 /2011. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гармоничное взаимодействие положений Земельного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ;

приоритет гражданского законодательства над положениями Земельного кодекса, связанных с вопросами возможности предоставления аренды земли, находящейся в государственной или муниципальной собственности[1].

В соответствии с указанными тенденциями в науке высказываются релевантные суждения о дуалистической модели правового регулирования экономического оборота земельных участков, имеющей высокий уровень коллизионности [1, с. 11–12]. Именно коллизионность послужила причиной для анализа приоритетов в вопросах правового регулирования аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, Конституционным Судом РФ[2]. В результате рассмотрения запроса Губернатора Томской области, орган конституционного правосудия пришел к выводу о том, что «выбор подлежащих применению норм возлагается на суды общей юрисдикции и арбитражные суды; разрешение такого рода вопросов не входит в компетенцию КС РФ. При этом суды, разрешая вопросы, касающиеся передачи прав по заключенному путем проведения торгов договору аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, при возникновении спорных ситуаций не должны ограничиваться установлением только формальных условий применения оспариваемых норм и при наличии сомнений обязаны исследовать и оценить всю совокупность значимых обстоятельств»[3]. Отсюда следует, что однозначного ответа на вопрос о приоритете норм гражданского или земельного законодательства не существует, правильность правоприменения зависит от обстоятельств дела и усмотрения суда при рассмотрении каждого конкретного спора. При применении принципов определения арендной платы в правоприменительной практике учитываются: объем планируемых поступлений в бюджет от сдачи имущества в аренду; анализ и оценка экономических, природных и иных факторов, влияющих на уровень доходности земельного участка; оценка статуса арендатора с целью соблюдения принципа необоснованных предпочтений и поддержки социально значимых видов деятельности. Все перечисленные категории носят оценочный характер и различаются в зависимости от территории, на которой расположен земельный участок.

В литературе предлагается отказаться от дуалистической модели правового регулирования экономического оборота земельных участков в пользу четкого распределения областей, подпадающих под предмет гражданского и земельного законодательства. В частности, О.И. Крассов полагает, что вся специфика земельной собственности как объекта правовых отношений в должной мере не учитывается гражданским законодательством, это в дальнейшем отражается на эффективности правового регулирования в отношении земель, так как

[1] См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21 февраля 2014 г. № Ф08-8277/13 по делу № 53-18576/2011. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 мая 2024 г. № 1123-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Губернатора Томской области о проверке конституционности пункта 7 статьи 448 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 9 статьи 22 Земельного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: Там же.

участок земли не должен рассматриваться как вещь, будучи пространством (местом), находящимся под контролем собственника. Согласно позиции автора, поддержанной другими учеными, гражданское законодательство РФ передает свою силу через общие положения, касательно правовых отношений в сегменте недвижимости, а Земельный кодекс проявляет свое действие в правовом регулировании взаимодействий, детерминированных особенностями земельного права [2]. Аналогичного взгляда придерживаются и другие ученые [3, с. 135–136; 4, с. 18–24]. По мнению Н.Ю. Чаплина, общественные отношения, вызванные налогом и иными платежами за землепользование, должны регулироваться статьями земельного законодательства [1, с. 11–12]. О.А. Романова подчеркивает, что «перечни случаев предоставления земельных участков без торгов в собственность или аренду установлены как исчерпывающие, в них собраны все основания возникновения прав на земельные участки, установленные различными нормативными правовыми актами, помимо самого ЗК РФ, в том числе в ФЗ "О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации"[1], ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения"[2], ФЗ "О недрах"[3] и др., содержащими специальные нормы возникновения прав на земельные участки у различных субъектов. К сожалению, законодатель не попытался систематизировать и обобщить случаи предоставления земельных участков без торгов, а просто формально перечислил их без всякой логической связи, что, безусловно, будет затруднять понимание и применение данных норм» [3, с. 141]. Таким образом, системный подход к правоприменению не был соблюден. Диссонанс обусловлен несколькими уровнями проблем правового регулирования взимания арендной платы за земельные участки:

конкуренцией норм гражданского и семейного законодательства;

конкуренцией общих и специальных статей земельного законодательства;

проблемами, возникающими при регулировании правоотношений на участки земель, в частности в процессе заключения договора аренды с проведением торгов или без их проведения;

многоуровневой системой правового регулирования установления арендной платы за земельные участки (федеральным и региональным).

Предназначение основных принципов определения арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, основывается на получении единой платформы для согласованного использования нормативов земельного и гражданского законодательства повсеместно на территории нашей страны. Для исполнения намеченной цели Министерством экономического развития РФ был издан приказ № 710 от 29 декабря 2017 г. «Об утверждении методических рекомендаций по применению основных принципов определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582»[4].

[1] См.: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 44, ст. 4148.

[2] См.: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Там же. 2002. № 30, ст. 3018.

[3] См.: Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» // Там же. 1995. № 10, ст. 823.

[4] См.: Приказ от 29 декабря 2017 г. № 710 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению основных принципов определения арендной платы при аренде земельных

В приведенных Методических рекомендациях раскрыто практическое внедрение принципов установления платы за аренду с учетом положений гражданского законодательства, касающихся добросовестности участников гражданского оборота, недопустимости частого изменения платы по арендному договору, соответствия договоров действующим императивным нормам, что свидетельствует о тесной взаимосвязи институтов земельного и гражданского законодательства и смешанном характере анализируемых принципов. В свою очередь, региональные и муниципальные власти разработали и приняли нормативно-правовые акты, позволяющие регулировать методику расчета взимаемой платы за аренду земельных участков публичных образований в соответствии с приведенными документами. Однако могут возникнуть проблемы, связанные с определением ставки арендного платежа, так как на разных уровнях рассмотрения возможны разночтения в вопросе определения размера аренды одного и того же земельного участка разными уполномоченными органами власти. Так, Е.С. Крестьянцева, затрагивая данную проблему, отмечает, что «в настоящее время сложилась непонятная ситуация: независимо от существующих принципов экономической обоснованности и методик определения ставки за аренду размер этой платы за один и тот же земельный участок может весомо отличаться в зависимости от того, кто является его арендодателем — Росимущество или органы местного самоуправления» [5, с. 174–181]. Д.А. Тоточенко называет среди наиболее распространенных разновидностей судебных споров дела о необоснованном росте ставок аренды, зафиксирован завышенный расчет размер платы за земли, выявлено ежегодное некорректное использование базовой ставки платы за аренду, установлено изменение арендодателем типа функционального назначения участка земли, наблюдаются случаи применения более высокого удельного показателя кадастровой цены земельного участка [6, с. 86–91].

Р.А. Тараданов провел аналитическую работу по обобщению практики Верховного Суда РФ по вопросам проверки законности назначенных в регионах размеров оплаты за аренду земли, сосредоточенную в публичной собственности, и констатировал следующее: установлено нарушение экономической обоснованности повышения размера платы за аренду как санкции за несоблюдение положений договора аренды, поднятие ставок арендной платы как способа пополнения бюджета, выявление неопределенных факторов, влияющих на определение размера арендной платы в нормативных правовых актах уполномоченных органов (неопределенность правовой нормы, прописанной в нормативном правовом акте, противостояние норм и принципов необоснованных предпочтений с учетом особого статуса арендатора и другие случаи) [7, с. 176–189].

Таким образом, все перечисленные аспекты свидетельствуют о том, что принцип взимания платы за аренду земельного участка в целом и принцип экономической обоснованности в частности нельзя признать эффективным инструментарием института платного землепользования, исключающим ошибки и злоупотребления со стороны арендодателей — публично-правовых образований. Проблему отсутствия единообразного подхода к установлению размера оплаты за аренду земельной собственности позволит разрешить вве-

участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дение унифицированной методики расчета арендных платежей в соответствии с кадастровой стоимостью земельного участка с 1 января 2026 г.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 397 и признании утратившим силу пункта 5 статьи 65 Земельного кодекса Российской Федерации и внесении изменений в статью 3 Федерального закона "О государственной кадастровой оценке"»[1] указывается на необходимость исключения правовой неопределенности в вопросе установления размера платы за аренду земли, связанную с применением общих принципов взимания арендных платежей за земельную собственность.

В заключение можно сделать вывод, что новый закон предполагает реализацию двух основных алгоритмов установления размера арендной платы за земельные участки: исходя из кадастровой стоимости земельного участка и на основании результатов торгов. Данный подход относится к принципу № 3 и характеризуется предельно допустимой точностью и простотой расчета размера платы за аренду земли. Если рассматривать иные принципы установления платы за аренду земельного участка, следует подчеркнуть, что их применение подвергнется трансформации за счет сокращения индивидуальных территориальных факторов, влияющих на экономические показатели.

Библиографический список

1. *Чаплин Н.Ю.* Гражданско-правовой режим земельных участков: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 199 с.

2. *Крассов О.И.* Право частной собственности на землю: купля-продажа, аренда, приватизация, судебная защиты. М.: Инфра-М, 2015. 144 с.

3. *Романова О.А.* Развитие земельного законодательства: вопросы теории и практики // Lexx Russica. 2016. № 6. С. 135–136.

4. *Малышева А.В.* Осуществление прав граждан и юридических лиц при приватизации земельных участков: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 199 с.

5. *Крестьянцева Е.С.* Споры об определении размера арендной платы за пользование государственным земельным участком как последствие заключения договора аренды неуполномоченным публичным субъектом // Закон. 2023. № 3. С. 174–181.

6. *Тоточенко Д.А.* Споры, связанные с неосновательным обогащением при незаконном использовании земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 3. С. 86–91.

7. *Тараданов Р.А.* О некоторых вопросах применения Постановления КС РФ от 6 декабря 2017 г. № 37-П при рассмотрении дел о взыскании арендной платы за пользование земельными участками, находящимися в публичной собственности (с обобщением судебной практики ВС РФ) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 176–189.

References

1. *Chaplin N.Yu.* Civil Law Regime of Land Plots: Dis. … Cand. Jurid. Sciences. M., 2020. 199 p.

2. *Krassov O.I.* The Right of Private Ownership of Land: Purchase and Sale, Lease, Privatization, Judicial Protection. M.: Infra-M, 2015. 144 p.

3. *Romanova O.A.* The Development of Land legislation: Issues of Theory and Practice // Lexx Russica. 2016. No. 6. P. 135–136.

4. *Malysheva A.V.* The Exercise of the Rights of Citizens and Legal Entities in the Privatization of Land: Diss. … Cand. Jurid. Sciences. M., 2015. 199 p.

[1] См.: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/450825-8 (дата обращения: 10.09.2025).

5. *Krestyantseva E.S.* Disputes about Determining the Amount of Rent for the Use of Public Land as a Consequence of the Conclusion of a Lease Agreement by an Unauthorized Public Entity // Law 2023. No. 3. P. 174–181.

6. *Totochenko D.A.* Disputes Related to Unjustified Enrichment in the Illegal Use of Land // Property Relations in the Russian Federation. 2018. No. 3. P. 86–91.

7. *Taradanov R.A.* On Some Issues of the Application of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated December 6, 2017 No. 37-P in the Consideration of Cases on the Recovery of Rent for the Use of Land Plots in Public Ownership (with a Summary of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 2. P. 176–189.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-278-283
УДК 349.6

Н.С. Панков

ПОНЯТИЕ «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА» В ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Введение: *экологическая безопасность автомобильного транспорта как междисциплинарная правовая категория требует согласования экологических, земельных, градостроительных и транспортных норм в условиях интенсификации дорожного хозяйства и электрификации транспорта.* ***Цель*** *— сформулировать понятийную модель экологической безопасности автомобильного транспорта.* ***Методологическая основа:*** *совокупность общенаучных (анализ, синтез, системно-структурный) и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический) методов.* ***Результаты:*** *рассмотрены отраслевые и межотраслевые нормы, регулирующие обеспечение экологической безопасности автомобильного транспорта; предложена интегративная дефиниция, включающая четыре функциональных кластера (превенция, мониторинг, институциональное управление, ремедиация).* ***Выводы:*** *обеспечение экологической безопасности автомобильного транспорта требует сочетания технических стандартов, унифицированного мониторинга, четкого разграничения соответствующих институциональных полномочий, а также финансовой надежности элементов ремедиации.*

Ключевые слова: *экологическая безопасность, автомобильный транспорт, правовое регулирование, мониторинг, рекультивация, электрификация.*

N.S. Pankov

THE CONCEPT OF “ENVIRONMENTAL SAFETY OF MOTOR TRANSPORT” IN LAW: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Background: *environmental safety of road transport as an interdisciplinary legal category requires the coordination of environmental, land, urban planning, and transport standards in the context of intensified road management and electrification of transport.* ***Objective*** *— to formulate a conceptual model of environmental safety of motor transport.* ***Methodology:*** *a set of general scientific (analysis, synthesis, and system-structural) and specific scientific (comparative legal and formal legal) methods.* ***Results:*** *sectoral and intersectoral regulations governing the environmental safety of road transport were examined, an integrative definition that includes four functional clusters (prevention, monitoring, institutional management, and remediation) was proposed.* ***Conclusions:*** *ensuring the environmental safety of road transport requires a combination of technical standards, unified monitoring, clear delineation of relevant institutional powers, and financial reliability of remediation elements.*

Keywords: *environmental safety, road transport, legal regulation, monitoring, remediation, electrification.*

© Панков Никита Сергеевич, 2025
Аспирант кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ns.pankov@list.ru
© Pankov Nikita Sergeevich, 2025
Postgraduate student of the Department of Land and Environmental Law (Saratov State Law Academy)

В отечественной юридической науке понятие «экологическая безопасность» традиционно рассматривается как междисциплинарное, включающее институциональные, нормативные и технические измерения, а также соотносящееся с различными отраслями права исходя из специфической предметной области. Конституцией Российской Федерации закреплено право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическими правонарушениями, что задает нормативный ориентир для всего последующего отраслевого и межотраслевого регулирования[1].

В соответствии с Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — Закон об охране окружающей среды) содержательное поле понятия «экологическая безопасность» включает в себя состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий[2]. Из содержания приведенной правовой нормы следует, что экологическая безопасность является постоянно длящимся процессом — состоянием, которое обеспечивает защищенность двух многокомпонентных категорий: природной среды и жизненно важных интересов человека. По мнению С.Н. Русина, экологическая безопасность понимается как состояние защищенности человека, общества и государства от экологических угроз, а обеспечение экологической безопасности заключается в деятельности по предотвращению таковых угроз [1, с. 173]. А.И. Костин, раскрывая многогранность понятия экологической безопасности, считает, что под ней понимается комплекс состояний, явлений и действий, обеспечивающий экологический баланс на Земле и в различных регионах, система предотвращения экологических аномалий, катастроф и устранения последствий их вредного воздействия, сохранения экологического благополучия населения [2, с. 234]. Кроме того, Е.Н. Абанина и Е.А. Сухова по итогам проведенного анализа научных подходов констатируют, что экологическая безопасность — это термин, используемый учеными и практиками для установления связи между состоянием окружающей среды и интересами человеческой безопасности, но при этом отмечают, что единый методологический подход к его определению отсутствует до сих пор [3, с. 16].

Исходя из междисциплинарности рассматриваемого понятия и его влияния на различные правовые отрасли и институты представляется возможным и необходимым более узкое трактование в соответствии с конкретной отраслью его применения. Однако не менее важным является определение его ключевых составных элементов, так как оценка рисков и правовое регулирование функционирования автомобильного транспорта требует опоры на более широкий нормативный смысл. Данное требование связано с тем, что указанный вид деятельности воздействует не только на природные компоненты, но и на антропогенные, социально-инфраструктурные и градостроительные элементы: застройку, транспортную и энергетическую инфраструктуру и пр. Использование в качестве составной части понятия именно формулировки «компоненты

[1] См.: Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с учетом поправок от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2022. 6 октября.

[2] См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8507.

окружающей среды» позволяет юридически корректно и методологически полно охватить весь спектр объектов, на которые направлены превентивные, мониторинговые и ремедиационные меры в сфере обеспечения экологической безопасности автомобильного транспорта.

Так, в целях дальнейшего нормативно-правового исследования под экологической безопасностью автомобильного транспорта предлагается понимать совокупность правовых, организационно-управленческих и технических мер, направленных на предупреждение, ограничение и устранение негативных (вредных) воздействий деятельности, связанной с эксплуатацией автомобильного транспорта, на компоненты окружающей среды и жизненно важные интересы человека. Предложенная дефиниция в полном объеме отражает интегративный подход, который обеспечивает возможность системного рассмотрения междисциплинарных и межотраслевых элементов правового регулирования. Многокомпонентный состав понятия обусловлен необходимостью отражения всех взаимосвязанных процедурных составляющих от предупредительных до принудительно-восстановительных мер. Так, по мнению С.А. Боголюбова, экологические нормы права должны не только выступать инструментом реализации экологической политики, но и обеспечивать системное сочетание превентивных и восстановительных мер [4, с. 89].

Межотраслевой характер экологической безопасности автомобильного транспорта создает необходимость как дополнительной экологизации норм различных отраслей российского права в целом, так и расширения регламентации отдельных отраслевых стандартов. Представленная в трудах С.А. Боголюбова позиция основывается на институционализации и программно-политической роли права: автор считает необходимым усиление механизмов экологизации законодательства и повышение роли муниципального контроля как части комплексной реализации экологической политики [4, с. 172]. Отсутствие четких и администрируемых стандартов на стадии проектирования и ввода в эксплуатацию автодорожной инфраструктуры может привести к формальному выполнению процедур без реального снижения экологических рисков и, как следствие, нарушению экологической безопасности.

Важно отметить, что международные аналитические обзоры акцентируют внимание на системных трансформациях сектора транспорта, связанных с декарбонизацией и электрификацией. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) фиксирует, что электрификация автомобильного транспорта является одним из ключевых направлений сокращения выбросов парниковых газов и требует комплексного подхода к политике, инфраструктуре и экологической культуре поведения населения[1]. Европейская экономическая комиссия ООН также в недавнем обзоре подчеркивает значение согласованных политик по развитию зарядной инфраструктуры и их экологического сопровождения для достижения целей устойчивого развития[2]. Особый международный статус рассматриваемого вопроса подтверждает необходимость комплексного подхода к его исследованию.

[1] См.: IPCC. Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. AR6 Working Group III. Chapter 10: Transport. Geneva: IPCC, 2022. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/chapter/chapter-10/ (дата обращения: 01.09.2025).

[2] См.: UNECE. Electrification of mobility Lessons learnt from the ECE region. Geneva: UNECE, May 2025. URL: https://unece.org/info/publications/pub/402449 (дата обращения: 01.09.2025).

Активная электрификация автомобильного транспорта меняет профиль экологических рисков: снижаются локальные выбросы, но возрастают требования к энергетической инфраструктуре, правилам размещения зарядных станций и утилизации аккумуляторов. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) по итогам очередного анализа пришла к выводу, что электрификация требует полной оценки жизненного цикла аккумуляторных емкостей, а также мер по управлению спросом и интеграцией в общую энергосистему[1]. Исходя из этого, правовые решения не должны ограничиваться только «традиционными» экологическими нормами, а должны охватывать регулирование энергетики и обращения с отходами, в том числе с объектами накопленного вреда окружающей среде [5, с. 605].

На основании сопоставления доктринальных позиций и международных аналитических обзоров было предложено структурировать понятие через четыре функциональных кластера: превенция, мониторинг, институциональное управление и ремедиация. В целях обеспечения экологической безопасности автомобильного транспорта каждый указанный кластер требует применения четких специфических правовых инструментов и критериев их эффективности для своевременной оценки при реализации.

Превентивная составляющая охватывает процедуры экологической оценки проектов, введение технических стандартов и установление требований к проектированию, среди которых особое внимание уделяется инженерной защите откосов, системе очистки поверхностных стоков, шумозащитным мероприятиям и иным направлениям деятельности.

Отраслевой методический документ — Методические рекомендации (указания) по прогнозной оценке воздействия на окружающую среду при строительстве и эксплуатации автомобильных дорог общего пользования (далее — ОДМ 218.8.012-2019) — систематизирует инженерные и природоохранные требования при проектировании и строительстве автодорог, включая конкретные решения по очистке нефтесодержащих стоков и устройству шумозащитных экранов[2]. Подобные методические указания, по мнению ряда авторов, в том числе О.А. Хотько, должны становиться основой для юридической фиксации минимальных стандартов в нормативных правовых актах, содержащих регулирующие соответствующую сферу нормы [6, с. 8].

Мониторинговая составляющая системы экологической безопасности переводит предписывающие нормы в оперативную практику. ОДМ 218.8.012-2019 содержит программу производственного экологического контроля и перечень показателей для придорожных зон, что способствует формированию измеримого набора индикаторов[3], однако в научных трудах ученых констатируется, что без институциональной гарантии регулярного мониторинга и прозрачной отчетности имеющиеся правила носят декларативный характер [4, с. 160]. Мони-

[1] См.: IPCC. Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. AR6 Working Group III. Chapter 10: Transport. Geneva: IPCC, 2022. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/chapter/chapter-10/ (дата обращения: 01.09.2025).

[2] См.: Распоряжение Федерального дорожного агентства Министерства транспорта РФ № 1985-р от 29 июля 2019 г. «О применении и публикации ОДМ 218.8.012-2019 “Методические рекомендации (указания) по прогнозной оценке воздействия на окружающую среду при строительстве и эксплуатации автомобильных дорог общего пользования”» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: Там же.

торинговые мероприятия, осуществляемые в рамках обеспечения экологической безопасности автомобильного транспорта и инфраструктуры, должен осуществляться комплексно с учетом многокомпонентного состава понятия.

Институциональное управление в первую очередь выражается в разграничении полномочий и ответственности между федеральными, региональными и муниципальными органами власти. Так, в научных трудах особо отмечается роль местного самоуправления и его полномочий по муниципальному экологическому контролю как инструмента реализации экологической политики на местах [4, с. 208]. Помимо этого при анализе практики стран, входящих в Содружество Независимых Государств, О.А. Хотько указывает на необходимость коррекции правовых моделей с учетом национальных институциональных особенностей и привязки мер к процедурам землеустройства в рамках формирования полос отвода [6, с. 14].

Правовые механизмы возмещения вреда и рекультивации земель, являющихся элементами ремедиации, должны быть подкреплены соответствующими финансовыми гарантиями. Нередко экономический инструмент рассматривается в качестве важнейшего элемента реализации экологической политики именно в части развития института финансового обеспечения восстановительных мероприятий, выявленных как в ходе мониторинга, так в период проведения иных мероприятий [4, с. 136]. Зарубежный и международный опыт (например, модели страхования экологических рисков и фонды восстановления) показывают практическую реализуемость таких решений и их корректную адаптацию к линейной специфике дорог[1].

Несмотря на обширное нормативно-правовое регулирование основ экологической безопасности (Конституция РФ, Закон об охране окружающей среды, Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. «Об экологической экспертизе», Земельный кодекс РФ, отраслевые методики (ОДМ 218.8.012-2019) и иные отраслевые и межотраслевые нормативные акты), в доктрине экологического права отмечается нормативная фрагментация и недостаточная увязка процедур мониторинга с административной ответственностью и финансовыми гарантиями.

Во избежание формализма при осуществлении оценки воздействия на окружающую среду, по нашему мнению, необходимо законодательно закрепить минимальный набор показателей мониторинга и единую форму отчетности, согласованную с базовыми техническими данными, содержащимися в приложениях и разделах ОДМ 218.8.012-2019. Кроме того, целесообразным представляется внедрение типовых механизмов финансового обеспечения ремедиации в виде открытия обязательных депозитов при вводе в эксплуатацию объектов автодорожной инфраструктуры, страхование и создание целевых региональных фондов с учетом линейной специфики автодорог [4, с. 160]. Помимо этого важной остается стандартизация межведомственных протоколов реагирования на инциденты, связанные с нарушением основ экологической безопасности, и создание централизованной платформы мониторинга для обмена данными между специализированным органом власти и общественностью [6, с. 214].

[1] См.: UNECE. Electrification of mobility Lessons learnt from the ECE region. Geneva: UNECE, May 2025. URL: https://unece.org/info/publications/pub/402449 (дата обращения: 03.09.2025).

Комбинация теоретико-методологического и сравнительно-правового анализа показывает, что экологическая безопасность автомобильного транспорта требует комплексного правового регулирования, сочетающего конкретизацию нормативно-правового поля (технические стандарты и мониторинговые индикаторы) с институциональной прозрачностью и финансовой надежностью элементов ремедиации. Представляется возможным, что предложенная в исследовании методологическая структура понятия может выступить в роли инструмента для дальнейшего научного анализа соответствующей сферы деятельности и выработки предметных теоретических и нормативных решений.

Библиографический список

1. *Русин С.Н.* Экологическая безопасность, экологическая политика, экологическая функция государства и экологическое право // Российский юридический журнал. 2017. № 4(115). С. 171–177.

2. *Костин А.И.* Экополитология и глобалистика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности (направлению подгот.) ВПО 030201 (020200) и 030200 (520900) Политология. М.: Аспект-Пресс, 2005. 418 с.

3. *Абанина Е.Н., Сухова Е.А.* Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 222 с.

4. *Боголюбов С.А.* Реализация экологической политики посредством права: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Инфра-М, 2015. 320 с.

5. *Панков Н.С.* О некоторых теоретических вопросах обращения с объектами накопленного вреда окружающей среде // International & Domestic Law: матер. XVI Ежегод. междунар. конф. по нац. и междунар. праву (Екатеринбург, 17 декабря 2021 г. — 17 декабря 2022 г.) / отв. за вып. А.В. Галиулина. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2022. С. 604–606.

6. *Хотько О.А.* Правовое обеспечение экологической безопасности при осуществлении транспортной деятельности. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2022. 415 с.

References

1. *Rusin S.N.* Environmental Safety, Environmental Policy, Environmental Function of the State, and Environmental Law // Russian Law Journal. 2017. No. 4(115). P. 171–177.

2. *Kostin A.I.* Ecopolitology and global studies: textbook. handbook for university students studying in the specialty (direction of preparation) of higher professional education 030201 (020200) and 030200 (520900) Political Science. M.: Aspect-Press, 2005. 418 p.

3. *Abanina E.N., Sukhova E.A.* Legal Support for Environmental Security in the Russian Federation: Current State and Development Prospects: Monograph. M.: Yustitsinform, 2022. 222 p.

4. *Bogolyubov S.A.* Implementation of Environmental Policy through Law: Monograph. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; INFRA-M, 2015. 320 p.

5. *Pankov N.S.* On Some Theoretical Issues of Dealing with Accumulated Environmental Damage // International & Domestic Law : Proceedings of the XVI Annual International Conference on National and International Law (Yekaterinburg, December 17, 2021 — December 17, 2022) / ed. by A.V. Galiulina. Yekaterinburg: Ural State Law University, 2022. P. 604–606.

6. *Khotko O.A.* Legal Support for Environmental Safety in Transport Activities. Minsk: Belarusian State University, 2022. 415 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-284-290
УДК 347.963

Р.А. Осипов, Д.Д. Юданов

СУБЪЕКТЫ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ КАК ОБЪЕКТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Введение: *представленная статья посвящена исследованию сущностных признаков субъектов оказания бесплатной юридической помощи как объектов прокурорского надзора за исполнением законов в области обеспечения данного вида правовой помощи.* ***Цель*** *— определить объект прокурорского надзора за исполнением законов в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью.* ***Методологическая основа:*** *формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы научного исследования, метод толкования.* ***Результаты:*** *дано авторское определение объекта прокурорского надзора за исполнением законов в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, установлен предел осуществления проанализированного направления прокурорской деятельности, предложены возможные меры по совершенствованию правового регулирования в рассмотренной сфере общественных отношений.* ***Выводы:*** *в объект прокурорского надзора в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью входят не все субъекты данной юридической деятельности в связи с их особым правовым статусом.*

Ключевые слова: *бесплатная юридическая помощь, государственная система оказания бесплатной юридической помощи, негосударственная система оказания бесплатной юридической помощи, прокурорский надзор, обеспечение граждан бесплатной юридической помощью.*

R.A. Osipov, D.D. Yudanov

SUBJECTS OF FREE LEGAL ASSISTANCE AS AN OBJECT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION

Background: *the presented article is devoted to the study of the essential features of the subjects of providing free legal assistance as objects of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the field of providing this type of legal assistance.* ***Objective*** *— to determine the object of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the field of providing citizens with free legal assistance.* ***Methodology:*** *formal legal, comparative legal, and systemic methods of scien-*

© Осипов Роман Алексеевич, 2025
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: magistr_sar@mail.ru
© Юданов Даниил Дмитриевич, 2025
Обучающийся (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ioudd@yandex.ru
© Osipov Roman Alekseevich, 2025
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)
© Yudanov Daniil Dmitrievich, 2025
Student (Saratov State Law Academy)

tific research, and the method of interpretation. ***Results:*** *the paper provides an author's definition of the object of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the field of providing citizens with free legal assistance, defines one of the limits of the analyzed area of prosecutorial activity, and suggests possible measures to improve legal regulation in the examined sphere of public relations.* ***Conclusions:*** *not all subjects of legal activity are included in the object of prosecutorial supervision in the field of providing citizens with free legal assistance due to their special legal status.*

Keywords: *free legal assistance, state system of providing free legal assistance, non-state system of providing free legal assistance, prosecutorial supervision, and provision of free legal assistance to citizens.*

Качество оказания бесплатной юридической помощи — один из важнейших индикаторов реализации идей правового и социального государства в современной России. Значение данного правового института подтверждается его законодательным закреплением в положениях ч. 1 ст. 48 Конституции РФ. Стоит отметить, что его динамичное развитие обусловлено возникновением новых вызовов для российского общества и повышением уровня социальной напряженности. Данную тенденцию можно проследить по внесенным за последние годы законодательным инициативам, в которых предлагается не только расширить круг лиц, имеющих право на получение такой помощи, но и дополнить перечень обстоятельств, при наличии которых данное право может быть реализовано.

Согласно статистическим данным, ежегодно количество обращений по оказанию бесплатной юридической помощи растет в среднем на 21,38 %. Так, по данным Министерства юстиции РФ, в 2021 г. обратилось 366 088 человек, в 2022 г. — 403 614, в 2023 г. — 483 489, в 2024 г. — 648 329[1]. На фоне всеобщего внедрения цифровых технологий в деятельность публично-правовых образований институт бесплатной юридической помощи также модернизируется: разрабатывается единая система правового информирования граждан и распространяется практика электронных приемных[2]. Как считает В.В. Россиев, на основе имеющегося опыта российская цифровая система оказания данного вида правовой помощи может стать «эффективным механизмом обеспечения соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина» [1, с. 209]. Можно констатировать, что приведенные количественные и качественные изменения актуализируют проблемы контроля и надзора за деятельностью субъектов, оказывающих данный вид помощи.

В целях совершенствования правового регулирования в 2023 г. законодатель принял законопроект о внесении изменений в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи»[3] (далее — Закон № 324-ФЗ), устанавливающий стандарты оказания бесплатной юридической помощи. В рамках новых полномочий Министерство юстиции РФ разработало соответ-

[1] См.: Доклады Министерства юстиции Российской Федерации о реализации государственной политики в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью за 2021, 2022, 2023, 2024 года. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/pravovaya-informaciya/besplatnaya-yuridicheskaya-pomosh/#section-1870 (дата обращения: 05.09.2025).

[2] См.: Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2021 г. № 3340-р «О повышении эффективности и качества предоставления гражданам бесплатной юридической помощи с применением электронных сервисов, а также доступности для граждан правовой информации» // СЗ РФ. 2021. № 49, ч. 2, ст. 8350.

[3] См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6725; 2025. № 31, ст. 4694.

ствующий стандарт, адресатом которого стали государственные юридические бюро, адвокаты, нотариусы, юридические клиники, негосударственные центры бесплатной юридической помощи[1]. Данное законодательное нововведение поспособствовало повышению эффективности контроля и мониторинга в сфере проверки качества оказания бесплатной юридической помощи [2, с. 33].

Стоит подчеркнуть, что в российской конституционной архитектуре гарантируется оказание квалифицированной юридической помощи. Развивая этот постулат, законодатель в ст. 8 Закона № 324-ФЗ установил квалификационные требования к субъектам исследуемого вида юридической помощи. В связи с этим, как справедливо отметила Е.А. Кулеш, бесплатная юридическая помощь априори квалифицированная, иное является отхождение от цели образования рассматриваемого института, порождая реальную возможность нарушения прав и законных интересов социально незащищенных граждан [3, с. 194].

На основании сказанного возникает закономерный вопрос о месте и роли прокурорского надзора в данной сфере правового регулирования. Так, в ст. 13 Закона № 324-ФЗ лишь упомянуто наличие у органов прокуратуры надзорных полномочий в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью. Исходя из соотношения квалифицированной и безвозмездной правовой помощи как общего и частного, а также отсылки в названной статье к нормам Федерального закона от 12 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[2] (далее — Закон № 2202-1) можно отнести данный надзор к направлению надзора за соблюдением конституционных прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Подобный подход обусловлен сложившейся в теории прокурорского надзора позицией о необходимости проведения прокурорских проверок в данной сфере общественных отношений [4, с. 40–41].

Одной из специфических черт рассматриваемого направления надзора является использование в названии статьи указанного нормативного правового акта категории «обеспечение». Стоит отметить, что данная категория имеет множество значений и разновидностей. По нашему мнению, законодатель использовал изучаемую категорию, формулируя положения ст. 13 Закона № 324-ФЗ, в значении «правовое обеспечение». По мнению М.А. Имековой, в таком значении данная категория представляет собой комплекс правовых средств и правоотношений по их реализации, которые направлены на создание необходимых условий, способных удовлетворить правовой интерес субъекта права [5, с. 38]. Следовательно, обеспечение бесплатной юридической помощи будет направлено на удовлетворение интересов лиц, имеющих право на ее получение, посредством развития положений Закона № 324-ФЗ в форме издания нормативных актов и ее непосредственного оказания.

Второй (основной) особенностью рассматриваемого надзора является его объект. В ст. 21 и 26 Закона № 2202-1 определяются объекты общего надзора, в том числе публично-правовые образования и их должностные лица, органы

[1] См.: Приказ Минюста России от 20 мая 2024 г. № 157 «Об утверждении стандарта оказания бесплатной юридической помощи субъектами, указанными в пункте 4 части 1 и части 2 статьи 15, части 2 статьи 22 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации", и порядка обеспечения контроля за соблюдением его требований». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 21.05.2024.

[2] См.: СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 6, ст. 408.

управления и руководители коммерческих и некоммерческих организаций и др. Стоит отметить, что непосредственный объект исследуемого направления надзора можно установить посредством анализа используемой законодателем категории «субъекты оказания бесплатной юридической помощи» и пределов осуществления надзорной деятельности в данной сфере отношений.

Так, территориальные органы федеральных органов исполнительной власти в субъектах РФ, органы исполнительной власти субъектов РФ и подведомственные им учреждения, органы управления государственных внебюджетных фондов уполномочены на основании положений Закона № 324-ФЗ оказывать бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме по вопросам, относящимся к их компетенции, — все они относятся к объекту анализируемого направления надзора.

Упомянутые субъекты должны неукоснительно исполнять требования, установленные Законом № 324-ФЗ (в частности, которые содержатся в положениях ст. 20 и 21 данного нормативного правового акта) и законами субъектов РФ, регулирующими отдельные аспекты правовых отношений в данной сфере. По сути, прокурор в процессе реализации надзорных полномочий должен дать соответствующую оценку действиям (бездействию) этих субъектов (например, неправомерный отказ в оказании устной консультации лицу, имеющему право на получение бесплатной юридической помощи), а также проверить на соответствие закону издаваемые ими акты (например, положение о бесплатном юридическом консультировании, утвержденное руководителем органа или организации).

С учетом положений ст. 14 Закона № 324-ФЗ и сложившейся тенденции роста случаев оказания рассматриваемого вида правовой помощи на местном уровне поднадзорными органам прокуратуры выступают органы местного самоуправления, подчиненные им учреждения и организации, в том числе муниципальное юридическое бюро. Как один из элементов единой системы публичной власти органы местного самоуправления относятся законодателем не только к субъектам указанной разновидности юридической деятельности, но и к субъектам нормотворчества в рассматриваемой сфере отношений [6, с. 9–10]. Они наделяются правом оказания бесплатной юридической помощи во всех формах, предусмотренных ст. 6 Закона № 324-ФЗ, а также полномочиями по установлению дополнительных гарантий, распространяющихся на всей территории муниципального образования. Подчиненные им учреждения и организации, в том числе муниципальное юридическое бюро, в пределах, установленных муниципальными актами, также консультируют граждан в устной и письменной форме и могут представлять их интересы в иных органах и организациях.

В процессе осуществления анализируемого направления надзора по отношению к основным субъектам оказания бесплатной юридической помощи, которым адресована большая часть обращений граждан, часто возникают затруднения в определении их поднадзорности, обусловленные разнородностью их правового положения. Под ними подразумеваются адресаты разработанных в 2024 г. Минюстом России стандартов осуществления рассматриваемого вида юридической деятельности: государственные юридические бюро, адвокаты, нотариусы, юридические клиники, негосударственные центры бесплатной юридической помощи. Целесообразным будет определение их поднадзорности в двух группах: публичной (государственной) и общественной (негосударственной).

Так, к первой группе относятся государственные юридические бюро, а также адвокаты и нотариусы. На данных субъектов распространяется обязательное исполнение требований, закрепленных в ст. 20 и 21 Закона № 324-ФЗ. Для государственных юридических бюро оказание бесплатной юридической помощи гражданам является основным видом их деятельности, для двух других — факультативным. Это вытекает из положений ч. 2 ст. 14, ст. 18 и 19 Закона № 324-ФЗ, согласно которым адвокаты и нотариусы могут наделяться правом участия в данной системе в порядке, предусмотренном действующим законодательством (например, в рамках соглашений). Несмотря на это, они не поднадзорны органам прокуратуры, по отношению к ним осуществляется контроль со стороны Министерства юстиции РФ, адвокатских палат и нотариальных палат в пределах, предусмотренных действующим законодательством. В то же время государственное юридическое бюро, будучи казенным учреждением субъекта РФ (ч. 4 ст. 17 Закона № 324-ФЗ), созданное органом публичной власти субъекта РФ и непосредственно ему подведомственное, относится к объекту рассматриваемого надзора.

К общественной системе относятся юридические клиники и негосударственные центры бесплатной юридической помощи, которые создаются на добровольных началах. В связи с чем У.С. Новопашина отмечает, что данные субъекты не ограничены Законом № 324-ФЗ и другими нормативными правовыми актами в определении вида и объема оказываемой ими помощи, то есть они определяют самостоятельно как адресатов такого вида помощи, так и случаи ее оказания [7, с. 20]. Примером могут служить существующие различия в локальных актах образовательных учреждений, в структуре которых образованы юридические клиники, регламентирующие их деятельность.

Как справедливо отмечает Т.Н. Карпенко, деятельность юридических клиник в современных условиях заключается в реализации двух целей: образовательной (обучение студентов навыкам профессиональной деятельности) и социальной (оказание рассматриваемого вида правовой помощи) [8, с. 237]. Первая из них — исторически сложившаяся и основная при создании и функционировании данных структурных подразделений образовательных организаций высшего образования и научных организаций. Учитывая это, можно утверждать, что юридические клиники не поднадзорны органам прокуратуры, соответствие их деятельности действующему законодательству и локальным актам — предмет контроля, осуществляемого Министерством юстиции РФ и руководством организаций, в структуру которых они входят.

Исходя из системного анализа положений ст. 24 Закона № 324-ФЗ, п. 1 ст. 21 Закона № 2202-1 и ст. 2 и 31.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»[1], можно сделать вывод, что орган управления или руководитель негосударственного центра бесплатной юридической помощи также поднадзорны органам прокуратуры (например, в случаях принятия акта, противоречащего положениям Закона № 324-ФЗ).

В соответствии с п. 2 ст. 21 и п. 2 ст. 26 Закона № 2202-1 при осуществлении рассматриваемого направления надзора органы прокуратуры не подменяют полномочия государственных органов и должностных лиц. В связи с чем в полной мере объектами данного надзора с учетом изложенного и положений Приказа

[1] См.: СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 145; 2025. № 31, ст. 4667.

Министерства юстиции РФ от 20 мая 2024 г. № 157 могут быть публично-правовые образования и их должностные лица, органы управления государственными внебюджетными фондами, государственные и муниципальные юридические бюро, органы управления или руководитель негосударственного центра бесплатной юридической помощи.

Таким образом, применительно к сфере оказания бесплатной юридической помощи гражданам законодатель подчеркнул первостепенную роль органов прокуратуры в процессе реализации надзора за исполнением законов в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, не относя de jure данный государственный орган к публичной системе оказания такой помощи. Между тем в субъектах РФ сложилась практика участия представителей органов прокуратуры в проведении единых дней правовой помощи и (или) приемов отдельных категорий граждан. Само упоминание органов прокуратуры в Законе № 324-ФЗ акцентирует значение института бесплатной юридической помощи. Стоит отметить, что не все субъекты оказания бесплатной юридической помощи поднадзорны органам прокуратуры РФ. Бланкетный характер ст. 13 упомянутого закона и отсутствие разъяснений от уполномоченных органов могут создать на практике споры об определении поднадзорности того или иного субъекта. С учетом тенденции повышения общественного интереса к уровню качества оказания бесплатной юридической помощи рационально внести изменения и дополнения в ст. 13 Закона № 324-ФЗ следующего содержания:

«Статья 13. Полномочия органов прокуратуры Российской Федерации в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью

1. Органы прокуратуры Российской Федерации в пределах полномочий, установленных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», осуществляют надзор за исполнением законов в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственными им учреждениями, органами управления государственных внебюджетных фондов, органами местного самоуправления и подведомственными им учреждениями, государственными и муниципальными юридическими бюро, их должностными лицами, органами управления или руководителем негосударственного центра бесплатной юридической помощи.

2. Прокурор вправе обращаться в суд с заявлениями в защиту прав, свобод и законных интересов граждан в случаях и в порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации».

Библиографический список

1. *Россиев В.В.* Реализация права на бесплатную юридическую помощь в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Кемерово, 2025. 259 с.

2. *Юданов Д.Д.* Стандартизация оказания бесплатной юридической помощи юридическими клиниками: вопросы теории и практики // Роль юридической клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи: сб. ст. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. (22 ноября 2024 г., Санкт-Петербург). СПб.: Астерион, 2025. С. 30–34.

3. *Кулеш Е.А.* Право на бесплатную юридическую помощь и право на квалифицированную юридическую помощь: соотношение и практическая реализация // Аграрное и земельное право. 2023. № 6(222). С. 192–194.

4. *Бессарабов В.Г., Аширкова Т.В.* Прокурорский надзор за соблюдением конституционных прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 6(14). С. 39–44.

5. *Имекова М.А.* Категория «правовое обеспечение» в теоретико-правовой науке // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 24. М.: Издательская группа «Юрист», 2024. С. 30–39.

6. *Новопашина У.С.* Бесплатная юридическая помощь в Российской Федерации: система, субъекты и финансирование. Часть 1 // Нотариус. 2024. № 3. С. 7–14.

7. *Новопашина У.С.* Бесплатная юридическая помощь в Российской Федерации: система, субъекты и финансирование. Часть 2 // Нотариус. 2024. № 4. С. 18–22.

8. *Карпенко Т.Н.* Юридические клиники учреждений высшего образования в системе бесплатной правовой помощи гражданам // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2025. № 1(60). С. 234–242.

References

1. *Rossiev V.V.* Realization of the Right to Free Legal Aid in the Russian Federation: Diss. ... Cand. Jurid. Sciences. Kemerovo, 2025. 259 p.

2. *Yudanov D.D.* Standardization of the Provision of Free Legal Aid by Legal Clinics: Issues of Theory and Practice // The Role of a Legal Clinic in the System of Providing Free Legal Aid: Collection of Articles on the Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference (November 22, 2024, St. Petersburg). St. Petersburg: Asterion, 2025. P. 30–34.

3. *Kulesh E.A.* The Right to Free Legal Aid and the Right to Qualified Legal Aid: Correlation and Practical Implementation // Agrarian and Land Law. 2023. No. 6(222). P. 192–194.

4. *Bessarabov V.G., Ashitkova T.V.* Prosecutorial Supervision of the Observance of the Constitutional Rights of Citizens to Receive Qualified Legal Assistance // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2009. No. 6(14). P. 39–44.

5. *Imekova M.A.* The "Legal Support" Category in Theoretical and Legal Science // Scientific Works. Russian Academy of Law Sciences. Iss. 24. M.: Lawyer Publishing Group LLC, 2024. P. 30–39.

6. *Novopashina U.S.* Free Legal Aid in the Russian Federation: System, Subjects and Financing. Part 1 // Notary. 2024. No. 3. P. 7–14.

7. *Novopashina U.S.* Free Legal Aid in the Russian Federation: System, Subjects and Financing. Part 2 // Notary. 2024. No. 4. P. 18–22.

8. *Karpenko T.N.* Legal Clinics of Institutions of Higher Education in the System of Free Legal Aid to Citizens // Bulletin of Voronezh State University. Ser.: Law. 2025. No. 1(60). P. 234–242.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-291-295
УДК 342.24

О.А. Угланова

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ УКРЕПЛЕНИЯ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Введение: *в соответствии с Конституцией Российской Федерации Россия является федеративным государством. Укрепление российской государственности требует модели организации государственной власти, обеспечивающей реализацию государственных задач, учет национально-культурных особенностей и обеспечение институтов демократии. Поправки к Конституции РФ 2020 г. регламентировали модель организации публичной власти в России, способствующую дальнейшему развитию российских федеративных отношений и их укреплению.* ***Цель*** *— рассмотреть тенденции развития системы органов публичной власти в условиях функционирования федеративных отношений в России и выработать предложения по ее совершенствованию.* ***Методологическая основа:*** *совокупность общенаучных и частнонаучных методов: исторический, сравнительно-правовой, системный, логический.* ***Результаты:*** *проведен анализ законодательного закрепления системы органов публичной власти Российского государства в условиях необходимости укрепления федеративных отношений России, ее государственности и сохранения территориальной целостности.* ***Выводы:*** *обоснован вывод о необходимости закрепления принципа законности как основополагающего начала порядка формирования, организации и деятельности органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления как составных частей единой публичной власти России.*

Ключевые слова: *федеративные отношения, публичная власть, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, разграничение предметов ведения и полномочий, суверенитет, единство государственной власти, законность в деятельности органов публичной власти.*

O.A. Uglanova

PUBLIC AUTHORITY IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING FEDERAL RELATIONS IN RUSSIA

Background: *according to the Constitution of the Russian Federation, Russia is a federal state. Strengthening Russian statehood requires a model of organizing state power that ensures the implementation of state tasks, takes into account national and cultural characteristics and ensures democratic institutions. Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020 established a model of organizing public authority in Russia that contributes to the further development of Russian federal relations and their strengthening.* ***Objective*** *— to study the trends in the development of the system of public authorities in the context of the functioning of federal relations in Russia and to develop proposals for its improvement.* ***Methodology:*** *general scientific and specific scientific (historical, comparative legal, systemic, logical) methods.* ***Results:*** *the analysis of the*

© Угланова Оксана Александровна, 2025

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: oksanochka77777@mail.ru

© Uglanova Oksana Aleksandrovna, 2025

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

legislative consolidation of the system of public authorities of the Russian state was carried out in the context of the need to strengthen the federal relations of Russia, its statehood and preserve territorial integrity. ***Conclusions:*** *the conclusion is substantiated on the need to consolidate the principle of legality as a fundamental principle of the procedure for the formation, organization and activities of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local governments, as components of the unified public authority of Russia.*

Keywords: *federal relations, public authority, state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, local government bodies, differentiation of subjects of competence and powers, sovereignty, unity of state authority, legality in the activities of public authorities.*

В соответствии с Конституцией РФ Россия является федеративным государством[1]. Федерация — наиболее оптимальная форма государственного устройства в условиях существования многонационального государства, каким является Россия. Субъекты РФ функционируют на основе равного правового статуса, закреплен принцип единства и государственной целостности России. «Равноправие народов выступает необходимым условием их единства, консолидации в общероссийскую нацию, а также формирования единой гражданской общности» [1, с. 275]. Современная практика функционирования российских федеративных отношений показывает, что данная форма территориального устройства способствует учету специфических особенностей субъектов РФ, развитию децентрализации в механизме осуществления государственной власти страны, сохранению единства государственно-территориальных образований и участию населения в решении стратегических задач укрепления России. Федеративные отношения способствуют созданию условий для участия населения в политических процессах на нескольких территориальных уровнях осуществления власти в стране: на федеральном, региональном и местном, и обеспечивают свободное развитие наций и народностей, проживающих на территории государства.

С точки зрения С.Н. Бабурина, «территория предполагает некую обязательную форму существования государства, народ — “содержимое” этой формы, а власть — силу, скрепляющую форму и содержание в единое целое, притом не просто силу как у Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо, а силу на службе права. Государство — это народ, юридически организованный на своей территории» [2, с. 32]. Л.С. Мамут рассматривает взаимосвязанность трех основных компонентов федеративного государства: территории, народа и осуществления государственной власти, причем «…каждый из “элементов” связан с государственностью на свой лад» [3, с. 21].

Благодаря конституционной реформе 2020 г. в Основной Закон Российского государства было введено понятие «публичная власть», задав тем самым новый вектор конституционного развития модели реализации федеративных отношений России и осуществления власти в государстве.

Публичная власть — это сложное понятие, нетождественное определению «власть». Публичная власть «…есть система всеобщего участия населения в решении совместных дел» [4, с. 12]. «Это разновидность власти социальной, возникающая в результате объединения людей на определенной территории

[1] См.: Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с учетом поправок от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2022. 6 октября.

и имеющая не частный, а общественный характер. Власть в таком коллективе предназначена сохранять и охранять коллектив» [5, с. 9]. В.С. Нерсесянц выделяет признаки публичной власти: объединяет людей по территориальному признаку, осуществляется специальным аппаратом, обладает суверенитетом и прерогативой законотворчества [6, с. 519].

Публичная власть — это конституционно-правовая категория. Б.С. Эбзеев подчеркивает, что «между основами конституционного строя и организацией в государстве публичной власти существует тесная взаимосвязь» [7, с. 551]. Механизм организации публичной власти всех уровней и ее функционирование, а также взаимодействие структурных элементов происходит не произвольно. Данный процесс подчинен соответствующим конституционным принципам. Именно конституционная материя определяет природу публичной власти, ее содержание и архитектуру. В свою очередь, именно демократический механизм функционирования публичной власти придает Конституции России реальный характер. В России приняты федеральные законы, закрепившие механизм осуществления публичной власти на уровне субъектов Федерации и органов местного самоуправления[1]. Указанные законы в развитии конституционных положений закрепили ключевые параметры осуществления публичной власти в России: верховенство Конституции РФ, федеральных конституционных и федеральных законов, определяющая роль основ конституционного строя России, учет интересов населения страны, главенствующая роль Президента РФ в обеспечении взаимодействия органов публичной власти в России, согласованное взаимодействие органов публичной власти различных территориальных уровней, полномочия федеральных органов в области местного самоуправления, самостоятельность органов местного самоуправления в пределах своих полномочий и др.

Начиная с 1990-х гг., Россия прошла большой путь развития федеративных отношений — от крайней либерализации и размывания границ государственности до стремления к централизации власти. Сегодня теоретическая модель федеративных отношений не во всем применима к реальным российским общественным отношениям. Каждое государство, и Российское в отдельности, обладает большим набором индивидуальных особенностей — от истории развития и многонационального состава до специфики осуществления власти, ее психологии и менталитета народа.

Функционирование федеративных отношений в России является следствием длительного исторического процесса объединения российских территорий и развития модели их функционирования и взаимодействия с центром. Данный процесс еще не завершен, к Российской Федерации присоединяются новые территории, складывается понимание российской модели осуществления публичной власти в условии федеративных отношений. Процесс федерализации — это итог государственно-политических процессов, совершенных в конституционно-правовой форме.

[1] См.: Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973; Российская газета. 2025. 27 июня; Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2025. № 12, ст. 1200.

Президент РФ, выступая перед Федеральным Собранием, подчеркнул: «Вся система публичной власти России должна работать четко и слаженно»[1]. Понимание демократии в современном мире меняется. Федеративные отношения требуют определенной модели развития демократических институтов, но их можно признать эффективными, если они реализуются на благо государства. «Без комплексного реформирования системы органов публичной власти, путем лишь отдельных усовершенствований должное качество правового регулирования и правоприменения не будет достигнуто. Движение по пути реформ в итоге должно привести к построению Федерации, основывающейся не просто на четком разграничении полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов Российской Федерации, но на сильных институтах государственности, на единстве общенациональных и региональных интересов» [8, с. 75]. Новая модель организации публичной власти в России должна способствовать укреплению российской государственности, реализации стратегических целей и задач и перспективному развитию федеративных отношений.

Анализ законодательства, предусматривающего механизм осуществления публичной власти в России на разных территориальных уровнях ее организации, показал, что, несмотря на закрепление ее системы, принципов деятельности, в законах не получил юридического оформления принцип законности. Закрепляется принцип верховенства Конституции РФ и федерального законодательства, но это основополагающее начало не охватывает все составляющие базового принципа законности как всеобъемлющего системообразующего условия функционирования всей системы органов публичной власти Российского государства. Законность — это каркас системы принципов права.

Российская модель федеративных отношений с целью сохранения единства России и ее территориальной целостности должна опираться на сильную вертикаль организации публичной власти, основанной на законности как принципе ее формирования, организации и деятельности. Реализация данного принципа в деятельности органов публичной власти должна быть встроена в механизм прямого действия Конституции России. «Реализация Конституции Российской Федерации — это не только важнейшая задача государства, но и обязательное и необходимое условие его устойчивого и прогрессивного развития» [9, с. 164].

С учетом современных реалий, необходимости укрепления российской государственности, федеративной модели территориального устройства можно предложить следующие направления совершенствования законодательства в сфере функционирования публичной власти России. Во-первых, дополнить ст. 2 Федерального закона № 414 принципом законности организации и деятельности органов публичной власти на уровне субъекта РФ, который не совпадает по своему содержанию с принципом верховенства Конституции России и федеральных законов. Во-вторых, дополнить п. 9 ч. 1 ст. 2 указанного Федерального закона и изложить его в следующей редакции: «признание и гарантированность местного самоуправления, его самостоятельность в пределах своих полномочий и осуществление на всей территории Российской Федерации как составной части единой публичной власти России». В-третьих, дополнить ст. 4 Федерального

[1] См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148 (дата обращения: 17.07.2025).

закона № 33 принципом законности в деятельности органов местного самоуправления. «Конституция России должна стать фундаментальной основой … противостояния внутренним и внешним угрозам и вызовам» [10, с. 39]. Претворение Основного Закона Российского государства в жизнь невозможно без реализации принципа законности в деятельности всей системы органов публичной власти, модель организации которой способствует укреплению федеративных отношений России.

Библиографический список

1. *Заметина Т.В.* Конституционно-правовые аспекты обеспечения равноправия и единства народов России // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 271–280.

2. *Бабурин С.Н.* Территория государства: теоретико-правовые проблемы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1998. 49 с.

3. *Мамут Л.С.* Народ в правовом государстве. М.: Норма, 1999. 151 с.

4. *Югов А.А.* Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. Екатеринбург: Из-дво Урал. гос. юрид. акад., 1999. 121 с.

5. *Чиркин В.Е.* Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 3–14.

6. Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. 832 с.

7. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.

8. *Хабриева Т.Я.* Российская Конституция и эволюция федеративных отношений // Государство и право. 2022. № 2. С. 66–76.

9. *Кабышев С.В.* Диалог в конституционной системе власти // 25 лет Конституции Российской Федерации: конституционный диалог / под ред. В.Т. Кабышева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2019. С. 155–167.

10. *Кокотов А.Н.* Конституция России и «болезнь» самоотречения // 25 лет Конституции Российской Федерации: конституционный диалог / под ред. В.Т. Кабышева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2019. С. 39–47.

References

1. *Zametina T.V.* Constitutional and Legal Aspects of Ensuring Equality and Unity of the Peoples of Russia // Legal Policy and Legal Life. 2024. No. 3. P. 271–280.

2. *Baburin S.N.* Territory of the State: Theoretical and Legal Problems: Abstract of the Diss. … Doc. Jurid. Sciences. M., 1998. 49 p.

3. *Mamut L.S.* People in a Rule-of-Law State. M.: Norma, 1999. 151 p.

4. *Yugov A.A.* Legal Foundations of Public Authority in the Russian Federation: Monograph. Yekaterinburg: From the Far East of the Ural State Law Academy, 1999. 121 p.

5. *Chirkin V.E.* Public Authority in Modern Society // Journal of Russian Law. 2009. No. 7. P. 3–14.

6. Problems of the General Theory of Law and State / ed. by V.S. Nersesyants. M.: Norma, 2004. 832 p.

7. *Ebzeev B.S.* Constitutional Law of Russia. Textbook. M.: Prospectus, 2019. 768 p.

8. *Khabrieva T.Ya.* Russian Constitution and the Evolution of Federal Relations // State and Law. 2022. No. 2. P. 66–76.

9. *Kabyshev S.V.* Dialogue in the Constitutional System of Power // 25 Years of the Constitution of the Russian Federation: Constitutional Dialogue / ed. by V.T. Kabyshev. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2019. P. 155–167.

10. *Kokotov A.N.* The Constitution of Russia and the Self-Denial "Disease" // 25 years of the Constitution of the Russian Federation: Constitutional Dialogue / ed. by V.T. Kabyshev. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2019. P. 39–47.

DOI 10.24412/2227-7315-2025-6-296-303
УДК 340.132.6; 341.244.8; 347.73

А.В. Николаев

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОВ МЯГКОГО ПРАВА И ИХ ТОЛКОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ НАЛОГОВЫХ КОНВЕНЦИЙ ОЭСР И ООН

Введение: *отечественная доктрина мягкого права не рассматривает вопросы неопределенности актов мягкого права и способа системного ее преодоления. Примером служат налоговые конвенции ОЭСР и ООН, являющиеся для сторонников мягкого права международными актами мягкого права. Значение налоговых конвенций ОЭСР и ООН не является непосредственной данностью, выбор среди конкурирующих интерпретаций требует толкования их положений, однако правила толкования актов мягкого права не определены.* ***Цель*** *— показать на примере налоговых конвенций ОЭСР и ООН, что доктрина мягкого права упускает проблему неопределенности актов мягкого права, и продемонстрировать способы ее решения.* ***Методологическая основа:*** *диалектический метод познания, компаративисткий, системный методы.* ***Результаты:*** *опираясь на теоретические положения правовой науки и прибегая к аналогии практики толкования международных договоров автор демонстрирует возможность выработки правил системного толкования налоговых конвенций ОЭСР и ООН как международных актов мягкого права, отмечая также «узкие места» полученного результата.* ***Вывод:*** *доктрине мягкого права необходимо обратить внимание на проблему неопределенности актов мягкого права; эта проблема и задача системного толкования актов мягкого права могут быть решены способом, продемонстрированным нами на примере налоговых конвенций ОЭСР и ООН.*

Ключевые слова: *Модельная конвенция ОЭСР, Типовая конвенция ООН, мягкое право, неопределенность актов мягкого права, толкование актов мягкого права.*

A.V. Nikolaev

THE UNCERTAINTY OF INTERNATIONAL SOFT LAW ACTS AND THEIR INTERPRETATION ON THE EXAMPLE OF OECD AND UN TAX CONVENTIONS

Background: *the Russian doctrine of soft law does not consider the issues of uncertainty of soft law acts and the method of systematically overcoming it. An example is the OECD and UN tax conventions, which are international soft law acts for soft law advocates. The meaning of OECD and UN tax conventions is not a given; choosing among competing interpretations of the conventions requires interpreting their provisions. However, the rules for interpreting soft law acts are not defined.* ***Objective*** *— using the OECD and UN tax conventions as an example, to show that the soft law doctrine misses the problem of uncertainty in soft law acts and to demonstrate ways to address this problem.* ***Methodology:*** *dialectical method of cognition, comparative method, systematic method.* ***Results:*** *based on the theoretical principles of legal science and using the analogy of the practice of interpreting international treaties, the author demonstrates the possibility of developing rules for the systematic interpretation of OECD and UN tax conventions as international soft law acts,*

© Николаев Алексей Викторович, 2025
Старший преподаватель кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института (Сибирский федеральный университет); e-mail: nikolaev_aleksei@mail.ru
© Nikolaev Aleksey Viktorovich, 2025
Senior Lecturer at the Department of Entrepreneurial, Competition and Financial Law of Law Institute (Siberian Federal University)

noting also the inaccuracies of the result obtained. ***Conclusions:*** *the doctrine of soft law needs to pay attention to the problem of uncertainty of soft law acts; this problem and the task of systematic interpretation of soft law acts can be solved in the manner we have demonstrated using the example of the OECD and UN tax conventions.*

Keywords: *OECD Model Tax Convention, UN Model Double Taxation Convention, soft law, uncertainty of soft law acts, interpretation of soft law acts.*

О правовой природе Модельной конвенции Организации экономического сотрудничества и развития в отношении налогов на доходы и капитал[1] (далее — МК ОЭСР) и Типовой конвенции Организации Объединенных Наций об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами[2] (далее — ТК ООН) однозначно можно сказать, что они не являются международными договорами в значении Венской конвенции о праве международных договоров[3] (далее — Венская конвенция). Возможный вариант их квалификации — отнесение к актам так называемого soft law (мягкого права). Например, с точки зрения А.И. Савицкого, МК ОЭСР и ТК ООН представляют собой мягкое право в международном налоговом праве [1, с. 107–126], сходным образом А.В. Демин именует МК ОЭСР с Комментариями к ней и ТК ООН наиболее известными документами мягкого права, где МК ОЭСР демонстрирует степень влияния мягкого права даже в отношениях стран, не связанных членством в ОЭСР [2, с. 176].

Мягкое право — феномен, описываемый его сторонниками во множестве доктринальных подходов, в то время как противники мягкого права возражают против самого его существования [2, с. 176–182; 3, с. 8–12]. Аргументы оппонирующих сторон не предмет нашего исследования, поэтому для целей данной работы мы презюмируем существование мягкого права без анализа возможных pro et contra и принимаем квалификацию правовой природы МК ОЭСР и ТК ООН как актов (документов) мягкого права.

Роли документов мягкого права многообразны. Так, А.В. Демин указывает на функцию актов мягкого права помогать в толковании официальных источников налогового права и приводит в пример активное использование отечественными судами и фискальными органами МК ОЭСР и Комментариев к ней при толковании Соглашения об избежании двойного налогообложения (далее — СИДН) с российским участием [2, с. 190–191]. Другая функция МК ОЭСР и ТК ООН — служить моделью при заключении СИДН, в том числе с обращением к МК ОЭСР государств без членства в ОЭСР или с использованием ТК ООН государствами,

[1] См.: OECD (1977), Model Tax Convention on Income and on Capital: Report of the OECD Committee on Fiscal Affairs 1977, OECD Publishing, Paris (в ред., действовавшей в момент подготовки настоящей публикации: OECD (2017), Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2017-en) (дата обращения: 25.06.2025).

[2] См.: United Nation Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries (1980). New York: UN, 1980 (в ред., действовавшей в момент подготовки настоящей публикации: United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries: 2021 Update. New York: UN, 2021. URL: https://doi.org/10.18356/9789210001007) (дата обращения: 25.06.2025).

[3] См.: Венская Конвенция о праве международных договоров: Вена, 23.05.1969 // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37, ст. 772.

состоящими в ОЭСР [4, с. 131, 135; 5, с. 43][1]. Но, включая мягкое право в число правовых источников, снижающих правовую неопределенность в налоговом праве (конкретно — в трансграничных налоговых отношениях) [2, с. 174–197], упоминая документы мягкого права в контексте ограничителей усмотрения налоговых органов как ориентира для правоприменителя при формировании дискреционного решения [6, с. 103], указывая «“мягко-правовые” рекомендации» как способ урегулирования дискреционных полномочий налоговых органов, имеющих «не правовой, а организационный характер», которые «объективно не подлежат ограничению» [6, с. 114], сторонник мягкого права не рассматривает возможность неопределенности актов мягкого права и не ищет системных путей ее преодоления. Словно текст МК ОЭСР и ТК ООН непосредственно, без какой-либо надобности в толковании переносится договаривающимися государствами на страницы заключаемого СИДН или используется судами при разрешении спора о применении положения действующего СИДН.

Между тем вспомним, как почти четверть века назад значение термина СИДН «бенефициарный собственник» выводилось не из буквального текста МК ОЭСР, а из анализа Комментариев к ней и позиции ОЭСР [7, с. 30–36]. Есть примеры менее отдаленные во времени. Так, оспаривается функция бенефициарного собственника (ст. 10–12 МК ОЭСР) быть правилом против избежания налогов. В ходе организованной в 2011–2014 гг. ОЭСР дискуссии о новеллах Комментариев к ст. 10–12, разъясняющих положение о бенефициарном собственнике, дискутанты предлагали указать в Комментариях, что оно не используется для предотвращения злоупотреблений СИДН[2], и даже сегодня в зарубежной доктрине полагают, что использование положения ст. 10–12 о бенефициарном собственнике против treaty shopping[3] — ошибка, поскольку с самого начала положение призвано

[1] И.А. Хаванова не позиционирует себя сторонником или противником мягкого права и не употребляет термин «акт/документ мягкого права» в отношении МК ОЭСР и ТК ООН, но данные ею признаки и характеристика МК ОЭСР позволяют стороннику доктрины мягкого права признать в ней документ мягкого права [4, с. 132–133].

[2] См.: Discussion Draft – Clarification of the Meaning of «Beneficial Owner» in the OECD Model Tax Convention («the Discussion Draft»). Standard Chartered Bank. July 22, 2011. URL: https://web-archive.oecd.org/2012-06-14/93594-48432651.pdf (дата обращения: 25.06.2025)

[3] Данный термин международного налогового права является общераспространенным и воспринимается как устойчивый, но необходимо отметить, что его значение развивалось, усложняясь. Из Комментариев к ст. 10–12 МК ОЭСР 1977 г. о правиле бенефициарного собственника следует, что изначально treaty shopping заключался в выплате дохода, причитавшегося лицу из государства, не участвующего в СИДН, агенту (agent) этого лица или номинальному владельцу (nominee), зарегистрированным в договаривающемся государстве. Затем практика перестала ограничиваться привлечением агентов и номинальных владельцев и в докладе ОЭСР 1986 г. о кондуитных компаниях уже говорилось о treaty shopping как практике, когда компания, резидент договаривающегося государства, играет роль «канала», по которому доход поступает в распоряжение лицу — резиденту третьего государства, получающему благодаря этой компании возможность воспользоваться договорными льготами СИДН, на это лицо не распространяющегося. (См.: R(6). Double Taxation Conventions and the Use of Conduit Companies, in OECD (2019), Model Tax Convention on Income and on Capital 2017 (Full Version), OECD Publishing, Paris. URL: https://doi.org/10.1787/g2g972ee-en (дата обращения: 25.06.2025).) Далее treaty shopping стал включать случаи, когда резидент договаривающегося государства выбирает вместо СИДН с государством резидентства контрагента комбинацию нескольких СИДН, дающую ему бóльшие налоговые преимущества, и направляет денежные потоки в соответствующие договаривающиеся государства, что прослеживается в канадских делах 2008 г. Prévost Car Inc. и 2012 г. Velcro Canada Inc. (См.: Tax Court of Canada Judgments: Prevost Car Inc. v. The Queen. URL: https://decision.tcc-cci.gc.ca/tcc-cci/decisions/en/item/28612/index.do (дата обращения: 25.06.2025); Federal Court of Appeal Decision: Canada v. Prévost Car Inc. URL: https://decisions.fca-caf.gc.ca/fca-caf/decisions/en/item/36329/index.

только распределять доход сообразно целям соответствующих статей СИДН [8, p. 1–49; 9, p. 1–4, 18–23]. В другом случае отмечается, что суды стран Евросоюза и Суд Евросоюза квалифицируют внутренние правила тонкой капитализации, применимые только к отношениям с нерезидентами как несовместимые с принципом недискриминации МК ОЭСР. Напротив, российская высшая арбитражная инстанция в деле ОАО «УК "Северный Кузбас"» признала использование ст. 269 НК РФ, применимой только к отношениям с нерезидентами, соответствующим тем же положениям МК ОСЭР о недискриминации [10, p. 26–38]. При этом заложенная в ст. 3 МК ОЭСР и ТК ООН схема толкования СИДН не применима для поиска ответа на вопрос, верны ли приведенные интерпретации самих положений МК ОЭСР.

Итак, роль МК ОЭСР и ТК ООН как модели для заключения СИДН и как элемента толкования действующего СИДН сопряжена с толкованием положений самих конвенций, значение которых не является непосредственной данностью. Только прибегнув к толкованию МК ОЭСР и ТК ООН, договаривающиеся государства и суды могут сделать выбор из числа конкурирующих интерпретаций и противоречащих друг другу подходов. Но каковы правила толкования актов мягкого права, в частности международных актов?

Правила толкования норм права представляют собой пример правовой традиции, а не законодательного и иного нормативно-правового урегулирования. Нормативное закрепление в Венской конвенции и в СИДН правил толкования международных договоров — исключение из правила, к тому же не применимое к МК ОЭСР и ТК ООН, не являющимся международными договорами. В таком случае помощь в толковании актов мягкого права мы будем искать в правовой науке, наиболее подходящим направлением которой нам видится юридический неопозитивизм.

Упрощенно, через призму юридического неопозитивизма мягкое право должно выглядеть как система актов мягкого права, являющихся словесным выражением мысли их авторов. Образуя совокупность, акты мягкого права или положения обособленного документа мягкого права переплетены внутренними логическими связями и выстроены как более-менее совершенная система соподчинения и распределения. Система не может быть последовательно логической и непротиворечивой, что ставит перед наукой и практикой мягкого права задачу добиться более совершенного словесного выражения и смыслового понимания юридических текстов, освобождая тем самым систему от противоречий. Это относит науку о мягком праве к разряду описательных наук, направленных на лингвистический анализ, а юридическая практика пользуется инструментами (приемами) такого лингвистического анализа для выявления мысли авторов ак-

do (дата обращения: 25.06.2025); Tax Court of Canada Judgments: Velcro Canada Inc. v. The Queen. URL: https://decision.tcc-cci.gc.ca/tcc-cci/decisions/en/item/30726/index.do?r=AAAAAQArVmVsY3JvIENhbmFkYSBJbmMuIHYuIEhlciBNYWplc3R5IHRoZSBRdWVlbgE (дата обращения: 25.06.2025).) Наконец, в 2015 г. ОЭСР в итоговом отчете по действию 6 плана BEPS отметило: случаи, когда резидент договаривающегося государства, в котором получен доход, стремится получить договорные льготы (например, переводом места жительства в другое договаривающееся государство или привлекая юридическое лицо, учрежденное в этом другом государстве), а также стратегии, основанные на использовании постоянных представительств в низконалоговых юрисдикциях, могут полагаться формой treaty shopping. (См.: OECD (2015), Preventing the Granting of Treaty Benefits in Inappropriate Circumstances, Action 6 – 2015 Final Report, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project, OECD Publishing, Paris. Note 2 and Par. 24. URL: https://dx.doi.org/10.1787/9789264241695-en (дата обращения: 25.06.2025).)

тов мягкого права. Полагаем, правила научного лингвистического анализа текста сущностно одни, будь анализируемый текст художественным повествованием, законом, международным договором или документом мягкого права. Венская конвенция под наименованием «Правила толкования» нормативно закрепила приемы толкования международных договоров, то есть текстов нормативных документов из сферы международных договорных отношений государств. Принадлежность МК ОЭСР и ТК ООН в качестве документов мягкого права к той же сфере международных договорных отношений государств позволяет, по нашему мнению, в случае их толкования по аналогии прибегнуть к приемам, закрепленным в Венской конвенции.

С этих позиций: (1) толкование МК ОЭСР и ТК ООН как актов мягкого права заключается в выявлении инструментами лингвистического анализа мысли авторов их положений, при котором анализируемыми текстами будут соответствующие положения МК ОЭСР и ТК ООН; (2) их толкование должно производиться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам положений налоговых конвенций в их контексте, а также в свете объекта и целей МК ОЭСР и ТК ООН соответственно; (3) Комментарии к МК ОЭСР и ТК ООН выступают соглашениями, относящимися к соответствующей налоговой конвенции, достигнутыми всеми участниками в связи с их заключением, составляющими контекст для целей толкования МК ОЭСР и ТК ООН как актов мягкого права; (4) протоколы заседаний и другие документы рабочих групп по проектам МК ОЭСР и ТК ООН, поправкам к ним и поправкам к Комментариям служат дополнительными средствами толкования положений МК ОЭСР и ТК ООН как положений актов мягкого права.

Так, оценивая отказ считать положение ст. 10–12 МК ОЭСР о бенефициарном собственнике правилом против избежания налогов, отметим, что это положение присутствует в МК ОЭСР с момента ее утверждения в 1977 г. Цель МК ОЭСР 1977 г. раскрыта в Комментариях к ст. 1 как содействие обмену товарами и услугами и перемещению капитала и лиц путем устранения международного двойного налогообложения, что, однако, не должно способствовать избежанию налогов или уклонению от уплаты налогов. То есть МК ОЭСР 1977 г. и заключаемые на ее базе СИДН служат устранению двойного налогообложения, не предоставляя при этом налогоплательщику возможности обойти налогообложение. Цель устранения международного двойного налогообложения требует максимально формального правила распределения дохода, но оговорка о лишении при этом налогоплательщика возможности избежать налога или уклониться от его уплаты требует перехода от формальных к более жестким условиям предоставления налоговых льгот. В ст. 10–12 МК ОЭСР 1977 г. требование быть бенефициарным собственником ужесточает формальное требование к получателю дивидендов, процентов или роялти, претендующего на получение предусмотренных в этих статьях налоговых льгот, быть резидентом другого договаривающегося государства. Комментарии к ст. 10–12 МК ОЭСР 1977 г. дают понять, что ужесточение направлено на исключение возможности получения рядом лиц, не являющихся бенефициарным собственником, налоговой льготы, предусмотренной этими статьями.

Протоколы рабочей группы по проекту МК ОЭСР окончательно проясняют, что мысли авторов положения о бенефициарном собственнике были направлены

на придание ему роли правила против избежания налога. Автором закрепленного в ст. 10–12 МК ОЭСР 1977 г. положения является делегация Соединенного Королевства, предложившая делегатам других стран — участниц ОЭСР учесть в проекте ст. 10 и 11 МК ОЭСР опыт включения положения о бенефициарном собственнике сначала в протокол 1966 г. к британо-американскому соглашению 1945 г., а затем в последующие СИДН с участием Соединенного Королевства. Британская делегация характеризовала такой подход к заключению СИДН как меру против treaty shopping, которой недостает проекту МК ОЭСР вопреки смыслу самой МК ОЭСР[1]. Обоснованно полагаем, что указанным смыслом МК ОЭСР является упомянутое устранение двойного налогообложения без предоставления налогоплательщику возможности избежать налога или уклониться от его уплаты. Отрицание, что при утверждении в 1977 г. ст. 10–12 МК ОЭСР положению о бенефицарном собственнике была отведена роль правила против избежания налогов, противоречит толкованию, выявившему мысль авторов положения. Положения ТК ООН 1980 г. о бенефициарном собственнике воспроизвели положения МК ОЭСР 1977 г., а Комментарии к ним применили выдержки из Комментариев к МК ОЭСР, что распространяет на ТК ООН вывод об изначальной направленности содержащегося в ней положения о бенефицирном собственнике против treaty shopping.

Теперь обратимся к вопросу о совместимости внутренних правил тонкой капитализации, применимых только к отношениям с участием нерезидентов, с положениями о недискриминации, присутствующими в МК ОЭСР с 1977 г. В наиболее ясной форме мысли авторов положений МК ОЭСР выразил документ пересмотра Комментариев к ним, где рассматривалась ситуация внутреннего правила тонкой капитализации не только напрямую, но и косвенно ограничивающего свое действие исключительно отношениями с нерезидетами. И был сделан вывод о приоритете положений МК ОЭСР о недискриминации и основанных на них положений СИДН над подобным внутренним правилом тонкой капитализации[2]. С 1980 г. положения ТК ООН о недискриминации воспроизводят положения МК ОЭСР, а Комментарии к ним применяют выдержки из Комментариев к МК ОЭСР, что делает толкование МК ОЭСР применимым к ТК ООН. Однако в Комментариях к ТК ООН также отражено расхождение развивающихся стран с развитыми: ряд стран первой группы отказались считать дискриминацией особые меры, применяемые к предприятиям с участием иностранцев, если ко всем таким предприятиям применяется один и тот же режим, предложив соответствующую поправку в положение ТК ООН (воспроизведенную в Комментариях), в то время как ряд государств второй группы это отвергли, считая положения о недискриминации МК ОЭСР основополагающими. Таким образом, позиция суда в деле ОАО «УК “Северный Кузбасс”» не соответствует подходу, заложенному в положения МК ОЭСР о недискриминации, но совпадает с позицией, выраженной рядом государств при работе над текстом ТК ООН и Комментариев к ней.

[1] См.: Протоколы заседаний рабочей группы с участием делегации Соединенного Королевства, воспроизведенные в приложениях к Avery J. J., Vann R. and Wheeler J. OECD Discussion Draft «Clarification of the Meaning of “Beneficial Owner” in the OECD Model Tax Convention». July 15, 2011. URL: https://web-archive.oecd.org/2012-06-14/93659-48420432.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

[2] См.: Application and Interpretation of Article 24 (Non-Discrimination). Public discussion draft, 3 May 2007. Par. 1. URL: https://web-archive.oecd.org/2013-02-18/137442-38516170.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

МК ОЭСР и ТК ООН в качестве типовых примеров актов мягкого права демонстрируют (1) наличие проблемы неопределенности актов мягкого права и (2) отсутствие в доктрине мягкого права внимания к этой проблеме и, как следствие, к вопросам толкования актов мягкого права. Предложенный нами вариант решения проблемы в отношении МК ОЭСР и ТК ООН обладает «узкими» местами: (1) для отечественных юристов проблемой может стать иностранный язык текстов толкуемых актов и документов; (2) проблемой станет поиск документов, отнесенных нами к «дополнительным средствам толкования», и доступ к ним; (3) приемы толкования, аналогичные предусмотренным Венской конвенцией, не обязательно подойдут другим актам (документам) мягкого права. Неосведомленность об источниках документов, необходимых для толкования, нередко малая публичность таких источников, а также иностранный язык текстов толкуемых актов мягкого права и привлекаемых документов представляются серьезным практическим вызовом. Поэтому темой исследований актов мягкого права должна стать проблема конкретных случаев их неопределенности с поиском ответов на вопросы о приемах толкования, о документах, необходимых для такого толкования, и об источниках этих документов.

Библиографический список

1. *Савицкий А.И.* Международное налоговое право: Общая часть: электронное учебное издание. Екатеринбург: Савицкий А.И., 2018. 366 с.

2. *Демин А.В.* Неопределенность в налоговом праве и правовые способы ее преодоления: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. 452 с.

3. *Кудряшов В.В.* «Мягкое право» как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права // Финансовое право. 2013. № 4. С. 8–12.

4. *Хаванова И.А.* Избежание двойного налогообложения и предотвращение уклонения от налогообложения в условиях взаимодействия национального и международного права: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. 415 с.

5. *Хаванова И.А.* К дискуссии о правовой природе Официального комментария к Модельной налоговой конвенции ОЭСР // Финансовое право. 2016. № 5. С. 43–46.

6. *Демин А.В.* Диспозитивность в налоговом праве. Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2017. 188 с.

7. *Мачехин В., Аракелов С.* Фактическое право на получение дохода в международных налоговых договорах Российской Федерации // Законодательство. 2001. № 9. С. 30–36.

8. *Kuzniacki B.* Beneficial Ownership in International Taxation and Biosemantics — Why a Redundant, Paradoxical and Harmful Concept Can Be a Potent Weapon in the Hands of the Tax Authorities // Bulletin for International Taxation. 2023. February. P. 42–53.

9. *Kuzniacki B.* Determining the Beneficial Owner of Dividend Income Compared to Other Items of Income in International Taxation: nihil sub sōle novum // Nordic Tax Journal. 2024. No 1. P. 1–28.

10. *Elliffe C.* Unfinished Business: Domestic Thin Capitalization Rules and the Non-Discrimination Article in the OECD Model // Bulletin for International Tax. 2013. Vol. 67, no 1. P. 26–38.

References

1. *Savitskiy A.I.* International Tax Law: General Issues: Electronic Textbook for Master Students. Yekarerinburg: Savitsky A.I., 2018. 366 p.

2. *Demin A.V.* Uncertainty in Tax Law and Legal Ways to Overcome it: Diss. … Doc. Jurid. Sciences. M., 2014. 452 p.

3. *Kudryashov V.V.* Soft Law as International Financial Regulation Method in the Foreign Financial Law Doctrine // Financial Law. 2013. No 4. P. 8–12.

4. *Khavanova I.A.* Avoidance of Double Taxation and Prevention of Tax Evasion in the Context of Interaction of National and International Law: Diss. ... Doc. Jurid. Sciences. M., 2016. 415 p.

5. *Khavanova I.A.* Revisiting Discussion on Legal Nature of the Official Comment to the Model Tax Convention of the Organization for Economic Cooperation and Development // Financial Law. 2016. No 5. P. 43–46.

6. *Demin A.V.* Dispositivity in Tax Law. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2017. 188 p.

7. *Machekhin V., Arakelov S.* Actual Right to Receive Income in International Tax Treaties of the Russian Federation // Legislation. 2001. No. 9. P. 30–36.

8. *Kuzniacki B.* Beneficial Ownership in International Taxation and Biosemantics — Why a Redundant, Paradoxical and Harmful Concept Can Be a Potent Weapon in the Hands of the Tax Authorities // Bulletin for International Taxation. 2023. February. P. 42–53.

9. *Kuzniacki B.* Determining the Beneficial Owner of Dividend Income Compared to Other Items of Income in International Taxation: nihil sub sōle novum // Nordic Tax Journal. 2024. No. 1. P. 1–28.

10. *Elliffe C.* Unfinished Business: Domestic Thin Capitalization Rules and the Non-Discrimination Article in the OECD Model // Bulletin for International Tax. 2013. Vol. 67, No 1. P. 26–38.

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ
In Dissertation Councils

В сентябре–декабре 2025 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

24 декабря — Коренной Анной Анатольевной на тему «Теоретическая модель уголовно-правовой охраны экономической деятельности».

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Научный консультант — доктор юридических наук, профессор Н.А. Лопашенко.

25 декабря — Рукавишниковым Сергеем Михайловичем на тему «Механизм административно-правового регулирования в сфере высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный консультант — доктор юридических наук, профессор А.Ю. Соколов.

НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

19 сентября — Михайловой Беллой Сергеевной на тему «Судопроизводство по делам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент А.В. Чекмарева.

2 октября — Китровой Екатериной Валерьевной на тему «Административно-правовое регулирование системы подготовки научных и научно-педагогических кадров в Российской Федерации».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.Ю. Соколов.

23 октября — Соделем Олегом Викторовичем на тему «Финансово-правовое регулирование обращения цифровых финансовых активов».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Е.Г. Беликов.

13 ноября — Возиком Никитой Романовичем на тему «Средства массовой информации в условиях информационного общества в России: конституционно-правовое исследование».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Т.В. Заметина.

13 ноября — Воробьевой Динарой Сергеевной на тему «Конституционно-правовое регулирование защиты прав ребенка в Российской Федерации и зарубежных странах (на примере Великобритании, Ирландии и США): сравнительно-правовой анализ».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор В.С. Хижняк.

20 ноября — Дорошок Ларисой Сергеевной на тему «Бюджетное обязательство в системе бюджетного права и законодательства Российской Федерации».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Е.В. Покачалова.

20 ноября — Дорошок Татьяной Сергеевной на тему «Кредитные организации как участники правоотношений в сфере государственного финансового контроля».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор М.Б. Разгильдиева.

20 ноября — Карамышевым Денисом Андреевичем на тему «Институт налоговых споров (финансово-правовое исследование)».
Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Е.В. Покачалова.

5 декабря — Горябиным Алексеем Анатольевичем на тему «Принципы упрощенного производства в арбитражном процессе».
Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор О.В. Исаенкова.

5 декабря — Кожуховой Ангелиной Сергеевной на тему «Определение компетенции судов в цивилистическом процессе».
Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент Е.С. Смагина.

5 декабря — Иванюк Ольгой Степановной на тему «Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения споров, возникающих из договора о реализации туристского продукта».
Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Т.В. Соловьева.

11 декабря — Медведевым Богданом Александровичем на тему «Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти: административно-правовой аспект».
Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.Ю. Соколов.

18 декабря — Дудко Георгием Николаевичем на тему «Казуальное толкование юридических норм: теория, практика, техника».
Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент С.Ю. Суменков.

18 декабря — Сафаряном Яковым Геннадьевичем на тему «Правовое обеспечение экологической безопасности городов».
Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент Е.Н. Абанина.

24 декабря — Каплуновым Алексеем Сергеевичем на тему «Проблемы формирования государственного обвинения и его поддержания в суде с участием присяжных заседателей».
Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент И.В. Овсянников.

25 декабря — Новиковой Анной Ивановной на тему «Конституционное право на участие граждан в отправлении правосудия в России, Республике Беларусь и Республике Казахстан: сравнительно-правовое исследование».
Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Т.В. Заметина.

ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц — внизу по центру; поля — все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее количество страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.). Ссылки на нормативные правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору сохраняются. Файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М. И._статья»).

1.2. Каждая статья или другие материалы должна начинаться: а) индексом УДК; б) сведениями об авторе(ах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны); в) названием; г) аннотацией (введение, цель, методологическая основа, результаты, выводы) объемом 100–150 слов (не должна повторять название и основное содержание текста); д) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

2. Оформление рисунков и таблиц: таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над таблицей с выравниваем по центру (для рисунков – под рисунком с выравниванием по центру). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

3. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

4. Рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания.

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с опубликованием рукописей, принимаются по тел. (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. В частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:
410056, г. Саратов, им. Н. Г. Чернышевского ул., зд. 104, стр. 3.
Тел.: (8452) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru
Сайт: http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv